

Преступники и преступления с древности до наших дней. Заговорщики. Террористы

Заговорщики античности

ЗРЕЛИЩЕ ДЛЯ ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ (ГЕРОДОТ)¹

Кандавл, которого эллины называют Мирсилом, был тираном² Сард.³ Этот Кандавл был очень влюблен в свою жену и, как влюбленный, считал, что обладает самой красивой женщиной на свете. Был у него среди телохранителей некий Гигес, сын Ласкила, которого он особенно ценил. Этому-то Гигесу Кандавл доверял самые важные дела и даже расхваливал красоту своей жены. Вскоре после этого (ведь Кандавлу предречен был плохой конец) он обратился к Гигесу с такими словами: «Гигес, ты, кажется, не веришь тому, что я говорил тебе о красоте моей жены (ведь ушам люди доверяют меньше, чем глазам), поэтому постарайся увидеть ее обнаженной». Громко вскрикнув от изумления, Гигес отвечал: «Что за неразумные слова, господин, ты говоришь! Ты велишь мне смотреть на обнаженную госпожу? Ведь женщины вместе с одеждой совлекают с себя и стыд! Давно уже люди узнали правила благопристойности и их следует усваивать. Одно из них главное: всякий пусть смотрит только за своим. Я верю, что она красивее всех женщин, но все же прошу: не требуй от меня ничего, противного обычаям».

Так говорил Гигес, пытаясь отклонить предложение царя в страхе попасть из-за этого в беду. Кандавл же возразил ему такими словами: «Будь спокоен, Гигес, и не бойся! Я сказал это не для того, чтобы испытать тебя, и моя жена тебе также не причинит никакого вреда. Я подстрою сначала все так, что она даже и не заметит, что ты ее увидел. Тебя я поставлю в нашем спальном покое за закрывающейся дверью. За мной войдет туда и жена, чтобы возлечь на ложе. Близко от входа стоит кресло, куда жена, раздеваясь, положит одну за другой свои одежды. И тогда ты сможешь спокойно ею любоваться. Если же она направится от кресла к ложу и повернется к тебе спиной, то постарайся выйти через дверь, чтобы она тебя не увидела».

Тогда Гигес уже не мог уклониться от такого предложения и выразил свою готовность. Когда Кандавл решил, что настала пора идти ко сну, то провел Гигеса в спальный покой, куда затем тотчас же пришла и жена. И Гигес любовался, как она вошла и сняла одежды. Как только женщина повернулась к нему спиной, Гигес постарался, незаметно ускользнув, выйти из покоя. Тем не менее женщина видела, как он выходил. Хотя она поняла, что все это подстроено ее мужем, но не запрыгала от стыда, а, напротив, показала вид, будто ничего не заметила, в душе же решила отомстить Кандавлу. Ведь у лидийцев⁴ и у всех прочих варваров считается великим позором, даже если и мужчину увидят нагим.

Как ни в чем не бывало женщина хранила пока что молчание. Но лишь только наступил

---

¹ Геродот, «отец истории», знаменитый древнегреческий историк V в. до н. э.

² Тиран (древнегреч.) — правитель.

³ Сарды — древний город на востоке полуострова Малая Азия.

⁴ Лидия — в древности область на востоке Малой Азии, столица Сарды. В VII–VI вв. существовало могущественное Лидийское царство, которое в VI в. было завоевано персами.

день, она велела своим самым преданным слугам быть готовыми и позвать к ней Гигеса. Гигес же пришел на зов уверенный, что ей ничего не известно о происшествии, так как и прежде он обычно приходил всякий раз, как царица его призывала к себе. Когда Гигес предстал перед ней, женщина обратилась к нему с такими словами: «Гигес, перед тобой теперь два пути; даю тебе выбор, каким ты пожелаешь идти. Или ты убьешь Кандавля и, взяв меня в жены, станешь царем лидийцев, или сейчас же умрешь, для того чтобы ты, как верный друг Кандавля, и в другое время не увидел, что тебе не подобает. Так вот, один из вас должен умереть: или он, соблазвивший тебя на этот поступок, или ты, который совершил непристойность, увидев мою наготу». Пораженный ее словами, Гигес сначала не знал, что ответить, а затем стал молить царицу не вынуждать его к такому страшному выбору. Гигесу не удалось же убедить ее. Тогда, видя, что выбор неизбежен — или убить своего господина, или самому пасть от руки палачей, — он избрал себе жизнь и обратился к царице с таким вопросом: «Так как ты заставляешь меня против воли убить моего господина, то скажи же, как мы с ним покончим?» На это царица дала такой ответ: «Мы нападём на него на том самом месте, откуда он показал тебе меня обнаженной, и ты убьешь его во время сна».

Обдумав совместно этот коварный план, Гигес с наступлением ночи проник в спальню покой вслед за женщиной (ведь она не отпускала Гигеса; выход ему был отрезан, и предстояло или самому умереть, или умертвить Кандавля). Тогда царица дала ему кинжал и спрятала за той же дверью. Когда же Кандавл заснул, Гигес, крадучись, пробрался к нему и, заколов его, овладел таким образом женой и царством. Об этом рассказывает также Архилох из Пароса,⁵ который жил в то время, в ямбическом триметре.

Так-то Гигес овладел царством, и дельфийский оракул подтвердил его право на престол изречением.

Геродот. История. Цит. по кн.: Историки античности. — М.: Правда, 1989.

ПОКУШЕНИЯ НА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Весною 330 года Александр отдыхал со своим войском в столице Дрангианы.⁶ Македонская конница Филоты и гипасписты⁷ тоже находились при нем; их предводитель Никанор, брат начальника кавалерии Филоты, умер недавно, что было тяжелой потерей для царя; он приказал брату торжественно похоронить его. Их отец, старый соратник царя Филиппа,⁸ Парменион с главной частью остального войска стоял в далекой Мидии, охраняя путь на родину и несметные сокровища персидского царства, следующей весной он должен был снова примкнуть к главной армии. «В это время Александр получил донесение об измене Филоты», — говорит античный историк Арриан и затем в общих чертах излагает, как было поступлено с последним. Источник, которому следуют древнегреческие авторы Диодор, Курций и Плутарх, рассказывает об этом деле подробнее, но более ли он соответствует истине, это остается вопросом открытым. Эти писатели рассказывают в существенных чертах следующее.

В числе окружавших царя недовольных находился Димн из Халестры в Македонии. Он открыл Никомаху, с которым находился в любовной связи, что его честь оскорблена царем и что он решился отомстить за себя; знатные лица разделяют его образ мыслей и везде желают перемены положения вещей; царь, ненавистный и стоящий теперь поперек всем, должен

---

⁵ Архилох — древнегреческий поэт VII в. до н. э.

⁶ Дрангиана — область в Иране.

⁷ Гипасписты — гвардейцы македонских царей.

⁸ Филипп II — царь Македонии, убит в 336 г. до н. э., отец Александра Великого.

быть устранен с дороги; через три дня он будет убит.

Боясь за жизнь царя, но робея личнооткрыть ему о таком важном деле, Никомах сообщает о злодейском плане своему брату Кевалину и умоляет его поспешить с доносом. Его брат отправляется во дворец, где живет царь; чтобы не обратить на себя внимания, он ожидает при выходе одного из стратигов, которому он мог бы открыть об опасности. Филота оказывается первым, которого он видит; он передаетему о том, что узнал, и возлагает на него ответственность за быстроту донесения и за жизнь царя. Филота возвращается к царю и говорит с ним о посторонних предметах, но не о близкой опасности; на вопросы пришедшего к нему вечером Кевалина он отвечает, что ему не удалось ничего сделать и что на следующий день еще есть достаточно времени. Но Филота молчит и на следующий день, хотя не раз находится наедине с царем. Кевалин начинает подозревать; он обращается к Метрону, одному из царских пажей, сообщает ему о близкой опасности и требует от негоустроить ему наедине разговор с царем. Метрон проводит его в оружейную комнату Александра, рассказывает последнему во время омовения о том, что ему открыл Кевалин, и затем впускает его самого. Кевалин дополняет рассказ, говорит, что он не виноват в том, что это донесение замедлилось, и что он, ввиду странного поведения Филоты и ввиду опасности в случае дальнейшего промедления, счел своим долгом непосредственно сделать царю это донесение. Александр выслушивает его с глубоким волнением; он приказывает немедленно взять Лимна под стражу. Последний видит заговор открытым, свой план неудавшимся и лишает себя жизни. Затем царь призывает к себе Филоту; последний уверяет, что считал это дело хвастовством Димна и не стоящим того, чтобы говорить о нем; он признает, что самоубийство Лимна поразило его, но царь знает его образ мыслей. Александр отпускает его, не выразив сомнений в его верности, и приглашает его присутствовать за его столом и сегодня. Он созывает однако тайный военный совет и сообщает ему о случившемся. Опасения его верных друзей увеличивают подозрения царя относительно дальнейших разветвлений заговора и возбужденную в нем загадочным поведением Филоты тревогу; он приказывает хранить глубочайшее молчание об этом сообщении и приглашает своих соратников Гефестиона и Кратера, Кена и Эригия, Пердикку и Леонната явиться к нему в полночь для получения дальнейших приказаний. Верные приближенные собираются к царскому столу, Филота тоже присутствует; расходятся поздно вечером. В полночь являются вышеупомянутые генералы, сопровождаемые немногими вооруженными воинами. Царь приказывает усилить караул во дворце, приказывает занять ворота города, особенно те, которые ведут к Экбатану,⁹ посылает отдельные отряды, чтобы в тишине ночи взять под стражу тех, об участии которых в заговоре ему было сообщено, и отряжает наконец 300 человек к квартире Филоты, с приказом сперва оцепить дом часовыми, затем войти в него, взять гиппарха¹⁰ под стражу и доставить его во дворец. Таким образом проходит ночь.

На следующий день войско созывается на общее собрание. Никто не подозревает о том, что случилось: наконец, в круг входит сам царь: по македонскому обычаю, говорит он, созвал он войско для суда — открылся злодейский умысел против его жизни. Никомах, Кевалин. Метрон дают свои показания, труп Димна является подтверждением их слов. Затем царь называет глав заговора: Филоте, говорит он, было доставлено первое сообщение о том, что на третий день должно совершиться убийство; приходя по два раза в день в царский дворец, ни в первый, ни во второй день он не сказал ни слова. Затем он показывает письма Пармениона, в которых отец советует своим сыновьям Филоте и Никанору: «Заботьтесь

---

⁹ Город в древней Мидии (ныне Иран).

¹⁰ Воинское звание у древних греков.

сперва о себе, затем о своих, таким образом мы достигнем своей цели»; он прибавляет, что этот образ мыслей подтверждается целым рядом фактов и выражений и свидетельствует о гнусной измене; уже после убийства царя Филиппа Филота стал на сторону претендента Аминты; его сестра была супругою Атгала, который долго преследовал его самого и его мать Олимпиаду, старался преградить ему доступ к престолу и, наконец, будучи послан вперед с Парменионом в Азию, возмутился. Несмотря на все, он отличал эту фамилию всевозможными знаками милости и доверия; уже в Египте он очень хорошо знал о дерзких и угрожающих выражениях, которые Филота не раз повторял передгетерой Антигоной, но приписывал их его резкому характеру; это сделало Филоту еще более гордым и надменным. Его двусмысленная щедрость, его разнузданная расточительность, его безумная гордость озабочивали даже его отца и заставляли его предостерегать сына и не избаловать себя слишком рано. Уже давно они более не служат верно царю, и битва при Гавгамеле едва не была проиграна благодаря Пармениону; но современники смерти Дария их предательские планы созрели, и, пока он продолжал доверять им во всем, они назначили день для его убийства, наняли убийц и подготовили ниспровержение существующего порядка. С величайшим волнением, так говорится в описании этого события, слушали македоняне своего царя; но появление скованного Филоты трогает их не менее и возбуждает в них жалость; стратиг¹¹ Аминта начинает говорить против обвиняемого, который с жизнью царя мог у всех них отнять надежду на возвращение на родину. Затем произносит еще более горячую речь стратиг Кен, зять Филоты; он уже схватил камень, чтобы начать суд по македонскому обычаю. Царь удерживает его — сначала Филота должен защищаться; сам он покидает собрание, чтобы своим присутствием не препятствовать свободе защиты. Филота отрицает истину обвинений; он указывает на верную службу свою, своего отца и своих братьев; он признает, что умолчал о доносе Кевалина, чтобы не явиться бесполезным и неприятным передатчиком предостережений, как его отец Парменион в Тарсе, когда тот остерегал царя от лекарства акарнанского врача; но ненависть и страх всегда терзают деспота и это-то именно все они и оплакивают. В крайнем возбуждении македоняне решают, что Филота и остальные заговорщики заслуживают смерти; царь откладывает суд до следующего дня.

Еще недостает признания Филоты, которое в то же время должно осветить вину его отца и его соумышленников. Царь созывает тайный совет; большинство требует немедленного исполнения смертного приговора; Гефестион, Кратер и Кен советуют сперва вынудить у него признание; в этом смысле решает большинство голосов; на трех стратигов возлагается поручение присутствовать при пытке. Среди мучений пытки Филота сознается в том, что он и его отец говорили об убийстве Александра, что они не решились бы на это при жизни Дария, так как выгоды этого достались бы не на их долю, а на долю персов, что он, Филота, поспешил с исполнением замысла, прежде чем смерть, к которой близок его отец, не отнимет его у общего дела, и что он организовал этот заговор без ведома своего отца. С этими показаниями царь является на следующее утро в собрание войска; приводят Филоту, и македоняне пронзают его своими копьями.

Лучшие источники, Птолемей¹² и Аристовул, которым следует Арриан, тоже подтверждают, что уже в Египте до царя дошли сведения о предательских планах Филоты и что дружба, существовавшая между ним и Филотой, и глубокое уважение, с которым он всегда относился к его отцу Пармениону, не допустили его решиться поверить им. Птолемей

---

¹¹ Стратиг — у древних греков — полководец, военачальник.

¹² Птолемей, друг Александра, впоследствии царь Египта, основатель династии Птолемеев, оставил мемуары.

говорит, что царь сам выступил с обвинением перед собравшимися воинами, что Филота защищался и что ему главным образом было вменено в вину то, что он умолчал о доносе. О пытке он не упоминает.

Парменион был тоже признан достойным смерти. Исполнить над ним приговор как можно скорее казалось необходимым: он стоял во главе значительной части войск, а при его большом военном авторитете и при тех сокровищах, охрана которых была ему вверена и которые доходили до многих тысяч талантов,¹³ он легко мог бы склонить к крайним мерам других; даже если он и не принимал никакого непосредственного участия в изменнических планах сына, то после казни последнего казалось возможным самое худшее. Он стоял в Экбатане, на расстоянии 30 или 40 переходов; чего не могло случиться за это время, если бы он возмутился? При таких обстоятельствах царь не должен был пользоваться своим правом помилования, он не мог решиться приказать арестовать полководца открыто и среди столь легко способных на измену войск. В Экбатану к Ситалку, Мениду и Клеандру был послан принадлежавший к отряду этеров¹⁴ Полидамант с письменным приказом царя без шума устранить прочь Пармениона. На быстрых дромадерах, сопровождаемый двумя арабами, Полидамант на двенадцатую ночь прибыл в Экбатану, фракийский князь и два македонских военачальника немедленно исполнили возложенное на них поручение.

В Профазии тем временем следствие велось дальше. Димитрий, один из семи телохранителей, был тоже заключен в тюрьму по подозрению в сношениях с Аминтой,¹⁵ его место занял Птолемей, сын Лага. Сыновья тимфейца Андромена были весьма дружны с Филотой, и Полемон, младший из братьев, служивший в одной из ил¹⁶ конницы, услышав об аресте своего гиппарха Филоты, скрылся бегством в порыве охватившего его страха; тем более вероятным казалось участие в заговоре его и его братьев. Аминта, Симмия и Аттал, бывшие все трое стратигами фалангистов, были тоже привлечены к следствию, и особенно Аминта подвергся различным обвинениям. Он защищал себя и своих братьев таким образом, что македоняне вполне оправдали его; тогда он попросил о милости позволить ему возвратить своего бежавшего брата; царь дозволил это; Аминта уехал в тот же день и привез Полемона обратно. Это и славная смерть, которую Аминта скоро нашел в одном сражении, изгладили в уме царя последние подозрения против братьев, которые впоследствии были отличаемы им всевозможными способами.

Замечательно, что при производстве этого следствия теперь снова выступило на смену дело линкистийца Александра, который четыре года тому назад произвел в Малой Азии покушение на жизнь царя, но по прямому приказу его был тогда только взят под стражу. Действительно ли войско потребовало его казни или нет, но царю могло казаться необходимым предоставить теперь требовавшему этого войску произнести свой приговор над человеком, которого он не подвергал до сих пор заслуженному наказанию по причине того, что наместник Македонии Антипатр был его зятем. Не представляется невероятным и то, что явились новые поводы предать его суду именно теперь; к сожалению, наши источники не дают нам никаких более точных сведений. Но когда Филота признался, что целью заговора было убийство Александра, то первым и уже заранее обдуманном вопросом должно было быть, кто будет после него носить царский венец. Ближайшее право принадлежало Арридею, сыну царя Филиппа, — но, хотя он и находился при войске, никому не могло бы прийти в голову отдать власть в руки человека, который был почти идиотом;

---

¹³ Денежная единица.

¹⁴ Этеры — царские гвардейцы.

¹⁵ Претендент на трон после смерти Филиппа.

¹⁶ Ила — воинское подразделение.

еще менее можно было думать о том, чтобы отдать царский венец человеку, не имеющему никаких прав на престол как, например, Пармениону или его сыну, или кому-либо другому из генералов. Линкистиец мог казаться заговорщикам удобным для этого лицом, тем более, что Антипатра, которого, конечно, надо было главным образом иметь в виду, возвышение зятя могло, как это можно было думать, склонить на сторону нового порядка вещей. Быть может, следует упомянуть о том, что Антипатр, узнав о происшествиях в Профазии и Экбатане, сделал, по-видимому, несколько шагов, непонятных без такого объяснения. Рассказывают, что он завел тайные переговоры с этолянами, которых Александр приказал наказать примерным образом за разрушение преданного ему города Эниад; предосторожность эта не имела в настоящую минуту никаких дальнейших последствий, но не осталась неизвестной царю и, как думали, возбудила в нем такое сильное недоверие, что оно должно было проявиться хотя бы по прошествии многих лет.

Таким образом окончилось это прискорбное дело, прискорбное даже в том случае, если суд над Филотой был справедлив, а убиение Пармениона было политической необходимостью. Происшедшие события не делаются лучше от того, что, по преданиям, Филота, при всей своей личной храбрости и воинской доблести, был жесток, эгоистичен и хитер, что даже отец советовал ему быть осторожнее и не вести себя столь надменно и что Парменион даже в делах, касавшихся его служебного долга, не раз навлекал на себя порицание царя. Царь считал себя обязанным требовать от своих высших офицеров строжайшего повиновения и твердо держать в своих руках бразды дисциплины, тем более, что они находились в самом разгаре войны, — тот факт, что виновных, которых он считал необходимым покарать, он находил в кругу высших начальствующих лиц, был опасным симптомом состояния его войска и первым зловещим изъясном в столь прочном и крепком доньне орудии его могущества, представляющем единственную гарантию его успехов и его дела вообще.

При своей энергии и при умении заставить других повиноваться себе он сумел справиться с разрушительными последствиями этих событий и быстро и вполне взял снова в свои руки возбужденные войска. Но то, что в этой армии не было больше Филоты и Пармениона, было и осталось незаменимой потерей и неизгладимым пятном.

По обычаю, ведшему свое происхождение еще от времен царя Филиппа, сыновья знатных македонян при своем вступлении в юношеский возраст призывались ко двору и начинали свою карьеру и свое военное поприще около особы царя как «царские юноши» и как его «телохранители»; в военное время они составляли его ближайшую свиту, занимали ночной караул в его жилище, подводили ему лошадь, окружали его за столом и на охоте. Они состояли под его непосредственным покровительством, и только он имел право наказывать их, он заботился об их научном образовании и для них главным образом и были приглашены философы, поэты и риторы, сопровождавшие Александра.

В числе этих знатных молодых людей находился Ермолай, сын Сополида. Ермолай, пламенный почитатель философа Каллисфена¹⁷ и его философии, как кажется, с увлечением воспринял мнения и тенденции своего учителя; с юношеским недовольством смотрел он на эту смесь греческих и персидских обычаев и на пренебрежительное отношение к обычаям македонским. На одной охоте, когда перед царем, которому, по придворному обычаю, принадлежало право метнуть дротик первому, выбежал на тропинку кабан, молодой человек позволил себе метнуть дротик первым и положил животное на месте. При других обстоятельствах царь, может быть, и не обратил бы внимания на это нарушение этикета, но так как то был Ермолай, то он посмотрел на этот поступок как на сделанный намеренно, и подверг юношу соответственному наказанию, приказав высечь его и отнять у него лошадь. Ермолай не чувствовал неправоты своего поступка, а только возмутительное оскорбление, которое было ему нанесено. Его близким другом был Сострат, сын того самого тимфейца

---

¹⁷ Каллисфен — племянник и ученик знаменитого древнегреческого ученого Аристотеля.

Аминты, который при процессе Филоты был со своими тремя братьями заподозрен в соучастии и который, чтобы доказать свою полную невинность, искал себе смерти в бою; этому Сострату Ермолай открылся, что если ему не удастся отомстить, то ему жизнь не в жизнь. Склонить на свою сторону Сострата было нетрудно: Александр, сказал он, уже отнял у него отца и теперь опозорил его друга. Оба приятеля посвятили в свою тайну еще четверых других из отряда царских юношей: то были Антипатр, сын бывшего наместника Сирии Асклепидора, Эпимен, сын Арзеи, Антикл, сын Феокрита, и фракиец Филата, сын Карзида, они условились умертвить царя во время сна в ту ночь, когда караул будет занимать Антипатр.

Царь, как рассказывают, ужинал в эту ночь со своими друзьями и затем долее обыкновенного остался в их обществе. Когда же после полуночи он хотел подняться, то одна сирийская женщина, предсказательница, следовавшая за ним многие годы и сначала мало обращавшая на себя его внимание, но мало-помалу внушившая ему уважение к себе и добившаяся того, что он стал ее слушать, — эта сириянка внезапно явилась перед ним, когда он хотел удалиться, и сказала ему, чтобы он оставался и пил всю ночь. Царь последовал этому совету, и таким образом в эту ночь план заговорщиков не удался. Продолжение рассказа имеет более правдоподобный вид; несчастные молодые люди не отказались от своего плана, но решили привести его в исполнение при первом ночном карауле, который придется в их очередь. На следующий день Эпимен увидел своего близкого друга Харикла, сына Менандра, и рассказал ему о том, что уже произошло и что имеет еще произойти. Пораженный Харикл бросился к брату своего друга Эврилоху и заклинал его спасти царя быстрым доносом; Эврилох поспешил в ставку царя и открыл страшный план Лагиду Птолемею. По его доносу царь приказал немедленно арестовать заговорщиков, которые были допрошены и подвергнуты пытке; они раскрыли свои планы, своих соучастников и заявили, что Каллисфен знал об их намерениях; он тоже был взят под стражу. Призванное для военного суда войско изрекло над осужденными свой приговор и исполнило его по македонскому обычаю. Каллисфен, бывший греком и не бывший солдатом, был закован в цепи с тем, чтобы быть преданным суду впоследствии. Александр, как говорят, писал об этом Антипатру: «Юношей побили камнями македоняне, софиста же я хочу наказать сам, а также и тех, которые прислали его ко мне и которые принимают в свои города изменников против меня». По показаниям Аристовула, Каллисфен умер пленником позднее, во время похода в Индию, а по словам Птолемея, он был предан пытке и повешен.

Дройзен Иоганн. История эллинизма. — Ростов н/Д.: Феникс, 1995. — Т.1.

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

Люций Сергий Катилина родился в 108 г. и происходил из старого патрицианского рода. К сожалению, его образ сильно искажен враждебной ему историографией и политической литературой (римскими авторами Саллюстием и Цицероном). Поэтому не легко установить, какая доля истины содержится в рассказах о его чудовищной моральной испорченности, сохраненных традицией. Во всяком случае, Катилина был сулланцем¹⁸ и, по-видимому, широко использовал те возможности к обогащению, которые открывались тогда людям, свободным от излишней щепетильности (впрочем, большинство представителей высшего римского общества было таково).

В 68 г. Катилина служил претором, в 67 г. получил наместничество в Африке. После отбытия срока службы он был привлечен к суду по обвинению в злоупотреблениях. Поэтому, когда в 66 г. Катилина выставил свою кандидатуру в консулы на 65 г., он был отведен по формальным мотивам как состоящий под судом.

Это послужило исходной точкой для первого заговора Катилины. Возможно, что в его

---

¹⁸ Странник диктатора Суллы, умершего в 78 г.

организации какую-то роль играли Кресе¹⁹ и Цезарь.

На 65 г. приходится попытка Каталины произвести переворот. В заговоре принимало участие много представителей римской «золотой молодежи», для которой предприятие сулило легкую возможность избавиться от долгов. Позднее в обществе ходили упорные слухи, что за спиной заговорщиков стояли Кресе и Цезарь. Предполагалось в условленный день (вероятно 1 января 65 г.) убить консулов, выбрать на их место своих сторонников и уничтожить видных сенаторов. После этого Красса должны были назначить диктатором, а Цезаря — начальником конницы. Однако две попытки привести заговор в исполнение не удались по техническим обстоятельствам. Дольше сохранять тайну стало невозможно, и план отложили на неопределенное время. Правительство не рискнуло арестовать заговорщиков, так как прямых улик против них не было, да и боялись тронуть таких влиятельных людей, как Кресе и Цезарь.

Тем временем Катилина был оправдан судом по обвинению в вымогательствах и вновь выставил свою кандидатуру в консулы на 63 г. Его поддерживали демократы. Деньги на предвыборную кампанию дали Кресе и Цезарь. Вторым кандидатом демократическая партия выставила Гая Антония, человека совершенно бесцветного, бывшего сулланца, теперь перешедшего в демократический лагерь из-за выгод, связанных с консульством. Развернулась напряженная борьба. Оптиматы²⁰ и всадники объединились против Каталины и провалили его. Прошел Антоний, который был не страшен как полное ничтожество, и Цицерон. Хотя последний, человек «новый» для нобилитета (он происходил из всаднической семьи) и неустойчивый политически, не пользовался симпатиями в сенаторских кругах, оптиматам приходилось выбирать меньшее из зол, и они предпочли Цицерона.

Еще до вступления в должность Цицерон подкупил своего коллегу, уступив ему без жребия доходноенаместничество в Македонии, и, таким образом, на все время консульства мог действовать самостоятельно.

В первый же день своего служебного года Цицерон очутился лицом к лицу с очень серьезной политической проблемой. Эожди движения, видя, что их планы снова потерпели Црушение, пошли по другому пути. Народный трибун 63 г. Публий Сервилий Рулл внес проект грандиозного аграрного закона. Предполагалось продать большую часть государственных земель в Италии и провинциях и на вырученные суммы купить в Италии у частных лиц и у муниципиев на условии полной добровольности известное количество земли.²¹ Эту землю, с присоединением к ней некоторой части непроданных государственных земель в Италии, законопроект предполагал пустить в раздачу *беднейшим* гражданам без права отчуждения.

Законопроект Рулла был нереален, хотя *бы* по одному тому, что лишал государство всех доходов от сдачи в аренду *ager publicus*. Но его авторы и не преследовали достижения реальных целей в аграрной части закона. У них была другая задача. Для проведения реформы законопроект предусматривал создание комиссии децемвиров, избираемых на 5 лет 17 трибами, определяемыми жребием. Кандидаты должны были представляться народу лично. Децемвиры наделялись большими правами, вплоть до права, в случае надобности, командовать войсками.

---

¹⁹ Марк Лициний Кресе, римский политический деятель, полководец, победитель Спартака.

²⁰ Партия аристократов.

²¹ Деньги, полученные от продажи *agerpublicus*, должны были составить только основной фонд. К ним предполагалось присоединить часть провинциальных налогов и другие суммы.

Смысл всей этой политической махинации был совершенно ясен: добиться выборов в аграрную комиссию своих людей, в частности Цезаря и Красса, не допуская туда Помпея: будучи на Востоке, он не мог лично представиться избирателям. Попав же в децемвиры, Цезарь и Крассе получали огромную власть.

Но именно потому, что законопроект Рулла был сшит белыми нитками, он вызвал против себя сильнейшую оппозицию не только сенаторов и всадников, но даже городского плебса. Оптиматы смертельно боялись демократической диктатуры, в чьем бы образе она ни выступила — Цезаря, Красса, Помпея, Катилины или всех их вместе. Всадников; кроме диктатуры и страшного вопроса о ликвидации долгов, больше всего волновала продажа государственных земель: они немало наживались на аренде этих земель. Наконец, плебс вообще не желал менять праздную жизнь в Риме на трудовое и полуголодное существование в каком-нибудь италийском захолустье.

Цицерон ловко использовал эти настроения в трех своих речах против аграрного закона, произнесенных в начале 63 г. Дальнейшая судьба законопроекта Рулла неизвестна. По-видимому, автор сам взял его обратно. Однако неудачи не сломили энергии Катилины. На 62 г. он в третий раз выставил свою кандидатуру в консулы. Основным пунктом его избирательной программы была кассация долгов. Это дало ему много сторонников из самых различных слоев населения, начиная от разорившихся сулланских ветеранов и кончая видными сенаторами. Одновременно с открытой агитацией шла тайная подготовка к восстанию. Агенты Катилины вербовали сторонников и заготавливали оружие. Одним из центров движения является г. Фезулы в северной Этрурии, где энергичную деятельность развивал бывший сулланский командир Гай Манлий. На юге наиболее горячие из заговорщиков привлекали к заговору рабов.

Мы не знаем, какова была роль Цезаря и Красса в этом «втором заговоре Катилины». Возможно, что они отошли от движения, испуганные его массовым характером. Возможно, однако, что и на этот раз они, находясь за кулисами, продолжали играть роль режиссеров.

Консульские выборы, состоявшиеся, вероятно, поздним летом 63 г., проходили в военной обстановке. Руководивший ими Цицерон надел под тогу панцирь и был окружен вооруженной охраной. Катилина и на этот раз потерпел поражение: избранными оказались Лициний Мурена и Юний Силан.

Тогда заговорщики решили прибегнуть к открытому перевороту. Восстание назначено было на конец октября. 25-го Манлий должен был выступить в Этрурии.²² В это же приблизительно время предполагалось начать восстания в Капуе и Апулии, захватить г. Пренесте и совершить переворот в самом Риме.

Цицерон узнал об этих планах через некую Фульвию, любовницу Квинта Курия, одного из заговорщиков. На 21 октября он созвал заседание сената, на котором консулам были вручены чрезвычайные полномочия. Однако Цицерон не мог прибегнуть к аресту главарей заговора, так как, кроме доноса, у него не было никаких других доказательств. Поэтому он вынужден был ограничиться только принятием некоторых предварительных военных мер.

Но и этих мер было достаточно, чтобы спутать планы Катилины. Выступление в Риме пришлось отложить. Но предупредить Манлия не успели, и он в условленный день выступил в Этрурии с отрядом сулланских ветеранов. Попытка захватить крепость Пренесте 1 ноября не удалась, так как гарнизон был наготове.

В ночь на 7 ноября состоялось конспиративное собрание заговорщиков в доме сенатора Марка Порция Леки. Там был принят новый план. Двое заговорщиков на другой день

---

²² Область в Италии, ныне Тоскана.

должны были явиться к Цицерону под видом утренних визитеров и убить его в постели. Катилина немедленно уезжает в Этрурию и, став во главе войска Манлия, идет на Рим. Оставшиеся в городе заговорщики в определенный момент устраивают избиение оптиматов и захватывают власть.

Едва только собрание окончилось, как Цицерон уже знал о принятых там решениях через Фульвию. Он немедленно окружил свой дом стражей и отменил прием посетителей. Таким образом, существенный момент нового плана (устранение Цицерона) отпал, что снова дезориентировало заговорщиков.

На 8 ноября сенаторы были созваны консулом на экстренное заседание. Оно состоялось в храме Юпитера на Палатине. Место заседания было заранее окружено надежной стражей из знатной молодежи. На этом историческом заседании Цицерон произнес свою первую речь против Катилины: «Когда же наконец, Катилина, перестанешь ты злоупотреблять нашим терпением?». Он бросил ему в лицо прямое обвинение в заговоре и потребовал, чтобы Катилина оставил Рим.

Однако не следует забывать, что прямых доказательств у Цицерона все-таки не было, а при таких обстоятельствах он не мог прибегнуть к аресту Катилины, которого, к тому же, поддерживало много влиятельных лиц. План Цицерона был иной: заставить Катилину покинуть город и таким путем лишить римских заговорщиков их вождя. Справиться с Катилиной в Этрурии было уже легче.

Расчет Цицерона оказался правильным. Подавляющее большинство сената оказалось на его стороне. Те из сенаторов, которые еще сомневались в существовании заговора, были побеждены фактами, приведенными Цицероном. Попытки Катилины оправдаться были заглушены негодующими криками сенаторов. И нервы его не выдержали: он ушел из сената и в следующую ночь уехал из Рима к Манлию. Это была большая тактическая ошибка.

Во главе римской группы заговорщиков остался претор 63 г. Публий Корнелий Лентул. Называют еще Гая Корнелия Цетег, Публия Габиния, Люция Статилия и других. После отъезда Катилины, являвшегося подлинной душой движения, оставшиеся в столице заговорщики действовали недостаточно энергично. Помимо этого, они совершили одну ошибку, оказавшую губительное влияние на исход заговора.

В Риме находились послы от галльского племени аллоброгов. Они приехали просить для себя облегчения долговых обязательств. Лентулу пришла в голову мысль привлечь аллоброгов к движению. С послами была установлена связь. Им обещали уничтожение долговых обязательств в случае успеха движения. Однако недоверчивые галлы решили предварительно посоветоваться со своим патроном Фабием Сангой. Тот сообщил обо всем Цицерону.

Наконец-то консулу представился случай добыть юридические доказательства заговора. Он приказал Санге передать послам, чтобы они дали притворное согласие заговорщикам, постарались разузнать как можно больше подробностей и обо всем доносили ему. Аллоброги так и поступили.

Перед отъездом на родину послы, по приказанию Цицерона, попросили главарей заговора, чтобы те дали им письма к аллоброгам, скрепленные их личными печатями, ссылаясь при этом на то, что в противном случае дома им не поверят. Лентул, Габиний, Цетег и Статилий имели неосторожность дать такие письма. Кроме этого, так как послы просили предоставить им возможность встретиться с Катилиной, Лентул отрядил им в провожатые одного из заговорщиков с запиской к Катилине, правда, без подписи.

В ночь со 2 на 3 декабря послы аллоброгов были арестованы при выезде из Рима и доставлены к Цицерону. Теперь у него в руках находились прямые доказательства. Рано утром 3 декабря Лентул, Цетег, Габиний и Статилий были вызваны к консулу, который их лично задержал.²³

---

²³ Террацинец Цепарий бежал и был арестован несколько позднее.

Сейчас же был созван сенат, в присутствии которого Цицерон допросил всех арестованных, в том числе и аллоброгов. Большинство заговорщиков сознались.

Сенат постановил лишить Лентулу преторского звания и подвергнуть домашнему аресту его и еще восьмерых человек. Особым постановлением сената Цицерон был почтен гражданским венком, именем «Отца отечества» и благодарственным молебствием богам от его имени за спасение государства.

5 декабря сенат собрался для суда над заговорщиками. Это был акт незаконный, так как сенат не имел судебной власти. Но Цицерон имел основания торопиться: в городе шла энергичная агитация среди ремесленников, вольноотпущенников и рабов за насильственное освобождение арестованных. На вопрос консула, как поступить с заговорщиками, Юний Силан, избранный консулом на 62 г. и поэтому спрошенный первым, высказался за «высшую меру» (*extremum supplicium*). К этому мнению присоединился ряд других сенаторов. Когда очередь дошла до Цезаря, выбранного претором на 62 г., он произнес весьма дипломатическую речь, в которой указывал на незаконность применения смертной казни по отношению к римским гражданам без решения народного собрания. Цезарь предлагал конфисковать имущество заговорщиков, а их самих заключить под стражу в наиболее крупных муниципиях.²⁴

Речь Цезаря изменила прежнее настроение сенаторов, которые стали колебаться. Но выступления Цицерона и, особенно, Марка Порция Катона, правнука Катона Цензора, категорически настаивавшего на смертной казни, создали резкий перелом. При голосовании сенат высказался за смертную казнь.

В тот же день поздно вечером пять заговорщиков — Лентул, Цетег, Статилий, Габиний и Цепарий — были задушены петлей палача. Толпа, напуганная рассказами о заговоре, восторженно приветствовала «отца отечества».

Тем временем в Этрурии Катилина и Манлий собрали около 10 тыс. своих сторонников. Оба они были объявлены врагами отечества. В Этрурию сенат направил армию под начальством консула Гая Антония. Катилина некоторое время избегал столкновения, организуя свои силы и ожидая известий о восстании в Риме. Рабов, которые первоначально в большом количестве сходились в его лагерь, он не принимал, считая, что нельзя «смешивать дело римских граждан с делом беглых рабов».²⁵

Известие о неудаче движения в Риме привело к тому, что значительная часть войска Катилины разбежалась. Сам он с оставшимися сделал попытку пройти через Апеннины в Галлию. Но около г. Пистории (Пистойя) восставшие были окружены армией Антония и войсками, прибывшими с адриатического побережья (начало 62 г.). Катилина бросился на Антония. В ожесточенной битве²⁶ он и 3 тыс. его сторонников пали смертью храбрых.

Саллюстий, относящийся к движению Катилины резко отрицательно, тем не менее вынужден признать, что катилины проявили необычайное мужество: ни один из них не сдался в плен, никто не сделал попытки бежать. «Катилину нашли далеко от своих, среди трупов врагов; он еще слабо дышал, и лицо его сохранило то же выражение неукротимой силы, какое оно имело при жизни» (Саллюстий, 61).

Движение Катилины характерно для эпохи прогрессирующего упадка римской демократии середины I в. Для бессилия городской демократии Рима характерен, например,

---

²⁴ За эту речь Цезарь чуть не был убит после окончания заседания аристократической молодежью, охранявшей сенат.

²⁵ Саллюстий. О заговоре Катилины. 56 Лентул, наоборот, был сторонником привлечения рабов (Саллюстий. 44).

²⁶ В день битвы Антоний, ссылаясь на болезнь ног, поручил командование одному из своих легатов. Ему было неудобно выступать против своих бывших товарищей.

тот факт, что не было сделано ни одной серьезной попытки освободить арестованных заговорщиков, хотя они содержались только под домашним арестом. Гибельное влияние на движение оказала его верхушка, где преобладали деклассированные элементы. Для них движение имело только тот смысл, что могло спасти их от долгов и обогатить. Сам Катилина принадлежал к этим же элементам, отличаясь от своих товарищей только умом, энергией и широтой кругозора. Для него известное значение имел политический момент, хотя последний выражался едва ли в чем-нибудь большем, чем в стремлении к личной власти. С этой точки зрения между ним, с одной стороны, и Цезарем и Крассом — с другой, нет принципиальной разницы. Отличие только в степени аморальности и осторожности. Если Крассе и Цезарь действительно принимали участие в заговоре на первых его этапах, то они вели себя крайне осторожно и, по-видимому, отошли от движения, когда оно стало принимать слишком радикальный и анархический характер. Но, повторяем, источники о событиях в Риме 65–62 гг. таковы, что не дают возможности составить о них вполне ясное представление.

Подавление движения сильно укрепило позиции оптиматов. Цезарь и Крассе, независимо от их действительного участия в заговоре, были сильно скомпрометированы и на некоторое время отошли от активной политической жизни. Цезарь после своей претуры 62 г. получил на 61 г. наместничество в Дальней Испании. Плутарх пишет, что кредиторы не хотели выпускать его из Рима. Тогда Крассе заплатил за него некоторые наиболее срочные долги и поручился огромной суммой в 830 талантов²⁷.

Ковалев СИ. История Рима. — П.: Изд-во Лениигр. ун-та, 1986.

ЗАГОВОРЫ РАБОВ

Действие, как известно, вызывает противодействие. Неудивительно поэтому, что угнетенные постоянно восставали против угнетателей, пытаясь освободиться хотя бы силой. Уже в архаическую эпоху в Риме заговоры, и восстания рабов не были редкостью, примером тому ― заговор рабов 419 г. до н. э., решивших поджечь Рим сразу с нескольких концов. При этом ставка делалась на то, что, пока жители будут заняты тушением пожара и спасением имущества, восставшие штурмом возьмут Капитолий. Однако, как уверяет римский историк Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.). Юпитер, величайший из богов, не дал осуществиться преступным замыслам, ибо двое посвященных выдали своих товарищей, которые были тут же схвачены и наказаны, как подобает в подобных случаях. Доносчики же получили свободу и изрядную сумму денег из казны.

Повезло римлянам и при подавлении другого восстания рабов, которое должно было быть поднято в 198 г. до н. э. неподалеку от Рима. В Сетии, городке, расположенном к юго-востоку от Рима, на краю Понтинских болот, содержались заложники из Карфагена, привезенные из столицы великой африканской державы, боровшейся с Римом за господство в Средиземноморье и попавшей в зависимость от него в результате второй Пунической войны 218–201 гг. В распоряжении заложников — детей знатных лиц — было довольно много рабов. Число их увеличивалось оттого, что жители Сетии купили карфагенян, захваченных в качестве добычи в недавней войне. Именно среди них и созрел план восстания. Несколько заговорщиков было послано по окрестностям Сетии и в близлежащие города Норбу и Цирцеи, с тем, чтобы взбунтовать тамошних рабов. Все шло наилучшим образом, и заговорщики уже наметили час штурма городов Сетии, Норбы и Цирцей и отмщения их жителям. Наиболее благоприятствующими успеху им казались дни предстоящих в Сетии игр.

На деле же все вышло совершенно по-иному. Ранним утром в день мятежа двое рабов выдали его план римскому городскому претору Луцию Корнелию Лентулу, а также

---

²⁷ Плутарх, Гай Цезарь, XI.

проинформировали его о всех уже проведенных приготовлениях. Он тут же приказал задержать обоих, созвал сенат и известил его о грозящей опасности. Претору было поручено отправиться для расследования дела и подавления мятежа. С пятью легатами он двинулся в путь, требуя от всех римлян, встречавшихся на дороге, следовать за ним. К моменту прихода в Сетию под его началом находилось уже 2000 воинов. Однако никто из них ничего не знал о цели похода.

Когда в Сетии он без промедления распорядился схватить главарей заговорщиков, мятежные рабы тут же разбежались, жестоко преследуемые римскими отрядами.

И на этот раз Риму удалось подавить восстание в зародыше, причем сенат щедро отблагодарил доносчиков, подарив им свободу и выдав значительные денежные премии. Звонкой монетой рассчитался он и со свободными, оказавшими особо ценные услуги при подавлении мятежа.

Когда вскоре после того пришло сообщение, что оставшиеся от этого же заговора рабы хотят занять город Пренесту, нынешнюю Палестрину, расположенную в 50 км восточнее Рима, туда поспешил тот же претор и, прибыв, казнил 500 повстанцев.

Согласно Ливию, в 196 г. до н. э. еще один заговор рабов чуть было не привел к войне. Но и на этот раз тлевший огонь был потушен еще до того, как превратился в пожар. Зачинщиков же готовившегося восстания распяли.

Еще через 11 лет то же самое повторилось в Апулии.

Хёфлинг Гельмут. Римляне, рабы, гладиаторы. — М.: Мысль, 1992.

ИДЫ МАРТА

Отгремели последние битвы гражданской войны в Римском государстве. В Испании в ожесточенном сражении при Мунде (о котором сам Цезарь потом говорил, что он бился в нем не только за победу, но и за жизнь) его противники еще раз были наголову разбиты. Сопrotивление последних республиканцев было подавлено. Гражданская война закончилась. Торжество Цезаря было полным.

В Риме шли пышные торжества. Цезарь праздновал свой триумф. Жители столицы получили щедрые подарки и хорошее угощение. На площадях и улицах Рима во время празднеств выставлялись десятки тысяч столов для граждан, пирующих за счет Цезаря. В цирках шли грандиозные звериные травли и гладиаторские бои со многими тысячами участников.

Положение Цезаря казалось прочным. Народное собрание и сенат поднесли ему почетный титул «отца отечества». Ему было предоставлено пожизненное звание диктатора, право объявлять войну и заключать мир, право распоряжаться государственной казной и выдвигать кандидатов на выборах должностных лиц; одновременно Цезарю была пожизненно присвоена власть народного трибуна, он постоянно избирался консулом. Войска провозгласили Цезаря императором. Народное собрание беспрекословно его слушалось, а расширенный до 900 сенаторских мест сенат состоял из его сторонников.

Цезарь, конечно, понимал, что своими успехами он прежде всего обязан своим солдатам. Именно с их помощью он одержал верх над противниками и достиг небывалого в Риме влияния и власти.

Солдаты и сейчас составляли главную его опору. Но сохранить свои легионы Цезарь не мог; этого не выдержали бы ни казна истощенного войной государства, ни личные средства Цезаря. Он был вынужден распустить свои войска. При этом он щедро их одарил. Каждый его солдат получил крупное вознаграждение деньгами. Многие получили земельные участки. Еще более крупные награды получили его командиры. Цезарь мог рассчитывать, что его бывшие солдаты и командиры, вернувшись к мирной жизни, будут и впредь его

поддерживать. Таким образом, Цезарь всеми средствами стремился укрепить свою власть. Однако полностью достигнуть этой цели ему не удалось.

В годы, предшествовавшие столкновению с Помпеем,²⁸ Цезарь не жалел денег. Его золото из Галлии шло в Рим непрерывным потоком. Верные Цезарю люди, по его указаниям, тратили огромные средства на укрепление его влияния. Часто они не брезговали и прямым подкупом римской толпы. Волнения и беспорядки в Риме в то время были Цезарю только выгодны: они оправдывали необходимость сильной власти, к которой он стремился. Теперь, когда он стал диктатором, положение изменилось. Цезарь поставил перед собой новые задачи.

Многие из видных граждан, только что переживших потрясения гражданской войны, искренне считали, что эта война была хуже любой диктатуры. Они готовы были примириться с властью Цезаря при условии, если он ее использует для восстановления мира и безопасности. И то и другое в их глазах было неотделимо от проведения жестоких мер по обузданию населения столицы. Цезарь пошел им навстречу. Хотя он и достиг власти в борьбе со старой республиканской знатью, однако теперь он стремится привлечь ее на свою сторону. Он приближает к себе многих видных республиканцев, не исключая и тех, кто совсем еще недавно боролся против него с оружием в руках. Некоторых из них, как, например, Марка Юния Брута, он осыпает наградами и выдвигает на важные государственные должности, других прельщает заманчивыми обещаниями. Постепенный, отход Цезаря при таких условиях от его прежней политики заигрывания с народом стал неизбежным. Этот отход был неизбежен еще и потому, что демократический строй в тогдашнем понимании означал власть народного собрания, власть, несовместимую с единоличной военной диктатурой.

Еще до окончания гражданской войны войска Цезаря (правда, в его отсутствие) дважды подавляли в Риме народные волнения, которые вспыхивали из-за острой нужды его жителей. Ставши диктатором, Цезарь сократил с 300 до 100 тысяч число граждан, получавших от государства бесплатный хлеб. К этому его побудило отчасти истощение средств (расходы его были огромны), отчасти уговоры противников раздач — аристократов, которые считали, что раздача бесплатного хлеба развращает граждан. Цезарь запретил также коллегии объединения римских граждан, в особенности ремесленников, всегда игравшие большую роль в народных движениях. Все это сразу оттолкнуло от Цезаря многих его прежних сторонников.

В Риме стало расти раздражение против Цезаря. Республиканский строй просуществовал в Риме много веков подряд, и республиканские обычаи были еще очень живучи. Каждый римлянин впитывал их с молоком матери.

Усилению этих настроений много способствовало поведение как самого Цезаря, так и его ближайших приверженцев и льстецов. Последние не раз выражали желание открыто объявить его царем и украсить его голову короной. Как-то раз, когда Цезарь возвращался в город, его приверженцы встретили его у ворот и открыто приветствовали, как царя. Видевшие все это граждане глухо зароптали. Цезарь сделал вид, что не понял приветствия. «Я — не царь, я — Цезарь», — сказал он, как будто поправляя ошибку, допущенную в его имени.

В другой раз, когда Цезарь в присутствии многих граждан находился на форуме, к нему подошел консул Марк Антоний — один из его приверженцев — и на глазах у всех увенчал его голову короной. Среди присутствовавших раздались слабые рукоплескания. Тогда Цезарь решительным движением снял корону со своей головы. Все присутствовавшие

---

²⁸ Помпеи — римский государственный деятель и полководец, соперник Цезаря, убит в 48 г. до н. э.

радостно закричали и дружно зааплодировали.

Цезарь, однако, не всегда противился открытому прославлению его власти. В некоторых случаях он вел себя вызывающе. Так, например, когда на одном из заседаний сената ему были оказаны особые почести и к нему подошли для приветствия консулы, преторы и весь состав сената, он, вместо того чтобы встать им навстречу, остался сидеть на своем месте. Это произвело очень неприятное впечатление. В этом его поступке усмотрели оскорбление не только сената, но и всего государства.

Еще более характерен следующий случай. Несколько наиболее ярких приверженцев украсили его статую, стоявшую на площади, знаками царского достоинства. Тогда два народных трибуна, думая, что Цезарь искренно отклоняет царские почести, сняли с его статуи украшения и арестовали нескольких граждан, приветствовавших Цезаря, как царя. Присутствовавший при этом народ рукоплесканиями выразил одобрение поступку трибунов. Сами трибуны также были уверены, что Цезарь одобрит их поведение. Однако, узнав обо всем этом, Цезарь рассердился и отдал трибунов под суд. Так обнаруживал он подлинное свое отношение к открытому прославлению его власти. Цезарь с явным одобрением относился к установленным в его честь ежегодным празднествам и жертвоприношениям.

Особенно усилилось недовольство граждан в последний год жизни Цезаря, когда он стал готовиться к новому большому походу против Парфии. В связи с этим походом по городу были пущены слухи о древнем предсказании. По этому предсказанию победить порфян якобы мог только царь. Намерения Цезаря совершить этот поход так и истолковали: он хочет начать войну с Парфией, чтобы иметь повод открыто объявить себя царем.

Все это ускорило образование заговора на жизнь Цезаря. Заговор возник в среде старой республиканской знати, продолжавшей мечтать о республиканском строе. В этой среде считали, что главным препятствием на пути к восстановлению республики является сам Цезарь. Если он будет убит, республика будет восстановлена. Заговорщики были уверены, что народ, недовольный сокращением хлебных раздач и некоторыми другими законами Цезаря, их поддержит.

В заговор вошли прежде всего бывшие сторонники Помпея. Многих из них Цезарь простил, и они занимали теперь высокие государственные должности. Приняли участие в заговоре и недавние сторонники Цезаря. Они перешли на сторону республиканцев с того времени, как Цезарь стал подготавливать открытое провозглашение монархии.

Заговорщики действовали в строгой тайне. В первую очередь они были заняты вопросом о том, чтобы найти себе достаточно видных вождей. Выбор их остановился на Марке Юнии Бруте.

Род Брутов славился своей верностью республиканской свободе. По преданию, один из далеких предков Брута первым обнажил меч против последнего римского регента (царя) — Тарквиния Гордого. За этот подвиг Бруту еще в древности была воздвигнута на Капитолии медная статуя. Он изображался с обнаженным мечом в руках — суровый и твердый, как сталь этого меча. Для Марка Юния Брута, современника Цезаря, память о его предке была дорога, и он стремился ему подражать.

Поэтому, когда началась гражданская война, Брут оказался в рядах помпеянцев — сторонников сената. После поражения при Фарсале Брут бежал. Узнав о том, что Брут остался в живых, Цезарь вызвал его к себе письмом и не только простил, но оказал ему большое внимание. Брут пользовался и дальше исключительным доверием Цезаря. Когда Цезарь отправлялся в африканский поход, он поручил ему управление Предальпийской Галлией. В последнее время Цезарь выдвинул Брута на весьма почетную должность городского претора.

Один из заговорщиков — Гай Кассий — как-то при встрече с Брутом спросил его, думает ли Брут присутствовать в день мартовских календ (день мартовских календ — 1 марта) на заседании сената. На этом заседании, сказал он, друзья Цезаря собираются провозгласить его царем. Брут ответил, что он идти на это заседание не собирался. «А если нас позовут?» — спросил Кассий. «В таком случае, — ответил Брут, — я не буду молчать, а

стану защищать свободу и умру за нее». После этого разговора Брут вступил в заговор с Гаем Кассием и другим видным сторонником республики — Лецимом Юнием Брутом.

Вскоре число заговорщиков возросло до 60 человек. В строгой тайне заговорщики разработали план покушения на жизнь Цезаря. Было решено убить Цезаря в день мартовских ид — 15 марта 44 г. до н. э. В этот день предполагалось заседание сената, на котором должен был присутствовать Цезарь. Заговорщики предполагали убить Цезаря на самом заседании в так называемой курии Помпея, помещении, где будет происходить заседание. Это здание в свое время было подарено сенату Помпеем и поэтому до сих пор носило его имя.

В канун мартовских ид Цезарь направился на пир к начальнику своей конницы — Лепиду. Утром после этого пира он чувствовал себя плохо. Жена отговаривала его идти в сенат и предлагала отменить заседание. План заговора оказался под угрозой срыва.

Между тем заговорщики уже успели закончить все необходимые приготовления. В соседнем от курии Помпея здании был помещен отряд вооруженных гладиаторов и рабов. В случае необходимости они должны были выступить на помощь заговорщикам. Марк Юний Брут с утра отправился в курию Помпея, спрятав под складками одежды кинжал. Так же поступили и все остальные участники заговора, собравшиеся в ожидании Цезаря.

Самообладание, однако, стало им изменять, когда они узнали о нездоровье Цезаря и о том, что заседание сената собираются отменить. При большом числе участников заговора всегда можно было ожидать доноса. Положение становилось напряженным. На счастье заговорщиков Лецим Юний Брут в это утро был в доме Цезаря. Ему удалось убедить Цезаря явиться в сенат. Опасения заговорщиков, однако, оказались не напрасными. Едва Цезарь на носилках отправился в сенат, как к нему в дом явился человек, желавший сообщить ему о заговоре.

Между тем носилки Цезаря приблизились к курии Помпея. Когда Цезарь уже сошел с них и направился к входу в здание, к нему приблизился некий Попиллий Ленат и задержал его продолжительным разговором. Заговорщики издали наблюдали за ним и Цезарем. Слышать слов Лената они не могли, но у них появилось подозрение, что он рассказывает Цезарю об их замыслах. Переглянувшись, они взялись за рукоятки спрятанных под одеждой кинжалов, чтобы, не дожидаясь пока их схватят, тут же лишиться себя жизни. Вскоре, однако, по выражению лица Лената они поняли, что опасения их напрасны.

Когда Цезарь подошел к самому входу в курию, кто-то из встречных подал ему записку. Это был подробный донос о заговоре. Но Цезарь не стал читать этой записки. Он и так уже своим опозданием задержал начало заседания.

Войдя в курию, Цезарь сел на свое обычное место — в кресло у подножия статуи своего врага Помпея.

Тогда заговорщики решили действовать. К Цезарю подошел и обратился с просьбой о своем изгнанном брате один из заговорщиков, Тиллий Цимбр. Остальные столпились вокруг него. Все они, касаясь Цезаря руками и целуя его в грудь и голову, просили удовлетворить просьбу Цимбра.

Когда Цезарь, удивленный их возраставшей навязчивостью, поднялся с места, Цимбр схватился рукой за край его пурпурной тоги и потянул ее к себе. Это был у заговорщиков условленный знак. В ту же секунду стоявший позади Цезаря Каска выхватил из-под одежды меч и нанес ему первый удар в плечо. Рана была неглубокая. Цезарь обернулся и с криком: «Что ты делаешь, Каска?» — схватился за рукоять его меча.

Тут вокруг Цезаря засверкали мечи и кинжалы других заговорщиков. Они бросились на Цезаря. Со всех сторон на него посыпались удары. Цезарь, истекая кровью, с гневным криком поворачивался из стороны в сторону. Никакого другого оружия, кроме стального стиля, в руках его не было. Этим стилем он пронзил руку Каски. Увидя подступавшего к нему с ножом Марка Юния Брута, которого Цезарь считал своим другом, он, говорят, воскликнул: «И ты, Брут?» После этого Цезарь перестал сопротивляться и, закрывшись плащом, упал на пол. Нанося удары Цезарю в тесноте и суматохе, заговорщики переранили друг друга. Многие из них поэтому с головы до ног были покрыты кровью. Цезарю было

нанесено 23 раны, но только две из них оказались смертельными.

Сразу же после убийства Брут, выйдя на середину залы, хотел обратиться к сенату с речью, но сенаторы, охваченные ужасом, бежали беспорядочной толпой к выходу. Смятение поднялось во всем городе. На другой день утром Марк Юний Брут выступил с речью в народном собрании. В этой речи он сообщил римским гражданам о смерти тирана и объявил республику восстановленной. Однако слова его были встречены ледяным молчанием. Народ не хотел поддерживать ненавистную ему власть сената.²⁹

Древний Рим. — М.: Учпедгиз, 1955.

АГРИППИНА И НЕРОН

Агриппина Младшая была старшей из дочерей Германика и Агриппины Старшей.

Судьба Агриппины Младшей в молодости не была легкой. Ее отец, мать и двое старших братьев пали жертвой преступных козней, ее третий брат, император Калигула, сначала сделал ее своей любовницей, а потом отправил в ссылку на Понтийские острова. Клавдий, ее родной дядя, став императором, вернул ее в Рим, где ей пришлось многое претерпеть от Мессалины.

Агриппина Младшая была выдана императором Тиберием замуж за Гнея Доминия Агенобарба, внука Марка Антония и Октавии Младшей, о котором Светоний говорит, что это был «человек гнуснейший во всякую пору его жизни» (Свет. Нер. 5); его отец, Дуций Домиций Агенобарб, был человеком заносчивым, жестоким и грубым. Когда Агриппина Младшая родила сына, ее муж «в ответ на поздравления друзей воскликнул, что от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества» (Свет. Нер. 6). Этим сыном был Нерон, так что оказались пророческими слова его отца, который скончался в скором времени.

Высокомерная и жестокая, лицемерная и алчная, Агриппина Младшая была одержима истинной страстью властолюбия. Рассказывали, что однажды Агриппина спросила у прорицателей о судьбе своего сына и те ответили, что он будет царствовать, но убьет свою мать, на что она сказала: «Пусть убьет, лишь бы царствовал!» (Таи. Анн. XIV, 9).

После гибели жены императора Клавдия Мессалины в 48 г. Агриппина воспряла духом и решительно вступила в борьбу за власть.

Хотя римские законы запрещали брак дяди и племянницы, однако для Клавдия допустили исключение, и в 49 г. Агриппина Младшая сделалась императрицей.

Агриппина взяла власть в свои руки и желала ее сохранить. Поэтому она добилась, чтобы Клавдий усыновил Нерона. Но она хотела, чтобы Нерон не имел своей воли и был ей во всем покорен. Именно поэтому Агриппина вступила в яростную борьбу с Домицией Лепидой, родной сестрой своего первого мужа, внучкой Марка Антония и Октавии Младшей.

«Внешностью, возрастом и богатством Агриппина и Ломиция Лепида мало чем отличались одна от другой: обе развратные, запятнанные дурной славой, необузданные, — они не менее соперничали в пороках, чем в том немногом хорошем, которым их, возможно, наделила судьба. Но ожесточеннее всего они боролись между собой за то, чье влияние на Нерона возобладает — матери или тетки; Лепида завлекала его юношескую душу ласками и щедротами, тогда как Агриппина, напротив, была с ним неизменно сурова и непреклонна: она желала доставить сыну верховную власть, но терпеть его властвования она не могла»

---

²⁹ В последовавшей гражданской войне большинство участников заговора погибли, Брут и Кассий покончили жизнь самоубийством.

(Таи. Анн. XII, 64).

По настоянию Агриппины против Домиции Лепиды возбудили уголовное дело: ее обвинили в колдовстве и осудили на смерть. Всеми силами Лепиду старался защитить вельможа Нарцисс, который понимал, что ему не сдобровать, если императором станет Нерон. Но Нарцисс не в силах был бороться с Агриппиной, и сам уехал из Рима в Синуессу якобы для восстановления здоровья. На этом карьере Нарцисса закончилась.

Агриппина быстро организовала убийство Клавдия. О том, как его отравили, рассказывали по-разному, но в самом факте отравления не сомневался никто.

Клавдий был обожествлен, а Нерон провозглашен императором с громоздким официальным именем — Нерон Клавдий Цезарь Август Германик.

Быстро стала Агриппина убирать неугодных ей людей, но ей воспрепятствовали Афраний Бурр, командующий преторианцами³⁰ и Луций Анней Сенека, которого она сама сделала наставником Нерона. «Они вступили в борьбу с необузданным высокомерием Агриппины, одержимой всеми страстями жестокого властолюбия и поддерживаемой Паллантом, по наущению которого Клавдий кровосмесительным браком и роковым усыновлением сам себя погубил. Но характер Нерона был не таков, чтобы покоряться рабам, и Паллант. наглой заносчивостью перейдя границы допустимого для вольноотпущенника, навлек на себя его неприязнь. Внешне, однако, Агриппине оказывались всевозможные почести» (Тац. Анн. XIII, 2).

Отношения Агриппины с Нероном неотвратимо ухудшались, пока не дошли до открытой вражды и ненависти. Разъяренная Агриппина сочла, наконец, нужным напомнить Нерону, что власть он получил из ее рук с помощью преступления, но еще жив четырнадцатилетний Британник, законный наследник Клавдия.

Угроза на Нерона подействовала, и по его приказу Британник был отравлен на пиру в присутствии Агриппины.

Трагический финал беспримерной в римской истории борьбы матери и сына Тацит описывает так:

«Нерон, поняв в конце концов, что мать ему в тягость, решает ее умертвить и начинает совещаться со своими приближенными, осуществить ли это посредством яда, или оружия, или как-либо иначе.

Сначала остановились на яде. Но если дать его за столом у Нерона, то внезапную смерть Агриппины невозможно будет приписать случайности, ибо при таких же обстоятельствах погиб и Британник; а подкупить слуг Агриппины, искусенной в „злодеяниях и научившейся осторожности“ представлялось делом нелегким; к тому же, опасаясь яда, она постоянно принимала противоядия.

Что же касается убийства с использованием оружия, то никому не удавалось придумать, как в этом случае можно было бы скрыть насильственный характер ее смерти; кроме того, Нерон боялся, что избранный им исполнитель такого дела может не выполнить приказания.

Наконец, вольноотпущенник Аникет, командующий флотом и воспитатель Нерона в годы его отрочества, ненавидевший Агриппину и ненавидимый ею, изложил придуманный им хитроумный замысел. Он заявил, что может устроить на корабле особое приспособление, чтобы, выйдя в море, он распался на части и потопил ни о чем не подозревающую Агриппину: ведь ничто в такой мере не чревато случайностями, как море; и если она погибнет при кораблекрушении, найдется ли кто столь злокозненный, чтобы объяснить преступлением то, в чем повинны ветер и волны? А Нерон потом воздвигнет погибшей

---

³⁰ Императорские гвардейцы.

матери храм, алтари и вообще не пожалеет усилий, чтобы выказать себя любящим сыном.

Этот ловко придуманный план был одобрен. Благоприятствовали ему и сами обстоятельства, ибо один из праздников Нерон справлял в Байях (около Неаполя). Сюда он и заманивает мать, неоднократно заявляя, что следует терпеливо сносить гнев родителей и подавлять в себе раздражение, и рассчитывая, что слух о его готовности к примирению дойдет до Агриппины, которая поверит ему с легкостью, свойственной женщинам, когда дело идет о желанном для них.

Итак, встретив ее на берегу, он взял ее за руку, обнял и повел в Бавлы (так называлась вилла у самого моря). Здесь вместе с другими стоял у причала отличавшийся нарядным убранством корабль, чем император также как бы проявлял уважение к матери.

Нерон пригласил ее к ужину, надеясь, что ночь поможет ему приписать ее гибель случайности.

Хорошо известно, что кто-то выдал Нерона и предупредил Агриппину о подстроеной западне, и она, не зная, верить ли этому, отправилась в Байи на конных носилках.

Там, однако, ласковость сына рассеяла ее страхи; он принял ее с особой предупредительностью и поместил за столом выше себя.

Непрерывно поддерживая беседу то с юношеской непринужденностью и живостью, то с сосредоточенным видом, как если бы он сообщал ей нечто исключительно важное, он затянул пиршество; провожая ее, отбывающую к себе, он долго, не отрываясь, смотрит ей в глаза и горячо прижимает ее к груди, то ли, чтобы сохранить до конца притворство, или, быть может, потому, что прощание с обреченной им на смерть матерью тронуло его душу, сколь бы зверской она ни была.

Но боги, словно для того, чтобы злодеяние стало явным, послали ясную звездную ночь с безмятежно спокойным морем.

Корабль не успел отплыть далеко; вместе с Агриппиной находилось только двое ее приближенных — Креперей Галл, стоявший невдалеке от кормила, и Ацеррония, присевшая в ногах у нее на ложе и с радостным возбуждением говорившая о раскаянии ее сына и о том, что она вновь обрела былое влияние, как вдруг по данному знаку обрушивается утяжеленная свинцом кровля каюты, которую они занимали; Креперей был ею задавлен и тут же испустил дух, а Агриппину с Ацерронией защитили высокие стенки ложа, случайно оказавшиеся достаточно прочными, чтобы выдержать тяжесть рухнувшего потолка.

Не последовало и распада корабля, так как при возникшем всеобщем смятении очень многие, не посвященные в тайный замысел, помешали тем, кому было поручено привести его в исполнение.

Тогда гребцам был отдан приказ накренить корабль на один бок и таким образом его затопить; но и на этот раз между ними не было необходимой для совместных действий согласованности, и некоторые старались наклонить его в противоположную сторону, так что обе женщины не были сброшены в море внезапным толчком, а плавно соскользнули в воду.

Ацерронию, по неразумению кричавшую, что она Агриппина, забили насмерть баграми, веслами и другими попавшимися под руку корабельными принадлежностями, тогда как Агриппина, сохранившая молчание и по этой причине неузнанная (впрочем, и она получила рану в плечо), сначала вплавь, а потом на одной из встречных рыбацких лодок добралась до берега и была доставлена на свою виллу.

Там, поразмыслив над тем, с какой целью была она приглашена лицемерным письмом, почему ей воздавались такие почести, каким образом у самого берега гонимый ветром и не наскочивший на скалы корабль стал разрушаться сверху, словно наземное сооружение, а также приняв во внимание убийство Ацерронии и взирая на свою рану, она решила, что единственное средство уберечься от нового покушения — это сделать вид, что она ничего не подозревает.

Она направляет к сыну вольноотпущенника Агерина с поручением передать ему, что по милости богов и хранимая его счастьем она спаслась от почти неминуемой гибели и что она просит его, сколь бы он ни был встревожен опасностью, которую пережила его мать, отложить свое посещение: в настоящее время ей нужен только отдых.

После этого, все с тем же притворным спокойствием, она прикладывает к ране целебные снадобья и к телу — согревающие компрессы, а также велит разыскать завещание Ацерронии и опечатать оставшиеся после нее вещи, только в этом действуя без притворства.

А Нерону, поджидавшему вестей о выполнении злодеяния, тем временем сообщают, что легкораненная Агриппина спаслась, претерпев столько бедствий такого рода, что у нее не может оставаться сомнений, кто является их подлинным виновником.

Помертвев от страха, Нерон восклицает, что охваченная жаждою мщения, вооружив ли рабов, возбудив ли против него воинов или воззвав к сенату и народу, она вот-вот появится, чтобы вменить ему в вину кораблекрушение, свою рану и убийство друзей; что же тогда поможет ему, если не придумают чего-нибудь Бурр и Сенека!

И он велит их срочно разбудить и приказывает им немедленно явиться к нему; неизвестно, были ли они заранее посвящены в его замыслы.

И тот и другой долго хранят молчание, чтобы зря не перечить ему или, быть может, считая, что дело зашло так далеко, что если не опередить Агриппину, то ничто уже не спасет Нерона от гибели.

Наконец Сенека, набравшись решимости, взглянул на Бурра и обратился к нему с вопросом, можно ли отдать приказ воинам умертвить Агриппину.

Тот ответил, что преторианцы связаны присягой верности всему дому Цезарей и, помня Германика, не осмелятся поднять руку на его дочь: пусть Аникет сам выполняет обещанное.

Тот, не колеблясь, предлагает возложить на него осуществление этого злодеяния.

В ответ на его слова Нерон говорит, что тогда ему, Нерону, будет даровано самовластие и что столь бесценным даром он будет обязан вольноотпущеннику; так пусть же он поторопится и возьмет с собою людей, готовых беспрекословно повиноваться его приказаниям.

А сам Нерон, узнав о прибытии Агерина, посланного Агриппиной, решает возвести на нее ложное обвинение. Пока тот говорит, Нерон подбрасывает ему под ноги меч, а затем приказывает заключить его в оковы, собираясь впоследствии клеветнически объявить, будто мать императора, задумавшая покуситься на его жизнь и опозоренная тем, что была уличена в преступном деянии, сама себя добровольно предала смерти.

Между тем распространяется весть о несчастном случае с Агриппиной, и всякий, услышав об этом, бежит на берег. Одни поднимаются на откосы береговых дамб, другие вскакивают в лодки, которые там были; третьи входят в воду, насколько позволяет их рост. Некоторые простирают вперед руки; сетованиями, молитвенными возгласами, растерянными вопросами и сбивчивыми ответами оглашается все побережье. Собралась несметная толпа людей с факелами, а когда стало известно, что Агриппина жива, собравшиеся вознамерились пойти к ней с поздравлениями, но разбежались при виде появившегося с угрозами воинского отряда.

Аникет, окружив виллу вооруженной стражей, взламывает ворота и, расталкивая вышедших навстречу рабов, подходит к дверям занимаемого Агриппиной покоя; возле него осталось несколько человек, остальных прогнал страх перед ворвавшимися.

Покой был слабо освещен. Агриппину, при которой находилась только одна рабыня, все больше и больше охватывала тревога: от сына никто не приходит, не возвращается и Агерин: будь дело благополучно, все шло бы иначе; а теперь — пустота и тишина, внезапные шумы — предвестия самого худшего.

Когда и рабыня направилась к выходу, Агриппина промолвив: „И ты меня покидаешь“,

— оглядывается на дверь и, увидев Аникета с сопровождающими его триерархом (капитаном) Геркулеем и флотским центурионом (офицером) Обаритом, говорит ему, что если он пришел, чтобы проведать ее, то пусть передаст, что она уже пришла в себя; если — чтобы совершить злодеяние, то она не верит, что такова воля сына, он не отдавал приказа об умерщвлении матери.

Убийцы обступают тем временем ее ложе. Первым ударил ее палкой по голове триерарх. А когда центурион стал обнажать меч, чтобы ее убить, она, подставив ему живот, воскликнула: „Поражай чрево!“ — и тот прикончил ее, нанеся ей множество ран.

Ее тело сожгли той же ночью с выполнением самых скромных погребальных обрядов.

Но лишь после свершения этого злодеяния Нерон ощутил всю его непомерность. Неподвижный и погруженный в молчание, а чаще мечущийся от страха и полубезумный, он провел остаток ночи в ожидании того, что рассвет принесет ему гибель» (Тац. Анн. XIV, 3–10).

Нерон, сочетавший в себе звериную жестокость с наглым лицемерием, сделал вид, что гибель матери повергла его в скорбь. От своего имени он направил послание римскому сенату, в котором обвинял мать в попытке захвата власти и в покушении на его жизнь, и заявлял при этом, что она сама покончила с собой. Текст этого позорного документа сочинил для Нерона его наставник Сенека.

Тацит пишет:

«Косвенно выказав порицание временам Клавдия, вину за все творившиеся в его правление безобразия Нерон; возложил на свою мать, утверждая, что ее смерть послужит ко благу народа. Более того, он поведал и о злосчастном происшествии на корабле. Но нашелся ли хоть кто-нибудь столь тупоумный, чтобы поверить, что оно было случайным? Или что женщиной, пережившей кораблекрушение, был послан к Нерону с оружием убийца-одиночка, чтобы пробиться сквозь вооруженные отряды и императорский флот? Вот почему неприязненные толки возбуждал уже не Нерон — ведь для его бесчеловечности не хватало слов осуждения, — а сочинивший это послание и вложивший в него утверждения подобного рода Сенека» (Тац. Анн. XIV, 11).

Вернувшись в Рим, Нерон, «гордый одержанной победой и всеобщей рабской угодливостью, безудержно предался всем заложенным в нем страстям, которые до того времени если не подавляло, то до известной степени сдерживало хоть какое-то уважение к матери» (Тац. Анн. XIV, 13).

Так, с 59 г. Нерон вступил на путь самого разнузданного произвола, который закономерно привел его к гибели и к падению всего дома Юлиев-Клавдиев, бывших властителями Рима почти в течение ста лет.

Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. — М.: Иза-во МГУ, 1979.

ДОМИЦИЯ И ДОМИЦИАН³¹

Домициан, второй сын императора Веспасиана, наследник брата Тита на престоле Римской империи, был женат на Домиции, дочери Доминия Корбулона, одного из знаменитых римлян. С самого юного возраста она пользовалась репутацией богатой невесты и поражала умом, красотой, манерами.

Домиция имела много претендентов на ее руку. Из всех своих поклонников она избрала сенатора Элия Ламия, который был также очень богат. Но брак, само собой разумеется, не мог удержать красавицу от флирта. Вскоре весь Рим узнал о ее любовных связях, быстро сменявшихся одна другою; в числе ее любовников был и Домициан, сын императора.

Элий Ламия пробовал помешать флирту жены, но это ему не удалось. Когда впоследствии Домициан был провозглашен Цезарем, то есть императором, и вступил на

---

³¹ Домициан — римский император 81–96 гг.

престол, он без церемонии приказал украсть Домицию от ее мужа и женился на ней, назвав ее Августой.

Тит, став императором, напротив, хотел, чтобы Домициан женился на Юлии, его дочери, но Домициан, страстно влюбленный в Домицию, подарившую ему к этому времени дочь, слышать не хотел ни о чем подобном. Напрасно уговаривала его кузина, Флавия Сабина, жениться на Юлии — он был непреклонен.

Однако позже, как только Юлия вышла замуж за другого, в нем произошел какой-то психологический переворот: Домициан почувствовал страстную любовь к Юлии. Женское самолюбие отвергнутой Юлии было удовлетворено, она с удовольствием слушала признания в любви Домициана, разделяла его интересы и вскоре стала его любовницей. Они вынуждены были скрывать свою любовь пока был жив отец Юлии, Тит, но когда тот умер, Домициан не стал скрывать своей страсти и начал открыто жить с Юлией. По странному стечению обстоятельств, он не развелся с Домицией и не сочетался законным браком с Юлией, довольствуясь незаконной связью.

В свою очередь Домиция, желая отомстить мужу, стала вести чересчур распутный образ жизни и имела множество поклонников, что в Риме ни для кого не являлось тайной. Императрица брала себе в любовники людей самого низкого происхождения и на условиях весьма неприличных. В числе обожателей Домиции был некто Парид.

Домициан был совершенно равнодушен к поведению жены, но последняя стала настолько злоупотреблять его снисходительностью, что, в конце концов, император вынужден был приказать казнить Париду и развестись с Домицией. Таким образом для Юлии открылся путь к трону, она могла выйти замуж за Домициана, но случилось неожиданное: Юлия в это время была беременна, но, не желая рожать, она прибегла к средствам, которые были известны всем римским матронам в ту развращенную эпоху; средство помогло, произошел выкидыш, но одновременно закончилась и жизнь самой Юлии.

После смерти Юлии Домициан обратил всю нежность своих чувств к прогнанной им жене, Домиции. Он снова женился на Домиции и возвел ее на трон, говоря в свое оправдание, что подобный поступок ему позволил римский народ (у которого он, впрочем, и не спрашивал позволения). Вслед за женитьбой Домициана на него со всех сторон посыпались эпиграммы, насмешки и карикатуры. Домициан воспылал гневом.

Поэт Эльвидий, под псевдонимом Париды описавший в смешном виде Домициана и Домицию, был приговорен к смертной казни. Элий Ламия, первый муж Домиции, за свои насмешки над нею также поплатился головой. В Риме пошли беспрестанные казни. Домициан потоками крови хотел уничтожить свой позор. Секира, яд и ссылка сделались чуть не ежедневным явлением.

Но император Домициан вместе с тем старался заслужить народную любовь. Он украсил город прекрасными монументами, устраивал для плебеев всевозможного рода спектакли, бросал в толпу горсти монет, устраивал публичные банкеты, на которых фонтанами лилось вино. Он приглашал на празднества лидийских танцовщиц и музыкантов, которые публично танцевали и пели.

Верный жестоким обычаям римлян Домициан и во время спектаклей бывал кровожаден. В пьесах, где герой или героиня должны были быть убиты, император приказывал, чтобы их действительно убивали. Домиция очень боялась своего супруга и была убеждена, что рано или поздно умрет от его рук.

Действительно, однажды, когда Домициан спал, маленький мальчик прокрался к нему в спальню и, увидев, что из-под подушки императора торчит кончик пергамента, подкрался к изголовью и, схватив пергамент, бросился бежать. Императрица Домиция, отобрав у ребенка этот пергамент, любопытствовала и просмотрела его. Каково же было удивление Домиции, когда она собственными глазами увидела перечень имен несчастных, приговоренных к смертной казни; ее имя стояло на первом месте. Список был написан рукою Домициана. Это побудило ее принять решение убить тирана и Домиция дала знать про список всем приговоренным к смерти.

Домициан глубоко верил всем предрассудкам, суевериям и гаданиям. В юности ему предсказали халдеи год, день и даже час смерти. Поэтому он жил в постоянном страхе и чем ближе приближалась эта дата, тем беспокойнее он становился, видя в чем угодно предзнаменование смерти. Придворные, разумеется, этим пользовались. Однажды во время грозы раздался голос, точно с небес: «Рази его, Юпитер, рази!»

Пребывая постоянно в состоянии глубокого беспокойства, император однажды велел позвать к себе астролога и просил его открыть ему будущее; астролог предсказал императору большую революцию, за что и был приговорен к смертной казни. После этого император, чтобы мало-мальски успокоиться, решил сходить в баню: но один из его советников, а именно Патерий, попросил императора заняться делами, не терпящими отлагательства; Домициан принял совет и начал заниматься делами. В это время вошел в комнату вольноотпущенник Стефан и сообщил его величеству, что ему, Стефану, удалось заполучить список заговорщиков, при этом Стефан подал императору пергамент. Домициан взял список и начал внимательно его читать. В это время Стефан выхватил из-под одежды кинжал и ударил им Домициана в живот. Но удар не был смертельным, завязалась страшная борьба, во время которой Домициан стремился выколоть глаза своему противнику, чтобы обезоружить его. На шум поспешили другие заговорщики и шестью ударами кинжалов добились Домициана.

Это было 18-го сентября 96-го года. Так 47 лет от роду закончил свою жизнь Домициан, процарствовав всего 5 лет.

Римский народ равнодушно принял известие об убийстве тирана. Солдаты хотели воздать божеские почести покойному, но сенат воспротивился этому. Труп убитого был тайно похоронен его кормилицей. Все торжествовали, избавившись от кровожадного тирана. Со смертью Домициана закончилось правление императорской фамилии Флавиев, то есть Флавия Веспасиана и его детей.

Пио О. Жизнь римских императриц. — СПб., 1895.

СМЕРТЬ ГЛАДИАТОРА

Коммод³² был третьим ребенком, последним сыном знаменитой династии Антрининов. К сожалению, он весьма мало походил на своих предшественников, с самого детства обнаруживая жестокость души. Когда ему еще не было полных одиннадцати лет, он приказал приготовить себе ванну и, найдя ее недостаточно горячей, разгневался и тут же велел раба, приготовившего ему эту ванну, бросить в кипяток; отчаянные крики несчастного вызвали улыбку на губах этого страшного ребенка. Во время юности, когда Коммод уже значительно подрос, он проводил время среди куртизанок, игроков и гладиаторов; все злопроисходило на глазах императора Марка Аврелия,³³ который был так же снисходителен

---

³² Коммод — римский император, 176–192 гг.

³³ Марк Аврелий — римский император (161–180), был популярен среди населения империи, автор философского произведения «Наедине с собой».

к сыну, как и к его матери.

Марк Аврелий думал исправить юношу, женив его. Отец выбрал для сына самую красивую девушку в Риме, дочь сенатора и консула Бруция Презента, Криспину, но развратный юноша не изменил своего поведения после свадьбы и был совершенно равнодушен к своей юной, красивой жене.

Криспина вошла в императорское семейство именно в то время, когда ее свояченица Люцилла вышла вторично замуж за сенатора Помпеяна. Тотчас же между этими двумя женщинами возникла вражда. Криспина, жена наследника престола, не могла переносить присутствия во дворце жены простого сенатора.

После смерти Марка Аврелия, когда Коммод, девятнадцати лет отроду, вступил на престол, тщеславная и гордая жена его настаивала, чтобы Люцилла была немедленно удалена от двора. Коммод, несмотря на то, что был братом Люцилле, поддался ее красоте и вступил с нею в незаконную связь. Люцилла была вполне убеждена, что теперь она заберет всю власть в свои руки, но вскоре должна была разочароваться в этом. Развратный и капризный юноша отвернулся от нее и стал нежничать со своей женой Криспиной.

Полная злобы, Люцилла обратила всю свою ненависть на изменника-любовника и поклялась отомстить ему. Разгневанная Люцилла создала коварный план, чтобы убить брата и возвести на престол любимого ею человека. Мужу своему Помпеяну она не решалась открыть своего плана, боясь, что он по дружбе с Коммодом выдаст ее, и взяла в сообщники своего первого любовника, Квадрата.

Хитрая женщина предстала перед ним очень грустной с заплаканными глазами и на вопрос его, — что происходит с ней, рассказала, что ее свояченица, Криспина, хочет прогнать ее из дворца, лишить всех почестей и даже посягает на ее свободу. Страстно влюбленный юноша тотчас же объявил, что готов сделать все ей угодное. Люцилла тогда посвятила его в свой план заговора, назвав его единственной возможностью навсегда избавиться от унижений. Помпеян, конечно, был в стороне, но все поклонники его супруги вступили в этот заговор; в числе заговорщиков был некто Квинциан, юноша смелый и сильный; он и принял на себя обязанность нанести смертельный удар императору. Квадрат, обладавший громадными богатствами, обещал раздать деньги народу для того, чтобы тот не мстил за убийство императора.

В назначенный срок Квинциан стал поджидать Коммода в узком коридоре дворца, по которому должен был проходить император, и, когда тот показался, убийца выбежал из-за угла, но не успел привести в исполнение свой злодейский замысел, так как тотчас же был убит гвардейцами, сопровождавшими императора.

Люцилла, ожидавшая с нетерпением результатов покушения, наконец узнала, что оно не удалось. Ее душевное состояние быстро изменилось: вместо злобы и желания мстить неверному брату-любовнику, ее обуял страх. Она знала, что последствием заговора будет ее ссылка на остров Капри и смертная казнь всех заговорщиков.

Эта несчастная история послужила для злого и развратного Коммода поводом, чтобы казнить множество ни в чем не повинных людей, которых император не любил; казнили и честных, и порочных, и врагов, и даже друзей. Жестокий Коммод находил для себя наслаждение в том, что присутствовал при пытках обвиняемых. Император называл эти пытки — вивисекциями.

Проведя всю свою жизнь во дворце, среди падших женщин, убийц, негодяев, льстецов и трусов, император стал не только жестоким по характеру человеком, но и глубоко развращенным. Он любил ходить в цирк, править лошадьми и убивать зверей; переодетый

гладиатором он бился на арене перед публикой, за что требовал платы в 200 000 лир за бой. Всех своих сестер он опозорил незаконной связью и жену называл любимой любовницей.

Все эти похождения Коммода, само собою разумеется, не могли быть неизвестны его юной жене. Мало-помалу и она стала привыкать к разврату и, в конце концов, стала такой же распутной, как многие предшествовавшие ей императрицы.

Однако, ее «достойный» супруг Коммод, несмотря на свое позорное нравственное падение, не мог перенести измены жены. Он сослал ее в изгнание на остров Капри. Туда была уже сослана сестра Коммода, Люцилла.

Таким образом, несчастная судьба соединила этих двух соперниц. История нам ничего не говорит о том, помирились ли эти две женщины, но остается фактом, то, что они недолго были вместе на острове. Коммод вскоре послал на остров своих слуг с приказом убить обеих изгнанниц.

После убийства Люциллы и Криспины Коммод недолго жил. Много было заговоров против него, но все они по разным причинам не удавались, пока в начале года не было предположено устроить празднество в честь богини Дианы. По этому случаю Коммод решил торжественно выйти к публике, окруженный гладиаторами, переодетый и вооруженный так же, как они. Одна из любимых его куртизанок, по имени Марция, а также префект преторианцев Лет и Эклект старались отговорить императора предпринимать это торжество.

Коммод страшно рассердился, убежал в свою комнату и занялся составлением списка приговоренных к смерти, причем не забыл, конечно, внести в список Марцию, Лета и Экакта. Оставив список на столе, он вскоре лег спать.

Случилось то же, что при убийстве Домициана. Маленький мальчик пробрался тихонько в его комнату и, увидев на столе листок, схватил и унес его. Марция первая обратила внимание на пергамент, который таскал мальчик, и полюбопытствовала, что написано в нем. К своему ужасу она увидела, что это список приговоренных к смерти, в числе которых была и она, и Лет, и Эклект, и многие другие именитые граждане Рима. Не медля ни минуты, Марция всыпала яд в вино императора, но потом, сообразив, что при помощи рвотного он может избавиться от яда, она тотчас же послала атлета Нарцисса задушить Коммода.

Так бесславно закончилось тринадцатилетнее пребывание у власти жестокого и развратного тирана.

Пио О. Жизнь римских императриц. — СПб., 1895.

СУДЬБА БРАТОУБИЙЦЫ (ДИОН КАССИЙ³⁴, ГЕРОДИАН³⁵)

После смерти императора Септимия Севера³⁶ всю власть захватил его сын Антонин;³⁷ считалось, правда, что он управляет вместе с братом Гетой, но в действительности с самого начала, он распоряжался единолично. Он заключил мир с врагами, очистил их территорию, оставил крепости; что же касается приближенных отца, то некоторых он отрешил от должности — например, Папиниана, который был префектом претория,³⁸ — а других

---

³⁴ Дион Кассий — римский историк (155–230 г.).

³⁵ Геродиан — греческий историк III в.

³⁶ Септимий Север, римский император. 193–211 г.

³⁷ Римский император Цезарь Марк Аврелий Антонин Август, известен под прозвищем «Каракалла» от названия одеяния, спускавшегося до пят (211–217 г.).

³⁸ Глава гражданского управления империи и начальник преторианской гвардии.

казнил; среди казненных были его воспитатель Эвод, Кастор, жена Кастора Плавтилла и ее брат Плавтий. В самом Риме он осудил на смерть человека, который сам по себе ничего не значил, но благодаря своей профессии приобрел широкую известность, — возникшего Эвпрепия, принадлежавшего к той цирковой партии, которая не пользовалась благосклонностью императора. Так погиб Евпрепий, человек преклонного возраста, увенчанный во многих ристаниях: семьсот восемьдесят два раза одержал он победу — больше любого другого возникшего. Убить брата Антонин задумал еще при жизни Севера, но в ту пору его замыслу не дал осуществиться отец, позднее же, во время похода, — войско: дело в том, что солдаты очень любили младшего из братьев, главным образом за то, что обликом он напоминал отца. Но, возвратившись в Рим, Антоний погубил и его. Братья делали вид, будто любят друг друга, и расточали взаимные похвалы, однако ни в чем у них не было согласия, и не трудно было понять, что дело идет к зловещему концу — об этом даже знамение было еще до их возвращения в Рим. Сенат постановил принести жертвы и молиться о согласии между императорами различным богам, в том числе и самой богине Согласия. Прислужники приготовили жертвенное животное для богини Согласия, пришел консул, чтобы совершить заклятие — однако же ему не удалось найти прислужников, ни им его. Они провели почти всю ночь в розысках друг друга, и жертвоприношение так и не смогло состояться. На другой день два волка взошли на Капитолий; их оттуда погнали, и один был настигнут где-то на форуме, а затем и другой был убит — за померием. И эти события тоже предвещали грядущую судьбу Антонина и его брата.

Антонин решил убить брата во время празднования сатурналий,³⁹ но ничего не вышло. Его козни были слишком явными, чтобы их можно было держать в тайне; между братьями то и дело возникали ссоры, они злоумышляли друг против друга и принимали всевозможные меры защиты. Так как Гета дома и на улицах, днем и ночью, находился под охраной многочисленных воинов и атлетов, Антонин уговорил мать пригласить их вдвоем в свои покои — для примирения: Гета поверил и пришел к матери вместе с ним. Когда они были уже у нее в доме, ворвался отряд центурионов, заранее подготовленный Антонином; Гета, едва увидел их, бросился к матери, повис у нее на шее, прижался к груди, плача и крича: «Мама, мама, ты родила меня, помоги, убивают!». Тут он и погиб. И мать, так ужасно обманутая, собственными глазами видела бесстыдную расправу с сыном, зарезанным в ее объятиях, и приняла Гету мертвым на лоно, родившее его. С ног до головы в крови сына, она даже не замечала, что сама ранена в руку. Ей нельзя было ни выказать свое горе, ни оплакать сына, безвременно погибшего столь печальным образом (ему было тогда двадцать два года и девять месяцев); ее заставили ликовать и смеяться, словно ее осчастливили: за всеми ее словами и жестами, за цветом ее одежд строжайше следили. Ей единственной — августе, вдове императора, матери императоров — нельзя было даже наедине с собой пролить слезу в таком горе!

Тем временем Антонин — хотя уже наступил вечер — отправился в лагерь к солдатам и всю дорогу голосил, что против него составлен заговор и что его жизнь в опасности, а как только оказался внутри зала, закричал: «Радуйтесь, мужи-соратники, теперь-то я уж смогу вас облагодетельствовать!». Таким образом, прежде чем они услышали о случившемся, он уже заткнул им рот щедрыми посулами, чтобы они не могли ни подумать, ни сказать что-нибудь хорошее о покойнике.⁴⁰

---

³⁹ Праздник в честь бога Сатурна.

⁴⁰ Дион Кассий. Римская история. Цит. по кн.: Поздняя греческая проза. — М.: Худож. лит., 1960.

Были у него два префекта претория, один, по имени Адвент, совсем уже старик, совершенно чуждый каким-либо государственным делам и не сведущий в них, зато имевший славу настоящего воина; а другой, его звали Макрин, чрезвычайно опытный в судебных делах и особенно сведущий в законах. Над ним Антонин то и дело насмехался публично, говоря, что он не воин и ни на что не годен. Дошло до совершенного глумления: прослышав, что Макрин ведет свободный образ жизни и брезгует дурной и негодной пищей и питьем, которыми Антонин как истинный воин конечно же наслаждается, видя его одетым в короткий плащ или в другую сколько-нибудь изящную одежду, Антонин стал злословить, что тот не мужествен и страдает женской слабостью; при этом он всегда грозился убить его. Макрин тяжело переносил это и очень негодовал. А тут произошло еще нечто, отчего жизнь Антонина должна была оборваться: Слишком любопытный, Антонин хотел знать не только все то, что касается людей, но и заглянуть также и в область божественного и сверхъестественного. Вечно подозревая во всех заговорщиков, он непрестанно вопрошал оракулы, посылал повсюду за магами, звездочетами, гадателями по внутренностям животных, так что не пропустил ни одного из тех, кто берется за такую ворожбу. Подозревая, однако, что они из угодничества не говорят ему правды, он пишет некоему Матерниану, которому он тогда вверил все дела в Риме и который слыл вернейшим его другом и единственным, кто был посвящен в его тайны. Он велит Матерниану разыскать лучших магов, чтобы вызвать умерших и разузнать о конце его жизни, а также не покушается ли кто на его власть. Матерниан без всяких опасений выполняет повеление государя и сообщает, что на власть покушается Макрин и что необходимо убрать его — неизвестно, действительно ли так вещали духи или он вообще подкапывался под Макрина. Это письмо, запечатав вместе с другими, он, как всегда, вручает для доставки людям; не знаящим, какую весть они несут. Те, с обычной скоростью проделав путь, прибывают к Антонину как раз, когда он в снаряжении возницы поднимался на колесницу, и передают ему всю связку, где было и письмо против Макрина. Антонин, сосредоточенный и захваченный предстоящей скачкой, велит Макрину отойти в сторону и, уединившись, просмотреть письма; если там есть неотложные дела, доложить ему, если же таких нет, то обычными занятиями самому как префекту (Антонин часто обращался к нему с таким поручением). Так распорядившись, он вернулся к своему занятию. Макрин же, оставшись один, вскрывая письмо за письмом, прочитывает и то, смертоносное, и сразу понимает, какая опасность ему грозит. Представляя себе кровожадную ярость Антонина от такого письма, которое станет для него прекрасным предлогом, он уничтожает это письмо, а об остальных сообщает, что они обычные.

Боясь, как бы Матерниан не написал того же во второй раз, он предпочел действовать, а не ждать. Вот на что он решается. Был некий центурион из личной стражи Антонина, постоянно сопровождавший государя; имя ему было Марциалий. Так вот, прошло всего несколько дней после того, как Антонин казнил брата этого Марциалия по клеветническому и оставшемуся недоказанным обвинению; и над самим Марциалием Антонин издевался, говоря, что он не мужчина, что он трус и Макринов дружок. Зная, что он скорбит об убитом брате и задет издевками Антонина, Макрин посылает за ним; совершенно в нем уверенный (Марциалий давно уже служил у Макрина и получал от него немало благодеяний), он убеждает его выждать удобный случай и нанести удар Антонину. И Марциалий поддается на уговоры Макрина, а так как он и без того был полон ненависти и стремился отомстить за брата, он с радостью соглашается сделать все, как только случай представится.

После этого сговора вскоре случилось так, что Антонин, живший в то время в Месопотамии, в Каррах, захотел выехать из своего дворца и отправиться в храм Луны,

чрезвычайно почитаемый жителями той земли. Храм этот стоит далеко от города, так что это целое путешествие. Не желая утомлять свое войско, он взял с собой небольшой отряд всадников, и они тронулись в путь, чтобы, принеся жертвы богине, вернуться обратно. На середине пути у Антонина заболел живот, и он, распорядившись, чтобы все стали подальше, берет одного слугу и отходит в сторону, чтобы освободиться от того, что его беспокоило; так что все повернулись и отошли как можно дальше, проявляя почтительность и стыдливость перед происходящим. Марциалий, выжидавший первого удобного случая, видя, что Антонин остался один, бежит к нему, будто бы по знаку государя, чтобы — сказать или выслушать что-то; подойдя к нему сзади как раз в то время, когда тот снимал с бедер одежду, он наносит удар кинжалом, который незаметно держал в руках. Удар под ключицу был верный; так Антонин оказался беззащитным и был неожиданно убит. Когда он упал, Марцилий, прыгнув на коня, бежал. А всадники-германцы, которых Антонин любил и держал в своей личной охране, стоя сейчас ближе всех других, первые заметили происшедшее, бросились в погоню за ним и убили его, кидая свои дротики. Когда о случившемся узнало и остальное войско, все сбегались сюда, и первым сам Макрин, стоя над трупом, рыдал, будто пораженный горем. Все войско скорбно и тяжело переносило случившееся: они считали, что это Марциалий отомстил за свою обиду. Потом все разошлись по своим палаткам; а Макрин, предав огню останки, заключив прах в сосуд, послал его для погребения матери, жившей в Антиохии. А та, видя схожую судьбу своих сыновей, уморила себя голодом — то ли добровольно, то ли по принуждению. Вот как умерли Антонин и его мать Юлия. Единовластно, без отца и брата, он правил в течение шести лет.

Героциан. История императорской власти после Марка. — СПб.: Алетейя, 1995.

ЗАГОВОРЩИК ПОНЕВОЛЕ (АММИАН МАРЦЕЛЛИН)⁴¹

При дворе Августа Констанция⁴² совершалось много позорных дел под предлогом охраны императорского величества. Стоило кому-либо обратиться с вопросом к знатоку по поводу свиста полевой мыши, встречи с лаской или подобного знамения, стоило прибегнуть для облегчения болезни к старушечьим заговорам, — способ лечения, который допускает даже медицинская наука, — тотчас следовал с той стороны, откуда нельзя было и ждать этого, суд и смертная казнь. В это время, жена некоего Дана, рассчитывая только попугать своего мужа, пожаловалась на него за какие-то мелкие проступки... Против этого ни в чем не повинного человека злоумышлял Руфин, состоявший и тогда за свое подбострастие старшим в канцелярии префекта претория. Ранее по доносу Руфина, воспользовавшегося какими-то сведениями, полученными от имперского агента⁴³ Гауденция, был казнен тогдашний консуляр⁴⁴ Панноний⁴⁵ Африкан вместе со своими сотрапезниками. Как сам Руфин с хвастовством рассказывал, он соблазнил легкомысленную жену Дана и вовлек ее в опасное мошенничество: он убедил ее разной ложью обвинить своего невинного мужа в оскорблении величества и сочинить, что Дан украл с гробницы Диоклетиана⁴⁶ пурпурное

⁴¹ А. Марцеллин — римский историк IV в., офицер императорской армии.

⁴² Констанций II — римский император 337–361 г.

⁴³ Agentus in rebus — агент императорской тайной полиции.

⁴⁴ Почетное звание.

⁴⁵ Паннония — римская провинция (ныне Венгрия).

⁴⁶ Диоклетиан — римский император 284–305 г.

покрывало и скрывал его вместе с несколькими лицами. Подготовив таким образом погибель многим и надеясь этим возвыситься, Руфин помчался на главную квартиру, чтобы, как обычно, пустить там в ход свою клевету. Когда он сделал доклад, Маворций, состоявший тогда префектом претория, человек неукоснительно твердый, получил приказ произвести строжайшее расследование этого преступления, а товарищи к нему для допроса был назначен Урсул, комит⁴⁷ финансов, отличавшийся также строгостью. Дело значительно разрасталось по духу того времени. Многие были подвергнуты пыткам, но дело нимало не продвигалось, судьи оказывались в полном недоумении. Наконец выяснилась долго скрываемая истина, и та женщина созналась, что Руфин был виновником всей этой интриги, не скрывает и позора своего прелюбодеяния. Тотчас сообразно с действующими на сей предмет законоположениями оба были осуждены на смертную казнь, как того требовали порядок и справедливость. Известие об этом привело Констанция в ярость, и, скорбя о гибели Руфина, являвшегося как бы охранителем его благополучия, он послал верховных курьеров с грозным приказом Урсулу вернуться ко двору и явиться к ответу. Но тот, не обращая внимания на преграждавших ему доступ к императору, бесстрашно проник к нему и, войдя в консисторий, смело и правдиво разъяснил дело. Эта отвага заткнула рты льстецам, и Урсул спас от страшных опасностей как префекта, так и себя самого.

Тогда случилось в Аквитании⁴⁸ событие, наделавшее много шума. Какой-то негодяй был приглашен на богатый и роскошный пир, которые нередко даются в тех местах. Там он увидел два покрывала на обеденных ложах с такими широкими пурпурными полосами, что при искусной драпировке они казались пурпурной тканью, такими же скатертями был покрыт и стол. Оттянув снизу обеими руками переднюю часть своего плаща, он драпировался так, что оказался словно облеченным в императорское одеяние. Этот случай погубил богатое состояние. Такой же коварный поступок совершил один императорский агент в Испании, будучи также приглашен на пир. Когда он услышал обычный возглас слуг, вносящих вечерние светильники: «Да будет наша победа!»⁴⁹ злостно истолковал эти слова и погубил знатное семейство.

Римский император Констанций,⁵⁰ со своей чрезмерной подозрительностью, постоянно грезил покушениями на жизнь. Он уподобился в этом знаменитому сицилийскому тирану Дионисию, который из-за этой своей слабости научил своих дочерей парикмахерскому искусству, чтобы не поручать бритье своего лица кому-либо чужому. Тот же Дионисий окружил маленький домик, который служил ему обычно местом ночного отдыха глубоким рвом, через который был перекинут разборный мостик; отходя ко сну, он уносил с собою разобранные балки и доски этого моста, а утром опять водворял их на место, чтобы иметь возможность выйти. Раздували пламя общественных бедствий также и влиятельные при дворе лица с тем, чтобы присоединить к своему имуществу добро осужденных и иметь возможность расширять свои земельные владения, включая в них соседние участки. На основании совершенно ясных свидетельств можно утверждать, что

---

⁴⁷ Комит — «спутник», должность в гражданском аппарате управления и в армии.

⁴⁸ Римская провинция, ныне область во Франции.

⁴⁹ Возглас: *tuvincas* был приветствием императору и сохранялся в Византии в VI веке, а вероятно и позднее. Ср. Theoph. Chr. p. 182 Boor.

⁵⁰ Констанций, римский император 337–361 г.

впервые Константин⁵¹ дал открыть пасть своим приближенным, а Констанций кормил их до отвала самым мозгом провинций. При нем первые люди всех рангов пылали ненасытной жаждой обогащения без всякого стеснения перед правдой и справедливостью. Среди гражданских лиц выделялся в этом отношении префект претория Руфин, а среди военных — магистр конницы⁵² Арбецион, прелозит царской опочивальни⁵³ квестор,⁵⁴ а в Риме — Аниций, которые, следуя примеру предков, никогда не могли насытиться, хотя состояние их непрерывно возрастало.

При этом печальном положении дел поднялась новая буря бедствий, не менее горестная для провинций, и все оказалось на краю гибели; но благодетельная властительница людских судеб Фортуна положила скорый конец в высшей степени грозному бунту. Когда Галлия⁵⁵ из-за продолжительного попустительства власти, подвергалась жестоким убийствам, грабежам и пожарам со стороны свободно бродивших по ней варварам, и никто не приходил ей на помощь, отправился туда по приказу императора магистр пехоты Сильван, человек, которого считали способным поправить положение дел. Всячески старался ускорить его отъезд Арбецион, чтобы устранить соперника.

Некий Динамий, актуарий императорских вьючных лошадей, попросил у него (Сильвана) рекомендательные письма к друзьям, чтобы представить себя его близким приятелем. Получив письма от Сильвана, который по простоте душевной ничего не подозревал, Динамий спрятал их, чтобы совершить со временем нечто губительное. А Сильван проходил походами по Галлии, сообразуя их с потребностями времени, и разгонял варваров, которые сбавили в своей наглости и стали чувствовать страх. Между тем Динамий, человек хитрый и поднаторевший в обманах, придумал безбожное коварство, причем помощником и соучастником ему был, по темным слухам, префект претория Лампидий, а также Евсевий, бывший комит государственных имуществ, и Эдесий, бывший магистр императорской канцелярии рескриптов и прошений, — им обоим префект устроил приглашение на торжество вступления консулов в должность как своим близким друзьям. Смыв кисточкой текст писем Сильвана и оставив только подпись, они написали на них совершенно отличный от прежнего текст, как будто Сильван в двусмысленных выражениях просил и убеждал своих друзей, состоявших при дворе, и частных лиц — в числе их Туск Альбин и многие другие, — помочь в затеваемом им государственном перевороте и посягательстве на верховную власть в скором времени... Этот пакет вымышленных писем, сочиненных с целью погубить невинного, Динамий передал префекту для представления императору, жадному до расследования подобных дел. Улучив подходящее время, префект, надеясь показать себя бдительным стражем жизни императора, испросил аудиенцию с глазу на глаз и прочитал ему эти хитро сочиненные письма. Немедленно отдан был приказ взять под стражу трибунов⁵⁶ и доставить из провинции частных лиц, имена которых значились в письмах.

Командир гентилов⁵⁷ Маларих, негодуя на эту гнусную интригу, немедленно созвал

---

51 Константин Великий — римский император, умер в 337 г., отец Констанция, сделал христианство официальной религией.

52 Военский чин, соответствует примерно современному генералу армии.

53 Придворная должность.

54 Чиновник, осуществлявший правосудие.

55 Галлия — римская провинция (ныне Франция).

56 Офицерский чин, командир воинского подразделения.

57 Гентилы — название воинского подразделения.

своих коллег, страшно возмущался и кричал, что преданных империи людей безбожно обходят партийными интригами и обманом. Он просил разрешения немедленно отправиться и привезти Сильвана, который никогда не замыслил того, что приписывают ему его злые враги, причем он предлагал взять в заложники за себя свою семью и представлял поручительство трибуна арматур⁵⁸ Маллобавда в том, что он вернется, или же предлагал на таких же условиях позволить отправиться Маллобавду, который выполнит то, что он сам брался сделать. Заявлял он также с полной уверенностью, что если не пошлют к Сильвану его соплеменника, то тот, вследствие склонности проявлять опасливость даже в случаях, когда нет ничего угрожающего, может вызвать восстание.

Хотя совет этот и был полезен и целесообразен, но речь его была выброшена на ветер. По совету Арбециона послан был вызвать Сильвана с письменным приказом Аподемий, давний и жестокий враг всех хороших людей. Прибыв в Галлию, Аподемий отступил от данных ему при отъезде предписаний, не повидался с Сильваном, не передал ему письменного приказа возвратиться ко двору, но, пригласив к себе начальника денежной части, стал преследовать клиентов и рабов магистра пехоты (Сильвана) с таким враждебным высокомерием, как будто тот был уже проскрибирован⁵⁹ и приговорен к смерти. Пока ждали скорого прибытия Сильвана, а Аподемий производил смуту в Галлии, Линамий, желая подкрепить свою подлую интригу надежными аргументами, переслал от имени Сильвана и Малариха трибуну кремонской оружейной фабрики сочиненное им самим письмо, близкое к тем, которые он доставил императору через префекта. Письмо содержало предписание трибуну как соучастнику тайны поспешить с подготовкой дела. Прочитав это письмо, трибун долго недоумевал, чтобы это значило, так как не мог вспомнить, чтобы авторы письма когда-либо беседовали с ним на подобную тему. И вот он через того же посланца, который принес письмо, приставив к нему одного солдата, отослал письмо к Малариху, с настойчивой просьбой объяснить открыто и без загадок, чего он хочет. Он заявлял, что, как человек простой и необразованный, не понимает речей намеками.

Маларих, которого продолжали угнетать тяжелые заботы и тревоги за судьбу своего земляка Сильвана, а также и свою собственную, получив это письмо, пригласил к себе франков, которых было много и которые имели силу при дворе, держал перед ними возбужденную речь и жаловался, что интрига, ставшая теперь ясной, направлена против их жизней.

Поставленный в известность об этом император повелел произвести следствие по этому делу общей комиссией придворных и всех высших военных чинов. Поскольку судьи не захотели вникнуть в дело, Флоренции, сын Нигриана, исполнявший тогда обязанности магистра оффиций,⁶⁰ тщательно рассмотрев документ, заметил остатки прежних записей и заключил отсюда, что после уничтожения прежнего текста, с злостным умыслом был написан другой. Когда таким образом было разоблачено мошенничество и был представлен точный отчет императору, он приказал, лишив должности префекта (Лампадия), отдать его под суд; но усиленное заступничество многих лиц спасло префекта. Евсевий, бывший комит государственных имуществ, показал под пыткой, что эта интрига была ему известна. Эдесий упорно отрицал, что ему было нечто известно по этому делу, и был освобожден от ответственности. Таким образом, дело кончилось освобождением всех привлеченных к ответственности по доносу об этом преступлении. А Динамий, как будто зарекомендовал себя с лучшей стороны, послан был управлять Тусцией в звании корректора.

---

⁵⁸ Воинский офицерский чин.

⁵⁹ Объявлен вне закона.

⁶⁰ Заведующий императорской канцелярией.

Сильван тогда находился в Агриппине⁶¹ и получал непрерывно сведения о том, что затевал на его гибель Аподемии. Зная переменчивый нрав императора и опасаясь заочного осуждения без суда и следствия, он подумывал в своем трудном положении — отдаться под защиту варваров. Но ему отсоветовал это Ланиогайз, бывший тогда трибуном, тот самый, что один присутствовал при смерти Константа,⁶² будучи тогда в звании кандидата. Он доказывал Сильвану, что франки, к которым он принадлежал по происхождению, или убьют его, или выдадут за деньги. Не находя из сложившихся обстоятельств никакого выхода, Сильван почувствовал себя вынужденным прибегнуть к последнему средству: тайно переговорив с наиболее влиятельными офицерами и склонив их на свою сторону обещаниями больших наград, он провозгласил себя императором, временно воспользовавшись пурпурными тканями, снятыми с драконов и других знамен. Пока в Галлии происходили эти события, однажды вечером принесено было в Медиолан неожиданное известие о том, что Сильван уже открыто, не довольствуясь своим рангом магистра пехоты, привлек на свою сторону армию и провозгласил себя государем. Констанций был поражен этим известием, словно ударом грома; все сановники были созваны на совет во вторую стражу ночи⁶³ и поспешили во дворец. Никто ничего не мог ни придумать, ни сказать, и лишь шепотом произнесено было имя Урзицина, человека выдающихся военных талантов, которому безвинно была нанесена тяжкая обида. Немедленно он был приглашен через магистра приемов — что являлось наиболее почетным способом приглашений — и когда он вошел в зал совета, более любезно, чем когда-либо прежде, позволено было ему поцеловать пурпур. Этот способ приветствия учредил впервые по обычаю чужеземных царей император Диоклетиан, тогда как ранее государей приветствовали так же, как и сановников. И тот, которого недавно резко преследовали, называя его пожирателем Востока и обвиняя в намерении овладеть через своих сыновей верховной властью, был теперь предметом заискиваний как самый опытный полководец, боевой товарищ Константина Великого, единственный, кто может подавить восстание, — что и было правильно, хотя при этом имелись и тайные умыслы, а именно: все прилагали старание сокрушить Сильвана, сильного военной доблестью мятежника, или же, если бы это не удалось, добить пошатнувшегося уже Урзицина, чтобы совсем устранить этого человека, внушавшего большой страх. И вот когда он, принимая спешные меры для ускорения сборов в путь, хотел представить возражение против выставленных против него обвинений, император остановил его любезной речью, что, мол, теперь не время разбирать спорные дела, когда грозные обстоятельства требуют взаимного согласия партии и необходимо предупредить возможность дальнейших осложнений.

На совещаниях дело было обсуждено со всех сторон и особенно тщательно был рассмотрен вопрос о том, каким способом устроить так, чтобы Сильван думал, что император не знает о случившемся. Чтобы сделать это вероятным, сочинили любезный рескрипт, приглашавший его вернуться ко двору, сохранив все свои полномочия и передав командование Урзицину. Когда это было подготовлено, Урзицин получил приказ немедленно выезжать. По его требованию, ему дана была свита из трибунов и десяти протекторов-доместиков⁶⁴ для исполнения поручений по государственному делу. Среди них

---

⁶¹ Ныне Кельн, Германия.

⁶² Младший брат Констанция, которому император Константин предоставил Иллирик (ныне Югославия), Италию и Африку; после войны со старшим братом Константином II, в 340 г., Констант завладел всей западной половиной империи и правил до 350 года, когда против него восстал Магнеций.

⁶³ Ночь делилась на четыре стражи, *vigiliae*, т. е. четыре смены часовых. Вторая стража соответствует приблизительно 9 часам вечера.

⁶⁴ Императорские гвардейцы.

был и я с моим товарищем Веренианом. Все остальные, боясь за себя, провожали его при отъезде. И хотя нас, словно бестиариев,⁶⁵ бросали навстречу диким зверям, понимали мы, однако, что бедствия в прошлом имеют ту хорошую сторону, что за ними следует радость, и восхищались изречением Цицерона, возникшим из глубин истины: «Хотя самым желанным является непрерывное благополучие, но такое правильное течение жизни не дает того чувства, какое появляется, когда мы возвращаемся к благополучию из тяжелого положения и жестоких бед».

Итак, — мы торопимся, совершая большие переезды, чтобы наш начальник прибыл в подозрительные области раньше, чем в пределах Италии мог бы распространиться какой-либо слух о появлении самозванца. Но как мы ни спешили, летевшая пред нами словно на крыльях молва выдала нас и, прибыв в Агриппину, мы нашли дело в состоянии, уже не соответствовавшем нашим замыслам. Отовсюду стекалось множество народа, все спешили поддержать Сильвана, стянуто было много войск. В данных обстоятельствах казалось более подходящим, чтобы наш начальник смиренно подделался под мысли и желания нового государя, для вида увеличив его силы своим ложным присоединением. Таким способом можно было надеяться, усыпив его осторожность разными прикрасами лести, провести его, не вызывая в нем никаких подозрений; Удача этого плана представлялась весьма сомнительной, так как приходилось с величайшей осторожностью поджидать удобного момента, не опередив его и не упустив. Если бы наши намерения обнаружались не вовремя, то было бы ясно, что все мы разом будем обречены на смерть..

Наш командир был принят весьма любезно; подчиняясь обстоятельствам, он преклонил на торжественном приеме колени перед возгордившимся, облеченным в пурпур самозванцем. Сильван оказывал ему большое уважение и обращался с ним, как с близким другом. Свободно допуская его к себе и приглашая к императорскому столу, Сильван стал приглашать его на тайные совещания относительно способов достижения единовластия. Он жаловался на то, что недостойных людей возвышают до консулата и высших постов, а что он сам и Урзицин после многих тяжких трудов, перенесенных на благо государству, попали в такую немилость, что сам он был позорно оскорблен следствием над друзьями и обвинен в оскорблении величества, а Урзицин отозван с Востока и предан ненависти своих врагов. Эти жалобы он повторял не раз и с глазу на глаз, и публично. Такие шли разговоры, а нас между тем все более пугал доносившийся отовсюду ропот солдат, которые жаловались на, нехватку всего и горели желанием форсировать со стремительной быстротой теснины Коттиевых Альп.

При этом опасном настроении умов мы обсуждали на тайных совещаниях способ привести в исполнение наш план; не раз менялись решения под воздействием страха, и мы остановились наконец на следующем. Тщательно отыскивали мы осторожных исполнителей дела и, взяв с них клятву, стали склонять на свою сторону брахиаатов и корнутов,⁶⁶ которые не отличались особенной верностью и которых можно было за высокую плату склонить к чему угодно. Таким образом дело было совершено через посредников из простых солдат, которые подходили для такого дела даже своей безвестностью и были подкуплены обещанием щедрой награды. И вот внезапно, на первом рассвете едва забрезжившего утра, собрался отряд вооруженных людей и, проявляя, как это обыкновенно бывает в рискованных предприятиях, невероятную дерзость, проник во дворец и перебил стражу. Сильван спрятался от страха в часовне; его вытащили оттуда и, когда он попытался укрыться в месте собраний христианской общины, зарубили мечами.

Так окончил свою жизнь полководец, имевший за собой немалые заслуги. Интриги

---

⁶⁵ Гладиаторы, сражавшиеся со зверями.

⁶⁶ Название воинских подразделений.

преступников опутали его, когда он отсутствовал, и, чтобы спасти свою жизнь, он решился на крайнее средство. Констанций был ему очень обязан за переход на его сторону во главе тяжеловооруженной конницы перед битвой при Мурзе,⁶⁷ но Сильван опасался неустойчивости и непостоянства Констанция, хотя имел за себя громкие дела отца своего. Бонита, который, будучи франком по происхождению, много раз сражался в междоусобной войне против партии Лииния на стороне Константина.

Еще до этих событий, разыгравшихся в Галии, в Риме в цирке однажды — неизвестно, на основании ли каких-либо данных, или просто по предчувствию, раздались громкие крики: «Сильван побежден!».

Гибель Сильвана в Агриппине, как я о ней рассказал, преисполнила императора радостью, и так как главными чертами его характера были гордость и чванство, то он приписал эту удачу исключительно своему счастью: совершавших храбрые дела людей он всегда ненавидел, как Домициан, и старался перещеголять каким-либо качеством, не имеющим отношения к личному мужеству. Он был настолько далек от мысли похвалить за успешное выполнение дела, что обронил в своем письме несколько слов о захваченных будто бы галльских сокровищах, которых никто не касался. Он отдал приказ произвести — строжайшее следствие, допросив Ремигия, который был тогда казначеем при нашем начальнике. Этот самый Ремигий позднее при Валентиниане был казнен через повешение по делу о триполитанском посольстве. По окончании этого дела Констанций стал еще более чваниться, словно он сравнился с небом и повелевает судьбою; его превозносили льстецы, число которых он преумножал, выказывая презрение недостаточно искусным и отстраняя их от себя. Про Креза читали мы, что он прогнал из своего царства Солона за неумение льстить, и Дионисий угрожал смертью поэту Филоксену за то, что тот, когда Дионисий читал свои плохие и нескладные стихи, и все их хвалили, единственный не выразил никакого одобрения. Лесть — кормилица всяких пороков. Только такая хвала должна быть угодна властителю, когда может оказаться место и для осуждения за нехороший поступок.

По восстановлении спокойствия начались, как обычно, сыски, и многие, словно преступники, были закованы в оковы и цепи. В дикой радости вознесся Павел, этот дьявольский доносчик, и дал широкий простор своим ядовитым козням. Следствие по делу вели гражданские и военные чины императорского совета, и было приказано подвергнуть пытке Прокула, domestика⁶⁸ Сильвана, человека слабого физически и болезненного. Всех охватил страх, как бы он, под воздействием на слабое тело страшной муки пыток, не обвинил в тяжких преступлениях всех без разбора. Но вышло совсем иначе, чем ожидали. Помня о сне, в котором ему было запрещено, как он утверждал, давать показания против кого-либо невиновного, он не назвал и не выдал никого, хотя и был замучен до полусмерти. Упорно оправдывал он деяние Сильвана и давал самые неопровержимые доказательства того, что не честолюбие, а необходимость вынудила его замыслить то, на что он посягнул. Он выставлял аргумент, удостоверенный показаниями многих, а именно: за пять дней до того, как Сильван возложил на себя императорскую повязку, он выдал жалование войску от имени Констанция и обратился с речью к солдатам, внушая им быть храбрыми и сохранять верность. Было ясно, что если бы он собирался посягнуть на императорский венец, то раздал бы эту большую сумму золота от своего имени.

---

⁶⁷ Ныне Эссек на Драве в Венгрии. Здесь произошла 28 сентября 351 г. большая и страшно кровопролитная битва между войсками Констанция и Магнениия. Победа осталась на стороне Констанция. Zos. II 42–54.

⁶⁸ При всех высших чинах, особенно военного звания, состояли domestики, начальники личной охраны и ближайшие доверенные. Институт этот — германского происхождения; из него выросли мажордомы франкских королей.

После Прокула осужден был на смертную казнь Пэмений, который когда тревирцы заперли ворота своего города перед Цезарем Деценцием, возглавил организацию обороны.⁶⁹ Затем казнены были комиты Асклепидот, Луттон, Маудион и вместе с ними многие другие, так строго в те времена преследовались дела, подобные описанному.

Мариеллин Аммиан. Римская история. — СПб.: Алетейя, 1994.

ПОСЛЕДНИЙ ЩИТ РИМА

После смерти императора Феодосия в 395 г. смуты в Римской империи особенно усилились. Империя была разделена между малолетними сыновьями Феодосия. Восток был отдан восемнадцатилетнему Аркадию, вялому, неповоротливому и сонливому юноше, а Запад — одиннадцатилетнему слабоумному Гонорию. При нем советником и фактическим правителем являлся вандал Флавий Стилихон. Он был женат на племяннице умершего императора Феодосия Серене, даровитой и энергичной женщине. Стилихон был выдающимся полководцем и дальновидным политиком.

В это время над Римской империей нависла новая опасность. Воинственные племена готов, жившие в восточной части империи, сплотились и начали военные действия. На народном собрании готы выбрали своим вождем — конунгом — одного из самых прославленных своих воинов — Алариха. Восставшие готы двинулись против Константинополя и, взяв с него выкуп, обрушились на Македонию и Грецию. Без всякого труда прошел Аларих Македонию и Грецию, везде опустошая города, захватывая богатую добычу и увозя жителей в рабство.

Войска, во главе которых стоял Стилихон, начали успешную борьбу с готами. Алариху с трудом удалось уйти от поражения. Но готы решили готовиться к новому походу. Они собирали войска, заставляли греческих мастеров готовить им оружие.

В ноябре 401 г. готские полчища вторглись в Италию, которую до того времени еще не коснулось одно варварское нашествие. Ужас объял страну. Богатые и знатные люди, спасая жизнь и имущество, готовились бежать в Сицилию или Африку. Трусливый Гонорий собирался искать убежища в Галлии. Энергия и мужество Стилихона и на этот раз спасли положение.

Он стянул легионы с отдаленных окраин империи — Британии и Галлии. Но этого было мало. Тогда он обратился за союзом и помощью к племенам аланов. Тем временем готы, опустошая северную Италию, подошли к Милану и осадили город Асти, где заперся император Гонорий. Аларих уже торжествовал победу. Он обещал своей жене подарить рабынь — знатных римлянок — и драгоценности римских матрон.

В это время подоспел Стилихон с войсками. Возле города Полленция произошла битва. Готы были разбиты и бежали. Италия была спасена. В честь этой победы Гонорий и Стилихон отпраздновали в Риме блестящий триумф. Пленных готов вели по улицам «вечного города», за триумфальной колесницей везли закованную в цепи статую Алариха (сам вождь готов спасся). На арене большого амфитеатра были даны гладиаторские игры. Это был последний триумф и последние бои гладиаторов в Риме.

Умный политик Стилихон понимал, что, несмотря на победу, империя истощена до крайности и нуждается в помощи и защите. Поэтому он решил заключить союз с побежденным, но еще сильным врагом. Аларих, отступивший в Эпир, быстро собрал новую

---

⁶⁹ Деценций — брат претендента Магнеция, с которым Констанций боролся с 351 по 353 год. Магнеций назначил своих братьев Дезидерия и Деценция Цезарями. Деценций правил в Галлии и в 353 г., будучи разбит аламаннским царем Хонодомарием, лишил себя жизни.

армию. Еще не закончились переговоры между Стилихоном и Аларихом, как новое бедствие обрушилось на Италию. Теснимые гуннами и сарматами, северо-германские племена в количестве 300 тыс. человек вторглись в Италию. Их предводителем был Радагайс. Говорили, что он поклялся принести на алтарь своих богов кровь всех римских сенаторов.

Стилихон снова проявил огромную энергию. Ввиду критического положения в армию призывались даже рабы, которым обещали свободу. Во имя любви к родине всех свободных приглашали взяться за оружие. Повсюду разыскивали и возвращали в войско дезертиров. Но и такими мерами удалось собрать лишь 30 тыс. человек. Правда, и с этими небольшими силами Стилихон смог разбить войска Радагайса.

Но победа досталась дорогой ценой. Уцелевшим германцам удалось прорваться в Галлию и Испанию.

Древний Рим. — М.: Учпедгиз, 1955.

Правительство Западной Римской империи имело достаточно сил, чтобы разгромить варваров. Но вместо этого оно готовило войну против восточной империи (Византии). Войска и флот стягивались в Равенну. «В этом городе Стилихон готовился к наступлению в города Иллирика,⁷⁰ которые он хотел в союзе с Аларихом оторвать от императора Аркадия и передать императору Гонорию» — говорит историк V в. Зосим.

Началу войны в 407 г. помешали два обстоятельства: потеря связи с Аларихом (распространились слухи о его смерти) и провозглашение сначала в Британии, а затем в Галлии императором Константина.⁷¹

Правительство Стилихона оказалось в тяжелом положении. В Галлии для борьбы против врагов нужны были военные силы, тогда как налог из Галлии, естественно, не поступал. Северная Африка платила его неаккуратно. В таких условиях давно задуманная операция по захвату префектуры Иллирик казалась надежным выходом из всех затруднений.

К весне 408 г. все приготовления к войне были закончены, и только отсутствие связей с Аларихом задерживало ее начало.

Тем временем Аларих, не дождавшийся приказа о наступлении, стянул войска в Эмону и потребовал от Равеннского двора ранее обещанных денег. В 402 г. Стилихон предполагал расплатиться за счет ограбления Византии. Теперь пришлось раскошелиться Риму.

Стилихон объяснил римскому сенату, что Аларих готовился к войне против Византии, имея задачу подчинить всех иллирийцев императору Гонорию. Сенаторы решили уплатить требуемую сумму. Зосим утверждал, чтобы оправдать сенаторов, будто большинство их уступило из страха перед Стилихоном, а Лампадий заявил: «Это не мир, а откуп от рабства».

Договор с Аларихом был возобновлен. Но в этот момент пришло известие о смерти византийского императора Аркадия (1 мая 408 г.).

Это обстоятельство давало повод для похода в Константинополь под предлогом защиты интересов малолетнего наследника престола, хотя его прав никто не оспаривал. Спешно готовилась экспедиция. Стилихон оставил Рим и прибыл в Равенну, а Гонорий направился к войскам в Боннонию и Тицин.

Стилихону было выгодно послать Гонория с частью легионов в Галлию, где его ожидало неминуемое поражение, а самому возглавить поход в Византию, где победа казалась обеспеченной. Стилихон представил Гонорию непомерную смету расходов, предстоящих в том случае, если император станет во главе экспедиции в Византию.

---

⁷⁰ Иллирик — римская провинция (ныне Югославии).

⁷¹ Узурпатор Константин правил в Галии, Британии, Испании в 407–411 гг. Разбит в 411 г., казнен.

Доводы Стилихона показались убедительными, и Гонорий вручил ему письма на имя Алариха и малолетнего наследника, сына Апкалия Феодосия, а сам отправился к легионам в Тицин, чтобы вдохновить их на войну против Константина.

Оставшись в Равенне, Стилихон занялся перегруппировкой воинских частей, что оттянуло начало похода.

События в Галлии и усиление личной власти Стилихона, закрепившего свое влияние на императора выдачей за него замуж своих дочерей (сначала Марии, а когда она умерла — Терманции), вызвали недовольство староримской знати. Ходили слухи, что Стилихон отозвал легионы из Галлии для того, чтобы с их помощью посадить своего сына Евхерия либо на византийский престол, либо на трон Гонория.

По словам Орозия, «опекун Стилихон, происходивший из племени вандалов, в войнах жадного, вероломного и коварного, мало ценя то, что он властью был равен императору, старался любым способом поставить императором своего сына Евхерия, который еще будучи мальчиком и частным лицом, замышлял уже преследование христианства». Орозий не приводит фактов, подтверждающих его слова. Их, вероятно, и не было. Но главное в рассказе Орозия — это свидетельство об оппозиции к Стилихону значительной части католической знати. Это подтверждается и рассказом Зосима о том, что католическое духовенство вместе с Олимпием вело агитацию против Стилихона, обвиняя его в стремлении возвести на трон своего сына, который будто бы имел намерение, придя к власти, восстановить язычество.

Язычники, в свою очередь, возмущались его пренебрежением их верой и древними обычаями. Вспоминали, что после победы над Евгением, Серена, жена Стилихона, сняла украшения со статуи Реи, а Стилихон — массивные золотые пластины с дверей храма Юпитера. Часть знати обвиняла Стилихона в стремлении захватить верховную власть в государстве. И христианские, и языческие писатели позже утверждали, что Стилихон преднамеренно призвал варваров в пределы Империи.

Антиварварская партия языческой и христианской знати обвинила Стилихона в замыслах против их религий и в привлечении варваров в Империю. Чтобы скрыть свою вину в ослаблении государства, этой партии было выгодно приписать все просчеты и неудачи Стилихону.

Пример Восточной империи (Византии), где в 400 г. было покончено с засильем варварской знати при дворе, действовал вдохновляюще. Возник заговор, который возглавил Олимпий, начальник канцелярии императора и его советник. Вокруг Олимпия объединились различные группировки знати, недовольные Стилихоном и усилением его личной власти.

В Тицине, куда прибыл император Гонорий, чтобы вдохновить легионы на поход в Галлию, Олимпий вел агитацию среди солдат, посещал больных воинов. Когда же Гонорий выступил перед легионерами, призывая их выступить против Константина, они восстали.

Восставшие самым решительным образом расправились со сторонниками Стилихона, поскольку стало известно о его намерении применить децимацию (убийство каждого десятого), чтобы привести их к повиновению. Они убили префекта Галлии Лимения, командира галльских легионов Хариобавда, командира кенийцы Винцентия, начальника императорской охраны Рамориса, квестора Сальвия, казначея Петрония, префекта личной охраны Лангиана и многих других. По словам Зосима, было столько убито, что трудно пересчитать.

Едва о восстании стало известно находившемуся в Боннонии Стилихону, он собрал предводителей варварских вспомогательных войск для обсуждения создавшегося положения. Было решено, что если император убит, то варварские войска должны напасть на легионеров, чтобы привести их к повиновению, а если он жив, то будут наказаны только зачинщики восстания.

Когда стало известно, что Гонорий жив, Стилихон, боясь его непостоянства, решил вернуться в Равенну. Но остгот-наемник Сар с подчиненными ему варварами ночью перебил гуннскую охрану Стилихона и завладел ее имуществом. Стилихон бежал в одну из базилик

Равенны.

Вскоре в Равенну прибыл гонец из Тицина с двумя письмами от императора, написанными по совету Олимпия. В первом Гонорий требовал ареста Стилихона и содержания его в почетном заключении. Когда епископ выдал Стилихона прибывшим за ним солдатам, гонец вручил второе письмо, по которому Стилихон должен был искупить свои преступления смертью. Зосим утверждает, что сторонники Стилихона хотели освободить его, но он отговорил их и подставил голову под меч.

Во главе правительства стал Олимпий, получивший пост магистра армии и другие высокие должности.

Интересы обороны страны требовали объединения всех сил. Но правительство Олимпия вновь ухудшило положение, начав преследование сторонников Стилихона и всех инакомыслящих: ариан, язычников, донатистов, манихеев, присциллиан и других, сопровождая это конфискацией имущества. Законы издавались один за другим. Сначала был проведен в жизнь закон, по которому было конфисковано имущество у всех, кто занимал какую-нибудь должность во времена Стилихона. Затем последовали законы конфискации доходов языческих храмов, о запрещении врагам католицизма служить солдатами, законы против еретиков, небопочитателей и др.

Такая политика вела к обострению внутренней борьбы и способствовала дальнейшему ослаблению Западной Римской империи. Именно в это время галльский хронист записал: «Силы римлян, в основном, начали ослабевать».

Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе IV–VI вв. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та., 1975.

АЛЬБУИН И РОЗАМУНДА (ПАВЕЛ ДИАКОН⁷²)

Король лангобардов Альбуин, после трех лет и шести месяцев управления завоеванной, у византийцев Италией, погиб вследствие заговора, составленного его женой. Причина же его умерщвления была следующая: когда он в Вероне, веселясь, остался на пиру дольше, нежели ему следовало, он приказал королеве Розамунде поднести чашу, сделанную из черепа ее отца, короля гепидов⁷³ Кунимунда, убитого когда-то Альбуином, требуя от нее веселиться и пить вместе со своим отцом.

Чтобы кто-нибудь не счел всего этого невероятным, клянусь Христом, я говорю сущую правду; я сам видел эту чашу, когда по одному торжественному случаю ее держал в руках князь Ратгиз и показывал гостям.

Розамунда, услышав это, была поражена до глубины сердца печалью, и она не могла ее ничем подавить: в ней загорелось желание убийством мужа отомстить за смерть своего отца. Для достижения своей цели она вступила в заговор с Гельмигисом, скильпором, т. е. щитоносцем и молочным братом короля. Гельмигис советовал вовлечь в заговор Переден, отличавшегося необыкновенной физической силой. Но когда Передей не хотел согласиться участвовать в таком тяжком преступлении, королева ночью расположилась на месте своей служанки, которая была его наложницей. Передей уснул рядом с королевой, сам того не подозревая. Когда таким образом, было уже совершено преступление, Розамунда спросила его, за кого он ее принимает. Он назвал имя своей наложницы, но королева, встав, отвечала ему на это: «Я не та, за кого ты меня принимаешь; я — Розамунда. Теперь ты совершил такое преступление, после которого должен или убить Альбуина, или погибнуть от его меча». Тогда он, поняв совершенное им преступление, был вынужден дать свое согласие на участие

---

⁷² Павел Диакон — лангобардский историк VIII в.

⁷³ В 566 г. лангобарды разгромили гепидов. Их король Кунимунд был убит Альбуином, а его дочь Розамунда стала женой победителя.

в убийстве короля, на что прежде не мог решиться с доброй воли. Около полудня, когда Альбуин лег отдохнуть, Розамунда отдала приказание, чтобы во дворце ничем не нарушалась тишина, спрятала всякое оружие, а меч Альбуина крепко привязала к кровати, так, чтобы тот не мог ни схватить его, ни извлечь из ножен. После того, согласно совету Гельмигиса, эта неестественно-свирепая женщина впустила убийцу Передея. Но Альбуин проснулся и тотчас понял угрожающую ему опасность; он живо схватился за свой меч, но тот так крепко был привязан, что он, не будучи в состоянии оторвать его, овладел подножкой и защищался ею некоторое время. Но, увы! Этот воинственнейший и отважнейший муж ничего не мог сделать против такого врага и погиб как последний; приобретя себе величайшую воинскую славу победой над бесчисленными врагами, он пал жертвою коварства ничтожной женщины. Лангобарды с плачем и рыданием похоронили его тело у одной из лестниц, ведущих во дворец. Альбуин имел гибкий стан, и вообще все его тело было устроено для битвы. В мое время Гизельперт, прежний герцог веронский, приказал открыть гробницу Альбуина, вынул оттуда его меч и все находившиеся там украшения, и после, со свойственным ему легкомыслием, хвастался перед необразованными людьми, будто бы он имел свидание с Альбуином.

После умерщвления, Гельмигис хотел захватить власть в свои руки, что ему, однако, не удалось, потому что лангобарды, оскорбленные смертью своего короля, решились умертвить его. Тогда Розамунда немедленно послала к Лонгину, византийскому префекту, жившему в городе Равенне,⁷⁴ просить, как можно скорее прислать ей корабль, на котором она могла бы оттуда убежать. Лонгин, обрадованный таким известием, тотчас отправил корабль, на котором ночью и спаслись бегством Гельмигис и Розамунда, бывшая тогда уже его женой. Они взяли с собой дочь короля, Альбизинду, и все лангобардское сокровище и поспешно прибыли в Равенну. Тогда префект Лонгин начал уговаривать Розамунду умертвить Гельмигиса и вступить с ним в брак, Способная на всякое зло и горя желанием сделаться владетельницей Равенны, она изъявила свое согласие на то. Раз, когда Гельмигис вернулся из ванны, она поднесла ему яд, выдавая его за какой-то особенно здоровый напиток. Тот, почувствовав, что он выпил смертную чашу, поднял над Розамундой обнаженный меч, и заставил ее выпить, что оставалось. Таким образом, по правосудию всемогущего Бога, в один час погибли убийцы вместе.

Пока все это происходило, префект Лонгин отправил к императору в Константинополь Альбизинду вместе со всею лангобардскою сокровищницею. Некоторые уверяют, что Передей прибыл в Равенну вместе с Гельмигисом и Розамундой, и оттуда был отправлен с Альбизиндою в Константинополь, где он, на игрищах, перед всем народом и в присутствии императора, убил льва необыкновенной величины. Как рассказывают, ему были выколоты глаза, по повелению императора, чтобы он, обладая страшною силою, не сделал какого-нибудь зла. Спустя некоторое время Передей достал себе два ножа, спрятал их в рукава и пришел ко дворцу, обещая, если его допустят к императору, сообщить ему весьма важное дело. Император выслал к нему двух патрициев из своих приближенных, чтобы выслушать его. Когда они подошли к Передею, то он приблизился к ним, как бы желая говорить по секрету, и, схватив в обе руки спрятанные им ножи, нанес им столь тяжкие раны, что они оба распростерлись по земле бездыханными. Так отомстил он, напоминая собою могущественного Самсона, за причиненные ему страдания, и умертвил двух самых полезных людей для императора за потерю своих двух глаз.

Между тем, лангобарды, по общему совещанию, избрали в короли Клефа, знатного лангобарда из г. Тицина. Он приказал умертвить многихмогущественных римлян, а других изгнал из Италии. После одного года и шести месяцев управления, вместе со своей женой Анзаной, он был заколот мечом от руки одного из своих рабов (573 г.).

---

⁷⁴ Равенна, город в Северной Италии, в то время столица византийских владений в Италии, еще оставшихся во власти императора.

Павел Дьякон. История лангобардов. Цит. по кн.: История средних веков в ее писателях и исследованиях ученых. — СПб., 1902.

Рыцари плаща и кинжала (средние века)

РОКОВАЯ ЖЕНЩИНА

Сын императора Византии Константина VII, названный Романом, после смерти своей жены, урожденной франкской принцессы Берты, влюбился в дочь одного трактирщика, которую звали Феофано, и женился на ней. Феофано сохранила и при дворе привычки своего детства. Кроме того, она внушила мужу мысль отравить отца, чтобы поскорее надеть императорскую корону. Один из ее сообщников поднес императору чашу с ядом, но по странной случайности она упала и яд разлился; чашу наполнили вторично — Константин выпил жидкость, заключавшуюся в чаше, после чего он почувствовал себя очень плохо, доктора еле привели его в чувство, но с тех пор он стал часто болеть и вскоре умер (959 г.).

Царствование Романа было самым постыдным. Вверив управление государством людям недостойным, он окружил себя шутами и куртизанами и только и делал, что проводил время в их кругу.

Один историк сохранил перечень развлечений, которым Роман предавался в течение одного дня. Утром император присутствовал на играх в цирке, потоки давал банкеты сенаторам, раздавал подарки народу, играла в мяч, проезжал по Босфору в шлюпке, ехал на охоту, убивал больших кабанов и возвращался к вечеру во дворец, где наслаждался музыкой и любовался танцами. Слушая советы жены, Феофано, он приказал своей матери и пяти сестрам удалиться в монастырь.

Сестры повиновались, но императрица Елена восстала, угрожая сыну лишением трона. Роман вскоре был отравлен своей женой.

Феофано именем малолетних детей — Василия, которому было пять лет, и двухлетнего Константина — как опекунша стала управлять империей. Потом она вышла замуж за полководца Никифора, провозглашенного императором. Это бракосочетание знаменательно тем, что прекрасно отражало нравы того времени. Никифор крестил когда-то одного из детей Феофано, а потому и считался ее кумом. Константинопольский патриарх из-за этого обстоятельства отказался освятить этот брак, противный законам церкви.

Но Феофано и Никифор энергично отвергали свое духовное родство. Тогда им обоим была предложена присяга. Никифор и Феофано согласились принять присягу и публично отреклись от того, что было известно всем гражданам без исключения. Тем не менее, брак был совершен и патриарх благословил его.

Между супругами, конечно, не было ни согласия, ни любви. Никифор был чересчур небрежен к Феофано, а последняя, способная только на преступления и никогда не отличавшаяся постоянством, завела себе любовника, генерала Иоанна Цимисхия, который вступил с ней в тайную связь, ставшую потом явной.

Любовники, само собой разумеется, в скором времени решили свергнуть с трона Никифора. Во дворце, в комнате Феофано, были скрыты заговорщики; об этом узнал Никифор и отдал приказание сделать обыск. По непростительной небрежности, именно та комната, где скрывались заговорщики, и не была осмотрена.

В ту же ночь Цимисхий и несколько офицеров высадились на берегу Босфора, около стен дворца. Феофано спустила им из окна шелковую лестницу, по которой они влезли внутрь; здесь они соединились со спрятавшимися заранее заговорщиками и с помощью императрицы проникли в спальню Никифора. Злодеи набросились на спящего, переломали ему ребра и кинжалами нанесли многочисленные раны в голову.

Народ, узнав, что заговорщики напали на дворец, бросился защищать императора: солдаты охраны и слуг отворили дверь в его спальню и увидели его окровавленного, лежащего на полу на медвежьей шкуре. При виде этой страшной картины все испугались и бросились бежать вон из дворца. Цимисхий тотчас же был провозглашен императором и Феофано надела на его голову корону.

Несчастный Никифор, за несколько часов до появления заговорщиков, послал приказ своему брату, генералу Леону, чтобы он привел во дворец отряд избранных солдат. К несчастью, Леон, увлекшись игрой, прочел приказ чересчур поздно. Когда он привел отряд во дворец, то Никифор был уже убит, а Цимисхий провозглашен императором. Солдаты тотчас же его покинули и он должен был спастись в алтаре Святой Софии.

Иоанн Цимисхий, взяв за руки двух молоденьких августов, Василия и Константина, представился народу и был провозглашен императором.

Феофано, организовавшая убийство мужа для того, чтобы захватить трон и царствовать со своим любовником, горько ошиблась в расчете — ее выгнали из дворца и заперли в монастырь Армении. Прежде чем удалиться, она упрекала нового императора в неблагодарности и, увидав около него своего маленького сына Василия, который не протестовал против ее ссылки, назвала его скифом, варваром и бросилась душить ребенка, что несомненно сделала бы, если бы ее не удержали.

Семь лет спустя, когда умер Цимисхий, Феофано с сыновьями была призвана ко двору, но отказалась от власти (976 г.). Оба сына Феофано некоторое время царствовали сообща, но потом, когда умер Василий, Константин VIII остался на троне один.

Пио О. Жизнь римских императриц. — СПб., 1895.

БОРИС И ГЛЕБ — ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СВЯТЫЕ

Великий князь Киевский Владимир Святой⁷⁵ усыновил своего племянника Святополка,⁷⁶ однако ж не любил его и, кажется, предвидел в нем будущего злодея. Современный летописец немецкий Дитмар, говорит, что Святополк, правитель Туровской области, женатый на дочери польского короля Болеслава, хотел, по наущению своего тестя, отложиться от России и что великий князь, узнав о том, заключил в темницу сего неблагодарного племянника, жену его и немецкого епископа Реинберна, который приехал с дочерью Болеслава. Владимир — может быть, при конце жизни своей — простил Святополка: обрадованный смертию дяди и благодетеля сей недостойный князь спешил

---

⁷⁵ Владимир — великий князь Киевский 980–1015. В 979 г. победил и убил своего брата великого князя Киевского Ярополка и сам стал великим князем Киевским. В его правление произошло крещение Руси.

⁷⁶ Своего старшего сына и законного наследника Святополка Владимир ненавидел. Святополка звали «сыном 2-х отцов», так как Владимир захватил в плен и взял в жены его мать-гречанку, бывшую беременной от им же убитого брата князя Ярополка.

воспользоваться ею; созвал граждан, объявил себя государем Киевским и роздал им множество сокровищ из казны Владимировой. Граждане брали дары, но с печальным сердцем: ибо друзья и братья их находились в походе с князем Борисом, любезным отцу и народу. Уже Борис, нигде не встретив печенегов, возвращался с войском и стоял на берегу реки Альты: там принесли ему весть о кончине родителя, и добродетельный сын занимался единственно своею искреннею горестию. Товарищи побед Владимировых говорили ему: «Князь! С тобою дружина и воины отца твоего; поди в Киев и будь государем России!» Борис отвечив: «Могу ли поднять руку на брата старейшего? Он должен быть мне вторым отцом». Сия нежная чувствительность казалась воинам малодушием: оставив князя мягкосердечного, они пошли к тому, кто властолюбием своим заслуживал в их глазах право властвовать.

Но Святополк имел только дерзость злодея. Он послал уверить Бориса в любви своей, обещая дать ему новые владения, и в то же время приехал ночью в Вышегород, собрал тамошних бояр на совет. «Хотите ли доказать мне верность свою?» — спросил новый государь. Бояре отвечивали, что они рады положить за него свои головы. Святополк требовал от них головы Бориса, и сии недостойные взялись услужить князю злодеянием. Юный Борис, окруженный единственно малочисленным слугами, был еще в стане на реке Альте. Убийцы ночью приблизились к шатру его и, слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борис, уведомленный о злом намерении брата, изливал пред всевышним сердце свое в святых песнях Давидовых. Он же знал, что убийцы стоят за шатром, и с новым жаром молился... за Святополка; наконец, успокоив душу небесною верою, лег на одр и с твердостью ожидал смерти. Его молчание возвратило смелость злодеям: они вломились в шатер и копьями пронзили Бориса, также верного отрока его, который хотел своим телом защитить государя и друга. Сей юный воин, именем Георгий, родом из Венгрии, был сердечно любим князем своим и в знак милости его носил на шее золотую гривну: корыстолюбивые убийцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и других княжеских отроков, которые не хотели спастись бегством, но все легли на месте. Тело Борисово завернули в намет и повезли к Святополку. Узнав, что брат его еще дышит, он велел двум варягам довершить злодеяние: один из них вонзил меч в сердце умирающему... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, пленял всех красотою и любезностию; имел взор приятный и веселый; отличался храбростию в битвах и мудростию в советах. Летописец хотел передать будущим векам имена главных убийц и называет их: Путша, Талец, Елович, Ляшко. В Несторово время они были еще в свежей памяти и предметом общего омерзения. Святополк без сомнения наградил сих людей, ибо имел еще нужду в злодеях.

Он немедленно отправил гонца к муромскому князю Глебу сказать ему, что Владимир болен и желает видеть его. Глеб, обманутый сею ложною вестию, с малочисленною дружиною спешил в Киев. Дорогою он упал с лошади и повредил себе ногу; однако ж не хотел остановиться и продолжал свой путь от Смоленска водою. Близ сего города настиг его посланный от брата Ярослава, князя новгородского, с уведомлением о смерти Владимировой и гнусном коварстве Святополка; но в то самое время, когда Глеб чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивал отца нелюбимого брата, в усердных молитвах поверяя небу горечь свою, явились вооруженные убийцы и схватили его ладию. Дружина муромская оробела: Горясер, начальник злодеев, велел умертвить князя, и

собственный повар Глебов, именем, Торчин, желая угодить Святополку, зарезал своего несчастного государя. Труп его лежал несколько времени на берегу, между двумя колодами, и был наконец погребен в вышегородской церкви св. Василия, вместе с телом Бориса.

Еще Святополк не насытился кровию братьев. Древлянский князь Святослав, предвидя его намерение овладеть всею Россиєю и будучи не в силах ему сопротивляться, хотел уйти в Венгрию; но слуги Святополковы догнали его близ гор Карпатских и лишили жизни. Братоубийца торжествовал злодеяния свои, как славные и счастливые дела: собирал граждан киевских, дарил им деньги, одежду и надеялся щедростию приобрести любовь народную.⁷⁷

Карамзин Н. М. История государства Российского. — Ростов н/Д.: Феникс, 1994.

УБИЙСТВО В БОГОЛЮБОВЕ

Великий князь суздальский Андрей Юрьевич Боголюбский⁷⁸ был женат на дочери боярина Кучка. Предание говорит, что Юрий Долгорукий, отец Андрея Боголюбского, казнил этого боярина за какую-то вину, присвоил себе его поместье, в котором и основал город Москву. Живя в Боголюбове, Андрей, по-видимому, был уже вдов; при нем оставались два Кучковича, братья его жены, в качестве ближних и больших бояр. К этим большим боярам принадлежал также зять Кучковичей Петр и еще какой-то пришлец с Кавказа из ясов или алан, по имени Анбал. Сему последнему великий князь доверил ключи, то есть управление своим домом. Но эти люди, осыпанные милостями, не питали к нему любви и преданности. Умный, набожный князь не отличался мягким нравом в отношении к окружающим, а под старость характер его сделался еще тяжелее и суровее. Избегая слишком близкого общения с подданными и отличаясь трезвостью, Андрей не любил пить и бражничать с своею дружиною, как это было в обычае у русских князей. С таким характером, с такими привычками он не мог пользоваться большим расположением дружинников, которые прежде всего ценили в князьях щедрость и ласковое обхождение. Не видно также, чтобы и земские люди питали к нему привязанность. Несмотря на строгость князя, его корыстолюбивые посадники и тиуны умели преследовать свои собственные выгоды, притеснять народ неправдами и поборами.

Один из Кучковичей каким-то проступком до того прогневал великого князя, что последний велел казнить боярина, подобно тому, как отец его Юрий казнил самого Кучка. Это событие сильно возмутило бояр, и без того роптавших на самовластие Андрея. Брат казненного, Яким, собрал на совет недовольных, и говорил им в таком смысле: «сегодня казнил его, а завтра дойдет черед до нас; подумаем о своих головах». На совещании решено было убить великого князя. Число заговорщиков простиралось до двадцати; вожаками их, кроме Якима Кучковича, явились помянутый зять его Петр, ключник Анбал и еще какой-то Ефрем Моизович, вероятно перекрест из жидов, которых Андрей любил обращать в христианство, так же, как и болгар. Подобное возвышение и приближение к себе инородцев, может быть, происходило из недоверия князя к коренным русским боярам и его расчета на преданность людей, всем ему обязанных. Но без сомнения, и этих, взысканных им, проходимцев раздражали непрочность его благоволения и опасение уступить свое место новым любимцам. Именно в то время самым приближенным лицом к князю сделался

---

⁷⁷ В последовавшей гражданской войне Святополка с братом Ярославом Новгородским, победу одержал последний. Святополк бежал на запад и вскоре умер.

⁷⁸ Андрей Боголюбский (ок. 1111–1174 г.) князь Владимир Суздальский с 1157 г., сын Юрия Долгорукого. С 1159 упорно боролся за подчинение Новгорода своей власти и вел сложную военную и дипломатическую игру в Южной Руси. В 1169 войска Андрея Боголюбского взяли Киев. Став «самовластием всей суздальской земли» перенес столицу во Владимир, укрепил его и построил великолепный Успенский собор и другие памятники. В это же время под Владимиром вырос княжеский замок Боголюбово — любимая резиденция Андрея. Убит, заговорщиками в ночь с 28 на 29 июня 1174 года.

какой-то отрок Прокопий, следовательно возвышенный из младших дружинников или дворян. Прежние любимцы завидовали Прокопию и искали случая его погубить.

Была суббота 29 июня 1175 года, праздник св. апостолов Петра и Павла. Зять Кучков Петр праздновал свои именины. К нему на обед собрались недовольные бояре, и тут окончательно порешили замысел свой немедля привести в исполнение. Когда настала ночь, они вооружились и отправились на княжий двор; умертвили сторожей, охранявших ворота, и пошли в сени, т. е. в приемный покой терема. Но тут на них напали страх и трепет. Тогда — конечно по приглашению ключника Анбала — они зашли в княжью медушу и ободрили себя вином. Затем поднялись опять в сени и тихо подошли к Андреевой ложнице. Один из них постучал и стал кликать князя.

«Кто там?» — спросил Андрей.

«Прокопий» — получил он в ответ.

«Нет, это не Прокопий» — сказал князь.

Видя, что нельзя войти хитростью, заговорщики устремились всей толпой, и выломали двери. Князь хотел взять свой меч, который, по преданию, принадлежал когда-то св. Борису; но коварный ключник спрятал его заранее. Андрей, несмотря на годы еще сохранявший телесную силу, схватился впотьмах с двумя прежде других ворвавшимися убийцами, и одного из них поверг на землю. Другой, думая, что повержен был князь, нанес ему удар оружием. Но заговорщики вскоре заметили ошибку, и налегли на князя. Продолжая обороняться, он горячо укорял их, сравнивал с Горясером, убийцей св. Глеба, грозил Божьей мстью неблагодарным, которые за его же хлеб проливают его кровь, но тщетно. Вскоре он упал под ударами мечей, сабель и копий. Считая все конченным, заговорщики взяли своего павшего товарища, и пошли вон из терема. Князь, хотя весь израненный, вскочил, и в беспамятстве со стенаниями последовал за своими убийцами. Те услышали его голос и воротились назад. «Я как будто видел князя, сходящего с сеней вниз», — сказал один из них. Пошли в ложницу; но там никого не было. Зажгли свечу, и по кровавому следу нашли князя, сидящего за столбом под лестницей. Увидя их приближение, он начал творить последнюю молитву. Боярин Петр отрубил ему руку, а другие его dokonчили. Умертвили также его любимца Прокопия. После того убийцы занялись расхищением княжеского добра. Собрали золото, драгоценные камни, жемчуг, дорогие одежды, утварь и оружие; поклали все это на княжих коней, и еще до света развезли по своим домам.

На следующее утро, в воскресенье, убийцы поспешили принять меры для своей безнаказанности. Они опасались дружины, сидевшей в стольном Владимире; а потому начали «собирать полк», т. е. вооружать на свою защиту всех, кого могли. В то же время они послали спросить владимирцев, что те намерены предпринять? И велели сказать им, что совершенное дело задумали не от себя только, но от всех (дружинников). Владимирцы на это возразили: «кто был с вами в думе, тот пусть и отвечает, а нам его не надобно». Ясно было, что главная дружина встретила ужасную весть довольно равнодушно, и не показала охоты мстить за смерть нелюбимого господина. Так как поблизости не было никого из князей, кто бы мог схватить власть твердой рукою, то немедленно гражданский порядок был нарушен. Начался неистовый грабеж. В Боголюбове, по примеру дружинников, чернь бросилась на княжий двор и растаскивала все, что попадалось под руку. Потом принялись грабить дома тех мастеров, которых Андрей собирал отовсюду для своих построек и которые, по-видимому, успели нажить от них значительное имущество. Чернь напала также на посадников, тиунов, мечников и других княжих слуг, нелюбимых за несправедный суд и разные притеснения; многих из них перебила и дома их разграбила. Из соседних сел приходили крестьяне и помогали горожанам в грабеже и насилиях. По примеру Боголюбова, то же самое произошло и в стольном Владимире. Здесь мятеж и грабежи утихли только тогда, когда соборный священник Микулица и весь клир облеклись в ризы, взяли из

Успенского храма всеми чтимую икону Богородицы и начали ходить по городу.

Киевская летопись сообщает далее любопытные и трогательные подробности.

Между тем как происходили эти мятежи и разные беззакония, тело убиенного князя, брошенное в огород, лежало там, ничем не прикрытое. Бояре грозили убить всякого, кто вздумает оказывать ему почести. Нашелся однако честный и добрый слуга княжий, какой-то Кузмише Киевлянин, который, по-видимому, не был во время убийства в Боголюбове, а пришел сюда, услышав о случившемся. Он начал плакать над телом, причитая, как покойный победил полки «поганных» болгар, а не мог победить своих «пагубоубийственных ворожбит».

Подошел Анбал ключник.

«Анбале, вороже! Сбрось ковер или что-нибудь, что можно подостлать и чем бы прикрыть тело нашего господина» — сказал ему Кузмише.

«Поди прочь. Мы хотим выбросить его псам».

«О, еретиче! Уж и псам выбросить! Помнишь ли, жидовин, в чем ты пришел сюда? Теперь ты в оксамите стоишь, а князь наг лежит. Но молю тебя, сбрось что-нибудь».

Ключник как бы усомнился, сбросил ковер и корзно.

Кузмише обвернул тело князя, отнес его к Рождественской церкви и просил отпереть ее.

«Вот нашел о чем печалиться! Свали тут в притворе» отвечали ему пьяные приставники, которые, очевидно, предавались буйству наравне со всеми.

Кузмише со слезами вспомнил по этому случаю, как, бывало, князь приказывал водить в церковь всяких нехристей и показывать им славу Божию; а теперь в эту же изукрашенную им церковь его самого не пускали его собственные паробки. Он положил тело в притворе на ковер и прикрыл корзном. Тут оно пролежало два дня и, две ночи. На третий день пришел Арсений, игумен Козмодемьянского (вероятно Суздальского) монастыря, и начал говорить боголюбским клирошанам:

«Долго ли смотреть нам на старших игуменов? И долго ли лежать тут князю? Отоприте-ка божницу; я отпою его; а вы положите его в (деревянную) буду или в (каменный) гроб, и, когда прекратится мятеж, то пусть придут из Владимира и отнесут его туда».

Клирошане послушались; внесли князя в церковь, положили в каменную гробницу, и отпели над ним панихиду, вместе в Арсением.

Только в следующую пятницу, то есть уже на шестой день после убийства, владимирцы опомнились. Бояре, дружина и городские старцы сказали игумну Феодулу и Луке, домоственнику (уставщику церковного пения) при Успенском храме, чтобы снарядили носилки и вместе с успенскими клирошанами отправились за телом князя. А священнику Микулице велели собрать попов, облечься в ризы и стать за Серебряными воротами с иконою Богородицы, чтобы встретить гроб. Так и было сделано. Когда со стороны Боголюбова показался княжий стяг, который несли перед гробом, владимирцы, столпившиеся у Серебряных ворот, прослезились и начали причитать. При этом вспоминали добрые стороны князя и его последнее намерение: ехать в Киев, чтобы соорудить там новую церковь на Великом дворе Ярослава, для чего он уже и мастеров послал. Затем с должной честью и молитвенными песнопениями князь был погребен в своем златоверхом Успенском храме.⁷⁹

Иловайский Д. И. История России. — Т.2. Становление Руси. — М.: Чарли, 1996.

ИСМАИЛИТЫ И АССАСИНЫ

---

⁷⁹ Впоследствии многие из убийц Андрея были казнены его братом Михаилом Юрьевичем.

Исмаилизм, — ныне одна из мусульманских сект, особенно распространенная в Персии и в Пакистане, — зародился в восьмом столетии, как особое направление в исламе, и вначале носил характер скорее политической партии, чем религиозной секты. Среди потомков первых халифов,⁸⁰ — родственников и свойственников Магомета, — шла борьба за верховную власть, а потому появилось несколько таких партий-сект, каждая из которых защищала права своего кандидата, стараясь найти для этого какую-то опору в Коране и в сунне.

На этой почве в исламе прежде всего возникли две основных, политических по существу, партии — суннитов и шиитов,⁸¹ каждая из которых, для усиления своих позиций, опиралась на те или иные положения Корана и сунны: Никаких догматических расхождений между ними вначале не было, они появились позже. И когда, с течением времени политические причины вражды утратили свою остроту, центр ее тяжести переместился в область чисто догматическую, навеки разделив ислам на два непримиримых направления.

Сунниты, — собственно правоверные мусульмане, — составляющие огромное большинство, безоговорочно признают непогрешимость сунны и считают, что в лице халифа всегда соединяется высшая духовная и светская власть. В трех первых халифах — Абу-Бекре, Омаре и Османе они видят законных преемников Магомета и считают непререкаемым все сделанное ими в области оформления и пополнения ислама. Права Омейядов и Аббасидов на халифат они тоже признают вполне законными.

Шииты,⁸² наоборот стоят на том, что единственным законным преемником пророка Магомета был его зять и двоюродный брат Али, роду которого, как прямому потомству. Пророка, принадлежит наследственное право на халифат и на имамат,⁸³ то есть на светское и на духовное владычество над мусульманским миром. Трех первых халифов, а также всех других из династий Омейядов и Аббасидов они считали узурпаторами и если вынуждены были подчиняться их светской власти, то духовной за ними во всяком случае не признавали и своими законными имамами считали только потомков Али. Его сына Хусейна, погибшего в борьбе с Омейядами, они провозгласили великомучеником, а перса Улу Фируза, убийцу халифа Омара — святым.

Во второй половине восьмого века среди шиитов произошел раскол. Их шестой имам, потомок Али, Джаффар ас-Садик, лишил своего старшего сына Исмаила наследственных прав на имамат и назначил своим преемником другого сына — Мусу Казима. Нашлись шииты, которые сочли этот акт незаконным. Своим седьмым имамом они провозгласили Исмаила и в дальнейшем только за его потомками признавали право на имамат. Так зародилась новая секта исмаилитов, вскоре приобретшая характер своеобразного ордена, основателем которого считается некий Абдаллах ибн-Маймун ал-Каддах.

Достоверно известно, что первый глава исмаилитов Абдаллах ал-Каддах только наружно исповедовал ислам, а в душе его ненавидел, как и все идущее от арабов, и втайне принадлежал к одной из сект парсизма.⁸⁴ Его ближайшие сотрудники и доверенные лица

---

⁸⁰ Слово «халиф» значит «наместник», «заместитель». Позже оно приобрело значение императорского титула, — это одновременно и светский и духовный глава мусульман.

⁸¹ Название «сунниты» происходит от слова «сунна», что значит обычай, законность. Название «шииты» — от слова «шийя», которое можно перевести как дружина или союз приверженцев.

⁸² К шиитскому толку ныне принадлежат почти все мусульмане Персии и большинство в Ираке и в Пакистане.

⁸³ Слово «имам» дословно означает «стоящий впереди». Сначала так называли старшего священнослужителя каждой общины, а позже духовного главу мусульман.

⁸⁴ Парсизм — учение Зороастра.

тоже были тайными зороастрицами или вольнодумцами. Иными словами, сектою управляли враги ислама, вынужденные скрывать свои истинные убеждения от основной массы исмаилитов, которая состояла из верующих мусульман, но, по идее возглавителей, должна была служить только слепым орудием в их руках.

Сообразно этому, секта получила структуру ордена, который подразделялся на семь, а по некоторым источникам даже на девять степеней посвящения. Рядовые члены не поднимались выше второй, и здесь, в низах, по-видимому, господствовал чистый ислам. В следующих степенях он постепенно развенчивался и наконец, в самых высших, — в которые посвящались лишь избранные, отрицался полностью. Тут выявлялась совершенно иная религиозно-философская доктрина, в которой можно обнаружить отдельные элементы учения Зороастра, буддизма и гностицизма, но кое-что оставлено и от мусульманства. Весьма заметно также влияние теоретической философии (метафизики) Аристотеля.

В общих чертах, по этому внутреннему учению исмаилитов, существует некий абсолютный мировой дух или всевышний Бог, который, однако, не имеет определенного образа и характеризующих его свойств и качеств, — это скорее непостижимый для людей сгусток идеи творения и первопричина всего, существующего. Исмаилиты сохранили за ним имя Аллаха, но считают, что какое-либо общение с ним невозможно и молитва ему бессмысленна.

Исмаилиты считают, что великих пророков было семь: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Магомет и Исмаил. Но, согласно их учению, будут еще и другие, высшие пророки, которые постепенно доведут избранную часть человечества до совершенного знания, т. е. до возвращения к своему первоисточнику — Мировому Разуму. Пока же это не достигнуто, избранных ожидает перевоплощение душ, а остальные люди после смерти просто уходят в небытие.

Во все это членов секты посвящали постепенно, доводя каждого до того предела откровения, на восприятие которого считали его способным.

Когда неофит приносил клятву молчания и повиновения, его вводили в первую степень, где учили воздавать хвалу и поклонение Аллаху и Магомету, лишь слегка своеобразно истолковывая Коран и ни в чем не отступая от шариата. Для лиц неразвитых и примитивных на это дело и кончалось. Более способных через некоторое время посвящали во вторую степень, где смысл Корана извращался уже сильнее. На третьей степени этой иерархической лестницы следовали новые откровения и принципы шариата объявлялись не обязательными. На четвертой уже прямо говорили, что, шариат выдуман для глупцов и невежд, чтобы легче держать их в повиновении. Далее посвящаемый, — если его находили способным и достойным, — узнавал, что Магомет не является высшим авторитетом: он выше Моисея и Иисуса, но придут пророки, которые его превзойдут и затмят. Последним из них будет Махди, который совершит всевышний суд над людьми и введет избранных в царство Мирового Разума.⁸⁵

На этом, т. е. на пятой степени, магометанство исмаилита фактически кончалось. На следующих уже учили, что обряды — это пустая формальность, что все религии, в сущности, одинаковы и что их предписания обязательны только для черни и для примитивно мыслящих людей. И наконец, на самой верхней внушалось, что философия выше религии. Тут посвящаемый делался уже вольнодумцем и ему открывались истинные положения и цели исмаилизма. Но этих вершин достигали лишь немногие, особо избранные.

В силу такой организации, орден исмаилитов быстро рос и усиливался, постепенно опутывая своими сетями весь халифат и вбирая в себя не только мусульман, но также многих

---

⁸⁵ Некоторая часть исмаилитов считала, что после седьмого великого пророка Исмаила, Махди будет следующим — восьмым и последним. Это подразделение касты получило название карматов. В области внешней карматы обычно действовали в полном согласии с чистыми исмаилитами и временами играли на мусульманском Востоке крупную историческую роль.

зороастрийцев, христиан, евреев и буддистов, которые ждали от него защиты и установления справедливости. Когда умер Абдаллах ал-Каддах, главою исмаилитов стал его сын Ахмед. При нем орден уже приобрел на Востоке огромное политическое значение и приступил к открытым действиям против династии Аббасидов.

В конце девятого столетия исмаилиты захватили Бахрейн и часть побережья Африки, где на их сторону стали берберийские племена. Халифом и имамом этих областей был провозглашен один из потомков Али и Фатимы, Абусейид, который, приняв имя Убейд-Аллаха, стал родоначальником династии Фатимидов.

Несколько десятков лет спустя исмаилиты завоевали Сирию, а вскоре и Египет, — здесь был ими основан город Каир, куда Фатимиды перенесли свою столицу. Им подчинилась также вся Северная и Западная Африка, и с той поры Египетский халифат уже не уступал в могуществе Багдадскому, а временами даже превосходил его. Фатимиды во всем опирались на исмаилитов и, соответственно по принципам, отличались большой веротерпимостью, правили они разумно и гуманно. Египет при них процветал и в культурном и в торговом отношении.

Во второй половине одиннадцатого века среди Фатимидов⁸⁶ и их приверженцев произошел раскол: халиф Мустансир Биллагид назначил своим преемником старшего сына Низара, а потом это назначение отменил в пользу второго сына, Мустали, который и вступил на престол. Но фатимидский халиф у исмаилитов считался также имамом. Многие нашли, что однажды назначенный имам уже не может быть лишен благодати, и стали признавать законными имамами только Низара и его потомков. С этого момента исмаилиты разделились на два толка: низаритов; и мусталитов. Первые⁸⁷ получили преобладание в Персии и в Индии, вторые в Египте и в Сирии.

В дни этого раскола к руководителям низаритов принадлежал некий Гасан ибн-Сабах, перс по национальности. Изгнанный мусталитами из Египта, он возвратился к себе на родину, где, скрываясь от властей, с которыми у него были старые счеты, — быстро приобрел исключительное влияние среди персидских исмаилитов и возглавил их борьбу против власти воцарившейся в Персии династии Сельджукидов, которая к этому времени фактически подчинила себе Багдадский халифат, признавая халифов Аббасидов только духовными руководителями.⁸⁸

Эта борьба велась уже более сорока лет, но особого успеха не имела, ибо султаны Сельджукиды боролись с исмаилитами их же оружием: правительство Навондило страну своими шпионами и доносчиками, благодаря которым все крупные заговоры вовремя раскрывались и следовала жестокая расправа. Так, например, в Мавераннахре,⁸⁹ после раскрытия очередного заговора в 1044 году, исмаилиты были истреблены почти поголовно. Но в 1063 году на персидский престол взшел благородный по духу султан Алп-Арслан, который, считая внутренний шпионаж и доносы недостойным делом, запретил пользоваться этими методами. Это послабление дало исмаилитам возможность необычайно окрепнуть в течение следующих двух десятилетий. По истечении этого срока они уже были настолько сильны, что смогли отважиться на открытое восстание против Сельджукидов.

---

⁸⁶ Династия Фатимидов правила в Египте до 1171 года, когда последний ее представитель, халиф Адыл, был низложен Саллах ад-Дином, который основал новую — династию Эйюбидов, курдского происхождения.

⁸⁷ Ныне низаритов подавляющее большинство.

⁸⁸ Сельджукский хан Тогрул-бек, овладев Персией, в 1056 году взял и Багдад. Халифа Кайма он принудил дать ему титул султана и выдать за него свою внучку, после чего халиф сохранил над Персией чисто номинальную духовную власть, но в политическом отношении всецело зависел от сельджукских султанов.

⁸⁹ Мавераннахр — что значит «междуречье», — название, которое арабы дали завоеванной ими территории древней Согдианы. Он включал Бухару и Самаркандскую область.

Царствовавший в это время султан Мелик-шах, сын Алп-Арслана, заслуженно получивший прозвание Великого, был одним из лучших правителей в истории Персии. Под своей властью он объединил всю мусульманскую Азию, его империя простиралась от границ Китая до берегов Мраморного моря. С помощью так же прославленного историей везира Низам ал-Мулька он сделал для Персии и смежных с нею земель весьма многое, приведя их к блестящему расцвету и благоустройству. Всюду отстраивались разрушенные и строились новые города, проводились удобные дороги и оросительные каналы; в пяти главных центрах — Багдаде, Исфагани, Герате, Басре и Нишапуре — были открыты училища высших знаний, — по существу первые в мире, университеты. Кроме того, по всем городам было построено множество великолепных общественных зданий, мечетей и школ; в Багдаде была перестроена и прекрасно оборудована старая аббасидская обсерватория, — результатом ее работ явилась важная реформа календаря. Мелик-шах был гуманен, веротерпим, широко покровительствовал науке и искусству; а в религиозном отношении придерживался шиизма.

Все это ничуть не умиротворило исмаилитов и не завоевало их симпатий. Они вели себя все более вызывающе, а когда везир Низам ал-Мульк отдал приказ о поимке и аресте Гасана ибн-Саббаха, взялись за оружие.

К свержению власти султана это восстание не привело, но в августе 1090 года Гасану удалось в северной части Персии, близ города Казвина, обманом захватить неприступную горную крепость Аламут, где он прочно утвердился и, приняв звание шейха, организовал особый террористический орден, вскоре сделавшийся порслушным орудием в его руках и грозю всего мусульманского мира.

За употребление гашиша, которому Гасан ибн-Саббах нашел весьма своеобразное применение, члены этого ордена на Востоке получили название гашишинов (по-арабски «хашшашин»). Крестоносцы, которым оцнаносили весьма чувствительные потери, перевернул! этот термин в «ассасин», так стали называть членом этой организации в Европе, а несколько позже это слово стало нарицательным и вошло во французский и в некоторые другие европейские языки, приобретя значение коварного убийцы.

Орден ассасинов носил традиционную на Востоке форму религиозной секты и имел пять степеней, но в отличие от чистых исмаилитов, в абстрактную философию он особенно не углублялся и по духу был гораздо более мусульманским, хотя и толковал Коран совершенно произвольно.

Во главе его стоял шейх, называвшийся также заместителем имама, а иногда и имамом. Четвертый глава ассасинов, шейх Гасан Второй, даже попытался объявить себя калифом, имамом и последним великим пророком — Махди одновременно. Это вызвало брожение умов и смуту среди членов секты, и вскоре Гасан Второй был убит, — внешне лицом как будто бы совершенно посторонним, но надо думать, что убийство было организовано самими ассасинами, чтобы спасти орден от раскола.

Члены двух старших степеней назывались «деями», то есть миссионерами. Высшие из них были посвящены во все тайны и цели ордена полностью,⁹⁰ а остальные лишь частично. Членам низших степеней не открывали ничего или почти ничего, — это были только слепые исполнители воли шейха и деев. Они носили название «федави», что значит жертвующий собой за веру.

Этих федави Гасан Ибн-Саббах подбирал, главным образом, из сильных и смелых юношей, принадлежавших по преимуществу к бедным слоям населения, и воспитывал их в абсолютном повиновении своему слову. Для того, чтобы настроить их должным образом и подготовить к подвигу, он прежде всего, путем настойчивой религиозной обработки, превращал их в испуганных фанатиков, а потом, в нужный момент, одурял гашишем.

По преданиям — в достоверности которых некоторые историки сомневаются, хотя они довольно убедительно подкреплены письменным свидетельством Марко Поло и других

---

⁹⁰ Они назывались великими деями.

средневековых авторов, одурманенного юношу, пока он находился в бессознательном состоянии, переносили в потайной сад, окруженный высокими стенами и оборудованный в соответствии с мусульманским представлением о рае. Здесь подготовляемый к подвигу федави, очнувшись, блаженствовал короткое время в объятиях прекрасных «гурий» и наслаждался всевозможными удовольствиями. Затем его усыпляли снова, переносили в обычную обстановку и на следующий день уверяли, что молитвами шейха душа его только что побывала в раю и что испытанное там блаженство будет его вечным уделом, если он сложит голову, выполняя поручения вождя.

После этого федави бесстрашно шли на смерть, становясь слепыми орудиями Гасана, который с их помощью очень скоро навел ужас на самых могущественных сановников своего времени и даже на носителей верховной власти. Тот, на кого указывала своим адептам беспощадная рука Хасана ибн-Саббаха, был уже обреченным человеком, как бы высоко он ни стоял: почти не бывало случая, чтобы кинжал федави не поразил намеченную жертву. А если был бессилен кинжал, то наверняка действовал яд.

Убийство, как правило, совершалось открыто, на людном месте, причем убийца и не пытался бежать: он с восторгом принимал смерть, уверенный в том, что купил себе вечное блаженство, уже испытанное им однажды.⁹¹ Все это производило потрясающее впечатление; на очевидцев, и вскоре весь мусульманский Восток трепетал при упоминании «шейха горы», имя которого теперь боялись произносить вслух.

Тем не менее отважный везир Низам ал-Мульк продолжал энергичную борьбу с исмаилитами, а уличенных в принадлежности к ассасинам приказал сжигать живыми. Но в 1092 году он пал от руки федави, а через несколько месяцев был отравлен и сам султан Мелик-шах. Правительственные войска, долго и тщетно осаждавшие Аламут, в суеверном смятении отступили, а ассасины захватили еще несколько городов и крепостей, которые Гасан отдал в управление своим деям.

Усобицы, возникшие в Персии в связи со смертью Мелик-шаха, помогли исмаилитам и ассасинам еще усилить свои позиции и просочиться всюду, — свои люди были у них даже в личной гвардии нового султана Баркиарука. Террор и убийства приняли такой размах, что высокопоставленные и должностные лица даже дома боялись снимать кольчуги или что-либо съесть, не испробовав предварительно кушанья на рабах. Смерть подстерегала их всюду, — предательский удар мог быть нанесен в любую минуту и нередко его наносило лицо, которое пользовалось полным доверием жертвы. При таких именно обстоятельствах был убит сын Низам ал-Мулька.

Наконец, восстание было ликвидировано, — вернее, закончено, ибо наступивший мир был обусловлен тем, что все захваченные ассасинами города и замки остались в их руках. Внутри Персии образовалось подлинное государство ассасинов.

Вскоре оно совершенно оформилось как таковое и просуществовало более ста пятидесяти лет, в случае надобности пользуясь прежними методами террора и убийств. При преемниках Гасана ибн-Саббаха ассасинами было убито два абассидских халифа, не говоря уж о множестве вельмож и представителей высшей знати.

Этим государством-орденом управляла своя династия наследственных шейхов. Гасан ибн-Саббах, который за неповиновение казнил обоих своих сыновей, умирая, назначил преемником своего родственника и верного сподвижника Бузург-Умида, который во всем следовал политике своего предшественника. После него в Аламуте последовательно правили: его сын Мухаммед, внук Гасан второй, правнук Мухаммед второй и далее, по нисходящей линии, Гасан Третий, Мухаммед Третий и, наконец, последний глава ассасинов в Персии — Рукн ад-Дин Хуршах. При нем на Персию обрушилось нашествие монголов. Крепость Аламут осадили войска хана Хулагу, которому Рукн ад-Дин вынужден был

---

⁹¹ В тех редких случаях, когда федави, совершив предписанное убийство, почему-либо избегали смерти, их матери плакали и чуть ли не проклинали сыновей за то, что они упустили такой верный случай попасть немедленно в рай.

покориться. По условиям сдачи, хан Хулагу сохранил ему жизнь, но в конце того же 1256 года он был убит по приказанию монгольского императора Мунке-хана. Это наводит на мысль, что он и под властью монголов попробовал действовать излюбленным методом ассасинов. Аламут был разрушен, но другие ассасинские твердыни еще долго оказывали татарам отчаянное сопротивление, особенно в Сирии и в Ливане, где одна из их горных крепостей... с беспримерным мужеством защищалась в течение двадцати лет, пока египетские мамелюки не вытеснили из Ливана татар.⁹²

Еще при Гасане Первом группа ассасинов-проповедников была послана в Сирию и осела в городе Халебе (Алеппо), где местный эмир Ридван принял пришельцев милостиво и когда они достаточно окрепли за счет местных последователей и прибывающих из Персии, пополнений, — начал пользоваться ими в борьбе со своими врагами и соперниками.

Вскоре эмир соседнего княжества Химса, во, врел богослужения в мечети, был сражен кинжалом федав⁹³ что положило начало нескончаемой серии убийств, следствие этого, едва умер эмир Ридван, покровитель вовавший ассасинам, жители Халеба частью перебили их, а частью изгнали. Но к этому времени сирийски ассасины были уже достаточно сильны и многочисленны, — им даже удалось отобрать у крестоносцев крепость Апомею, а несколько позже эмир Бури, очевидно уstraшенный их славой, отдал им во владение превосходно укрепленный город Бениас, где они прочно обосновались.

Признавая верховную власть аламутского шейха и подчиняясь приходящим из Персии указаниям, они постепенно овладели рядом крепостей и замков в горах Ливана и создали тут филиал ассасинского государства, управляемый своими шейхами. Из них особенно прославился ал-Джебель, обосновавшийся в горной крепости Алейке, где у него, по преданиям, для одурачивания своих федави был оборудован такой же «рай», как в Аламуте. Этот, шейх получил прозвание «старца горы». Впрочем, в западной литературе это прозвище присваивается также Гасану ибн-Саббаху.

Опираясь на свои неприступные горные гнезда, ассасины повели борьбу с владельцами соседних государств, как мусульманских, так и созданных на Востоке крестоносцами.⁹⁴ В этой борьбе они отнюдь не придерживались какой-либо принципиальности и солидарностью со своими единоверцами не отличались. Часто они, вместе с другими мусульманами, воевали против крестоносцев, но когда это было выгодно, не задумываясь вступали с христианскими рыцарями в союз против того или иного мусульманского вождя.

Помасштабам террористической деятельности сирийские ассасины не уступали своим персидским собратьям: под их ударами пали сотни виднейших сановников и правителей, в том числе эмиры Химса, Дамаска, Мераги и Мосула, двое великих везиров египетского халифата и даже сам фатимидский халиф Аамир, которого ассасины считали узурпатором. Такая же участь постигла многих виднейших крестоносцев, среди которых были зарезаны Тирский князь Конрад, Триполийский граф Раймунд Первый и сын Антиохийского князя Боэмунда. Было сделано несколько покушений на жизнь знаменитого султана Саллах ад-Дина, победителя крестоносцев, что вынудило его спать в особо охраняемой башне и не подпускать к себе никого без предварительной проверки. Но несколько позже Саллах ад-Лин сумел поладить со «старцем горы» и даже пользовался ассасинами для своих политических целей.

Многие высокопоставленные лица и даже монархи, желая оградить себя от покушений ассасинов, платили им крупные суммы, а иногда и регулярную дань. Так, например,

---

⁹² Это крепость Гирдекух. Она так и не сдалась татарам, даже когда половина ее гарнизона вымерла от эпидемии холеры.

⁹³

⁹⁴ В завоеванных на Востоке землях крестоносцами было создано пять христианских государств: королевство Иерусалимское, княжества Антиохийское и Тирское и графства Триполийское и Эдесское.

германский император Фридрих Второй, приехавший в Палестину в связи с крестовыми походами, прежде всего отправил шейху ассасинов богатейшие подарки, стоимость которых исчислялась в 80 000 динариев. А когда туда прибыл французский король Людовик Святой, ассасины сами потребовали от него дани, пояснив, что они ежегодно получают ее от германского императора, египетского султана, венгерского короля и многих других государей, «которым хорошо известно, от кого зависит их жизнь».

Однако вскоре это положение изменилось: в середине тринадцатого столетия, ослабленные борьбой с монголами и другими неудачами, ассасины уже сами вынуждены были платить ежегодную дань католическому ордену рыцарей Иоаннитов (который в будущем принял название Мальтийского Ордена).

Постепенно хирея и теряя одну за другой свои горные твердыни, они все же сохраняли остатки своего суверенитета до 1278 г., когда египетский султан Бейбарс решил с ними покончить. Его войска осадили взяли последние крепости ассасинов в Ливанских горах, после чего им было разрешено существовать только в качестве религиозной секты. Но даже и в такой форме они еще сохраняли свои традиционные навыки и тот же султан Бейбарс не раз пользовался ассасинами для устранения своих врагов, в частности, именно при таких обстоятельствах был убит английский принц Эдуард Плантагенет, приехавший в Палестину на помощь крестоносцам.

В дальнейшем египетские султаны, когда в том случалась надобность, следовали примеру Бейбарса. Услугами подобного рода не брезговали и менее высокопоставленные лица, и очень скоро ассасины опустились до положения простых наемных убийц, за деньги готовых зарезать кого угодно. Именно в эту пору слово «ассасин» вошло в западноевропейские языки в его современном значении.

Стоит добавить, что инсценировками рая, — когда нужно было подготовить кого-либо к самопожертвованию, — некоторые восточные владыки пользовались еще долго, вплоть до прошлого столетия. Но это уже были единичные и частные случаи, не носившие характера организации.

Что же касается исторических ассасинов, то как весьма малочисленная и ныне вполне мирная религиозная секта, примыкающая к исмаилизму, — она и до сих пор существует в горах Ливана. Догматически она определяется тем, что верит в возвращение на землю седьмого имама Исмаила, который и будет «Махди», то есть всевышним судьей и устройтелем царства правды.

Исмаилитов мусталитского толка в наши дни осталось сравнительно немного, преимущественно в арабских странах. Исмаилитов-низаритов, разделившихся на несколько сект, есть гораздо больше, — они сосредоточены в Персии, Афганистане и, главным образом, в Индии, где их насчитывается около полумиллиона. Их главой и сорок девятым имамом ныне является Карим-хан — внук предыдущего исмаилитского вождя, хорошо известного Ага-хана, умершего в 1957 году.

Каратеев М. Д. Мир Льва Гумилёва. Арабески истории. — М.: Танаис, 1994.

КОРОЛИ И ЗАГОВОРЩИКИ

Ни один средневековый английский монарх не обходился без секретной службы, которая являлась одновременно разведкой и политической полицией. В задачу секретной службы британской короны входила прежде всего слежка за влиятельными феодальными магнатами, все равно являлись ли они недругами или сторонниками короля.

...В 1327 г. мятежные феодалы свергли с престола короля Эдуарда II. На трон был возведен его малолетний сын под именем Эдуарда III, а фактическая власть оказалась в руках королевы-матери Изабеллы Валуа, которую прозвали «французской волчицей», и ее любовника уэльсца Роджера Мортимера графа Мэрча. Вскоре после низложения Эдуарда II было объявлено о его смерти в замке Беркли, где он содержался в заключении. Немедленно, конечно, родились слухи, что бывший король стал жертвой убийц и, напротив, что он спасся

и вместо него был похоронен какой-то другой человек. Слухи эти довольно долго имели серьезное политическое значение. Убийство короля могло в удобный момент быть поставлено в вину Изабелле и Мортимеру, а рассказы о спасении Эдуарда II ставили под сомнение права его сына на трон. Обе эти возможности реализовались в течение нескольких лет после смерти Эдуарда II.

Кончина короля была окружена тайной. Официально было сообщено, что он умер от болезни. Шептались, что его попросту задушили. Некоторые из более осторожных участников опасного дела заранее приискали себе алиби. Лорд Беркли, например, позднее, когда дело дошло до суда над убийцами Эдуарда II, предстал перед парламентом в сопровождении 12 рыцарей, которые клятвенно подтвердили, что в ночь смерти короля, 21 сентября, он «вследствие тяжелого недуга оставался в его маноре Брэдлиандер-Элж в шести милях от Беркли. Лихорадка, от которой он страдал, была такой, что он ничего не помнит из того, что случилось в то время». Потеря памяти в нужный момент спасла лорду Беркли жизнь, но не избавила от ответственности за помощь, которую он оказал в укрывательстве и способствовании бегству за границу активного участника убийства Томаса де Гурнэ — о нем еще пойдет речь ниже. За это лорд Беркли 10 лет находился под домашним арестом в собственном имении, внеся залог в королевскую казну. Но это, повторяем, произошло много позднее, а на другой день после кончины бывшего короля, чудесно избавившись от лихорадки, лорд Беркли явился в свой замок и послал письма Мортимеру и Эдуарду III о «смерти от болезни» низложенного монарха. По его приказу ворота замка были распахнуты, чтобы в смерти Эдуарда II могло убедиться возможно большее число людей. Но среди тех, кто прошел мимо тела в полутемном узком зале, не было никого из близких и родственников. Утверждали, что три монастыря не разрешили похоронить тело в своих стенах, несмотря на то, что лорд Беркли был патроном двух из них. Наконец согласился аббат Токей в Глостершире, но ему тело было передано через три месяца после кончины Эдуарда II. Вдобавок в том же году замок Беркли был штурмом взят уэльсцами, разграблен и предан огню. Не увезли ли с собой уэльсцы, может быть, вовсе не умершего короля — говорили в народе. Сомнения звучали настолько громко, что позднее правительство объявило это высказывание их изменой.

Власть Изабеллы и Мортимера была непрочной. Чувствуя это, коварный граф Мэрч попытался спровоцировать своих недругов на преждевременное выступление, чтобы получить повод для расправы с ними. С этой целью Мортимер постарался приставить своих шпионов к опасным для него лицам. Одним из них считался брат Эдуарда II Эдмунд граф Кентский, хотя современные свидетельства рисуют его человеком ограниченного ума. Он уехал из Англии, выполняя взамен умершей матери обет совершить святое паломничество в Испанию. Однако в октябре 1329 г. папа Иоанн XXII (тот самый, который прославился установлением подробной твердой таксы за отпущение любых грехов, прощение самых гнусных преступлений) освободил графа от его обета, поскольку тот, «находясь в Гаскони, узнал, что против него в Испании существует заговор, и он не может — туда отправиться». В разрешении была оговорена передача церкви всех денег, которые предполагалось истратить на поездку, но папой на этот раз явно двигали не меркантильные соображения, а веские дипломатические мотивы, нежелание, чтобы паломничество столь знатного лица завершилось убийством на большой дороге.

Эдмунд Кентский вернулся в Париж, где его встретили бежавшие из Англии приближенные Эдуарда II. Некоторые из них считали, что он жив и содержится в замке Корф. Среди тех, кто стал активно подстрекать Эдмунда к спасению брата, находились некие сэр Генри Бомонт и сэр Томас Рослин. (Есть основания подозревать, что именно они сыграли порученную им Мортимером роль лиц, провоцирующих мятеж.) Оба рыцаря предпочли не следовать за графом Кентским, и под благовидным предлогом остались во Франции. Какова

бы ни была их действительная роль, у Мортимера явно имелись и другие шпионы, внимательно следившие за графом Кентским. Граф был арестован в Гемпшире и после короткого суда 19 марта 1330 г. обезглавлен около лондонской стены.

Эдуард III не внял мольбам своего дяди о пощаде — вряд ли король мог его спасти, даже если бы и пытался. Однако Эдуард не преминул позднее поставить Мортимеру, которого он успел возненавидеть, в вину пролитие крови ближайшего родственника короля. Если Эдмунд Кентский взошел на эшафот за попытку освободить убитого Эдуарда II, то через несколько месяцев, в ноябре 1330 г., Мортимер, в свою очередь, был лишен власти и казнен вместе со своими ближайшими помощниками за убийство того же Эдуарда II. Однако молодой король Эдуард III был заинтересован не только в том, чтобы избавиться от Мортимера, но и доказать, что инкриминируемое тому убийство действительно имело место. Иными словами, что Эдуард II был мертв и права его сына на престол не могут быть подвергнуты сомнению.

В обвинениях, выдвинутых против Мортимера, утверждалось, что он был соучастником убийства Эдуарда II, для чего им в замок Беркли были направлены Джон Малтреверс и Томас де Гурнэ, которые ко времени суда успели бежать за границу.

Судьба обоих этих лиц оказалась тесно связанной с формировавшейся секретной службой британской короны.

Малтреверс бежал, но в Англии осталась в качестве заложницы его жена Агнеса. Для наблюдения за сэром Лжоном были посланы королевские приставы и гонцы — их задачей было следить, не встретится ли Малтреверс с де Гурнэ. Это был, возможно, первый или один из первых случаев использования служилых лиц в качестве разведчиков, за границей. Интересно отметить, что ранней весной 1331 г. Эдуард III самолично, переодевшись торговцем шерстью, сопровождаемый только несколькими приближенными, совершил тайную поездку во Фландрию. Возможно, целью ее были торговые переговоры в Генте с братьями Ван Артефельде. Но король также разузнавал о бежавших из Англии изменниках — сэр Джон Малтреверс счел поэтому благоразумным уехать на время в Германию. Эдуард вернулся домой в апреле того же года. А вскоре мы вновь находим во Фландрии Джона Малтреверса. Хотя его владения были конфискованы и ему самому было запрещено возвращаться в Англию, королевская немилость не распространилась на супругу бежавшего изменника. Агнесе Малтреверс были сохранены земли, составлявшие ее приданное. А в июле была удовлетворена ее просьба совершить паломничество к святым реликвиям не то в Брюгге, не то в Кёльне. После этого Агнеса еще несколько раз ездила к мужу, кажется не обременяя себя и власти изобретением предлогов. Было совершенно очевидно, что Джон Малтреверс согласился стать королевским разведчиком (через него велись переговоры с Артефельде). Тем временем началась война с Францией, которую история позднее назовет Столетней.

В 1342 г. Агнеса получила разрешение постоянно проживать вместе с мужем. В 1345 г., когда Эдуард III прибыл в Слейс, сэру Джону была дана аудиенция — он на коленях умолял короля разрешить ему предстать перед судом парламента. Эта сцена была лишь хорошо разыгранной комедией — Агнесе еще заранее было обещано прощение ее мужа. Вместо суда сэра Джона ожидали новые задания. С другим разведчиком, фламандским купцом, он посещает различные города — Брюгге, Ипр, Гент. В Англии поместья сэра Джона переходят из казны в личное распоряжение короля. В 1351 г. Малтреверс получил полное прощение: в возмещение за потери, которые он понес во Фландрии, и за отказ принять выгодные предложения французов ему возвращаются его земли. Это была награда за длительную разведывательную службу.

Совсем по-иному обстояло дело с Томасом де Гурнэ. По каким-то причинам Эдуарда III крайне беспокоило, что беглец ускользнул от карающей десницы английской юстиции — очевидно, тому было что-то известно о конце Эдуарда, что никак не должно было достичь ушей французского короля.

Королевские лазутчики были посланы в разные страны в поисках де Гурнэ. Следы его

удалось отыскать в Испании. Помог в этом камергер кастильского короля де Лейна, рассчитывавший на крупную награду. Ему удалось уговорить короля Альфонса заключить де Гурнэ в тюрьму и согласиться на его выдачу Англии. Прибывший в Лондон в мае 1331 г. тайный агент камергера был обласкан и получил щедрую награду — 50 фунтов, большую сумму по тем временам. А самому де Лейне было обещано 300 фунтов при передаче изменника королевскому сенешалу в Байонне (Южная Франция входила тогда во владения английского короля). В Байонну были направлены королевские приставы Джиле Спейн и Бернард Пелегрим, которые должны были принять арестованного и, кроме всего прочего, обеспечить, чтобы тот не давал публично никаких показаний.

Спейн отправился далее в Испанию, но де Лейна не хотел уступать свою добычу, не получив на месте 300 фунтов стерлингов, а король, к которому обратился за помощью англичанин, уклонялся от встречи с ним. Однако, следуя из города в город за путешествовавшим Альфонсом, настойчивый посланец английского монарха наконец добился благоприятного ответа. Преступника было обещано выдать после уплаты 300 фунтов де Лейне на нейтральной территории. Камергер получил свои деньги, доставленные из Бордо... а тем временем де Гурнэ бежал из тюрьмы в городе Бургосе. Напрасно разъяренный Спейн ловил беглеца по всей Кастилии и Наварре — тот, казалось, бесследно исчез. Английскому разведчику удалось поймать слугу неуловимого де Гурнэ и еще одного разыскиваемого изменника — сторонника Мортимера. В июне 1332 г. Спейн после года безуспешных поисков вернулся в Англию.

Эдуард III, однако, не успокоился — за границу были посланы новые люди или были подкуплены должностные лица в различных странах и все с той же целью — изловить де Гурнэ. В январе 1333 г. сэр Уильям де Корнуол, отправленный с этой целью в Неаполь, обнаружил беглеца и добился его ареста. Доставка де Гурнэ в Англию была поручена некоему Уильяму де Туинджу, прибывшему со свитой и, главное, большой суммой денег. Он раздавал щедрые подарки придворным и самому королю Неаполя, нанял корабли, не скупился и на другие расходы. Это не помешало ему по дороге домой, находясь на территории Арагона, подвергнуться аресту — англичан приняли за банду разбойников. Выручила опять взятка местному синдикату. В пути де Гурнэ заболел и скончался около Байонны, Получив два нотариальных свидетельства о его смерти, де Туиндж мог наконец после шестимесячного путешествия вернуться домой — оно обошлось казне в 350 фунтов.

Пренебрежение разведкой со стороны преемника Эдуарда III Ричарда II немало способствовало его падению. Он ничего не знал о заговоре против него, организованном герцогом Ланкастерским, о высадке того в Англии и в решительный момент оказался без войск. Свергнутый с престола Ричард II был заключен в замок Помфрет в Йоркшире.

Новый король — Генрих IV (1399–1413), основатель Ланкастерской династии, был человеком иного калибра. Ему вскоре также пришлось иметь дело с мятежами недовольных феодалов, объявлявших себя сторонниками Ричарда. Группа заговорщиков решила пригласить Генриха в Оксфорд и там убить его. Хроники сохранили рассказ о том, как глава заговорщиков, лорд Ретленд, обедая со своим отцом герцогом Йоркским, выронил письменное клятвенное обязательство, скрепленное подписями заговорщиков. Эта сцена воспроизведена в шекспировской драме «Ричард II». Йорк сразу схватил пергаментный лист, назвал своего сына предателем и поспешил отправиться к королю. Ретленд последовал за отцом и, бросившись на колени перед Генрихом, выдал секреты своих сообщников. Король избегнул ловушки, быстро подавил восстание, поднятое организаторами заговора, и казнил многих его участников. Ретленд получил полное прощение. Вполне возможно, что эпизод с оброненной клятвенной записью был просто хорошо разыгранной комедией или вообще был выдуман и что Ретленд с самого начала по поручению Генриха шпионил за заговорщиками. После раскрытия этого заговора в начале 1400 г. Ричард II был тайно убит в своей темнице.

Генрих IV создал секретную службу, агенты которой (их называли королевскими гонцами и посланцами) действовали не только в Англии, но и во Франции и в Италии.

Наряду с разведкой в их функции входила тайная дипломатия.

Через несколько лет против Генриха IV восстали и влиятельные вельможи, ранее помогавшие ему свергнуть Ричарда II и занять престол. В драме Шекспира «Генрих IV» один из этих феодалов, Генри Перси, по прозвищу Готспер, с гневом говорит, что король

«...шлет шпионов,
Чтобы меня запутать и сгубить» (ч. I, акт 4, сц. 2).

Генриху IV удалось справиться и с новыми мятежами.

Сохранились сведения и об оживленной деятельности секретной службы, созданной Генрихом IV, в годы правления его сына — знаменитого Генриха V (1413–1422). Разведчики выслеживали лоллардов — членов религиозной секты, отражавшей недовольство социальных низов. Один из агентов секретной службы Томас Бэртон, называвший себя «королевским шпионом», был возведен в рыцарский сан. В 1421 г. английский король и герцог I Бургундский совместно направили на средний Восток опытного воина и дипломата Джилберта де Ланнуа с семью спутниками, чтобы они составили подробный отчет о положении в посещенных ими государствах. Разведка Генриха V раскрыла — а быть может, и спровоцировала — так называемый Саутгемптонский заговор. По официальной версии, несколько вельмож, подкупленных французскими послами, сговорились убить короля, который готовился отплыть с армией во Францию. Среди казненных заговорщиков был граф Кембриджский, имевший права на престол как потомок Лайонеля Кларенского, третьего сына Эдуарда III (сам Генрих V вел происхождение от четвертого сына Эдуарда).

Права, восходящие к Лайонелю Кларенскому, были выдвинуты другими представителями так называемой Йоркской линии во время войн Алой и Белой розы.

Черняк Е. Времен минувших заговоры. — М.: Международные отношения, 1994.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ЗАГОВОРЫ

1. Крестьянский лапоть (Bundschuh)

В последнее десятилетие XV столетия одна эльзасская⁹⁵ революционная партия задумывала общее восстание городского и сельского пролетариата.

Приглядываясь к союзам князей и крупных помещиков, рыцарей, крестьяне поняли, что «следует соединиться в толпы, составить собственный союзный договор и иметь свое собственное знамя, по которому можно было бы узнать, какого звания эти люди, и чего они желают добиться своим объединением». Поэтому они и избрали своим знаменем лапоть,⁹⁶ обувь бедного крестьянства.

Во главе заговора находился бургомистр Шлетштадта Ганс Ульман, прекрасный, но фанатичный человек, не умевший справляться со своими страстями, некоторыми своими чертами он напоминает несчастного аграрного реформатора, Тиберия Гракха. Вскоре союз насчитывал уже членов из Шлетштадта, Дамбаха, Зульда, Андлау, Кестенгольца и других местностей.

Заговорщики окружили себя глубокой тайной. Как говорится в сообщениях

---

⁹⁵ Область в Германии (Эльзасе).

⁹⁶ Крестьянская обувь, завязной лапоть, Bundschuh, привязывался к ноге длинными переплетенными ремнями, тогда как высшие классы носили так называемый Brisschuh, который стягивался при помощи шнура (eingebreiselt).

современников, они узнавали друг друга по тайным знакам и обычаям. В чем они, однако, заключались, этого мы не узнаем. Все новые члены, вступавшие в союз, должны были приносить клятву; прием сопровождался любопытными обрядами и угрозами ужаснейших наказаний возможным предателям. «Глубокой ночью, по непроторенным путям члены союза пробирались к сборному пункту, „дикому“ Унгерсбергу, расположенному в наводящем страх пустынном месте, и здесь обсуждали союзный устав».

В последнем было предусмотрено прощение всех долгов и уничтожение всех податей, за исключением очень низкого налога; далее предполагались отмена духовных и императорских судов, в которых заседали ученые юристы, захват церковных имуществ, ограбление и истребление злосчастных евреев. «Также следовало упразднить тайную исповедь, главную опору духовенства в его господстве над людьми». Это были уже не требования старых прав и преимуществ, на их место стали уже общие положения религиозного, политического и социального характера — ясный призыв к тому, что в аграрном движении участвовали и более глубокие, умственные силы.

Чтобы приобрести прочную операционную базу, предполагалось захватить врасплох укрепленный Шлетштадт, а оттуда уже организовать крестьянство и обратиться за содействием к швейцарским единомышленникам. Моментом действия, когда должно было развернуться знамя с лаптем, как символ мятежа и свободы, была назначена страстная неделя 1493 года. В начале ее должен был произойти захват Шлетштадта. Однако в последний момент заговор был выдан и открыт.

Все заговорщики, которых удалось схватить, подверглись жестокой казни, изгнанию и изуечению рук и пальцев. Однако самые ужасные мучения и кары, которыми доброе старое время любило упиваться, не в силах были вытравить из сердец раз запавшее в них недовольство. Когда Ульман вступил на плаху, он, как рассказывают, воскликнул: «Рано или поздно, но лапоть возродится!» — пророческое слово, которому было суждено сбыться.

Казалось, что революционное движение окончательно подавлено, и на протяжении нескольких лет спокойствие ничем не нарушалось. Однако настроение в южной Германии было далеко не веселое. В воздухе чувствовалась нависшая гроза, в нем было что-то давившее души и державшее их в торжественном напряжении. И действительно, уже с начала нового столетия стало возрастать число страшных предвестников предстоящей громадной революции; взрыв ее заговорщики назначили на 1502 год.

За последние годы перед этим в возбужденных, недовольных массах вполне установилась традиция, которая выставила своим главным лозунгом «Божию справедливость» или «Божественное право». Иначе говоря, в народе обнаружилась тенденция к безусловному отрицанию исторического права, потребность применять ко всем существующим отношениям свободно избранный идеальный масштаб.

Этим лозунгом, заимствованным, вероятно, из знакомой нам «реформации», воспользовался один крупный крестьянский союз, который и запечатлел его на своем синем с белым знаменем; кроме того, на нем красовались, с одной стороны, — рядом с изображением распятого Христа — лапоть, с другой — коленопреклоненный крестьянин с поднятыми вверх руками.

Центральным пунктом заговора, лучи которого расходились по всем соседним рейнским, майнским и некар-ским округам, — была шпейерская деревня Унтергрумбах в Брухрайне близ Брухзала. В близлежащем лесу в темную ночь происходили тайные собрания, на которых обсуждались положения союза и совершался прием новых членов.

Этот прием происходил при соблюдении религиозных обрядов: поступающий должен

был, стоя на коленях, произнести пять раз подряд «Отче наш» и «Ave Мапа»; он обязан был делать это ежедневно и после того, как становился полноправным членом этого союза. По всей вероятности, по этому признаку, который не мог броситься в глаза непосвященному и не мог навлечь подозрения на члена союза, заговорщики узнавали друг друга. Каждый посвященный должен был поклясться, по мере своих сил оказывать всяческое содействие союзу и старательно оберегать как самый союз, так и поставленные им задачи и цели от вмешательства непосвященному; свято хранить лозунг союза, в котором слышатся отклики злобной песни процессии паломников времен Никласгаузена. Лозунг состоял из вопроса: «Скажите, что это за жизнь теперь?» и ответа: «Мы не желаем знать попов и дворян», причем отвечающий должен был подать спрашивающему правую руку.

Весной 1502 г. к союзу принадлежало уже 7000 посвященных мужчин и 4000 женщин. Исполненная решимости и отчаяния толпа, решила немедленно взять врасплох город Брухзаль, после чего она намеревалась пройти со знаменем революции по всей Германии, беспощадно уничтожая противников, особенно же богатых прелатов. Однако незадолго до решительного момента, один из заговорщиков на исповеди, доверил тайну священнику, который немедленно донес об этом епископской власти. Заговорщики не успели даже опомниться, как их тайные замыслы были раскрыты, а мрачный союз распался уже во второй раз. И только многочисленные уголовные процессы, которые произвели среди заговорщиков ужасающие опустошения, напоминали о недавнем прошлом.

Главарь восстания, Иост Фриц, один из самых опытных демагогов того жестокого времени, ускользнул от епископских палачей и с неутомимой энергией принялся снова за дело, потерпевшее неудачу.

После долголетних странствий по Швейцарии, Эльзасу и Шварцвальду, которыми Фриц воспользовался, чтобы возобновить старые связи и завязать новые, он поселился в 1512 году в деревне Леен в Брейсгау и тотчас по обычаю демагогов принялся агитировать среди «бедных людей»; успех его был чрезвычайно велик. Дело в том, что этот бывший ландскнехт обладал в высокой степени всеми теми качествами, которые требуются от вожака народного движения: непоколебимой храбростью, несокрушимой энергией, отличным знанием людей, широкой совестью и тем демоническим даром притворства и искусства убеждать, которому так легко подчиняется бессознательная толпа. И каждый простой человек, слыша его пламенные речи об испорченности света, о Божьей справедливости и о крестьянском лапте, рассчитывал, «начиная с этого момента, сделаться блаженным и богатым». Чего можно ожидать от таких союзников, выяснилось уже очень скоро.

Опытный заговорщик знал свое дело. В этой обстановке он и стал развивать свою программу: рыболовство, охота в лесах и лугах должны быть общедоступны, церковные имущества подлежат конфискации, все долги, проценты на которые достигли суммы капитала, должны быть прощены, а ростовщические проценты, должны влечь за собой наказание по божескому праву. Всякому, кто присоединится к союзу, будет обеспечена жизнь и невредимость; кто ему воспротивится, будет убит.

К предложению Фрица устроить новый «лапоть», тотчас же присоединилось множество крестьян. Колеблющихся удалось подбодрить и втянуть в заговор местному священнику, который давно уже стоял на стороне Иоста, причем доказывал им бесспорное божественное право «лаптя» на основании Библии. В союзе с ним и с третьим главой, которого звали Штоффель из Фрейбурга, и который разъезжал, агитируя, на белой лошади по всему Шварцвальду и долине Рейна, Иост Фриц вербовал многочисленных приверженцев и объединял их в замкнутые окружные союзы.

Связи между отдельными округами поддерживала многочисленная корпорация странствующего люда, которая составляла, под начальством собственных предводителей, род признанного цеха: тут были профессиональные нищие, бездомные торговцы, которые ходили из одного двора в другой и пользовались народными симпатиями как передатчики всевозможных новостей, ловкие фокусники и музыканты, игравшие по деревням, и им подобные неугомонные и бесправные бродяги, являющиеся в ту пору настоящим бичом

страны. Предводителям этих опасных шаек были обещаны высокие денежные суммы, если им удастся при помощи своих испытанных агентов раздуть к назначенному времени огонь в различных пунктах в Брейсгау, Эльзасе и в маркграфстве Бадене.

Весь Баден до епископства Шпейерского был минирован. В верхнем Эльзасе и Вюртемберге у союза было много горячих сторонников.

В тайных ночных сборищах, преимущественно в тавернах, Иост и Штоффель проводили смотр своих членов. Также и на храмовых праздниках и ярмарках происходили собрания отдельных округов.

В виде знака для опознания все заговорщики носили латинское Н, вырезанное из черного сукна и нашитое на красном фоне спереди груди на белье. Кто собирался поступить в союз, но не был еще посвящен в его тайны, носил на правом рукаве своей одежды три крестообразных надреза.

В качестве союзного лозунга был принят с некоторыми изменениями шпейерский вопрос: «Привет тебе, парень, каков твой нрав?» и ответ: «Бедному человеку нет уже на свете житья». Наряду с этим, должно быть, для непосвященных еще новичков, был в ходу пароль St. Jord (Св. Георгий). Перед самым восстанием всем его участникам предполагалось сообщить новый тайный лозунг, который до тех пор составлял исключительное достояние предводителей.

Иост Фриц и его единомышленники — среди них бывалый в свете и речистый булочник Иероним — расширили во время неоднократных сходов на Гартматте прежнюю программу, включив в нее некоторые добавления. Отныне никто не должен был признаваться господином, кроме Бога, папы и императора. Церковные суды, подлежали ограничению, а императорские — полному упразднению. После того, как Иост Фриц, по примеру отца Иоанна из Леена, изъявил готовность доказать истинность всех положений союза на основании Св. Писания, все собравшиеся произнесли союзную клятву и дали обет «считать тайну священной, стоять друг за друга и друг друга не покидать».

На том же собрании было решено раздобыть союзное знамя с особо значительными символами, которым приписывалось магическое действие на массы. С большим трудом Фрицу удалось достать в Гейльбронне живописца, который исполнил это опасное дело. На синем фоне знамени красовалось изображение Распятого, справа от него — Божия Матерь, слева — Иоанн Креститель. Кроме того, тут были нарисованы папа и император и под крестом — коленопреклоненный крестьянин с лаптем, вдоль всего знамени была начертана надпись: «Господи, окажи свое божеское правосудие!».

Хорошо подготовив почву, собрание предводителей в Леене постановило поднять движение поздней осенью 1513 года. На храмовом празднике в Бингене 9 октября предводители его сошлись вместе с главарями нищих для обсуждения последних мероприятий; был назначен и день, в который по всей долине Рейна должно было развернуться знамя революции.

Но прежде чем дело дошло до этого, городской совет Фрейбурга узнал о грозящей опасности. Масса заговорщиков попала в карающие руки правосудия, была подвергнута ужасным мучениям и казнена в Рабенштейне. Иосту Фрицу удалось вместе с несколькими предводителями убежать в Швейцарию, и еще в продолжении нескольких лет его часто видели в деревнях Шварцвальда агитирующим и раздувающим брожение.

2. Бедный Конрад

Весна 1515 года принесла с собою взрыв страстей в Вюртемберге. Здесь господствовал герцог Ульрих, тот безумный тиран, о чьих охотах, пиршествах и развлечениях до нас дошли баснословные, хотя большей частью и хорошо засвидетельствованные известия. Его подданные страдали от неслыханного податного бремени, которое принимало совершенно невыносимые размеры вследствие колоссальных налогов на потребление и благодаря неправильному весу. Неудивительно, что революционные идеи «лаптя» нашли себе в среде

голодающего, жестоко насилуемого народа самую благоприятную почву.

Уже в 1503 году крестьяне живописной долины Ремы соединились в братство, которое они, как и их несчастные единомышленники по ту сторону Шварцвальда, хотели назвать «лаптем». Но так как это прозвище пользовалось повсюду у властвующих лиц скверной репутацией, то сообщество было названо «Бедным Конрадом», что должно было просто означать бедного человека.

«Бедный Конрад» представлял собой «скромное общество, в котором, под видом веселых прибауток и шуток, сохранились и этим путем скрывались от непосвященных глаз тенденции прежних крестьянских союзов».

Как известно, стоит образоваться лишь войску, а предводители всегда найдутся. Так во главе «бедного Конрада» стоял атаман, «Гейспетер», который носил белый полотняный мужицкий кафтан, серую войлочную шляпу и составлял списки всех членов союза. В союз принимались лишь рабочие, нищие, бродяги и всякий сброд, тогда как все, кто еще мог что-либо потерять, исключались из него. Поступающий принимался в союз посредством торжественного рукопожатия со стороны атамана и брал на себя обязательство никому не выдавать тайного лозунга и положений союза. После этого он наделялся паханой землей или виноградниками из имуществ, которыми союз владел на луне, в пустыне и на «голодной горе». Какое значение имело это странное, очевидно, символическое действие, неизвестно. Одно ясно, что оно заключало в себе больше, чем только горькую сатиру на существующее грустное положение вещей.

Как союз «лаптя», так и Ремстальское братство имело свое собственное знамя: синее поле с распятием Христом, перед которым коленопреклонен крестьянин, и с надписью «Бедный Конрад!».

Когда весной 1514 г. в Вюртемберге был объявлен так называемый капитальный налог (Kapitalsteuer), атаман союза собрал всех членов в открытое поле, очертил лопатой огромный круг, стал посередине его и крикнул:

«Я — бедный Конрад, я им зовусь, я им останусь.
Кто не хочет платить злой пфеннинг
Тот да станет ко мне в этот круг».

Кроме заговорщиков, более двух тысяч крестьян и горожан последовало приглашению. Это был первый шаг, который заговорщики рискнули совершить публично.

Другой опыт для определения того, насколько «бедный Конрад» сможет рассчитывать на сельское население, был совершен Гейспетером следующим образом: крупнейшая масса народа в торжественной процессии совершила испытание при помощи воды установленного герцогом фальшивого веса. Если этот умышленный вес поплывет, то прав будет герцог, говорил Гейспетер; если он пойдет ко дну, то прав будет крестьянин. При необузданных приветственных криках толпы дикий по своей нелепости опыт дал благоприятный его изобретателю результат. И вскоре вооруженные толпы направились к городу Шорндорфу, заняли его и сделали центром восстания.

В доме ножовщика Каспара Брегенцера была устроена канцелярия, в которой — первоначально тайно, позже открыто — сосредоточивалось управление «бедным Конрадом». Отсюда писарь союза, Ульрих Энтемайер выпускал воззвания ко всем городам и деревням, в которых предполагалось наличие недовольных. Решительные и ловкие эмиссары объезжали всю страну до самых отдаленных уголков и поднимали простой народ. В Маркгренингене даже городской пастор проповедовал в духе «бедного Конрада». Подданные, проученные притеснениями, повсюду охотно следовали заманчивым обещаниям и с радостным сердцем клялись служить верою и правдою тайному союзу. Недаром же последний обещал освобождение от скверных новшеств, от податей и барщины, неограниченное пользование рыбными ловлями, охотой и лесом.

Арест одного из вождей как по волшебству поднял многие тысячи вооруженных

крестьян, которые двинулись на города и, действительно, завладели Кальвом и Бакнангом.

Движение повстанцев достигло своего апогея. Теперь было достаточно только целесообразного и единого плана, чтобы вся южная Германия собралась вокруг знамени революции. Но слишком скоро выяснилось, что «бедный Конрад» располагал большим числом ловких рук и жилистых кулаков, но ни одной действительно талантливой головой.

После того, как правительство сделало крестьянству на Тюбингенском ландтаге, к которому представители от крестьян не были даже вовсе допущены, несколько жалких уступок в вопросе о потравах во время охоты, участники мятежа были соблазнены всевозможными прекрасными обещаниями вероломного герцога и разошлись по домам, а затем ужаснейшие казни в Шорндорфе и Штутгарте и полное обезоружение всего крестьянского населения сделали всякое дальнейшее сопротивление невозможным.

Еще легче, чем в Вюртемберге, удалось подавить только возникавшего «бедного Конрада» в Бадене. Восемьсот жителей Бюлерталя соединились в тайный союз под предводительством Гугельбастиана. Однако, прежде чем заговорщики успели приступить к действиям, все движение было подавлено маркграфом Филиппом Баденским.

Тем не менее, брожение в южной Германии продолжалось. Мы слышим везде о тайных собраниях и союзах, которые собирались вступить в союз с швейцарцами. В 1522 году крестьяне собрались в Гегау вокруг белого знамени, на котором были изображены золотой лапоть и солнце, и сделана надпись «Кто хочет быть свободен, пусть последует свету этого солнца».

Всеобщее нежелание господствующих классов уступить какое-нибудь из своих законных или противозаконных притязаний вело к тому, что идеи «лаптя» и «бедного Конрада», не могли погибнуть. И даже самые жестокие наказания не могли помочь, пока жила вера в несправимость господ и в будущее революционного Движения.

Шустер Г. Тайные общества, союзы и ордена: В 2 т. — М., 1905–1907.

КИНЖАЛ ФАНАТИКА

На протяжении средневековья только церковь имела свою разветвленную разведывательную сеть почти во всех странах Европы. Правда, секретная служба не выделялась как особая организация. Большую роль в развитии церковной разведки сыграл основанный в первой половине XVI в. орден иезуитов — «Компания (Общество). Иисуса», как они себя называли. Орден был создан прежде всего для борьбы против успехов Реформации. Членами ордена становились, как правило, тщательно отобранные люди, обученные беспрекословному, слепому повиновению вышестоящим лицам (по выражению основателя ордена Игнатия Лойолы, каждый иезуит должен был быть подобен трупу в руках духовного начальника).

Иезуиты разделили весь мир на области — провинции. Глава иезуитов такой области — провинциал — обычно руководил и секретной службой в этом районе.

Иезуитская разведка была организатором десятков успешных заговоров, восстаний, убийств из-за угла, бесчисленных дворцовых интриг, в ходе которых обделывались важные политические дела, заключались и разрывались союзы между государствами, утверждались у власти или низвергались те или иные придворные клики. Иезуиты прямо или косвенно участвовали в наиболее известных политических убийствах конца XVI — первой половины XVII в.

...В августе 1572 г., после десятилетия кровопролитных гражданских войн, во Франции наконец забрезжила надежда на мир. Его было решено скрепить женитьбой одного из руководителей протестантского лагеря короля Наваррского Генриха Бурбона на сестре французского короля Карла IX Маргарите Валуа (знаменитой «королеве Марго»). На торжества в Париж прибыли сотни дворян-гугенотов. Эта попытка примирения закончилась кровавой Варфоломеевской ночью. По приказу короля и его матери Екатерины Медичи 3 тыс. гугенотов были убиты на рассвете 24 августа, в день святого Варфоломея. Кровавые

побоища перекинулись и на другие французские города. Генрих Наваррский спас себе жизнь тем, что перешел в католичество (как только опасность миновала, он вновь стал протестантом).

Варфоломеевская ночь не оказалась смертельным ударом для гугенотов. Гражданские войны продолжались с прежним ожесточением. Наследовавший Карлу IX его брат Генрих III в целом продолжал политику своего предшественника. Он то воевал с гугенотами, то мирился с ними, чтобы воспрепятствовать полному господству организации, созданной католиками, — Католической лиги и ее главы герцога Генриха Гиза.

Это было время, когда свои разведки имели король, королева-мать, Католическая лига. В страну были посланы испанские, английские, голландские лазутчики, иезуиты.

Генрих III отлично знал, что Генрих Гиз выжидает лишь удобного случая, чтобы овладеть престолом. В конечном счете конфликт между Генрихом III и Католической лигой принял открытый характер. Король должен был покинуть Париж, где всем заправляла Католическая лига. Генрих в очередной раз примирился с вождем гугенотов Генрихом Наваррским. Началась «война трех Генрихов». Королевское войско осадило непокорную столицу. Генрих III потребовал, чтобы герцог Гиз прибыл к нему для объяснений, а когда тот счел для себя выгодным явиться для переговоров, приказал королевским телохранителям заколоть его кинжалами.

После убийства Гиза война между Генрихом III и Католической лигой продолжалась. Во главе Лиги встали младший брат Гиза герцог Майеннский и его сестра герцогиня Монпансье, которые решили любой ценой разделаться с ненавистным королем, последним представителем династии Валуа. Его смерть открыла бы Гизам дорогу к трону.

Орудием осуществления замысла Гизов был избран доминиканский монах, 22-летний Жак Клеман. Это был резкий, решительный и вместе с тем туповатый мальчик, целиком находившийся во власти самых нелепых суеверий. Приор монастыря на улице святого Якова убедил Клемана в том, что ему предопределено совершить великий подвиг для блага церкви. Монаху даже внушили, что он обладает чудесной силой делать себя невидимым для чужих глаз.

Когда королевская армия подошла к Парижу, Клеман сам заявил своим духовным начальникам, что стремится совершить великое дело. Осторожно, не спрашивая о существовании дела, приор постарался укрепить брата Клемана в его решимости. Ходили слухи, что для «верности» ему дали какое-то наркотическое средство. Клемана также представили герцогине Монпансье. Несмотря на свою нескладную фигуру и короткие ноги, роскошно разодетая аристократка произвела большое впечатление на молодого монаха и постаралась убедить Клемана ни в коем случае не оставлять своего похвального намерения. В ход были пущены все средства обольщения, обещание кардинальской шапки и вечного блаженства на небесах. Кроме того, добавляла герцогиня, она прикажет арестовать в качестве заложников большое число сторонников Генриха III, так что никто не осмелится в королевской ставке и пальцем тронуть Жака. Вскоре монах узнал, что герцогиня сдержала свое слово — были взяты под стражу 300 лиц, обвиненных в равнодушии к делу Католической лиги и в скрытом сочувствии партии короля.

Клеман поспешил к приору и попросил разрешения перебраться в монастырь в Сен-Клу, где находилась королевская штаб-квартира. Приор, ни о чем не расспрашивая Клемана, достал ему пропуск на выезд из Парижа и передал несколько писем (одно — настоящее, остальные — подложные) от арестованных в Париже сторонников Генриха III.

Заговорщик отправился к королю под видом секретного гонца от противников Лиги. Придворные поверили его рассказу и на следующий день устроили ему аудиенцию у Генриха, которому посланец обещал открыть важную государственную тайну. Клеман передал королю письмо, а затем вонзил нож в его живот.

«Проклятый монах, он убил меня!» — в ужасе закричал Генрих. Клеман даже не пытался бежать, твердо надеясь на чудо. Прибежавшая стража в ярости подняла его на пики. На следующий день, 2 августа 1589 г., Генрих III умер...

Еще несколько лет продолжались гражданские войны, опустошавшие страну. В конце концов даже французское дворянство почувствовало необходимость мира, тем более что в стране начало полыхать пламя крестьянских восстаний. Генрих Наваррский в очередной раз переменял религию, бросив при этом знаменитую фразу: «Париж стоит обедни». Власть нового короля Генриха IV была довольно скоро признана во всей Франции.

Победив своих врагов, Генрих IV стал проводить политику, направленную на решение двух задач — восстановления экономики страны, разрушенной во время религиозных войн, и укрепления королевской власти.

При решении второй задачи Генриху сразу же пришлось столкнуться с сопротивлением вельмож, в том числе и тех, которые сражались на его стороне против: Католической лиги. К числу недовольных принадлежал герцог Бирон. Это заметили даже при иностранных дворах. Когда маршал Бирон в качестве посла Генриха посетил Елизавету, она указала ему на сотни отрубленных голов, служивших мрачным украшением Лондонского моста, и заметила, что так поступают в Англии со всеми изменниками.

Бирон не принял к сведению этого предостережения. Он вступил в соглашение с врагами Генриха — с герцогом Савойским и, конечно, с Мадридом. Он и его сообщники (герцог Бульонский и др.) договорились разделить Францию на ряд полунезависимых владений под протекторатом Испании. Положение страны было тяжелым, и заговорщики намеревались использовать в своих интересах всех недовольных — и католиков, и протестантов.

Заговор был раскрыт, вероятно, не столько усилиями королевской разведки, сколько благодаря тому, что один из заговорщиков, Лаффен, счел за благо перейти на сторону Генриха IV. Лаффен учел нерешительный и ненадежный характер Бирона, его детскую веру в астрологию и черную магию; он знал, что этот не раз проявлявший мужество старый солдат часто терялся и совершал нелепые поступки, продиктованные глупостью, тщеславием и корыстолюбием. К тому же Лаффен отлично понимал, какова цена обещаний герцога Савойского и особенно нового испанского короля Филиппа III. Поэтому-то служивший курьером для связи заговорщиков с Савойей Лаффен и решил тайно доносить королю о всех планах Бирона.

Нужны были доказательства, чтобы оправдать арест герцога, и Лаффен добыл их. Однажды вечером Бирон в присутствии Лаффена составил письмо с изложением целей заговора. Лаффен заявил, что это слишком опасный документ, чтобы хранить его в оригинале. Королевский шпион сам предложил скопировать письмо и потом его уничтожить. Бирон согласился. Лаффен быстро снял копию и бросил оригинал в пылающий камин. Конечно, Бирону при этом не удалось заметить, что роковое письмо попало не в огонь, а в щель между задней стенкой печки и каменной стеной. Во время этой же встречи Лаффен попросил Бирона написать ему приказ сжечь все бумаги маршала. Вскоре оба документа были в руках короля. Кроме того, имелись письма Бирона к Лаффену. Этого было достаточно. Лаффен съездил потом к командующему испанскими войсками в Италии графу Уэнтосу, но подозрительный испанец почуял ловушку и по согласованию еще с одним иностранным участником заговора, герцогом Савойским, решил избавиться от Лаффена. Но если Фуэнтос заподозрил Лаффена, то тот еще ранее заподозрил испанского генерала. Короче говоря, Лаффен успел бежать.

Летом 1602 г. Бирон был вызван ко двору. После некоторого колебания он приехал, так как не подозревал о предательстве Лаффена. Бирона арестовали и казнили по приговору парижского парламента. До последней минуты чванливый герцог считал, что смертный приговор — только комедия и что он попался из-за козней дьявола, с которым был связан Лаффен.

После казни Бирона оставаться в Париже Лаффену стало невозможно. Многие

влиятельные сообщники маршала поклялись отомстить предателю. Лаффен скрывался в провинции под охраной королевских солдат. Лишь через несколько лет он решился вернуться в столицу, понадеявшись на короткую память своих врагов. Расчет оказался неверным. На мосту Нотр-Дам к Лаффену бросилась группа вооруженных людей, стащила с лошади и покончила с ним несколькими пистолетными выстрелами в упор.

На протяжении всего царствования Генриху IV приходилось бороться против многочисленных заговоров: то пытались свергнуть его и возвести на престол одного из его незаконнорожденных сыновей, то сдать неприятелю Марсель или Нарбонн. За всеми этими заговорами по-прежнему стояли Испания и орден иезуитов.

Еще 27 декабря 1595 г. король принимал приближенных, поздравлявших его с победой над Лигой. Неожиданно к нему подбежал юноша и попытался ударить кинжалом в грудь. Генрих в этот момент наклонился, чтобы поднять с колен одного из придворных. Это спасло жизнь королю — удар пришелся в рот, и у Генриха оказался вышибленным зуб. Покушавшийся Жан Шатель действовал при подстрекательстве иезуитов — отца Гиньяра и отца Гере. Первый из них был отправлен на виселицу, а иезуиты в том же году были изгнаны из Франции. Но ненадолго. В 1603 г. Генрих IV был вынужден разрешить им вернуться и даже демонстративно взял себе иезуитского духовника.

14 мая 1610 г. король отправился в открытой коляске на прогулку по Парижу. Оставалось всего пять дней до отъезда Генриха IV на войну. Этот ставший легендой человек, в котором сочетались черты развеселого гуляки и мудрого государственного деятеля, теперь решил приступить к осуществлению главного дела своей жизни — ликвидации гегемонии в Европе испанских и австрийских Габсбургов, с трех сторон зажавших в клещи Францию.

... На узкой парижской улице, по которой ехала королевская карета, ей неожиданно преградили путь какие-то телеги. К экипажу подбежал рослый рыжий детина и трижды нанес королю удары кинжалом. Раны оказались смертельными.

По приказу жены Генриха флорентийки Марии Медичи, провозглашенной регентшей при малолетнем сыне Людовике XIII, убийца был вскоре предан суду. Он не отрицал своей вины, утверждал, что никто не подстрекал его к покушению на жизнь короля. Установить личность преступника не составляло труда. Это был Жан Франсуа Равальяк, стряпчий из Ангулема, ярый католик, неудачно пытавшийся вступить в иезуитский орден и не скрывавший недовольства той терпимостью, которой стали пользоваться по приказу Генриха его бывшие единоверцы — гугеноты. Равальяк несколько раз стремился добиться приема у короля, чтобы предостеречь его против такого опасного курса, и, когда ему это не удалось, взялся за нож. Убийца даже под пыткой продолжал твердить, что у него не было соучастников. Судьи парижского парламента терялись в догадках, Их мысль пошла по привычному пути: не подстрекнул ли Равальяка к злодеянию сам дьявол, известный враг рода человеческого? Ведь свидетель обвинения Дюбуа, ночевавший некоторое время в одной комнате с подсудимым, утверждал, что сатана появлялся там в виде «огромного страшного пса». В то же время исповедник погибшего короля иезуит отец Коттон увещевал убийцу: «Сын мой, не обвиняй добрых людей!». На эшафоте, Равальяк, даже когда ему угрожали отказом в отпущении грехов, если он не назовет своих сообщников, снова и снова повторял, что действовал в одиночку. Равальяк искренне был убежден, что от этих слов, сказанных им за минуту до начала варварской казни, зависело спасение его души. Но соответствовали ли они действительности?

В 1610 г. судьи явно не имели особого желания докапываться до истины, а правительство Марии Медичи проявляло еще меньше склонности к проведению всестороннего расследования. Но уже тогда задавали вопрос: не приложили ли руку к устранению короля те, кому это было особенно выгодно? Через несколько лет выяснилось, что некая Жаклин д'Эскоман, служившая у маркизы де Верней, фаворитки Генриха (которой

неисправимый ловелас даже дал письменное обещание жениться и семейство которой уже устроило однажды заговор, угрожающий жизни короля), пыталась предупредить Генриха о готовившемся на него новом покушении. В его организации, помимо маркизы де Верней, по утверждению д'Эскоман, участвовал также могущественный герцог д'Эпернон, мечтавший о первой роли в государстве. Д'Эскоман старалась сообщить обо всем этом королю через его супругу Марию Медичи, но та в последний момент уехала из Парижа в Фонтенбло. Отец Коттон, к которому хотела обратиться д'Эскоман, также отбыл в Фонтенбло, а другой иезуит посоветовал ей не вмешиваться не в свои дела. Вскоре после этого разговора Жаклин обвинили в том, что она, не имея средств на содержание своего сына в приюте, пыталась, подбросить малыша. Д'Эскоман была немедленно арестована, по закону ей угрожала смертная казнь. Но судьи оказались мягкосердечными: посадили ее надолго в тюрьму, а потом отправили в монастырь. Не была ли эта снисходительность платой за то, что на суде д'Эскоман ни одним словом не упомянула о заговоре против Генриха IV?

Почему же Мария Медичи уклонилась от встречи с Жаклин д'Эскоман? У этой упрямой и взбалмошной женщины и особенно у ее фаворитов — супругов Кончини, были свои причины желать устранения короля. Генрих сильно увлекся молоденькой Шарлоттой Монморанси, ставшей женой принца Конде. Этот бурный роман вызвал серьезные опасения флорентийки. Зная характер Генриха, она допускала, что он может пойти на развод с ней или приблизить принцессу Конде настолько, что она приобретет решающее влияние при дворе. В случае смерти Генриха Мария Медичи становилась правительницей Франции до совершеннолетия ее сына Людовика XIII, которому тогда было всего 9 лет. Фактическая власть досталась бы супругам Кончини, которые имели огромное влияние на Марию Медичи (так оно и произошло впоследствии, хотя герцог д'Эпернон в первые дни после смерти Генриха IV также стремился прибрать к своим рукам бразды правления).

В январе 1611 г. Жаклин д'Эскоман вышла из монастыря и попыталась опять вывести заговорщиков на чистую воду. Ее снова бросили в тюрьму и предали суду. Однако процесс над д'Эскоман принял нежелательное для властей направление. Слуга Шарлотты дю Тилли (которая была близка к маркизе де Верней и находилась в придворном штате королевы) показал, что не раз встречал Равальяка у своей госпожи. Это подтверждало свидетельство д'Эскоман, также служившей некоторое время у дю Тилли, которой ее рекомендовала маркиза де Верней. Судебное следствие прервали, «учитывая достоинство обвиняемых». Президент суда был заменен ставленником двора. Несмотря на давление со стороны правительства, требовавшего вынести смертный приговор д'Эскоман за лжесвидетельство, голоса судей разделились поровну. Подсудимая была приговорена к вечному тюремному заключению. Ее продолжали держать за решеткой и после падения Марии Медичи (1617 г.) — так опасались показаний этой «лжесвидетельницы».

Жаклин д'Эскоман утверждала, что заговорщики поддерживали связь с мадридским двором. Об этом же сообщает в своих мемуарах Пьер де Жарден, именовавшийся капитаном Лагардом. Они были написаны в Бастилии, куда Лагард был заключен в 1616 г. Он вышел на свободу после окончания правления Марии Медичи. Лагард узнал о связях заговорщиков, находясь на юге Италии, откуда энергичный испанский вице-король граф Фуэнтос руководил тайной войной против Франции. Лагард, приехав в Париж, сумел предупредить Генриха о готовившемся покушении, но король не принял никаких мер предосторожности. В мемуарах Лагарда имеются не очень правдоподобные детали — вроде того, будто он видел Равальяка в Неаполе, куда ангулемец привез, якобы, письма от герцога д'Эпернона.

Показания д'Эскоман были опубликованы при правлении Марии Медичи, когда она боролась с мятежом крупных вельмож и хотела обратить против них народный гнев. Характерно, что эти показания не компрометировали королеву-мать. Мемуары Лагарда были написаны после падения Марии Медичи и явно имели целью очернить королеву и ее союзника герцога д'Эпернона. Таким образом, оба эти свидетельства могут внушать известные подозрения. Вполне возможно, что Генрих IV пал жертвой «испанского заговора», в котором участвовали какие-то другие люди. В пользу этого предположения говорят

настойчивые слухи об убийстве французского короля, распространившиеся за рубежом еще за несколько дней до 14 мая, когда был убит король, а также то, что в государственных архивах Испании чья-то заботливая рука изыскала важные документы, относившиеся к периоду от конца апреля и до 1 июля 1610 г. То, что французский король пал жертвой заговора, руководимого испанцами, впоследствии утверждали такие осведомленные лица, как герцог Сюлли, друг и первый министр Генриха IV, а также кардинал Ришелье.

Черняк Е. Времен минувших заговоры. — М.: Международные отношения, 1994.

АНГЛИЙСКОЕ ДЕЛО

В 1580 году Рим объявил, что всякий убивший Елизавету «с благочестивым намерением свершить божье дело не повинен в грехе, а, напротив, заслуживает одобрения».

Иезуитский орден продолжал подготовку к обращению англичан в свою веру. Один за другим высаживались на английский берег иезуитские лазутчики, тайно проповедовавшие против еретички-королевы и, главное, занимавшиеся сколачиванием всех сил католической партии, подготовкой заговоров в пользу Марии Стюарт и мятежей, которые помогли бы намеченному вторжению испанской армии.

Признанным организатором заговоров был отец Роберт Парсонс, в 1580 году лично возглавлявший иезуитскую миссию, тайно посетившую Англию. Он даже ухитрился создать в окрестностях Лондона передвижную типографию, печатавшую памфлеты в защиту католицизма. Спутник Парсонса Кемпион был схвачен и повешен, Парсонсу удалось бежать. С тех пор в течение многих лет он был, по существу, главным противником руководителя Елизаветинской разведки Уолсингема в тайной войне, неумоимо плетя из Рима сети все новых и новых заговоров. Парсонс занялся даже составлением плана будущего государственного устройства Англии после победы испанского короля Филиппа и иезуитов. Католические епископы должны были получить право назначать членов английского парламента, вводилась инквизиция.

Другими видными руководителями католических заговоров были кардинал Аллен (подобно Парсонсу, английский эмигрант) и уэльский дворянин Хью Оуэн. По слухам, он еще в 1571 году принимал участие в «заговоре Ридольфи». Его роль была, правда, скромной: он должен был обеспечить бесперебойную замену лошадей на всем протяжении пути, по которому предполагала бежать Мария Стюарт. Эмигрировав, Оуэн совместно с Парсонсом и Алленом разработал детальный план вторжения в Англию испанских войск. В течение нескольких десятилетий скупое испанское правительство аккуратно выплачивало Оуэну значительную пенсию. И недаром. Дом Оуэна в Брюсселе, неподалеку от Рынка сыров, стал шпионским центром католических держав, враждебных Англии. Отсюда уезжали люди, чтобы в другом платье и под другим именем появиться в лондонской таверне или дворянской усадьбе где-нибудь в Шропшире или Нортумберленде и там приняться за выполнение порученного дела. Они везли с собой письма, спрятанные в изящной трости или в подошвах башмаков. Письма были написаны на тонкой бумаге — не раз агенту уже после ареста удавалось быстро сжевать и проглотить компрометирующий документ. Впрочем, случалось и так, что человек, покидавший под покровом ночи брюссельский дом около Рынка сыров, через пару дней входил в лондонскую резиденцию сэра Френсиса Уолсингема. И наоборот. Теперь, почти через четыре столетия, уже невозможно разобрать, на кого в действительности работали многие из этих агентов.

Борьба шла без пощады. Оуэн и Парсонс однажды едва не попали в руки отряда английских войск, сражавшегося во Фландрии. В этом случае их участь была бы быстро решена — выдачи Оуэна правительство Елизаветы требовало еще современники «заговора Ридольфи». В другой раз Оуэну и его агентам удалось склонить дезертировать отряд, состоявший из солдат-уэльсцев, который вдобавок без боя сдал испанцам крепость Девентер. Командир отряда Уильям Стенли стал полковником испанской службы. Его полк, действовавший во Фландрии, пополнялся за счет эмигрантов-католиков, и заговорщики

рассчитывали опереться на него в случае государственного переворота в Англии.

В начале 80-х годов иезуиты подготовили очередной заговор (названный ими «английское дело») с целью убийства Елизаветы и возведения на престол Марии Стюарт. А узнал об этом заговоре Уолсингем благодаря счастливой случайности: находке небольшого зеркальца. Его владелец — лазутчик нового испанского посла дона Мендоса — был в 1582 году задержан английскими властями. При обыске у него и обнаружили зеркальце, за задней крышкой которого были спрятаны важные бумаги. Вскоре были получены дополнительные сведения из Шотландии. Там был арестован Джордж Дуглас, романтический поклонник Марии Стюарт, на которого она возложила выполнение различных поручений. Под пыткой в Эдинбургском замке он признался, что шотландская королева ведет переписку с католическими державами через французского посла Кастельно де Мовиссьера или людей из его свиты. После этого разведчик Уолсингема Генри Фагот сумел поступить на службу в штат французского посольства и, кроме того, подкупить Шереля — доверенного секретаря посла.

От Фагота Уолсингем узнал, что главным организатором нового заговора стал Френсис Трокмортон. При его аресте были обнаружены списки участников заговора, планы вторжения. Френсис Трокмортон был человеком крепкой закалки. Из окна своей камеры в Тауэре ему удалось выбросить игральную карту с наспех написанными несколькими фразами. Он извещал своих сообщников, что будет все отрицать, несмотря ни на какие пытки. Однако Трокмортон переоценил свои силы и мужество. Он с негодованием отверг предложение — о помиловании, если добровольно сообщит все подробности заговора. Уолсингем приказал подвергнуть его самым жестоким пыткам, мрачно заметив в одном из своих писем: «Я видел, как удавалось сломить людей, не менее решительных, чем Трокмортон».

В начале 1585 года был раскрыт заговор Уильяма Парри — шпиона и провокатора, засланного английской разведкой к иезуитам, который стал вести двойную игру. Осталось неясным, кого обманывал Парри, начав подготовку покушения на Елизавету, — Уолсингема или «Общество Иисуса». Власти предпочли представить Парри иезуитским шпионом, и 2 марта 1585 г. он был подвергнут мучительной казни, уготованной виновным в государственной измене.

Черняк Е. Секретная дипломатия Великобритании. — М.: Международные отношения, 1975-.

ДЕЛО ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ

После смерти Ивана Грозного (1584 г.) в живых остались два сына: Федор и, ребенок еще, Дмитрий, рожденный в седьмом браке Грозного с Марией Нагой.

В первое время по смерти Ивана Грозного произошли какие-то, нам точно неизвестные, беспорядки, которые окончились ссылкой боярина Вельского и удалением Марии Нагой с Дмитрием в Углич. Царем сделался Федор. Иностранцы послы Флетчер и Сапега рисуют нам Федора довольно определенными чертами. Царь ростом был низок, с опухлым лицом и нетвердой походкой и притом постоянно улыбался. Сапега, увидав царя во время аудиенции, говорит, что получил от него впечатление полного слабоумия. Говорят, Федор любил звонить на колокольне, за что еще от отца получил прозвище звонаря, но вместе с тем он любил забавляться шутами и травлей медведей. Настроение духа у него было всегда религиозное, и эта религиозность проявлялась в строгом соблюдении внешней обрядности. От забот государственных он устранился и передал их в руки своих ближних бояр. В начале его царствования из боярской среды особенно выдавались значением: Борис Годунов и Никита Романович Захарьин-Юрьев. Так шло до 1585 г., когда Никита Романович

неожиданно был поражен параличом и умер. Власть сосредоточилась в руках Бориса Годунова, но ему пришлось бороться с сильными противниками — князьями Мстиславским и Шуйскими. Борьба эта принимала иногда очень резкий характер и кончилась полным торжеством Годунова. Мстиславский был пострижен, а Шуйские со многими родственниками подверглись ссылке.

Пока все это происходило в Москве, Мария Нагая с сыном и со своей родней продолжала жить в Угличе в почетной ссылке. Понятно, как должна была относиться она и все Нагие к боярам, бывшим у власти, и к Годунову, как влиятельнейшему из них. Нагая была жена Ивана Грозного, пользовалась его симпатией и общим почетом, и вдруг ее, царицу, выслали в далекий удел — Углич и держали под постоянным надзором.

Таким надзирателем от правительства был в Угличе Битяговский. Относиться к Битяговскому хорошо Нагие не могли, видя в нем агента от тех, которые послали их в ссылку. Мы очень мало знаем о настроении Нагих, но если вдуматься в некоторые свидетельства о Дмитрие, то можно убедиться, какую сильную ненависть питала эта семья к боярам, правящим и близким к Федору; про Дмитрия в Москве ходило, конечно, много слухов. Между прочим, по этим слухам, иностранцы (Флетчер, Буссов) сообщают, что Дмитрий характером похож на отца: жесток и любит смотреть на мучения животных. Рядом с такой характеристикой Буссов сообщает рассказ о том, что Дмитрий сделал однажды из снега чучела, называл их именами знатнейших московских вельмож, затем саблей сшибал им головы, приговаривая, что так он будет поступать со своими врагами — боярами. И русский писатель Авраамий Палицын пишет, что в Москву часто доносили о Дмитрие, будто он враждебно и нелепо относится к боярам, приближенным своего брата и особенно к Борису Годунову. Палицын объясняет такое настроение царевича тем, что он был «смущаем ближними своими». И действительно, если мальчик высказывал такие мысли, то очевидно, что сам он их выдумать не мог, а внушались они окружающими его. Понятно и то, что злоба Нагих должна была обратиться не на Федора, а на Бориса Годунова, как главного правителя. Ясно также, что и бояре, слыша о настроении Дмитрия, который считался наследником престола, могли опасаться, что взрослый Дмитрий напомнит им о временах отца своего, и могли желать его смерти, как говорят иностранцы. Таким образом, немногие показания современников с ясностью вскрывают нам взаимные отношения Углича и Москвы. В Угличе ненавидят московских бояр, а в Москве получают из Углича доносы и опасаются Нагих. Помня эту скрытую вражду и существование толков о Дмитрие, мы можем объяснить себе, как весьма возможную сплетню, тот слух, который ходил задолго до убийства Дмитрия, — о яде, данном Дмитрию сторонниками Годунова; яд этот будто бы чудом не подействовал.

15 мая 1591 г. царевич Дмитрий был найден на дворе своих угличских хором с перерезанным горлом. Созванный церковным набатом народ застал над телом сына царицы Марию и ее братьев Нагих. Царица била мамку царевича Василису Волохову и кричала, что убийство — дело дьяка Битяговского. Его в это время не было во дворе; услышав набат, он тоже прибежал сюда, но едва успел прийти, как на него кинулись и убили. Тут же убили его сына Данилу и племянника Никиту Качалова. С ними вместе побили каких-то посадских людей и сына Волоховой Осипа. Дня через два была убита еще какая-то «юродивая женка», будто бы портившая царевича. 17 мая узнали об этом событии в Москве и прислали в Углич следственную комиссию, состоявшую из следующих лиц: князя В. Шуйского, окольничего Андрея Клешина, дьяка Вылузгина и Крутицкого митрополита Геласия. Их следственное дело (оно напечатано в Сбор. Гос. Грам. и Дог. т. II) выяснило: 1) что царевич сам себя зарезал в припадке падучей болезни в то время, когда играл ножом в «тычку» (вроде нынешней свайки) вместе со своими сверстниками, маленькими жильцами, и 2) что Нагие без всякого основания побудили народ к напрасному убийству невинных лиц. По донесению следственной комиссии, дело было отдано на суждение патриарха и других духовных лиц.

Они обвинили Нагих и «угличских мужиков», но окончательный суд передали в руки светской власти. Царицу Марию сослали в далекий монастырь на Выксу (близ Череповца) и там постригли. Братьев Нагих разослали по разным городам. Виновных в беспорядке угличан казнили и сослали в Пелым, где из угличан будто бы составилось целое поселение; Углич, по преданию, совсем запустел.

Несмотря на то, что правительство отрицало убийство и признало смерть царевича нечаянным самоубийством, в обществе распространился слух, будто царевич Дмитрий убит приверженцами Бориса (Годунова) по Борисову поручению. Слух этот, сначала записанный некоторыми иностранцами, передается затем в виде неоспоримого уже факта, и в нашей письменности являются особые сказания об убиении Дмитрия; составлять их начали во время Василия Шуйского, не ранее того момента, когда была совершена канонизация Дмитрия и мощи его были перенесены в 1606 г. из Углича в Москву. Есть несколько видов этих сказаний, и все они имеют одни и те же черты: рассказывают об убийстве очень правдоподобно и в то же время содержат в себе исторические неточности и несообразности... Затем каждая редакция этих сказаний отличается от прочих не только способом изложения, но и разными подробностями, часто исключаящими друг друга. Наиболее распространенным видом является отдельное сказание, включенное в общий летописный свод. В этом сказании рассказывается, что сперва Борис пытался отравить Дмитрия, но видя, что Бог не позволяет яду подействовать, он стал подыскивать через приятеля своего Клешнина таких людей, которые согласились бы убить царевича. Сперва это предложено было Чепчугову и Загряжскому, но они отказались. Согласился один только Битяговский. Самое убийство, по этому сказанию, произошло таким образом: когда сообщница Битяговского, мамка Волохова, вероломно вывела царевича-гулять на крыльцо, убийца Волохов подошел к нему и спросил его: «Это у тебя, государь, новое ожерелье?» «Нет, старое», — отвечал ребенок и, чтобы показать ожерелье, поднял головку. В это время Волохов ударил царевича ножом по горлу, но «не захватил ему гортани», ударил неудачно. Кормилица (Жданова), бывшая здесь, бросилась защищать ребенка, но ее Битяговский и Качалов избили, а затем окончательно зарезали ребенка. Составленное лет через 15 или 20 после смерти Дмитрия, это сказание и другие рассказы крайне спутанно и сбивчиво передавали слухи об убийстве, какие ходили тогда в московском обществе. На них поэтому так и нужно смотреть, как на записанные понаслышке. Это не показания очевидцев, а слухи, и свидетельствуют они неоспоримо об одном только, что московское общество твердо верило в насильственную смерть царевича.

Такое убеждение общества или известной его части идет вразрез с официальным документом о самоубийстве царевича. Историк невозможно помирить, официальных данных в этом деле с единогласным показанием сказаний об убийстве, и он должен стать на сторону или того, или других. Уже давно наши историки (еще Щербатов) стали на сторону сказаний. Карамзин в особенности постарался сделать Бориса Годунова очень картинным «злодеем». Но в науке давно были голоса и за то, что справедливо следственное дело, а не сказания (Арцыбашев, Погодин, Е. Белов).

В нашем изложении мы так подробно остановились на вопросе о смерти Дмитрия для того, чтобы составить об этом факте определенное мнение, так как от взгляда на это событие зависит взгляд на личность Бориса; здесь ключ к пониманию Бориса. Если Борис — убийца, то он злодей, каким рисует его Карамзин; если нет, то он один из симпатичнейших московских царей.

Посмотрим же, насколько мы имеем основание обвинять Бориса в смерти царевича и подозревать достоверность официального следствия. Официальное следствие далеко, конечно, от обвинения Бориса. В этом деле иностранцы, обвиняющие Бориса, должны быть на втором плане, как источник второстепенный, потому что о деле Дмитрия они только

повторяют русские слухи. Остается один род источников — рассмотренные нами сказания и повести XVII в. На них-то и опираются враждебные Борису историки. Остановимся на этом материале. Большинство летописателей, настроенных против Бориса, говоря о нем, или сознаются, что пишут по слуху, или как человека хвалят Бориса. Осуждая Бориса как убийцу, они, во-первых, не умеют согласно передать обстоятельства убийства Дмитрия, как мы это видели, и, кроме того, допускают внутренние противоречия. Составлялись их сказания много спустя после события, когда Дмитрий был уже канонизирован и когда царь Василий, отрекшись от своего же следствия по делу Дмитрия, всенародно взвел на память Бориса вину в убийстве царевича и оно стало официально признанным фактом. Противоречить этому факту было тогда делом невозможным. Во-вторых, все вообще сказания о смуте сводятся к очень небольшому числу самостоятельных редакций, которые позднейшими компиляторами очень много перерабатывались. Одна из этих самостоятельных редакций (так называемое «Иное сказание»), очень влиявшая на разные компиляции, вышла целиком из лагеря врагов Годунова — Шуйских. Если мы не примем во внимание и не будем брать в расчет компиляций, то окажется, что далеко не все самостоятельные авторы сказаний против Бориса; большинство их очень сочувственно отзывалось о нем, а о смерти Дмитрия часто просто молчат. Далее, враждебные Борису сказания настолько к нему пристрастны в своих отзывах, что явно на него клеветают, и их клеветы на Бориса далеко не всегда принимаются даже его противниками учеными: например, Борису приписываются: поджог Москвы в 1591 г., отравление царя Федора и дочери его Феодосии.

Эти сказания отражают в себе настроение общества, их создавшего; их клеветы — клеветы житейские, которые могли явиться прямо из житейских отношений: Борису приходилось действовать при Федоре в среде враждебных ему бояр (Шуйских и др.), которые его ненавидели и вместе с тем боялись, как неродовитую силу. Сперва они старались уничтожить Бориса открытой борьбой, но не могли; весьма естественно, что они стали для той же цели подрывать его нравственный кредит, и это им лучше удалось. Прославить Бориса убийцей было легко. В то смутное время, еще до смерти Дмитрия, можно было чутать эту смерть, как чуял ее Флетчер. Он говорит, что Дмитрию грозит смерть «от покушения тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя». Но Флетчер не называет здесь Бориса, и его показание может быть распространено и на всех более родовитых бояр, так как они тоже могли явиться претендентами на престол. Боссовговорит, что «многие бояре» хотели смерти Дмитрия, а больше всех Борис. Нагие могли стоять на такой же точке зрения. Ненавидя все тогдашнее боярское правительство, они ненавидели Бориса только как его главу, и царица Мария, мать Дмитрия, по весьма естественной связи идей, в минуту глубокого горя могла самоубийству сына придать характер убийства со стороны правительства, иначе говоря, Бориса, а этой случайно брошенной мыслью противная Борису боярская среда могла воспользоваться, развить эту мысль и пустить в ход в московском обществе для своих целей. Попав в литературу, эта политическая клевета стала общим достоянием не только людей XVII в., но и позднейших поколений, даже науки.

Помня возможность происхождения обвинений против Бориса и соображая все сбивчивые подробности дела, нужно в результате сказать, что трудно и пока рискованно настаивать на факте самоубийства Дмитрия, но в то же время нельзя принять господствующего мнения об убийстве Дмитрия Борисом. Если признать это последнее мнение требующим новых оправданий, а его именно таким и следует считать, — то надо объяснить выбор в цари Бориса без связи с его «злодейством». А что касается до этого

господствующего мнения о виновности Бориса, то для его надлежащего подтверждения нужны, строго говоря, три исследования: 1) нужно доказать в деле Дмитрия невозможность самоубийства и. стало быть, подложность следственного дела. Белов, доказывая подлинность этого дела, исследовал с медицинской точки зрения возможность самоубийства в эпилепсии: медики говорили ему, что подобное самоубийство возможно. Что касается до самого следственного дела, то оно представляет нам подробности, отличающиеся такой наивностью, что подделать их в то время было бы просто невозможно, так как требовалось бы уже слишком много психологического чутья, недоступного людям XVII в. Далее: 2) если и была бы доказана невозможность самоубийства, то следует еще доказать, что убийство было своевременным, что в 1591 г. можно было предвидеть бездетную смерть Федора и с ней связывать какие-нибудь расчеты. Этот вопрос очень спорный. Да, наконец, 3) если бы такие расчеты и были возможны, то один ли Годунов мог их тогда иметь? Разве никто, кроме Годунова, не имел интереса в смерти Дмитрия и не мог рискнуть на убийство?

Вот сколько темных и неразрешимых вопросов заключается в обстоятельствах смерти Дмитрия. Пока все они не будут разрешены, до тех пор обвинение Бориса будет стоять на очень шаткой почве, и он перед нашим судом будет не обвиняемым, а только подозреваемым; против него очень мало улик и вместе с тем есть обстоятельства, убедительно говорящие в пользу этой умной и симпатичной личности.

Платонов С. Ф. Лекции из русской истории. — СПб.: Стройлеспечатъ, 1993.

ВОСКРЕСШИЙ ДМИТРИЙ

Первые два года своего царствования царь Борис Годунов, по общему отзыву, был образцовым правителем, и страна продолжала оправляться от своего упадка. Но далее пошло иначе: поднялись на Русь и на царя Бориса тяжелые беды. В 1601 г. начался баснословный голод вследствие большого неурожая, так как от постоянных дождей хлеб пророс, а потом сильными морозами его погубило на корню.

Урожай 1604 г. прекратил голод, но продолжалось другое зло. В голодные годы толпы народа для спасения себя от смерти составляли шайки и добывали себе пропитание разбоем.

Ни одна область Руси не была свободна от разбойников. Они бродили даже около Москвы, и против одной такой шайки Хлопка Борису пришлось выставить крупную военную силу, и то с трудом удалось одолеть эту толпу разбойников.

С 1601 г. замутился и политический горизонт. Еще в 1600 или 1601 г., как сообщает очевидец, наемник-француз Маржерет, явился слух, что царевич Дмитрий жив. Все историки более или менее согласились в том, что в деле появления самозванца активную роль сыграло московское боярство, враждебное Борису. На это есть намеки и в наших сказаниях: в одном из них прямо говорится, что Борис «навел на себя негодование чиновачальников», что и «погубило доброцветущую царства его красоту». Наемник-немец Буссов несколько раз повторяет, что Лжедмитрий был поставлен боярами, что об этом знал сам Годунов и прямо в лицо говорил это боярам. В Соединении с этими известиями получает цену и указание летописцев на то, что Григорий Отрепьев бывал и жил во дворце у Романовых и Черкасских, а также рассказ о том, что Василий Иванович Шуйский впоследствии не обинуясь говорил, что признали самозванца только для того, чтобы избавиться от Бориса. В том, что самозванец был плодом русской интриги, убеждают нас и следующие обстоятельства: во-первых, по сказаниям очевидцев, названный Дмитрий был великороссиянин и грамотей, бойко объяснявшийся по-русски, тогда как польская цивилизация ему давалась плохо; во-вторых, иезуиты, которые должны были стоять в центре интриги, если бы она была польской, за Лжедмитрия ухватились только тогда, когда он уже был готов, и, как видно из послания папы Павла V к сандомирскому воеводе, даже в католичество обратили его не иезуиты, а францисканцы, и, в-третьих, наконец, польское общество относилось с недоверием к царскому происхождению самозванца, презрительно о нем отзывалось, а к делу его относилось с сомнением.

На основании этих данных возможно понимать дело так, что в лице самозванца московское боярство еще раз попробовало напасть на Бориса. При Федоре Ивановиче, нападая открыто, оно постоянно терпело поражения, и Борис все усиливался и возвышался. Боярством не могло помешать ему занять престол, потому что, помимо популярности Бориса, права его на царство были в глазах народа серьезнее прав всякого другого лица благодаря родству Бориса с угасшей династией. С Борисом-царем нельзя было открыто бороться боярству потому, что он был сильнее боярства; сильнее же и выше Бориса для народа была лишь династия Калиты. Свергнуть Бориса можно было только во имя ее. С этой точки зрения вполне целесообразно было популяризировать слух об убийстве Дмитрия, совершенном Борисом, и воскресить этого Дмитрия. Перед этим боярство и не остановилось.

О замысле бояр, должно быть, Борис узнал еще в 1600 г., и в связи с этим, вероятно, стоят опалы Бориса. Первая опала постигла Богдана Вельского. Он был сослан при Федоре, но потом прощен, так что ему позволили было вернуться в Москву. Около 1600 г. Борис отправил его в степь строить на реке Сев. Донце городок Царев-Борисов. Вельский очень ласкал там рабочих людей, кормил их, искал их расположения и показался опасным Борису. О том, за что он именно пострадал, передают различно, но его внезапно постигла опала, мучения и ссылка. Вообще это дело Вельского очень темно. Несколько больше мы знаем о деле Романовых. После Вельского пришел их черед. Романовых было пять братьев Никитичей: Федор, Александр, Михаил, Иван и Василий. Из них особенной любовью и популярностью в Москве пользовался красивый и приветливый Федор Никитич. Он был первым московским щеголем и удалцом. (Примеряя кому-либо платье, если хотели сказать комплимент платью и хозяину его, выражались, что оно сидит, «как на Федоре Никитиче».) В 1601 г. все Романовы были сосланы со своими семьями в разные места и только двое из них (Федор и Иван) пережили свою ссылку, остальные же в ней умерли, хотя и не по вине Бориса. Вместе с Романовыми были сосланы и их родственники: князья Черкасские, Сицкие, Шестуновы, Репнины, Карповы. Летописец повествует, что Романовы пострадали из-за ложного доноса их человека Второго Бартенева, который по уговору с Семеном Годуновым обвинил их в том, что у них было на Бориса «корень». До нас дошло любопытное дело о ссылке Романовых; в нем имеются инструкции царя, чтобы со ссылкой боярами обращались мягко и не притесняли их. Этот документ отлично оправдывает Бориса от излишних обвинений в жестокости во время его царствования, хотя необходимо сознаться, что при его опалах было много пыток, пострадало много людей и развелись доносы, многочисленные даже в сравнении с эпохой Грозного. В опалах, следовавших за ссылкой Романовых, Борис почти не прибегал к казни, хотя для него дело стояло и очень серьезно: преследуя бояр, не пропуская никого за польскую границу, он, очевидно, с тревогой искал нитей того заговора, который мог его погубить призраком Дмитрия, и не находил этих нитей. Они от него ускользают, а через несколько времени в Польше является человек, который выдает себя за спасенного царевича Дмитрия.

Неизвестно, кто он был на самом деле, хотя о его личности делалось много разысканий и высказано много догадок. Московское правительство объявило его галицким боярским сыном Гришкой Отрепьевым только в январе 1605 г. Раньше в Москве, вероятно, не знали, кем счесть и как назвать самозванца. Достоверность этого официального показания принимали на веру все старые наши историки, принимал и С. М. Соловьев, который держался, однако, того убеждения, что обман самозванца с его стороны был неумышленный и что Отрепьев сам верил в свое царственное происхождение. В 1864 г. явилось прекрасное исследование Костомарова относительно личности первого самозванца. В этом труде он

доказывает, во-первых, что Лжедмитрий и Отрепьев два разных лица, во-вторых, что названный Дмитрий не был царевичем, но верил в свое царское происхождение, и, в-третьих, что самозванец был делом боярских рук. Виднейшим деятелем этой интриги он считает Богдана Бельского.

При разногласии исследователей и неполноте исторических данных составить себе определенное мнение о личности названного Дмитрия трудно. Большинство историков признает в нем Григория Отрепьева; Костомаров прямо говорит, что ничего не знает о его личности, а В. С. Иконников и граф С. Л. Шереметьев признают в нем настоящего царевича. Бесспорно, однако, то, что Отрепьев участвовал в этом замысле: легко может быть, что роль его ограничивалась пропагандой в пользу самозванца. (Есть известия, что Отрепьев приехал в Москву вместе с Лжедмитрием, а потом был сослан им за пьянство.) За наиболее верное можно также принять и то, что Лжедмитрий — затея московская, что это подставное лицо верило в свое царственное происхождение и свое восшествие на престол считало делом вполне справедливым и честным.

Но остановимся подробно на обычных рассказах о странствованиях самозванца на Руси и Польше; в них трудно отличить быль от сказки. Обыкновенно об Отрепьеве повествуют так: в молодости он жила в дворе у Романовых и у князей Черкасских, странствовал по разным монастырям, приютился в Чудове монастыреи был взят к патриарху Иову для книжного письма. Потом он бежал в Литву, пропал несколько времени безвестно и вновь выплыл, явившись слугой у кн. Вишневецкого; там, во время болезни, открыл свое царское происхождение. Вишневецкие и Мнишек первые пустили в ход самозванца в польском обществе. Как только самозванец стал известен и основался у Мнишков в их замке Самборе, около него явились францисканцы и овладели его умом, склонив его в латинство; иезуиты продолжали их дело, а ловкая панна Марина Мнишек завладела сердцем молодого царевича.

Будучи представлен к польскому двору и признан им в качестве царевича, самозванец получает поддержку, во-первых, в Римской курии, в глазах которой он служил прекрасным предлогом к открытию латинской пропаганды в Московской Руси, во-вторых, в польском правительстве, для которого самозванец казался очень удобным средством или приобрести влияние в Москве (в случае удачи самозванца), или произвести смуту и этим ослабить сильную соседку; в-третьих, в бродячем населении южных степей и в известной части польского общества, деморализованной и склонной к авантюризму. При этом нужно, однако, заметить, что взятое в целом польское общество сдержанно относилось к делу самозванца и не увлекалось его личностью и рассказами. О приключениях московского царевича канцлер и гетман Ян Замойский выражался с полным недоверием: «Это комедия Плавта или Теренция, что ли» (*Czy to Plawti, czy Terentiuszowa Komedia*). Не верили самозванцу лучшие части польского общества, не верил ему и польский сейм 1605 г., который запретил полякам поддерживать самозванца и решил их за это наказывать. Хотя король Сигизмунд III и не держался этих постановлений сейма, однако он и сам не решался открыто и официально поддерживать самозванца и ограничился тем, что давал ему денежную субсидию и позволял вербовать в свою дружину охочих людей. Яснее выражала свои симпатии к «несчастному царевичу» Римская курия. С такой поддержкой, с войском из поляков, а главным образом казаков, Дмитрий выступил на Русь и имел успех в южных областях ее: там его охотно признавали. Некоторые отдельные стычки самозванца с московскими войсками ясно показали, что с его жалкими отрядами он никогда бы не достиг Москвы, если бы Борисово войско не было в каком-то странном состоянии моральной растерянности. Имя царевича Дмитрия, последней ветви великого царского рода, лишало московские войска нравственной опоры: не будучи в состоянии проверить слухи о подлинности этого воскресшего царевича, московские люди готовы были верить в него и по своим религиозным и политическим взглядам не могли драться против законного царя. А боярство, в известной своей части, было просто радо успехам самозванца и давало ему возможность торжествовать над царскими войсками, в успехе Лжедмитрия предвидя гибель ненавистных Годуновых.

А гибель Годуновых была близка. В то время, когда положение дел в Северском крае было очень неопределенно, когда слабый Лжедмитрий, усиливаясь час от часу от бездействия царских воевод, становился все опаснее и опаснее, умирает царь Борис с горьким сознанием, что он и его семья лишены всякой почвы под ногами и побеждены призраком законного царя. При сыне Бориса, когда не стало обаяния сильной личности Бориса, дела самозванца пошли и скорее, и лучше. Боярство начало себя держать более определенно: новый воевода Басманов со всем войском прямо передался на сторону Дмитрия. Самозванца признали настоящим царем все высшие боярские роды, и он триумфальным шествием двинулся к Москве.

Настроение умов в самой Москве было очень шатко. 1 июня 1605 г. в Москву явились от самозванца Плещеев и Пушкин, остановились в одной из московских слобод и читали там грамоту самозванца, адресованную москвичам. В грамоте описывалась вся история царевича, его спасение, военные успехи; грамота кончалась обещанием всевозможных льгот народу. Плещеева и Пушкина народ повлек в Китай-город, где снова читали грамоту на Красной площади. Толпа не знала, чему верить в этом деле, и решила спросить Василия Шуйского, который вел следственное дело об убийстве царевича Дмитрия и лучше других знал все обстоятельства смерти этого последнего. Шуйский вышел, говорит к народу, совершенно отрекся от своих прежних показаний и уверил, что Борис послал убить царевича, но царевича спасли, а был убит поповский сын. Тогда народ бросился в Кремль, схватил царя Федора с матерью и сестрой и перевел их в прежний Борисов боярский дом, а затем начал грабить иноземцев, «Борисовых приятелей». Вскоре затем приехали от самозванца в Москву князь Голицын и Масальский, чтобы «покончить» с Годуновыми. Они сослали патриарха Иова в Старицу, убили царя Федора и его мать, а его родню повергли ссылке и заточению. Так кончилось время Годуновых.

20 июня 1605 г. Дмитрий с торжеством въехал в Москву при общем восторге уверовавших в него москвичей. Через четыре дня (24 июня) был поставлен новый патриарх, грек Игнатий, одним из первых признавший самозванца. Скоро были возвращены из ссылки Нагие и Романовы. Старший из Романовых, монах Филарет, был поставлен митрополитом Ростовским. За инокиней Марфой Нагой, матерью Дмитрия, ездил знаменитый впоследствии князь М. В. Скопин-Шуйский. Признание самозванца со стороны Марфы сыном и царевичем должно было окончательно утвердить его на московском престоле, и она признала его. В июле ее привезли в Москву и произошло первое трогательное свидание с ней Лжедмитрия. Инокиня Марфа прекрасно представилась нежной матерью; Дмитрий обращался с ней, как любящий сын. При Дмитрии мы имеем много свидетельств, доказывающих, что он верил в свое царское происхождение и должен был считать Марфу действительно своей матерью, так что его нежность при встрече с ней могла быть вполне искренна. Но совершенно иначе представляется поведение Марфы. Внешность самозванца была так исключительна, что, кажется, и самая слабая память не могла бы смешать его с покойным Дмитрием. Для Марфы это тем более немислимо, что она не разлучалась со своим сыном, присутствовала при его смерти, горько его оплакивала. В нем были надежды всей ее жизни, она его берегла, как зеницу ока, и ей ли было его не знать? Ясно, что нежность ее к самозванцу проистекала из того, что этот человек, воскрешая в себе ее сына, воскрешал для нее то положение царской матери, о котором она мечтала в угличском заточении. Для этого положения она решила на всенародное притворство, малодушно опасаясь возможности новой опалы в том случае, если бы оттолкнула от себя самозванного сына.

В то самое время, как инокиня Марфа, признавая подлинность самозванца, способствовала его окончательному торжеству и утверждала его на престоле, Василий

Шуйский ему уже изменил. Этот человек не стеснялся менять свои показания в деле Дмитрия: в 1591 г. он установил факт самоубийства Дмитрия и невиновность Бориса; после смерти Годунова перед народом обвинял его в убийстве, признал самозванца подлинным Дмитрием и этим вызвал свержение Годуновых. Но едва Джеммитрий был признан Москвой, как Шуйский начал против него интригу, объявляя его самозванцем. Интрига была вовремя открыта новым царем, и он отдал Шуйского с братьями на суд выборным людям, земскому собору. На соборе, вероятно, составленном из одних москвичей, никто «не пособствовал» Шуйским, как выражается летопись, но «все на них кричали» — и духовенство, и «бояре, и простые люди». Шуйские были осуждены и отправлены в ссылку, но очень скоро прощены Джеммитрием. Это прошение в таком щекотливом для самозванца деле, как вопрос об его подлинности, равно и то обстоятельство, что такое дело было отдано на суд народу, ясно показывает, что самозванец верил, что он «прирожденный», истинный царевич; иначе он не рискнул бы поставить такой вопрос на рассмотрение народа, знавшего и уважавшего Шуйских за их постоянную близость к московским царям.

Москвичи мало-помалу познакомились с личностью нового царя. Характер и поведение царя Дмитрия производили различное впечатление — перед москвичами, по воззрениям того времени, был человек образованный, но невоспитанный, или воспитанный, да не по московскому складу. Он не умел держать себя сообразно своему царскому сану, не признавал необходимости того этикета, «чина», какой окружал московских царей; любил молодецествовать, не спал после обеда, а вместо этого запросто бродил по Москве. Не умел он держать себя и по православному обычаю, не посещал храмов, любил одеваться по-польски, по-польски же одевал свою стражу, водился с поляками и очень их жаловал; от него пахло ненавистным Москве латинством и Польшей.

Но и с польской точки зрения это был невоспитанный человек. Он был необразован, плохо владел польским языком, еще плоше — латинским, писал «in perator» вместо «imperator». Такую особу, какой была Марина Мнишек, личными достоинствами он, конечно, прельстить не мог. Он был очень некрасив: разной длины руки, большая бородавка на лице, некрасивый большой нос, волосы торчком, несимпатичное выражение лица, лишенная талии не изящная фигура — вот какова была его внешность. Брошенный судьбой в Польшу, умный и переимчивый, без тени расчета в своих поступках, он понахватался в Польше внешней «цивилизации», кое-чему научился и, попав на престол, проявил на нем любовь и к Польше, и к науке, и к широким политическим замыслам вместе со вкусами степного гуляки. В своей сумасбродной, лишенной всяческих традиций, голове он питал утопические планы завоевания Турции, готовился к этому завоеванию и искал союзников в Европе. Но в этой странной натуре замечен был некоторый ум. Этот ум проявлялся и во внутренних делах, и во внешней политике. Следя за ходом дел в Боярской думе, самозванец, по преданию, удивлял бояр замечательной остротой смысла и соображения. Он легко решал те дела, о которых долго думали и долго спорили бояре. В дипломатических сношениях он проявлял много политического такта. Чрезвычайно многим обязанный римскому папе и королю Сигизмунду, он был с ними, по-видимому, в очень хороших отношениях, уверял их в неизменных чувствах преданности, но вовсе не спешил подчинить русскую церковь папству, а русскую политику — влиянию польской дипломатии. Будучи в Польше, он принял католичество и надавал много самых широких обещаний королю и папе, но в Москве забыл и католичество, и свои обязательства, а когда ему о них напоминали, отвечал на это предложением союза против турок: он мечтал об изгнании их из Европы.

Но для его увлекающейся природы гораздо важнее всех политических дел было его влечение к Марине; оно отражалось даже на его дипломатических делах... Марину он ждал в Москву с полным нетерпением, ноябре 1605 г. был совершен в Кракове обряд их обручения, причем место жениха занимал царский посол Власьев. (Этот Власьев во время обручения

поразил и насмешил поляков своеобразием манер. Так, во время обручения, когда по обряду спросили, не давал ли Дмитрий кому-нибудь обещания, кроме Марины, он отвечал: «А мне как знать? О том мне ничего не наказано!»). В Москву, однако, Марина приехала только 2 мая 1606 г., а 8-го происходила свадьба. Обряд был совершен по старому русскому обычаю, но русских неприятно поразило здесь присутствие на свадьбе поляков и несоблюдение некоторых, хотя и мелких, обрядностей. Не нравилось народу и поведение польской свиты Мнишков, наглое и высокомерное. Царь Дмитрий с его польскими симпатиями не производил уже прежнего обаяния на народ; хотя против него и не было общего определенного возбуждения, но народ был недоволен и им, и его приятелями-поляками; однако это неудовольствие пока не высказывалось открыто.

Лжедмитрий сослужил свою службу, к которой предназначался своими творцами, уже в момент своего воцарения, когда умер последний Годунов — Федор Борисович. С минуты его торжества в нем боярство уже не нуждалось. Он стал как бы орудием, отслужившим свою службу и никому более не нужным, даже лишней обузой, устранить которую было бы желательно, ибо, если ее устранить, путь к престолу будет свободен достойнейшим в царстве. И устранить это препятствие бояре стараются, по-видимому, с первых же дней царствования самозванца. Как интриговали они против Бориса, так теперь открывают поход на Лжедмитрия. Во главе их стал Шуйский, как прежде; по мнению же некоторых, стоял Богдан Вельский. Но на первый раз Шуйские слишком поторопились, чуть было не погибли и, как мы видели, были сосланы. Урок этот не пропал им даром; весной 1606 г. В. И. Шуйский вместе с Голицыным начал действовать гораздо осторожнее; они успели привлечь на свою сторону войска, стоящие около Москвы; в ночь с 16 на 17 мая отряд их был введен в Москву, а там у Шуйского было уже достаточно сочувствующих. Однако заговорщики, зная, что далеко не все в Москве непримиримо настроены против самозванца, сочли нужным обмануть народ и бунт подняли якобы за царя, против поляков, его обижавших. Но дело скоро выяснилось. Царь был объявлен самозванцем и убит 17 мая утром. «Истинный царевич», которого еще так недавно трогательно встречали и спасению которого так радовались, сделался «расстригой», «еретиком» и «польским свистуном». Во время этого переворота был свергнут патриарх Игнатий и убито от 2000 до 3000 русских и поляков. Московская чернь начинала уже приобретать вкус к подобного рода делам.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. — СПб.: Стройлеспечать, 1993.

Заговоры «галантного» века

ПЕТР И СОФЬЯ

Петр был младшим сыном царя Алексея Михайловича. Царь Алексей был женат два раза: в первый раз на Марье Ильиничне Милославской (1648–1669), во второй — на Наталье Кирилловне Нарышкиной (с 1671 г.). От первого брака у него было 13 детей. Многие из них умерли еще при жизни отца, и из сыновей только Федор и Иван его пережили. Оба они были болезненными: у Федора была цинга, Иван страдал глазами, заикался, был слаб телом и рассудком. Быть может, мысль остаться без наследников побудила царя Алексея спешить со вторым браком. Свою вторую жену Наталью Кирилловну царь встретил в доме Артамона Сергеевича Матвеева, где она росла и воспитывалась в обстановке реформационной. Увлечшись красивой и умной девушкой, царь обещал найти ей жениха и скоро сам посватался к ней. В 1672 г. 30 мая у них родился крепкий и здоровый мальчик, нареченный Петром. Рождение его окружено роем легенд, неизвестно когда развившихся. Говорили, что Симеон Полоцкий предсказывал еще до рождения Петра его великую будущность; что

юродивый заранее определил, сколько он проживет; что в церкви дьякон, не зная еще о рождении Петра, в минуту его рождения возгласил о его здравии и т. д.

Царь Алексей был очень рад рождению сына. Рады были и родственники его молодой жены, Матвеев и семья Нарышкиных. Незнатные до тех пор дворяне (про Наталью Кирилловну ее враги говорили, что прежде чем стать царицей, она в «лаптях ходила»), Нарышкины с женьбой царя приблизились ко двору и стали играть немалую роль в придворной жизни. Их возвышение было враждебно встречено родственниками царя по первой его жене — Милославскими. Рождение Петра увеличило эту вражду первой и второй семей царя и сообщило ей новый характер. Для Милославских рождение Петра не могло быть праздником, и вот почему: хотя наследником престола всегда считался, а с 1674 г. официально был объявлен царевич Федор, тем не менее при болезненности его и Ивана Петр мог иметь надежду на престол. Если бы царствовал Федор или Иван, политическое влияние всецело принадлежало бы их родне — Милославским; если бы престол перешел к Петру, опека над ним и влияние на дела принадлежали бы матери Петра и Нарышкиным. Благодаря такому положению обстоятельств с рождением Петра семейный разлад Милославских и Нарышкиных терял узкий семейный характер и получил более широкое политическое значение.

Отсутствие родственной любви и неприязнь между Милославскими и Нарышкиными существовала и при жизни царя Алексея; но он сдерживал эту неприязнь своим личным авторитетом, хотя уверенно можно сказать, что и его авторитет не мог примирить враждующие стороны. При полной противоположности интересов родня царя расходилась и взглядами, и воспитанием. Старшие дети царя (особенно Федор и четвертая дочь Софья) получили блестящее по тому времени воспитание под руководством С. Полоцкого. В этом воспитании силен был элемент церковный, действовало польское влияние, заметное на южно-русских монахах. Напротив, Нарышкина вышла из такой среды (Матвеевы), которая при отсутствии богословского направления впитала в себя влияние западноевропейской культуры. Это различие направлений могло только усиливать вражду. Столкновение было неизбежно.

В январе 1676 г. умер царь Алексей. Ему было только 47 лет; его раннюю смерть нельзя было предусмотреть. Поэтому обе семейные партии близзастигнуты катастрофой врасплох. На престол вступил 14-летний Федор, но дела некоторое время оставались в руках Матвеева: царствовал представитель одной семейной партии, управлял представитель другой. Так случилось потому, что в последние годы царя Алексея родственники его второй жены были ближе к царю и делам, чем Милославские. Однако скоро Милославские взяли верх; интригами способнейшего из Милославских, Ивана Михайловича, и влиятельного боярина Богдана Матвеевича Хитрово Матвеев был удален в далекую ссылку (Пустозерск). Делами завладели Милославские; но при дворе кроме Милославских и Нарышкиных образовалась третья партия. Под руководством старых бояр Хитрово и Юрия Алексеевича Долгорукого некоторые лица с боярином Иваном Максимовичем Языковым во главе завладели симпатией царя Федора и отстранили от него все другие влияния. Потеряв надежду видеть потомство у царя и понимая приближение господства (в случае смерти Федора) или Нарышкиных, или Милославских, партия Языкова впоследствии стала искать сближения с Нарышкиными. Вот почему в конце царствования Федора был возвращен из ссылки Матвеев. Вот почему, когда умер Федор (27 апреля 1682 г.), восторжествовали Нарышкины, а не Милославские. Сложная игра придворных партий, соединившая интерес стороны Языкова со стороной Нарышкиных, повела тому, что помимо старшего, больного и неспособной: Ивана царем был избран младший брат, царевич Петр. После смерти Федора царя приходилось избирать, потому что не было законом установленного престолонаследия. По действовавшему обычаю отцу наследовал сын, но у Федора не было детей. В давно прошедших веках, случалось, наследовали и брат брату (сыновья Ивана Калиты), но это была уже ветхая, потерявшая обязательную силу старина, на ней трудно было основать права Ивана. Патриарх Иоаким, Языков с прочим боярством и Нарышкины хотели Петра. Десятилетний здоровый Петр и в

самом деле своей личностью предоставлялся более способным занять престол, чем полумертвый и тоже малолетний Иван (ему было 15 лет). Петр был избран в цари. Но обычаем была в Московском государстве узаконена форма царского избрания посредством Земского собора. Собором избрали Бориса Годунова и Михаила Федоровича, за отсутствие собора упрекали царя В. И. Шуйского его современники. В данном случае, при избрании Петра, к созыву собора не прибегли. Решили дело патриарх с Боярской думой, после того как толпа народа (московское вече, если уместно это архаическое выражение) криком решила, что желает в цари Петра. Такая форма избрания мало давала гарантий для будущего, тем более что время было очень смутное. Милославские не могли помириться с неудачей, их сторонники открыто кричали на площади в пользу Ивана, а не Петра; не все стрельцы с одинаковой охотой присягали Петру; во дворце боялись резких партийных столкновений, бояре носили кольчуги под одеждой.

Тем не менее Петр стал царем. Опека над ним, по московскому обычаю, принадлежала его матери. Царица Наталья Кирилловна стала центром правительства. Но подле нее не было искренно преданных помощников и руководителей: Матвеев еще не вернулся в Москву из ссылки, братья царицы не отличались необходимыми для правления способностями и опытом. Таким образом, новое правительство было слабо. Этим и воспользовалась сторона Милославских, среди которых было много выдающихся лиц.

Главным представителем этой партии была царевна Софья, ученица Симеона Полоцкого, личность безусловно умная и энергичная, которой душно было в тесной полумонашеской обстановке, окружавшей московских царевен; образование расширило ее умственный кругозор, выработало в ней широкие запросы жизни а отсутствие стесняющего внешнего авторитета родительской власти позволило Софье искать ответы на эти вопросы вне терема. Она тесной сердечной связью сблизилась с замечательнейшей личностью того времени, князем В. В. Голицыным, и вмешивалась в общественную жизнь. Кровными узами привязанная к дворцовой партии Милославских, Софья прониклась ее интересами. Как сильная и страстная натура, она лучше и сильнее всех чувствовала эти интересы и стала руководительницей этой партии. Противники (т. е. Нарышкины, и более всех Наталья Кирилловна) были ей ненавистны, как обидчики ее и ее родных. В то же время очень развитое честолюбие Софьи показывало ей возможность в случае воцарения Ивана стать во главе государства опекуншей неспособного брата, заменить ему мать, управлять государством. С воцарением Петра место это было занято Натальей Кирилловной, которая видела, конечно, в Софье свою соперницу; отсюда взаимная ненависть мачехи и падчерицы. Кроме Софьи у Милославских был другой способный человек, И. М. Милославский, падкий на интригу, изворотливый и лишенный твердых нравственных понятий. За Иваном Милославским стоял родовитый князь И. А. Хованский, который не столько дружил с Милославскими, сколько не любил их противников. Но Хованский и Голицын не были деятельными участниками той политической интриги, которая была ведена в мае 1682 г. преимущественно Софьей и Милославскими против Нарышкиных.

В последние дни царя Федора и в первые дни царствования Петра московские стрельцы пришли в некоторое движение. Стрелецкое войско было сформировано в полки, носившие название по фамилиям полковников. Жило оно отдельно от прочего населения Москвы, в особых «стрелецких слободах» в разных частях города. И сами стрельцы, и их семьи помимо службы занимались промыслами и мелкой торговлей. Поэтому стрельцы, имея военную организацию, в то же время не были замкнута живущим военным сословием, а сохраняли живые связи с остальным московским населением. В начале 1682 г. главным начальником стрелецкого войска был князь Юрий Алексеевич Долгорукий, «развалина от старости и паралича», как характеризует его С. М. Соловьев. Он не мог поддержать должной дисциплины. Полковники стрелецкие начали притеснять стрельцов, стрельцы на

злоупотребления властью отвечали нарушением порядка. В грубой форме заявляют они протест против притеснений, подавая с ругательствами челобитья на начальников и употребляя силу для освобождения наказанных товарищей. Это движение началось еще при Федоре, а при новом правительстве выразилось довольно резко: сразу от 16 полков подана была во дворец челобитная на полковников с угрозой, если не накажут полковников, расправиться с ними самосудом. Правительство Натальи Кирилловны сделало промах: вместо спокойного расследования дела оно с испуга уступило стрельцам и, уволив полковников, взыскало с них все денежные к ним претензии стрельцов. Уступка разнуздала стрельцов окончательно, дисциплины не стало, самосудом расправлялись они со всеми неприятными им начальниками. Полный беспорядок царил в слободах. С переменой правительства стрельцы почувствовали, что они сила, которую боятся даже во дворце.

Всеми этими обстоятельствами воспользовалась партия Милославских, чтобы направить движение в свою пользу, сообщить ему политический характер, которого оно до сих пор не имело. Через преданных себе стрельцов эта партия постаралась возбудить неудовольствие полков против правительства Петра, I перенести их внимание от своих стрелецких дел на политическое положение. Стрельцы усердней рассказывали, что за малолетним Петром стоят бояре-«изменники», которые не хотят ему добра и государством управляют в свою пользу, а другим во вред; эти изменники злоумышляют на царскую семью, т. е. на царя Ивана и на Милославских. Стрельцы верили всем этим слухам и главными изменниками считали (конечно, но наущению Милославских) Матвеева, Нарышкиных и Языкова. Они явно грозили «свернуть шею» этим лицам и готовы были стать за царя и за благополучие царской семьи. Милославским таким образом, удалось настроить стрельцов против своих политических противников. Между стрельцами был распространен список изменников, которых следовало истребить, но Милославские ждали еще приезда в Москву опаснейшего своего противника Матвеева, чтобы истребить и его, и потому удерживали стрельцов от решительных действий. Матвеев приехал 11 мая и хотя был предупрежден о волнениях стрельцов, но не придавал им большого значения и не принял предосторожностей.

15 мая произошел так называемый стрелецкий бунт. Милославские дали знать утром этого дня в стрелецкие слободы, что изменники задушили царя Ивана. Стрельцов звали в Кремль. В боевом порядке выступили стрелецкие полки в Кремль, успели занять кремлевские ворота, прекратили сношения Кремля с остальным городом и подошли ко дворцу. Во дворце собрались, услыша о приближении стрельцов, бояре, бывшие в Кремле, и патриарх. Из криков стрельцов они знали, зачем явилось стрелецкое войско, знали, что они считали царя Ивана убитым. Поэтому на дворцовом совете было решено показать стрельцам и Ивана, и Петра, чтобы сразу убедить их в полном отсутствии всякой измены и смуты во дворце. Царица Наталья вывела обоих братьев на Красное крыльцо, и стрельцы, вступив в разговор с самим Иваном, услышали от него, что «его никто не изводит, и жаловаться ему не на кого». Эти слова показали стрельцам, что они жертва чьего-то обмана, что изменников нет и истреблять некого. Старик Матвеев умелой и сдержанной речью успел успокоить стрельцов настолько, что они хотели разойтись. Но Михаил Юрьевич Долгорукий испортил дело. Будучи, после отца своего Юрия, вторым начальником Стрелецкого приказа и думая, что теперь стрельцы смирились совсем, он отнесся к толпе с бранью и грубо приказывал ей расходиться. Стрельцы, рассердясь и подстрекаемые людьми из партии Милославских, бросились на него, убили его и, опьяненные первым убийством, бросились во дворец искать других «изменников». Матвеева они схватили на глазах царицы Натальи и Петра (некоторые рассказывали, что даже выхватили из их рук) и рассекли на части; за Матвеевым были схвачены и убиты бояре князь Ромодановский, Аф. Кир. Нарышкин и другие лица. Особенно искали стрельцы ненавистного Милославским Ив. Кир. Нарышкина, способнейшего брата царицы, но не нашли, хотя обыскали весь дворец.

Убийства совершались и вне дворца. В своем доме был убит князь Юрий Долгорукий. На улице схвачен и потом убит Ив. Макс. Языков, представитель третьей дворцовой партии. Над трупами убитых стрельцы ругались до позднего вечера и, оставив караул в Кремле, разошлись по домам.

16 мая возобновились сцены убийства. Стрельцы истребили всех тех, кого сторона Милославских считала изменниками. Но желаемого Ив. Кир. Нарышкина не нашли и в этот день — он искусно прятался во дворце. 17 мая утром стрельцы настоятельно потребовали его выдачи, как последнего уцелевшего изменника. Чтобы прекратить мятеж, во дворце нашли необходимым выдать Ивана Кирилловича. Он причастился и предался стрельцам, его пытали и убили. Этим окончился мятеж.

Петр и его мать были потрясены смертью родных, ужасами резни, которая совершалась на их глазах, и оскорблениями, которые получали они от грубых стрельцов. Около них не осталось ни одного помощника и советника: все их сторонники были истреблены, а уцелевшие попрятались. У Милославских, таким образом, исчезли их политические противники. Хозяевами дел становились теперь они, Милославские; представительницей власти стала Софья, потому что Наталья Кирилловна удалилась от дел. В те дни ее грозили даже «выгнать из дворца». Вступление во власть со стороны Милославских выразилось тотчас же после бунта тем, что места, занятые прежде в высшей московской администрации людьми, близкими к Нарышкиным, еще до окончания бунта перешли к сторонникам Софьи. Князь В. В. Голицын получил начальство над Посольским приказом; князь Ив. Андр. Хованский с сыном Андреем стали начальниками Стрелецкого приказа (т. е. всех стрелецких войск). Иноземский и Рейтарский приказы подчинены были Ив. Мих. Милославскому.

Но, завладев фактически властью, уничтожив одних и устранив от дел других своих врагов, Софья и ее сторонники не заручились еще никаким юридическим основанием своего господствующего положения. Таким юридическим основанием могло быть воцарение царя Ивана и передача опеки над ним какому-нибудь лицу его семьи. Этого Софья достигла с помощью тех же стрельцов. Конечно, по наущению ее сторонников, стрельцы били челом о том, чтобы царствовал не один Петр, а оба брата. Боярская дума и высшее духовенство, боясь повторения стрелецкого бунта, 26 мая провозгласили первым царем Ивана, а Петра — вторым. Немедленно затем стрельцы били челом о том, чтобы правление поручено было, по молодости царей, Софье. 29 мая Софья согласилась править. Мятежных, но верных ей стрельцов Софья угощала во дворце. Таким образом партия Софьи достигла официального признания своего политического главенства.

Однако все население Москвы и сами стрельцы сознавали, что стрелецкое движение, хотя и вознаграждалось правительством, было все-таки незаконным делом, бунтом. Сами стрельцы поэтому боялись наказания в будущем, когда правительство усилится и найдет помимо них опору в обществе и внешнюю силу. Стараясь избежать этого, стрельцы требуют гарантий своей безопасности, официального признания своей правоты. Правительство не отказывает и в этом. Оно признает, что стрельцы не бунтовали, а только искореняли измену. Такое признание и было засвидетельствовано всенародно в виде особых надписей на каменном столбе, который стрельцы соорудили на Красной площади в память майских событий.

Постройка такого памятника, прославлявшего мятежные подвиги, еще более показала народу, что положение дел в Москве ненормально и что стрельцы, до поры до времени, единственная сила, внушающая боязнь даже дворцу. Этой грозной силой задумали воспользоваться некоторые расколоучители. Находясь под церковным проклятием (церковный собор 1666—1667 гг. изрек анафему на раскольников), раскольники задумали избавиться от проклятия и восстановить «старое благочестие» в русской церкви тем же путем, каким Милославские достигли власти, т. е. с помощью стрельцов. Расколоучители

повели в стрельцких слободах деятельную и успешную агитацию для этой цели. Результатом ее было новое волнение значительной части только что успокоившихся стрельцов. Через своего начальника И. А. Хованского стрельцы требовали пересмотра вероисповедного вопроса. Хованский, несколько сочувствовавший раскольникам, дал ход этому требованию, и правительство, опасаясь отказом раздражить стрельцов, назначило на 5 июля в Грановитой палате дворца диспут между православной иерархией и расколоучителями. Этот диспут вызвал уличные беспорядки, на самом диспуте спорили долго и благодаря отсутствию определенного плана прений не пришли ни к какому результату. Тем не менее раскольники провозгласили победу. Масса московского населения, с напряженным вниманием ожидавшая исхода диспута, была введена в немалый соблазн рядом скандалов и отсутствием твердой власти, не смогшей поддержать порядка, и неизвестностью — где же церковная истина? Правительство же было смущено тем, что в этот день ясно увидело, как ненадежно стрельцкое войско: стрельцы оскорбляли Софью, когда она вмешивалась в диспут, поддерживали раскольников («променяли государство на шестерых чернецов», как выразилась Софья) и слушались обожаемого ими Хованского гораздо более, чем повиновались правительству. После диспута у Софьи стало две заботы: лишить раскольников стрельцкой поддержки и обуздать Хованского, который мог злоупотреблять привязанностью стрельцов. Первого Софья скоро достигла. Увещаниями и подачками она склонила стрельцов отстать от расколоучителя. Одного из них казнила (Никиту Пустосвята), других сослала. Не так легко было свести счеты с Хованским.

Прямо сместить Хованского Софья боялась, потому что это могло раздражать стрельцов и повести к новым беспорядкам. Терпеть же его во главе военной силы казалось невозможным. Помимо того бестактного поведения, каким он отличался во время раскольничьего движения, Хованский вел себя дурно и в последующее время: он льстил стрельцам, уронил дисциплину; ходили слухи, что он грозил устранить Милославских от власти, во дворце даже говорили, что Хованский хочет завладеть царством для себя и для сына. И. М. Милославский так был напуган, что не жил в Москве, боялась и Софья. 20 августа вся царская семья уехала из Москвы, считая себя небезопасной в Кремле. После многих переездов из села в село, из монастыря в монастырь, Софья в селе Воздвиженском праздновала свои именины 17 сентября. Туда к этому дню съехалось много московской знати, и вот 17-го после обедни и приема поздравлений, цари с боярами «сидели» о деле Хованского. Боярская дума выслушала «доклад», или обвинительный акт, в котором Хованский был обвиняем в преступлениях по службе и в умысле на жизнь государей. Последний пункт обвинений был основан на подметном письме, которое брошено было на имя государей у дворцовых ворот, а написано было, говорят, И. М. Милославским. Дума приговорила Хованского и сына его Андрея к смертной казни. Их арестовали недалеко от села Воздвиженского, доставили туда и в тот же день казнили. Суд, приговор и казнь последовали в один и тот же день, внезапно, неожиданно. Очевидно, Софья боялась помехи со стороны стрельцов; боясь их волнения, она 17-го же сентября известила их грамотой, что Хованские казнены, и прибавляла, что на самих стрельцах царского гнева нет.

Но стрельцы не поверили. Они думали, что за Хованским наказание постигнет и их. Поэтому они подняли бунт; по слухам, ожидая нападения на Москву царских войск, они привели город в осадное положение и приготовились к вооруженной защите. Это заставило правительство удалиться в Троицкую Лавру (бывшую первоклассной крепостью того времени) и собирать дворянское ополчение из городов. Военные приготовления показали стрельцам их собственную слабость, невозможность сопротивления и необходимость покориться. Через посредство оставшегося в Москве патриарха просят они прощения у Софьи. Софья дает им прощение с одним условием: стрельцы вполне должны повиноваться начальству и не мешаться не в свои дела; 8 октября стрельцы дают в этом клятву. Они просят

позволения сломать тот почетный столб, который был поставлен в память майских подвигов. Теперь в глазах их самих и правительства майские подвиги не заслуга, а бунт.

Так кончилось смутное время, тянувшееся с мая по октябрь 1682 г. В начале ноября двор возвратился в Москву; настало так называемое «правление царевны Софьи» (1682–1689).

Таковы были придворные и политические обстоятельства, в которых родился и провел годы детства Петр. С началом правления Софьи началось его отрочество.

Обратимся к правлению царевны Софьи. При ней главными деятелями являются боярин князь В. В. Голицын и думный дьяк Шакловитый. Первый был начальником Посольского приказа, главным правительственным деятелем во внешних сношениях Москвы и во внутреннем управлении. Второй был начальником стрелецкого войска и главным стражем интересов Софьи, оберегателем господствовавшей партии. Шакловитый был верным слугой Софьи, а Голицын не только служил царевне, но был ее любимым. Личность князя В. В. Голицына — одна из самых замечательных личностей XVII в. Иностранцы, знавшие его, говорят о нем с чрезвычайным сочувствием, как об очень образованном и гуманном человеке. Действительно, Голицын был очень образованным человеком, следовал во всех мелочах жизни западноевропейским образцам, дом его был устроен на европейский лад. По характеру своего образования он близок был к малорусскому образованному монашеству и находился до некоторой степени под влиянием польско-католическим. Гуманность Голицына обращает на себя внимание современников, ему приписывали широкие проекты освобождения крестьян от частной зависимости. Внутренняя правительственная деятельность времени Софьи отмечена мягкостью некоторых мероприятий, быть может, благодаря влиянию Голицына. При Софье было смягчено законодательство о несостоятельных должниках, ослаблены некоторые уголовные кары, отменена варварская казнь — закапывание в землю живого. Однако в той сфере, где сильно было влияние не Голицына, а патриарха. — в отношении к раскольникам — незаметно было большой гуманности: раскол преследовался по-прежнему строго.

Но главным поприщем Голицына была дипломатическая деятельность. Враждебные отношения Москвы к Турции и татарам не прекращались, хотя в 1681 г. и было заключено перемирие на 20 лет. Турция в то время была в войне с Австрией и Польшей, и Польша искала союза с Россией против Турции. Польский король Ян Собесский, деятельный враг турок, очень рассчитывал на русскую помощь и очень желал привлечь Москву к австро-польскому союзу. Но Москва, с самой Польшей находясь только в перемирии, соглашалась подать помощь лишь по заключении вечного мира. В 1686 г. Ян Собесский согласился на вечный мир, по которому навеки уступил Москве все, что она завоевала у Польши в XVII в. (важнее всего Киев). Этот мир 1686 г. был очень крупной дипломатической победой, которой Москва обязана была В. В. Голицыну. Но по этому миру; Москва должна была начать войну с Турцией и Крымом, ей подчиненным. Решено было идти походом на Крым. Поневоле принял Голицын начальство над войсками и сделал на Крым два похода (1687–1689). Оба они были неудачны (только во второй раз, в 1689 г., русские успели дойти через степь до Перекопа, но не могли проникнуть далее). Не имея военных способностей, Голицын не мог справиться с трудностями степных походов, потерял много людей, возбудил ропот войска и навлек со стороны Петра обвинение в нерадении. Впрочем, до низвержения Софьи ее правительство старалось скрыть неудачу, торжествовало переход через степи к Перекопу как победу и осыпало наградами Голицына и войска. Но неудача была ясна для всех: ниже увидим, что Петр воспользовался ею и оставил в покое Крым в своем наступлении на юг.

Такова была внешняя деятельность правительства Софьи. Государственные вопросы развивались своим чередом; семейная вражда в то же время шла своим чередом и сплеталась

с другими обстоятельствами общественной жизни в очень сложные комбинации общественного движения в Москве.

Правила делами одна часть царской семьи, власть которой воплощала в себе Софья. Она знала, что в другой части царской семьи первым человеком была царица Наталья. Обе женщины враждовали друг против друга, сильно и сознательно вдохновляли ненависть к врагу и своих близких. Одна (Софья) жила настоящим, знала, что власть ее падет скоро, с совершеннолетием Петра, и не желала этого. Другая (Наталья Кирилловна) была лишена власти, была в опале и знала, что скоро сын возвратит ей надлежащее место во дворце; все ее надежды были в будущем. Семейная вражда породила две враждебные партии людей, связавших себя с той или другой частью царской семьи и враждовавших из-за влияния, из-за карьеры и личного возвышения. Эта борьба была уже не семейной, но политической враждой. Личное чувство любви поставило Голицына около Софьи; он не чувствовал ненависти к Нарышкиным, но сознание, что они считают его своим врагом и в будущем не пощадят, заставляло его в отчаянии желать вслух смерти царицы Натальи. Но с начала и до конца он не был активным участником борьбы, стоял далеко не в центре политических интриг. Вел интригу Шакловитый, человек безнравственный и злобный, службой Софье строивший свою личную карьеру. Шакловитый спокойно выражал сожаление, что не все Нарышкины побиты в 1682 г.; он старательно стремился поправить такую ошибку и при случае уничтожить врагов, укрепить Софью на престоле, а себя — на службе. И много лиц мечтали, как он, помогая Софье, устроиться сами. На противоположной стороне, у Натальи Кирилловны, было не меньше друзей. Во главе ее партии стояли два человека: брат царицы Лев Кир. Нарышкин, сдержанный, умный, но малообразованный и не привыкший к широкой деятельности человек, и князь Борис Алексеевич Голицын, «дядька» (т. е. воспитатель) Петра. Это был человек, по образованию мало уступавший своему двоюродному брату, князю В. В. Голицыну. Не уступал он ему и умом, и общей нравственной высотой, но был жертвой грустной привычки — пьянства.

Бояре в ссоре упрекали его, что он «весь налит вином», в народе шел говор, что князь Борис «и государя (т. е. Петра) пить научил». Слабость эта много мешала ему и в жизни, и в службе; однако, охраняя интересы Петра против Софьи, князь Борис явился боевым руководителем партии Нарышкиных и доставил Петру победу в последнем столкновении 1689 г. Партия Нарышкиных, как и партия Софьи, имела многих приверженцев во всех слоях общества, даже среди бывших помощников Милославских стрельцов. И чем ближе подходило время совершеннолетия Петра, тем более примыкало к партии Нарышкиных дальновидных людей, предвидевших, в чью пользу разрешится семейно-политическая борьба.

В 1689 г., когда Петру минуло 17 лет, он мог уже, как взрослый, упразднить регентство Софьи. Неудача второго Крымского похода 1689 г. возбудила общее недовольство и дала удобный повод к действиям против нее. Соображая эти обстоятельства, партия Петра приготовилась действовать; руководителем в этих приготовлениях, по довольно распространенному мнению, был князь Б. Голицын.

Но прямо начать дело против Софьи не решались. В то же время и Софья, понимая что время близится к развязке, что следует отдать власть Петру, и не желая этого, не решалась на какие-нибудь резкие меры для укрепления себя на престоле. Ей очень хотелось из правительницы стать «самодержицей», иначе говоря, венчаться на царство. еще с 1687 г. она и Шакловитый думали достигнуть этой цели помощью стрелецкого войска. Но стрельцы не хотели поднимать новый бунт против Нарышкиных и требовать незаконного восшествия на престол Софьи. Лишенная в этом деле сочувствия стрельцов, Софья отказывается от мысли о венчании, но решается самозванно именовать себя «самодержицей» в официальных актах. Узнав об этом, Нарышкины громко протестуют: раздается ропот и в народе против этого

нововведения. Чтобы удержать власть, Софье остается одно: привлечь к себе народную симпатию и в то же время возбудить народ против Петра и Нарышкиных. Вот почему и Софья, и ее верный слуга Шакловитый жалуются народу на своих противников и употребляют все средства, чтобы поссорить с ними народ, особенно стрельцов. Но стрельцы весьма мало поддавались речам Софьи, и это лишало ее храбрости. Со страхом следила она за поведением Нарышкиных и ждала от них нападения. Отношения двух сторон с часу на час обострялись.

Петр, вызванный матерью из Переяславля в Москву летом 1689 г., начал показывать Софье свою власть. В июле он запретил Софье участвовать в крестном ходе, а когда она не послушалась, сам уехал, устроив таким образом сестре гласную неприятность. В конце июля он едва согласился на выдачу наград участникам Крымского похода и не принял московских военачальников, когда они явились к нему благодарить за награды. Когда Софья, напуганная выходками Петра, стала возбуждать стрельцов с надеждой найти в них поддержку и защиту, Петр не задумался арестовать на время стрельцкого начальника Шакловитого.

Петр или, вернее, руководившие им лица опасались стрельцкого движения в пользу Софьи. Находясь в Преображенском, они внимательно следили за положением дел и настроением стрельцов в Москве через преданных им лиц. В то же время и Софья боялась дальнейших неприятностей со стороны Петра и посылала в Преображенское своих лазутчиков. Отношения к началу августа 1689 г. стали до того натянуты, что все ждали открытого разрыва; но ни та, ни другая сторона не хотели быть начинающей, зато обе старательно приготавливались к обороне.

Разрыв произошел таким образом: 7 августа Софья собрала в Кремле значительную вооруженную силу. Говорят, что ее напугал слух о том, что в ночь 7 на 8 августа Петр с потешными явится в Москву лишит Софью власти. Стрельцов, призванных в Кремль, волновали в пользу Софьи и против Петра несколько преданных правительнице лиц. Видя военные приготовления в Кремле, слыша зажигательные речи против Петра, приверженцы царя (в числе их были и стрельцы) дали ему знать об опасности. Но они преувеличили опасность и сообщили Петру, что на него с матерью стрельцы «идут бунтом» и замышляют на них смертное «убийство». Петр прямо с постели бросился на лошадь и с тремя провожатыми ускакал из Преображенского Троицкую Лавру. В следующие дни, начиная с 8 августа, в Лавру съехались все Нарышкины, все бывшие на стороне Петра знатные и чиновные лица; явилась вооруженная сила — потешные и Сухарев стрельцкий полк. С отъездом Петра и его двора в Лавру настал открытый разрыв.

Из Лавры Петр и руководящие им лица потребовали от Софьи отчета в вооружениях 7 августа и присылки депутатий от всех стрельцких полков. Не отпустив стрельцов, Софья отправила к Петру патриарха Иоакима как посредника для перемирия. Но преданный Петру патриарх не вернулся в Москву. Петр вторично потребовал представителей от стрельцов и от тяглых людей Москвы. На этот раз они явились в Лавру наперекор желаниям Софьи. Видя, что сопротивляться Петру невозможно, что в стрельцах нет поддержки, Софья сама едет к Троице мириться с Петром. Но ее возвращают с дороги именем Петра и угрозой, если она приедет к Троице, обойтись с нею «нечестно». Возвратясь в Москву, Софья пробует поднять стрельцови народ на Петра, но терпит неудачу. Стрельцы сами заставляют Софью выдать Петру Шакловитого, которого он потребовал. Лишается Софья и князя В. В. Голицына; после выдачи Шакловитого Голицын добровольно явился в Лавру и ему от Петра была объявлена ссылка в Каргополь (позднее Пинегу) за самоуправство в управлении и за нерадение в Крымском походе. Шакловитый подвергся допросу и пытке, повинился во многих умыслах против Петра в пользу Софьи, выдал много единомышленников, — но не признался в умысле на жизнь Петра. С некоторыми близкими ему стрельцами он был казнен (11 сентября). Не избег казни и преданный Софье Сильвестр Медведев. Обвиненный как

еретик и государственный преступник, он сперва был приговорен к ссылке, но позднее (1691), вследствие новых на него обвинений, казнен.

Вместе с участью друзей Софьи решалась и ее участь. Расправляясь с этими друзьями, Петр написал своему брату Ивану письмо о своих намерениях: «Теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царство править самим, понеже пришли есмы в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами, в титлах и в расправе дел быти не изволяем... Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». Так высказывал Петр свое желание отстранить Софью и вступить во власть; а немного позднее этого письма Софья получила от Петра прямое приказание идти в монастырь. Повинуясь необходимости, она переехала на житье в Новодевичий монастырь (под Москвой), но в монахини не постриглась.

Так, осенью 1689 г. кончилось правление Софьи. Цари стали править без опеки или, точнее, при больном и слабоумном Иване правил один Петр со своими близкими.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. — СПб.: Стройлеспечатль, 1993.

КОНЕЦ БИРОНОВЩИНЫ

В конце 1740 г. российская императрица Анна Иоанновна неожиданно занемогла и умерла после кратковременной болезни. Перед смертью она назначила своим преемником только что родившегося принца Брауншвейг-Люнебургского, Иоанна Антоновича (правнука царя Иоанна Алексеевича). Но хотя у него в Петербурге были и отец (Антон Ульрих), и мать (Анна Леопольдовна), императрица медлила с назначением регента. Фавориту Анны Иоанновны Бирону хотелось получить регентство в свои руки и соединить, таким образом, власть над Россией с курляндской герцогской короной, которую Бирон получил в 1737 г. Преданный Бирону Бестужев-Рюмин особенно старался об этом. Придворная знать желала того же: одни боялись пропасть без Бирона, ибо жили благодаря ему, другие боялись идти против Бирона, потому что за это могли погибнуть, когда Бирон станет регентом. Желание придворного круга было выдано императрице за народное желание, и она «по народному желанию» накануне смерти отдала Россию в руки Бирона.

Ненавистный народу фаворит стал формально распорядителем России до совершеннолетия монарха, иначе говоря, на 17 лет. На лицах русских бывшие тогда иноземцы читали горе и стыд: так ужасно действовало на русские умы вступление во власть презренного немца. Гвардия, обласканная Анной, ждала лишь той минуты, когда прах императрицы предан будет земле, чтобы подняться на Бирона. Брожение в войсках было сильно, но гвардейцы не имели руководителя, не знали, во имя кого следует подняться, не знали, как отнесется к их движению мать государя — Анна Леопольдовна. Но как только она призвала их на Бирона, движение вспыхнуло сразу и Бирон был свержен и захвачен гвардейцами. Произошло это через какой-нибудь месяц после начала регентства Бирона таким образом.

Бирон знал, что отец и мать императора недовольны его регентством, что гвардия в своем брожении смотрит на родителей государя, как на законных правителей, — и поэтому Бирон теснил принца и принцессу, видя в них опасных для себя соперников, он создал им такую невыносимую обстановку, что Анна Леопольдовна не могла удержаться и со слезами пожаловалась Миниху на притеснения регента. Честолюбивый Миних, недовольный Бироном за свое второстепенное положение при дворе, ответил на жалобы принцессы обещанием освободить ее от Бирона. Разговор между ними происходил 7 ноября, а в ночь с 8 на 9 Миних уже арестовал Бирона. Едва он объявил преобразенцам, караулившим во дворце, что намерен свергнуть правителя по желанию Анны Леопольдовны, как все солдаты до

одного выразили свою радость и готовность помогать Миниху. Сотня солдат легко совершила государственный переворот. Бирон и ближайшие к нему люди (между прочим, А. П. Бестужев-Рюмин) были взяты; Бирон особым судом был приговорен к казни за многократное «оскорбление Величества», но помилован и только сослан на житье в Сибирь (в Пелым). Бестужев был также сослан. Анна Леопольдовна стала правительницей государства и приняла титул великой княгини. Остерман, переживший и влияние Бирона, сохранил при правительстве все свое значение и пожалован в генерал-адмиралы. Но Миних, блестящий фельдмаршал, смело произведший переворот и награжденный за него чином «первого министра», скоро был отставлен от должности, потому что возбуждал опасения правительницы своим честолюбием.

Народ ликовал, когда узнал о падении Бирона: думали, что с Бироном исчезает и бироновщина. Но то, что называли этим именем, осталось: правительство по-прежнему осталось немецким, по-прежнему оно существовало для себя, а не для народа. «Много непорядков происходит», — отзывались о делах русские люди. Во главе дел и двора стояли частью прежние лица: Остерман, уцелевший Левенвольд, частью новые фавориты-иностранцы — фрейлина Менгден и ее жених саксонский посланник Линар, об отношениях которого к правительнице шла вполне основательно дурная молва. Не без претензий на влияние был и муж Анны Леопольдовны, принц Антон, генералиссимус русских войск. Из русских пользовались высоким положением кабинет-министры — канцлер князь Алексей Михайлович Черкасский и вице-канцлер гр. Михаил Гаврилович Головкин. Головкин умел даже влиять на правительницу, но не умел стать во главе дел. Сама Анна Леопольдовна была совершенно неспособна не только к управлению, но и к деятельности вообще. Детски близорукая и неразвитая, она была избалована, любила роскошь и тесный кружок веселых людей, желала жить для себя и подальше от дел. Не только к государственным делам, но и к окружающим ее отношениям придворного круга она не могла присмотреться сознательно, не могла примирить бесчисленных ссор и распрей, происходивших между людьми, близкими к власти. При таких условиях правительство не могло быть сильным. Его слабость была заметна для всех, его свойства никого не привлекали. Явилась возможность скорого и легкого переворота.

Не только русские люди знали дурное положение дел в России — его знали и им пользовались иностранные правительства. Традиционная дружба России и Австрии, от которой не решилась отступить и Анна Леопольдовна, привела Россию в ее царствование к тому, что необходимо было подать Австрии вооруженную помощь. Но это шло против видов Франции, которая старалась удержать Россию от вмешательства в дела Австрии путем дипломатических интриг. С одной стороны, Франции возбуждала Швецию к войне с Россией для возвращения завоеваний Петра Великого, и Швеция считала эту войну возможной ввиду внутренних замешательств России.

Другой стороны, Франция желала в самой России произвести государственный переворот и поставить на русском престоле лицо с более удобными для Франции взглядами, чем правительница Анна. Тот же самый маркиз Шетарди, который при Анне Иоанновне не надеялся на народное движение против немцев в России, теперь вместе с французским правительством твердо верил в возможность такого движения и сам пытался его организовать. Он желал видеть на русском престоле дочь Петра I Елизавету, с которой вошел в оживленные сношения, убеждая ее действовать для достижения престола.

В самом деле, если русскую корону носит малолетний внук царя Иоанна, сын немца, то отчего не вступить в престол дочери царя Петра, чисто русской женщине любимой народом и единственной действительно русской представительнице царствующего дома? Елизавета была в стороне от престола, пока живы были виднейшие представители семьи Петра Великого, пока царствовала избранная народом Анна, но теперь за недостатком чисто русских потомков московских государей и при постылом господстве иноземщины Елизавета становилась желанной государыней в глазах русских людей. Шетарди удачно обратился к Елизавете, потому что переворот мог легко совершиться в ее именно пользу при общем к ней сочувствии. Трудности дела заключались не во внешних обстоятельствах, а в самой Елизавете.

Красавица собой, мягкого, общительного характера, Елизавета не была деятельным и энергичным человеком. Не лишенная способностей, но отличавшаяся ленью, она не много знала, хотя и говорила по-французски, по-немецки, даже по-шведски. Нужно заметить, что в дни ее молодости учили ее вообще небрежно; мы знаем, что у нее были учителя (преимущественно французы), но знаем, что они были непостоянно. Любовь отца и матери скрасили годы детства и отрочества Елизаветы. У нее только было одно большое горе: она потеряла любимого жениха принца Карла Голштинского, умершего перед свадьбой. При Петре II 20-летняя Елизавета имела сильнейшее влияние на племянника. Но она не пользовалась своим влиянием, потому что по характеру и интересам была далека от придворных борьбы и интриг. Со смертью Петра II кончились светлые годы Елизаветы: императрица Анна боялась ее и поставила под строгий надзор. Дочь Петра Великого, чтобы остаться целой, должна была вести самый осторожный и скромный образ жизни. Ее удалили от всех придворных и политических дел, стеснили в средствах к жизни, наблюдали за каждым шагом, за каждым ее знакомством. Все выдающиеся немцы времен Анны (Миних, Остерман и др.) были ей враждебны, потому что видели в ней человека, способного стать (и не по своей воле) во главе народного движения против немцев. Но Бирон, как это ни странно, был расположен к Елизавете, довольный тем, то она с почительностью относилась к нему и к императрице. Однако его личное расположение мало помогало Елизавете; ей оставалось замкнуться в тесной сфере своего частного хозяйства, в узком кружке близких к ней, состоящих при ее дворе, лиц. Юношеская резвость Елизаветы пропала. Отсутствие широкой деятельности не тяготило ее бездеятельную натуру: склонность к веселью удовлетворялась скромными увеселениями в близком кружке. В этом кружке Елизавета нашла крепкую сердечную привязанность в лице Алексея Григорьевича Разумовского, нашла преданных лиц в своих камер-юнкерах, братьях Шуваловых и Воронцове. Можно думать, что если бы Елизавету оставили в покое, она никогда не решилась бы выйти из узкой сферы своего быта, где главным ее горем было не потеря придворною значения, а недостаток денежных средств. Однако ее в покое не оставляли.

В регентство Бирона Елизавета могла ждать улучшения своего положения, и действительно ее содержание было увеличено; но Бирона свергли, и на его место стала женщина, боявшаяся всего потомства Петра Великого; для Анны Леопольдовны и ее сына были страшными соперниками и дочь Петра — Елизавета, и внук его — Петр-Ульрих

Голштинский, потому что они имели не менее прав на престол, чем император Иоанн Антонович. За дворцом Елизаветы начали следить внимательно; желая уничтожить ее планы на престол, думали отдать ее замуж; с Елизаветой вообще обращались так, что сами наводили ее на мысль о политических ее правах. О необходимости осуществить эти права и взять престол заговорил в то же время с Елизаветой и Шетарди через ее доктора француза Лестока, который имел на Елизавету некоторое влияние. Елизавета была далека от всякого политического риска. Несмотря на то, Лесток и сам Шетарди употребляли всю свою ловкость, чтобы склонить ее на переворот. Но можно сказать, что их старания были бы напрасны, если бы Елизавета не видела себе поддержки среди русского общества, недовольного немецким правительством: и народ, и гвардия стали высказывать Елизавете свою обычную преданность все настойчивее и горячее. В гвардии шло сильное брожение в пользу Елизаветы, о котором она знала. Но ни Шетарди, ни Лесток, ни другие близкие к Елизавете люди не могли, конечно, руководить движением гвардии, потому что не имели к ней отношения. Не было таких лиц и в самой гвардии. Поэтому во главе движения должна была стать сама Елизавета, но этого-то и трудно было достигнуть Шетарди с ее характером. Между тем время шло; интрига Шетарди и гвардейское движение становилось все более известным правительству. Остерман предостерегал правительницу; от австрийского двора шли такие же предостережения; но Анна Леопольдовна ограничилась только тем, что наивно открыла Елизавете существующие подозрения. Это побудило Елизавету действовать решительнее, тем более что гвардия должна была выступить в поход против Швеции. Все близкие к Елизавете люди (Разумовский, Воронцов, Шувалов и Лесток), составив как бы придворный совет 24 ноября 1741 г., настояли на немедленном исполнении давно задуманного переворота. Елизавета решила сама стать во главе преданных ей солдат, побуждаемая опалой правительницы.

В ночь с 24 на 25 ноября Елизавета приехала в казармы гренадерской роты Преображенского полка и с помощью ее произвела с чрезвычайной легкостью государственный переворот. Правительница со всей ее семьей была арестована в Зимнем дворце и перевезена во дворец Елизаветы. В своих домах были арестованы: Остерман, Миних, Левенвольд, Головкин и другие близкие к правительнице люди. Остальные немедленно явились поздравить новую императрицу, и в числе их сразу стал на виду только что вернувшийся из ссылки А. П. Бестужев-Рюмин.

Несмотря на морозную ночь, улицы Петербурга были полны ликующим народом. В новой императрице видели чисто русскую государыню и праздновали падение немецкого режима. Вскоре увидели доказательства этого падения. Все видные деятели бывших царствований, немцы, были отданы под суд. Остерман, переживший пять царствований и всех временщиков не только благополучно, но и с пользой для личной карьеры ивлияния, теперь не увернулся от опалы и падения, как самый видный немец в правительстве. Елизавета любила его, боялась более, чем кого-либо другого, потому что Остерман при всей своей ловкости не мог скрыть своего враждебного отношения к Елизавете. Вместе с Остерманом попали под следствие Миних, Левенвольд, Менгден и русский граф Головкин, близкий бывшей правительнице. Обвиненные в разнообразных государственных преступлениях, они все были приговорены к смерти, взведены на эшафот, но помилованы и сосланы в Сибирь. Вместе с ссылкой главных иностранцев исчезли из администрации и второстепенные. Ясно было, что императрица желает править Россией посредством русских людей. При дворе, в управлении, во внешних сношениях России выступали вперед чисто русские люди; все русское, что было поругано и унижено, получало свои права; на русских людей сыпались награды. Гренадерская рота Преображенского полка, произведшая переворот, была переименована в лейб-кампанию. Все ее чины были признаны потомственными дворянами и получили земли из конфискованных имений иностранцев. Вся гвардия, с восторгом поддерживавшая преображенцев, была щедро награждена, «понеже (говоря словами указа Елизаветы) их службою... успех в восприятии престола получили».

Свержение иноземцев и ласка к русским людям обусловили собою прочность и популярность нового царствования, объявившего своим лозунгом верность традициям Петра Великого.

Платонов С. Ф. Лекция по русской истории. — СПб.: Стройлеспечатъ, 1993.

ДРАМА В РОПШЕ

Император Петр III начал свое правление довольно деятельно, рядом любопытных мер. Можно думать, что он действовал с чьей-то указкой, стараясь показать, что он достоин власти. Вступил он на престол 25 декабря 1761 г., а уже 17 января 1762 г. в Сенате пописал указ о возвращении опальных людей прошедшего царствования и заявил свою волю относительно службы дворян: «Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают». 18 февраля явился и манифест о вольности дворянской. В нем говорилось, что прежде необходимо было заставлять дворян служить и учиться, невольная служба и учение принесли пользу, ибо дали государству много сведущих, годных к делу людей, а с другой стороны, истребили в дворянской среде «грубость и невежество» и вкоренили благородные мысли; поэтому уже нет необходимости принуждать дворян к службе. Все служащие могут или оставаться на службе, или уйти, в отставку; только военные люди не могут брать отпусков и отставок во время кампании; не служащий дворянин имеет право даже ехать за границу и служить там. Но обязанности обучения манифест 18 февраля не упразднил, а выразил ее лишь в виде повелительного совета с высоты трона, «чтобы никто не дерзал без обучения наук детей своих воспитывать».

Так снята была с дворянства его тяжелая государственная повинность.

Вольность дворянства была самым крупным делом Петра III, внушенным ему, как мы уже говорили, со стороны дворянства, близкого к Елизавете. По посторонним же внушениям, конечно, пришел он к решению уничтожить некогда страшную Тайную канцелярию, ведавшую политические преступления. При Елизавете ее деятельность не была заметна, потому что время Елизаветы было временем мира внутри государства. Уничтожить канцелярию, как малодействующее учреждение, было легко, а между тем это уничтожение могло содействовать популярности нового правительства в народной массе, как манифест о дворянстве должен был сделать его популярным среди дворян.

Но правительство Петра не только не достигло народного расположения, но возбудило общее неудовольствие. Никакие разумные указания осторожных советников Петра не могли помочь ему и загладить его бестактность, исправить его ошибки, скрыть его невозможные выходки.

Он внутри государства обнаружил свои нерусские симпатии, окружил себя голштинцами, стал переделывать русские войска на прусский и голштинский лад, смеялся над всем русским, даже над православной обрядностью. Он закрывал, например, без всякого основания домовые церкви, которые были в обычае. Домовая церковь была тогда всегдашней принадлежностью всякой зажиточной усадьбы, даже городского богатого двора.

Против этого глубоко вкоренившегося в быту стремления и стал Петр III. Помимо частного ущерба и обиды в уничтожении домовых церквей было и принципиальное неудобство: выходило так, как будто православный государь воздвигал гонение на церковь. Но этим дело еще не ограничивалось: Петр требовал от духовенства уничтожения икон в церквях и хотел заставить его носить светское платье; к Синоду обращался с оскорбительными указами; дело о церковных имуществах он привел к самому невыгодному для духовенства решению. Духовенство чувствовало себя оскорбленным и даже подало императору энергичный протест, изменивший, однако, ничего: Петр не понял протеста. К гвардии, привыкшей к высочайшему вниманию, Петр относился так, что пошли слухи об уничтожении ее. Он называл гвардейцев янычарами, томил их ученьями по немецкому образцу, изменял привычные военные порядки и отдавал предпочтение своим немецким

войскам. И гвардия чувствовала себя оскорбленной и питала «превеликое неудовольствие». Волновались и крестьяне: в них ясно жило сознание того, что они обязаны государством работать на помещиков именно потому, что помещики обязаны служить государству; в них жило сознание, что исторически одна обязанность обусловлена другой. Теперь снята дворянская обязанность, следует снять и крестьянскую. Но крестьяне видели, что правительство, разрешив дворянский вопрос, не заменяет связанного с ним вопроса крестьянского. Поэтому начались крестьянские волнения.

В то же время внешняя политика Петра не нравилась русским людям и оскорбляла национальное чувство. Россия со славой вела войну с Пруссией, теряла для нее массу людей, тратила много денег, но был успех, и народ был спокоен. Как только вступил на престол Петр, война была прекращена; войска получили приказание сдать свои магазины пруссакам и оставаться в Померании для будущей помощи своим недавним врагам. Петр отказался от всех завоеваний в Пруссии и вступил с Фридрихом в тесный союз, условия которого были продиктованы прусским послом в Петербурге — Гольцем. Этот Гольц был при Петре III почти полным распорядителем действий русской дипломатии. Прусское влияние при русском дворе было всемогуще. И все это вышло из личных наклонностей императора: благоговей перед Фридрихом, Петр жертвовал своему личному чувству всеми интересами России. Такое направление дел, бесславное окончание славной войны и господство в Петербурге голштинцев и пруссаков давало народу повод думать, что давно прошедшее рабство перед немцами наступает снова с Петром III. Понятно, с каким негодованием относились ко всему этому русские люди. В одном только деле Петр III не нашел на помочах своего кумира Фридриха: он упорно хотел воевать с Данией и отнять у нее Шлезвиг для Голштинии. В этом он действовал, как голштинский герцог; но действовал средствами и силами России. Ясно, что эта затея могла только усилить негодование русских, справедливо не желавших знать интересов Голштинии. Однако для этой Голштинии вербовали солдат на русские деньги; к походу на Голштинию вербовали солдат на русские деньги; к походу на Голштинию делали приготовления; голштинцам дали первенство и полную волю в России.

И личная жизнь Петра возбуждала общее неудовольствие. Избавившись от опеки строгой тетки, Петр наполнил ее дворец дымом солдатского кнастера и запахом вина и портера, которыми злоупотреблял почти ежедневно, и еще с утра. Поэтому за обедом он уже не владел собой, говорил заведомые небылицы или обнаруживал такие секреты политики и придворных отношений, какие следовало хранить строго. День свой часто кончал он неприличными и шумными пирушками, которые видел весь город, потому что они происходили не в одном дворце, и о которых писали даже иностранные послы своим дворам. У русских людей обливалось сердце кровью от стыда за Петра III; им хотелось «бежать неоглядкою» от его выходок. Елизаветинские вельможи не могли примириться с казарменными нравами нового двора: Ив. Шувалов на коленях просил Петра избавить его от всех знаков его милости; Кирилл Разумовский не мог сдерживать гневной судороги на лице, бывая во дворце и видя новые порядки. Петр издевался над всеми старыми сановниками, заставляя их маршировать по плац-парадам в силу их военного звания. Он смеялся даже над пожилыми придворными женщинами и передразнивал их. «Он не похож был на государя» — таков был приговор придворной среды над Петром III. К жене отношение Петра, и прежде враждебное, теперь перешло в ненависть. Екатерина мешала ему жить. При ней он не мог жениться на Воронцовой; в Екатерине мерещился ему иногда и политический враг, и каждую минуту он чувствовал, что она осуждает его, стоит в оппозиции ко всему, что ему нравится, что он затевает. Он хотел обуздать ее, но на это не хватало умения; да и Екатерина вела себя так, что не было предлога придрататься к ней. Однако чем дальше, тем решительнее становился Петр по отношению к Екатерине. Он однажды оскорбил ее при всех на торжественном обеде: Екатерина не встала во время тоста в честь императорской фамилии и на вопрос Петра объяснила, что не встала потому, что сама принадлежит к этой фамилии. За этот ответ Петр громко обозвал ее бранным словом и грозил арестом. Не стесняясь в

отношении Екатерины ничем, Петр прямо показывал, что желает избавиться от жены: то начинал говорить, что заточит жену в монастырь, что разведется с нею; тонамерен был заключить ее в Шлиссельбург. Однажды он отдал, даже приказ арестовать ее, но отменил его по настоянию дяди Жоржа. Екатерина знала, что рано или поздно она погибнет от мужа, если он останется у власти. Знали это и в обществе, где Екатерину любили, и ее горе было одной из причин дурного отношения общества к Петру.

Так, деятельность и личность Петра вызывали народное негодование. По свидетельству современников, ропот на него был «всенародным»; все, кроме десятка царедворцев, желали перемены на престоле и говорили об этом открыто, «отваживались публично и без всякого опасения говорить и судить и рядить все дела и поступки государевы». Ропот поэтому был известен и при дворе Петра и даже дошел до Фридриха. Петра предостерегали и дома, и из-за границы. Фридрих советовал ему скорее короноваться и быть осторожным. Но Петр ко всему этому относился легкомысленно; хотя он и следил за фаворитом императрицы Елизаветы И. Шуваловым, хотя и вспомнил, что жив император Иоанн Антонович, но не принимал серьезных мер общего характера.

Это и помогло развитию заговора, который созрел, по обычаю XVIII в., при дворе и в гвардии. Руководил им не Шувалов, и направлялся он не в пользу императора Иоанна, а в пользу Екатерины. О существовании заговора знали самые высокопоставленные лица при Петре (генерал-прокурор Глебов, начальник полиции Корф, Кирилл Разумовский, дипломат Никита Ив. Панин и др.), но они не предавали заговорщиков, хотя и не приставали к ним прямо.

Можно думать, что эти высокопоставленные лица имели свой план переворота и, мечтая о воцарении Павла Петровича, прочили его матери Екатерине Алексеевне лишь опеку и регентство до его совершеннолетия. С движением гвардейской молодежи придворные люди не имели видимых связей и на прямое обращение к ним офицерства не отвечали откровенностью. О Панине рассказывают, что он однажды прямо прогнал от себя молодежь, начав тушить свечи, когда разговор о делах стал приобретать неудобный по откровенности характер. Однако в минуту переворота, начатого молодежью, вельможи прямо стали на сторону Екатерины и подготовили ей быстрый и решительный успех. Они умели следить за развитием заговора через таких лиц, какова была, например, княгиня Ек. Ром. Дашкова, рожденная Воронцова. По мужу принадлежала к кругу гвардейского офицерства, по отцовской семье она была близка к кругу вельмож и служила связью между обоими кругами заговорщиков.

Младший круг заговорщиков группировался вокруг семьи Орловых. Из нескольких братьев особенно известны были два: Алексей Орлов (младший), знаменитый своей физической силой, был казначеем гвардейской артиллерии и вел крупную игру, под предлогом которой и собирал вокруг себя гвардейскую молодежь. Другой — Григорий Орлов — был лично близок к Екатерине и передавал заговорщикам ее внушения. Умышленно раздувая свою славу кутил и дебоширов, Орловы умели маскировать и свою роль организаторов, и участие в интриге Екатерины. Между тем вряд ли можно сомневаться, что за спиной как вельмож, так и гвардейцев, стояла сама Екатерина, распоряжаясь всеми пружинами рискованного дела, но оставаясь совсем в тени не только от посторонних взглядов, но и от глаз самих участников заговора. Кроме Орловых в гвардии в роли главных руководителей стояли преображенцы Пассек и Бредихин и измайловцы Рославлев и Ласунский. Эти лица подготовляли гвардейских солдат к перевороту и ручались за то, что Екатерина может располагать 10 000 солдат.

Беспорядочной жизнью и кутежами заговорщики отводили от себя всякие подозрения; но брожение среди солдат не могло долго быть скрытым. Летом 1762 г. Петр держал себя так, что Екатерина должна была со дня на день ждать гибели, и поэтому заговорщики

готовы были действовать, но не решались начать сами. Приближалось время именин Петра, и этот день Петр, живший в Ораниенбауме, желал провести у Екатерины в Петергофе. Ждали, что 29 июня он и решит участь своей жены. Между тем 27 июня болтливый солдат, слышавший, что Екатерина в опасности, выдал тайну заговора постороннему офицеру. Это повело к аресту Пассека; боясь открытия всего заговора, заговорщики решились действовать не медля и 28 июня удачно совершили переворот. Вот как он произошел.

Екатерина в последнее время жила уединенно в Петергофе и проводила очень беспокойные дни, ожидая развязки задуманного предприятия. Впрочем, она регулярно получала известия о положении дел в лагере союзников и в лагере неприятелей. Под предлогом очистки всех комнат дворца для императора, который собирался приехать сюда со свитой, императрица поселилась в отдаленном углу петергофского сада, в павильоне, носившем название Мон-Плезир. Таким образом она избавилась от надзора часовых, приобрела больше свободы в образе жизни и легко могла направить путь в Петербург, чтобы там сесть на престол, или же искать спасения за границей.

В этом павильоне, 28 июня, рано поутру Екатерину будят следующие слова: «Ваше Величество, вставайте, нельзя терять ни одной минуты». Она открывает глаза и видит перед собой старшего Орлова. На вопрос ее Алексей Орлов отвечал только многозначительной фразой: «Пассек арестован», — и вышел из комнаты. Несколько минут спустя он воротился, императрица уже успела кое-как одеться. Она села в экипаж Орлова, рядом с нею поместилась камер-фрау, позади стал камердинер Шкурин (впоследствии тайный советник). Орлов погнал лошадей во весь опор. На полдороге лошади стали от усталости, и путники очутились в крайнем затруднении. Сначала их выручает из опасности проезжавшая мимо крестьянская телега, а потом они увидели коляску, быстро приближавшуюся им навстречу. В ней сидели Григорий Орлов с князем Барятинским. «Все готово», — кричит Орлов. Барятинский уступил свое место Екатерине, и в седьмом часу утра она достигла казарм Измайловского полка, которые служили предместьем столицы.

Измайловский полк был, очевидно, предупрежден, так как солдаты успели взять из кладовых мундиры старой (елизаветинской) формы, и часть полка быстро выстроилась. Екатерина обращается к солдатам с энергичной речью, прося у них защиты от своих неприятелей, которые покушаются на ее собственную жизнь и на жизнь ее сына. Солдаты клянутся умереть за императрицу и бросаются целовать ее ноги, руки и платье. В это время офицеры приводят остальных измайловцев, является полковой священник с крестом, и весь полк присягает Екатерине II. Она садится опять в коляску и едет к казармам Семеновского полка. Выйдя к ней навстречу, семеновцы кричат «ура» и присоединяются к Екатерине. С таким же энтузиазмом примыкают к ней Преображенский полк и конная гвардия. Государыня посылает отряд арестовать начальника конных гвардейцев принца Жоржа и вместе с тем предохранить его от возможных оскорблений. Орловы спешат после того к артиллеристам и уговаривают их последовать примеру гвардии, но солдаты хотят узнать прежде мнение своего начальника. Генерал Вильбуа несколько минут колеблется, однако уступает, и артиллерия также переходит на сторону Екатерины.

Между тем на место действия прибывают: гетман Разумовский, Н. И. Панин, князь Волконский, И. И. Шувалов и многие другие вельможи, которые присоединяются к свите императрицы. Окруженная войском и народом, она отправляется в Казанский собор; здесь ее встречают архиепископ новгородский и высшее духовенство. Пропели благодарственный молебен и торжественно провозгласили Екатерину самодержавнейшей императрицей всея России, а великого князя Павла Петровича — наследником престола. Из собора государыня поехала в новый Зимний дворец, достроенный Петром III, где уже собирались для принесения присяги Сенат и Синод. Немедленно приняты и необходимые меры предосторожности: подступы ко дворцу защищены артиллерией, на многих пунктах

расставлены сильные отряды часовых, сообщение с Петергофом и Ораниенбаумом совершенно прекращено, а в Кронштадт послан захватить эту крепость адмирал Талызин. Императрица поспешила разослать курьеров в провинцию к гражданским и военным начальникам, а также к генералам войск, находившимся в Пруссии; дипломатический корпус получил официальное уведомление о перемене царствующей особы. Необходимые меры были приняты настолько быстро, что нет никакого сомнения в том, что в Петербурге об этом заранее кто-то позаботился. До нас дошло, например, известие, что наборщики типографии Академии наук были в ночь на 28 июня заарестованы: очевидно, ожидалось, что им будет работа (печатание правительственных распоряжений, так как таковые всегда печатались в этой типографии). Самый манифест о воцелении на престол Екатерины II также вероятно составлен был не 28 июня, а ранее.

В это время Петр III находился в Ораниенбауме. Это был канун его именин; Петр желал начать их праздновать в Петергофе, и Екатерина должна была его там ждать. Император приказал подать экипаж и приехал в Петергоф. Осмотрев павильон, в котором жила Екатерина, убедились, что ее там нет. По всем признакам было видно, что произошел не отъезд, а бегство; значит, надобно было предполагать что-нибудь дурное. Старые вельможи, которые окружали Петра, предлагают поехать в Петербург, разыскать и образумить Екатерину. Петр согласился; старики поехали в Петербург, но там, конечно, присоединились к Екатерине. Петр в ожидании сведений о происходившем в Петербурге ходил и сидел на берегуморя, на берегу и обедал; он слушал советы придворных и не знал, что делать: ехать ли в Кронштадт или направиться в Ревель к войскам, там собранным. Между тем прибыл с моря офицер, привезший из Петербурга фейерверк, который предполагалось сжечь по случаю именин Петра; он рассказал, что слышал шум и выстрелы и больше ничего не мог сообщить. Но уже и этой вести было достаточно, чтобы узнать, что такое произошло в Петербурге. Петру со всех сторон советовали что-нибудь делать, но он не мог ни на что решиться, и только когда день уже склонялся к вечеру, решил ехать в Кронштадт. Но Кронштадт уже был захвачен Талызиным, и потому, когда Петр туда явился, его не приняли. Оказалось, что гавань заперта боном и оттуда кричали, что никого нельзя пускать. Петр показывается на палубе в белом мундире и с корабля объявляет, что приехал сам император. В ответе слышится, что императора нет, а есть императрица Екатерина, и что если он не уедет, то будут стрелять, «бомбы пускать». Начался плач дам, сопровождавших Петра; сам Петр находился почти в обмороке. Вместо того чтобы спастись в Ревель, он стал ждать в Ораниенбауме Екатерину. Утром 29-го она явилась в Петергоф с войсками и послала свой авангард в Ораниенбаум. Войска сразу окружили дворец, и Петр оказался в плену. Все было кончено. Екатерина прислала вельмож переговорить с Петром и снабдила их текстом отречения от престола, которое Петр и принял в редакции, продиктованной Екатериной, после чего был отвезен в Ропшу; а Екатерина вернулась в Петербург, чтобы оформить дело, оправдать свой поступок в обстоятельном манифесте и успокоить свою столицу. Манифест был опубликован только спустя несколько дней, именно 6 июля. В манифесте Екатерина не поспешила на краски до того, что потом, в 1797 г., он был изъят из обращения. Император Павел приказал его вырвать из всех официальных сборников; а когда Сперанский печатал Полное собрание законов, то манифест этот в нем помещен не был. В манифесте было сказано, что политика Петра была не православна и не национальна, и доказывалось, что это очень пространно. И вот, как раз в те дни, когда манифест был опубликован и Петербург его читал, пришло известие о смерти Петра. Екатерина объявила, что бывший император скончался вследствие геморроидальной колики. Приказано было устроить ему пристойные похороны, но без оказания царских почестей. Внезапность кончины Петра III нашла свое истинное объяснение уже после смерти императрицы Екатерины, когда сын ее Павел Петрович случайно отыскал в ее бумагах письмо к Екатерине из Ропши от Алексея Орлова, состоявшего там при Петре. В подлиннике это письмо не сохранилось, ибо Павел его сжег; мы знаем его в копии Ф. Ростопчина, вряд ли точной, представляющей скорее пересказ на память интересного документа. Орлов в

замешательстве, с горем извещал императрицу о нечаянной случайности, повлекшей за собой кончину императора непредвиденно для Орлова, а тем более для Екатерины. Император Павел имел возможность убедиться, что ответственность за этот несчастный случай совсем не лежит на памяти Екатерину.

Содержание записки Орлова (6 июля 1762 г.): «Матушка милосердная Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему, рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов итти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда, мы были пьяны и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором Барятинским; не успели мы разнять, а его уж и не стало, сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить — свет не мил: прогневали тебя и погубили души навек!».

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. — СПб.: Стройпечать, 1993.

От революции до революции

СМЕРТЬ МАРАТА

В период Великой французской революции одним из вождей крайних революционеров-якобинцев⁹⁷ был Жан Поль Марат. Журналист, редактор газеты «Друг народа», он постоянно публиковал в ней призывы к самосудам, народной расправе и т. д. Когда, он первый раз выступал в Конвенте,⁹⁸ его встретили шиканьем. Он воскликнул: «Видимо, у меня тут много врагов?», — на что из зала закричали: «Все! Все!».

В период борьбы между жирондистами⁹⁹ и якобинцами жирондисты решили в первую очередь предать суду Марата за его призывы к самосудам. В ходе круглосуточного непрерывного заседания поименным голосованием жирондисты приняли решение о предании Марата суду. Он стал первым отданным под суд народным представителем.

Марат решил подчиниться декрету и явился в Революционный трибунал. Он подвергал свою жизнь опасности, т. к. в случае осуждения его ждала бы смерть. Но после недельного разбирательства и упорной защиты суд оправдал его.

Восторженный народ поднял его на плечи, надел ему на голову дубовый венок и так, на руках, отнес в Конвент. Это был триумф Марата, высший момент его жизни.

После такого поражения власть жирондистов стала стремительно таять, и через полтора месяца верх одержали якобинцы.

Двадцатипятилетняя жирондистка Шарлотта Корде считала депутата-якобинца Марата

---

⁹⁷ Якобинцы — крайне «левая» партия республиканцев.

⁹⁸ Конвент — высший орган власти, революционное собрание.

⁹⁹ Жирондисты — партия умеренных республиканцев.

чудовищем, кровожадным тираном. Она приехала из провинции в Париж в июле 1793 г. Купив большой нож, она отправилась к Марату домой и передала ему записку с просьбой о встрече. В ней она писала, что хочет сообщить ему важные для Франции сведения.

Марат страдал болезнью, причинявшей ему постоянный мучительный зуд во всем теле, унять который он мог, только сидя в теплой ванне. Так он принял пришедшую к нему Шарлотту Корде: «Садитесь, мое дитя», — сказал он ей.

Шарлотта стала перечислять ему фамилии депутатов-мятежников из числа жирондистов. Марат стал записывать их на бумаге. Корде вытащила нож и вонзила его в сердце депутата. Он успел только крикнуть своей подруге-прачке, бывшей в соседней комнате: «Ко мне, милая!» Но было уже поздно!

Шарлотта Корде была арестована. На суде на вопрос о том, что ее побудило к убийству, Шарлотта ответила: «Его преступления. Я убила одного человека, чтобы спасти сотни тысяч других, убила негодяя, свирепое животное, чтобы спасти невинных и дать отдых моей родине».

Шарлотту приговорили к смерти как убийцу. Перед казнью палач ударил ее по щеке, и, когда отрубленную голову показывали народу, ее щеки еще были красны от стыда. Один молодой человек так полюбил Шарлотту перед казнью, что открыто восхищался ею и призывал поставить ей памятник. Позднее он был казнен за эту странную любовь и принял смерть с облегчением.

Убитый Марат был похоронен с величайшими почестями, а потом его прах был перенесен в Пантеон — усыпальницу великих людей Франции. Но пробыл он там недолго. При очередном политическом перевороте антиякобински настроенная толпа вынесла его из Пантеона и сбросила прах в водосток Парижа.

Несколько десятилетий спустя при обследовании парижских водосточных труб на стене одной из них был замечен все еще висевший там полуистлевший саван Марата.

Майсуриан А. Смерть Марата// Всемирная история. — М.: Аванта +, 1995.

ВРАГИ ПЕРВОГО КОНСУЛА

Первый консул¹⁰⁰ Франции Наполеон Бонапарт не смог бы удержаться у власти, не проводя политику репрессий, иногда широкомасштабных. Ему угрожали роялисты, ¹⁰¹ повстанцы Бретани и мятежная Вандея, куда были посланы войска. Одному из вождей роялистов графу де Фротте пообещали амнистию, а затем, заманив его в засаду, застрелили. «Приказа с моей стороны не было, но я не могу сказать, что сожалею о его смерти», — прокомментировал это убийство Наполеон. Хотя большинство предводителей бретонских повстанцев капитулировали в 1801 году, непримиримые ушли в глубокое подполье и стали еще более опасными, потому что все их силы были подчинены единой цели — организовать покушение на жизнь Первого консула: Им деятельно помогали некоторые вернувшиеся эмигранты, а также лица, сочувствовавшие роялистам. Среди них были люди, уже завоевавшие себе известность успешными акциями против республики, имя Жоржа

---

¹⁰⁰ Консульство — период в истории Франции от государственного переворота 1799 г., совершенного генералом Бонапартом, до провозглашения его императором в 1804 г. В период консульства власть формально принадлежала трем консулам, фактически вся власть была сосредоточена в руках первого консула — Бонапарта.

¹⁰¹ Роялисты — сторонники королевской династии Бурбонов, свергнутой революцией 1789–1795 гг.

Кадудалю, например, давно уже гремело по всей Вандее. У якобинцев¹⁰² были свои, не менее веские причины, по которым им страстно желалось свергнуть режим Наполеона, почувствовавшего себя в относительной безопасности лишь после битвы при Маренго летом 1800 года. Кстати, по мнению Стендаля, больше чем кого-либо Бонапарт в это время ненавидел якобинцев, и это несмотря на то, что он сам когда-то был якобинцем и довольно ярким. Наполеону удалось уцелеть лишь благодаря неустанной деятельности Фуше, который организовал исключительно эффективную искусную сеть полицейского шпионажа, покрывшую всю страну. В этом деле использовались не только полиция, но и шпионы, информаторы-доносчики и внедренные агенты-provokatory. Фуше не гнушался ничем, в ход шли подкупы, амнистии и другие стимулы. Аресты из психологических соображений производились в основном по ночам, с арестованными не церемонились и в случае необходимости развязывали им язык пытками. Трудно было найти человека, который не дрогнул бы перед угрозой высылки, гильотины или расстрела. В лице бывших якобинцев Шарля Дезмаре, в прошлом семинариста, а теперь ставшего начальником полиции, и Пьера Франсуа Реаля Фуше нашел помощников себе под стать: у обоих был просто прирожденный дар выколачивать показания, причем если первый ограничивался просто вопросами, то второй был менее разборчив в средствах. Сам Первый консул очень ценил их, особенно Реаля.

Жозеф Фуше, министр полиции, был исключительно опасным инструментом в руках Бонапарта. Как и Вольтер, он получил церковное образование. Внешность его была зловещей и неприятной, особенно поражали страшные глаза, обладавшие почти гипнотическим воздействием. Желтое и костлявое лицо, с которого не сходило бесстрастное выражение, роднило его со змеей. Убийца монарха, голосовавший за казнь Людовика XVI, бывший активный деятель террора, заработавший себе кличку «Лионский мясник», потому что приказал казнить шестьдесят роялистов, привязав их к дулам орудий, он предал жирондистов, якобинцев и Директорию, однажды он предаст и Бонапарта. Фуше внушал в равной степени страх и отвращение. «Чудовище, зачатое в котле революции, чьими родителями стали анархия и деспотизм» — так отзывался о нем Шатобриан.

«Фуше не мог жить без интриги, которая была ему нужна не меньше, чем хлеб насущный, — сказал о нем его хозяин. — Он строил козни во все времена, везде, всеми доступными ему способами и против всех.» Ценил Фуше как талантливого мастера своего дела, отлично скоординировавшего работу своего министерства с деятельностью еще с полдюжины полицейских ведомств, имевших разное подчинение, Наполеон в то же время не доверял ему и опасался его.

Рене Савари, помощнику, а затем и преемнику Фуше, было дано поручение присматривать за ним, насколько, конечно; это было возможным, учитывая всю сложность поставленной задачи. Савари был высоким кавалеристом с очень привлекательной внешностью, которому тогда еще не исполнилось и тридцати. Когда-то он служил у Наполеона адъютантом, затем в чине полковника был назначен командиром гвардейского подразделения конных жандармов — отборных солдат, выполнявших функции военной полиции и использовавшихся для особо опасных и ответственных заданий. По словам Бонапарта, Савари любил его «как родного отца». Безгранично преданный императору, энергичный и слегка простоватый, он регулярно составлял рапорты о деятельности Фуше, однажды обвинив его в связи с бретонскими повстанцами. В убийстве герцога Энгиенского ему как исполнителю принадлежала главная роль. К другим успешным операциям Савари можно отнести подделку австрийских банкнотов перед кампанией 1809 года и русских ассигнаций в 1812 году. Он также руководил установкой взрывного механизма, при помощи которого, планировалась физическая ликвидация Бурбонов в 1814 году.

Как якобинцы, так и роялисты решили, что у них нет иного выхода, кроме как убить

---

¹⁰² Якобинцы — партия крайних республиканцев.

Бонапарта. В октябре 1800 года группа якобинцев, вооруженная пистолетами и кинжалами, уже приблизилась к ложе Первого консула в опере, но их успели схватить. После непродолжительного следствия все они были гильотинированы. Фуше знал о готовящемся покушении с самого начала через своих тайных агентов.

В том же году, в канун Рождества, Первый консул проезжал вечером по улице Сен-Никез, направляясь в оперу, чтобы послушать ораторию Гайдна. Он задремал в карете и был разбужен страшным взрывом, раздавшимся всего лишь через полминуты после того, как экипаж миновал телегу с каким-то грузом. Этим грузом оказались бочки с порохом, куски металла и битое стекло. Взрывной волной многих прохожих и зевак швырнуло в воздух на несколько метров. 35 человек было убито и искалечено. Только счастливая случайность спасла Наполеона — его кучер подвыпил и гнал лошадей быстрее обычного. Вину за это покушение Наполеон возложил на якобинцев — «грязных и кровожадных».

Фуше прекрасно знал, что якобинцы здесь были ни при чем, но тем не менее их вождей арестовали. Казалось, само небо послало этот предлог для расправы с остатками несгибаемых сторонников революционного террора. Но предварительно нужно было уничтожить их «генеральный штаб». 129 человек были отправлены гнить в кайеннские болота и на Сейшельские острова. Среди них были генерал Россиньоль, бывший, санкюлот, и Рене Ватар, редактор журнала «Свободный человек», тоже бывший, а также многие другие сторонники этого крайне левого течения, которые при Дантоне и Робеспьере заседали в революционных комитетах или служили офицерами в армии. В те дни, когда этих людей отправляли на каторгу и в ссылку, Первому консулу уже было известно об их полной невинности в данном случае. Настоящими организаторами неудавшегося покушения были фанатичные роялисты, которых выследили и арестовали. Непосредственные участники этого предприятия пошли на эшафот. Кстати, методы тогдашних сыщиков были похожи на современные: уцелевшая подкова лошади, запряженной в повозку с пороховыми бочками, была опознана-кузнецом, от которого и потянулась ниточка к участникам заговора. Репрессии против якобинцев не прекратились, пока с ними не было покончено.

Одержимость властью становилась у Бонапарта с каждым днем все сильнее. «У меня нет честолюбия, — говорил он Редереру, — ну а если и есть, то оно настолько естественно для меня, являясь органической частью моего существа, что его можно сравнить с кровью, текущей в моих венах, с воздухом, которым я дышу». В другом случае он признался все тому же Редереру: «У меня есть лишь одна страсть, одна любовница — это Франция. Я люблю ее, и она никогда не предаст меня, щедро делясь со мной своей кровью и богатствами. Если я прошу у нее полмиллиона солдат, она дает их мне».

Конституция 1799 года вскоре показалась Наполеонуслишком либеральной. Республиканцы были бессильны остановить Первого консула, и с каждым днем он все больше приобретал повадки монарха. Опять появилось придворное платье, мужчины, еще совсем недавно надевавшие длинные брюки санкюлотов, стали носить штаны до колен и шляпы с перьями. Однако Наполеону хотелось иметь не только внешние признаки монарха, но и его абсолютные prerogatives. И вот в 1801 году законодательные палаты отказались принять закон против «анархистов», который наделил бы Наполеона полномочиями арестовывать любого человека без обоснования причины. Даже после проведения новых выборов, имевших целью сделать Трибунал, законодательный корпус и Сенат более сговорчивыми, последние отказались назначить его Первым консулом пожизненно, предложив лишь срок в 10 лет. Не имея на то никаких конституционных прав, режим устроил плебисцит. В бюллетени был вписан один вопрос: «Одобряете ли вы избрание Наполеона Бонапарта пожизненным консулом?» После проведения хорошо отрежиссированного спектакля с голосованием и окружения Люксембургского дворца кольцом гренадеров Сенат уступил. Более того, в придачу Наполеону наделили правом назначать остальных двух консулов и своегопреемника, а также правом приостанавливать действие конституции и пересматривать приговоры судов. Теперь он обладал абсолютной властью, как гражданской, так и военной, и был выше закона.

В феврале 1804 года был раскрыт еще один заговор с целью убить «тирана». Уже одни имена организаторов заговора свидетельствовали о чрезвычайной опасности, угрожавшей Наполеону: генерал Моро — победитель при Гогенлиндене, генерал Пишегрю, преподававший Бонапарту математику в Бриенне (после переворота фрюктидора в 1797 году он был выслан из страны), и Жорж Кадудаль — герой Вандеи, самый непреклонный и безжалостный из всех врагов Первого консула. Моро и Пишегрю были вскоре пойманы, но Кадудаль выследить полиции никак не удавалось, хотя стало доподлинно известно, что он находится в Париже. Встревоженный Фуше предупредил Бонапарта: «В воздухе полно кинжалов». Однако полиция все-таки нашла след Кадудаль, и 9 марта этот огромный силач с пудовыми кулаками был арестован на улице. При этом он убил и изувечил несколько агентов Фуше. Моро получил два года тюрьмы и затем после высылки проживал в Америке. Слава его побед еще не настолько успела изгладиться из памяти французов, чтобы его можно было подвергнуть более суровому наказанию. Пишегрю нашли мертвым в его камере. По официальной версии, он повесился на собственном галстуке, однако многие полагали, что он был умерщвлен по приказу Наполеона. Кадудаль гильотинировали. Было бы несправедливо не упомянуть и об акте милосердия, проявленном к заговорщикам. Среди многих других был и Жюль Арман де Полиньяк. По приказу Наполеона смертную казнь заменили пожизненным заключением.

С момента разоблачения заговора и ареста Моро и Пишегрю Наполеон был в состоянии постоянного бешенства. «Я что, собака, чтобы меня убивать на улице?» — выкрикнул он однажды. Будучи корсиканцем, привыкшим к вендетте, он решил воздать Бурбонам по заслугам за это покушение. Талейран и Фуше всячески поддерживали его в этом намерении. Как-то вспомнили про герцога Энгиенского, который жил недалеко от границы в Бадене. Самый способный из всех членов эмигрировавшей королевской семьи, он неплохо командовал во время революционных войн корпусом, составленным из дворян-эмигрантов, но к заговору и попытке покушения не имел решительно никакой причастности. Наполеону, однако, было все равно. В ночь с 14 на 15 марта 1804 года отряд французской конной жандармерии вторгся на территорию Бадена, окружил дом герцога в городе Эттингейме, арестовал его и увез во Францию. 20 марта герцог был доставлен в Париж и заключен в Венсеннский замок. Здесь неделю спустя, в полночь, состоялось заседание военного суда, на котором председательствовал генерал Мюрат. Герцог, не имевший даже адвоката, был приговорен к смерти. От исповеди он отказался, и в половине третьего ночи, сразу же после вынесения приговора, его вывели в ров, где уже была вырыта могила, и расстреляли. По сути дела, приговор был предreshен еще до похищения герцога: это было убийство, причем незаконное. Лаже Мюрат, губернатор Парижа и шурина Первого консула, человек, которого никак нельзя было упрекнуть в нерешительности или мягкосердечии, не сразу согласился подписать приговор, и его пришлось уламывать. Вскоре после этого он получил в подарок 100 000 франков из специального фонда. Слова, сказанные по этому поводу (обычно их приписывают Фуше или Талейрану) стали знаменитым каламбуром: «Это было хуже, чем преступление, это была ошибка».

Бонапарт действительно верил в то, что герцог участвовал в заговоре против него, и это несколько смягчает его вину. Позднее он попытался как-то оправдаться: «Совсем сторон мне угрожали враги, нанятые Бурбонами. Против меня использовали воздушные ружья, адские машины и всякие другие устройства. Какому суду я должен был подать прошение, чтобы защитить себя? Поэтому мне пришлось защищаться самому. Приговаривая к смерти одного из тех людей, чьи последователи угрожали моей жизни, я хотел вселить в них страх и думаю, что имел на это полное право». Он добавил: «Я — это Французская революция. Я говорю так и буду делать все, чтобы так было и впредь». Своим ударом по Бурбонам он достиг большего: он дал ясно понять, что ни при каких обстоятельствах не пойдет на

восстановление дореволюционной монархии.

Десмонд Сьюара. Наполеон и Гитлер. — Смоленск: Русич, 1995.

МАРТ 1801-го

Петербург тех дней похож на город, захваченный неприятелем (согласно одному из свидетелей — «вовсе не веселый город»). Погода, по общему суждению, «ужасная», да еще объявлен с 1 марта десятидневный траур по случаю кончины герцогини Брауншвейгской. Каждый мартовский номер «Санкт-Петербургских ведомостей» содержит 35–50 фамилий отъезжающих за границу, и выходит (учитывая правило трехкратного упоминания в газете о каждом отъезде), что 12–15 семей, иностранных и русских, желают каждый день покинуть столицу. Это для тех лет очень много, тем более что летний сезон — обычное время путешествий — еще далек.

11 марта. Понедельник шестой недели великого поста. День российского переворота, столь не похожего на революцию во Франции; и тем знаменательнее, сколь часто в этот день на Неве возникают образы 1789-го, 1793-го и других знаменитых лет.

В этот день царь Павел I встает между четырьмя и пятью часами утра, с пяти до девяти работает.

Утренние доклады сановников, в том числе лидера заговора петербургского генерал-губернатора Петра Палена. Несколько дней назад Павел, обнаружив на столе у наследника, Александра, вольтеровские страницы о смерти Цезаря, решил, что это — намек, угроза, и в отместку раскрыл перед великим князем петровский указ о приговоре непокорному сыну, царевичу Алексею.

Полковник Саблуков видит и слышит, как отвечает Пален на вопросы царя о мерах безопасности: «Ничего больше не требуется. Разве только, Ваше Величество, удалите вот этих якобинцев» (при этом он указал на дверь, за которой стоял караул от конной гвардии).

«Вы якобинец, — вечером повторит Павел Саблукову. — Вы все якобинцы». Великий князь Константин, шеф конногвардейского «якобинского полка», явно под сильным подозрением: высочайший гнев умело направляется «не туда».

«Якобинцы-заговорщики», обвиняющие «якобинца-царя»: вот каковы были термины приближающейся дворцовой революции!

Наступает вечер. Заговорщики готовы. На их последнем совещании подвыпившие офицеры говорят о тирании, о подвиге Брута, цитируют древних авторов, подобно тому как это непрерывно делали французы, начиная с 1789 года...

В ночь на 12 марта 1801 года чаще восклицают, что нужен лишь хороший царь, а не конституция, и все же одно из крайних мнений было высказано столь громко, что не было забыто.

«Говорят, — пишет Саблуков, — что за этим ужином лейб-гвардии Измайловского полка полковник Бибииков, прекрасный офицер, находившийся в родстве со всею знатью, будто бы высказал во всеуслышание мнение, что, нет смысла стараться избавиться от одного Павла; что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу».

Саблуков верно понимает значение этого эпизода: как элемент переворота 11 марта он ничтожен; подобные мысли были совершенно чужды большинству заговорщиков. Однако уже само произнесение подобных слов (невозможных во время прежних государственных переворотов) — это симптом нового вольнодумства, эхо 1789-го! Пусть слова сказаны под влиянием вина, возможно, за ними нет подлинного глубокого убеждения, и все же сказано громко, сообщено другим, запомнилось...

Петербургская полночь. Безмолвно движутся две колонны офицеров и несколько гвардейских батальонов.

О той ночи несколько десятилетий очевидцы и современники рассказывали разные подробности — правдивые, вымышленные, анекдотические, жуткие.

Идти недолго, и мы будто слышим ночное движение офицерских и солдатских колонн: иллюзия народного, «парижского» шороха, как перед штурмом королевского дворца 10 августа 1792 года. Но только иллюзия...

Разные мемуаристы позже припоминают тихие солдатские разговоры в строю: «Куда идем?»

«Господа офицеры разными остротами и прибаутками возбуждали солдат против императора».

«Я слышал от одного офицера, что настроение его людей не было самое удовлетворительное. Они шли безмолвно; он говорил им много и долго; никто не отвечал. Это мрачное молчание начало его беспокоить. Он наконец спросил: „Слышите?“ Старый гренадер сухо ответил: „Слышу“, но никто другой не подал знака одобрения».

В том ночном строю офицеры осторожно намекают солдатам на близящееся «освобождение от тирана», говорят о надеждах на наследника, о том, что «тяготы и строгости службы скоро прекратятся», что все пойдет иначе. Солдаты, однако, явно не в восторге, молчат, слушают угрюмо, «в рядах послышался сдержанный ропот». Тогда генерал-лейтенант Талызин прекращает толки и решительно командует: «Полуоборот направо. Марш!» — после чего войска повиновались его голосу.

Момент острейший. Позже, при других социально-политических обстоятельствах, у русских революционеров-декабристов зайдет разговор: чем привлечь солдат и надо ли среди них вести агитацию?

С народом на штурм — как во Франции? Или для народа, — но без него самого?

Среди декабристов были разные мнения: все сходились на том, что привлечение рядовых необходимо, но расходились в средствах. Сергей Муравьев-Апостол откровенно беседовал с солдатами, особенно с старыми семеновцами. Пестель же склонялся к иной тактике, возражая против слишком раннего посвящения солдат: основная его идея — что в нужный час офицеры прикажут рядовым, куда и на кого идти, и они пойдут. Так вернее.

В ночь на 12 марта 1801 года лидеры заговора решительно используют слепое солдатское повиновение, механическое подчинение; «Кто палку взял да раньше встал, тот и капрал».

Обычное орудие приказа и принуждения перехвачено заговорщиками; сейчас оно не в руках Павла...

В половине первого ночи несколько десятков офицеров-заговорщиков — во дворце. Несколько цепей охраны не реагируют — явно сочувствуют конспираторам. У самых дверей царской спальни сопротивление немногих часовых легко пресечено. Дверь взломана — Павел проснулся, у него требуют формального отречения — он отказывается, отталкивает генерала Зубова, тот бьет царя золотой табакеркой.

Затем генералы устраниются и выходят из спальни, предоставляя заканчивать дело офицерам.

Знали ль генералы, что именно так дело пойдет?

Втайне они этого, конечно, ждали («не изжарить яичницу, не разбив яиц»). Позже Пален будто бы произнесет: «Дело сделано, но уж слишком».

20-летний штабс-капитан Скарятин во время заминки закричал: «Завтра мы будем все на эшафоте!»

Другие не помнят — кто первый, кто последний: на Павла кинулись полковник Яшвиль, майор Татаринов, Горланов, Скарятин...

Подробности страшны, иногда почти не передаваемы на бумаге. Пушкин писал о народной стихии — «бунте бессмысленном и беспощадном», но в эти минуты

бессмысленность и беспощадность сопровождают бунт дворянский.

Кажется, ближе всего к истине запись, сделанная за генералом Беннигсеном; смысл ее — что и самим убийцам мудрено было бы понять, кто же нанес последний удар: «Многие заговорщики, сзади толкая друг друга, навалились на эту отвратительную группу, и таким образом император был удушен и задавлен, а многие из стоявших сзади очевидцев не знали в точности, что происходит» Пушкин определенно утверждает: «Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I-го».

На завершение переворота понадобится еще несколько часов. Здесь уже нет тайны. Здесь все почти на виду.

Около часу ночи наследник Александр все знает.

«Я обожал великого князя, — вспомнит караульный офицер Полторацкий, — я был счастлив его воцарением, я был молод, возбужден и, ни с кем не посоветовавшись, побежал в его апартаменты. Он сидел в кресле, без мундира, но в штанах, жилете и с синей лентой, поверх жилета...

Увидя меня, он поднялся, очень бледный; я отдал честь, первый назвав его „Ваше императорское величество“.

„Что ты, что ты, Полторацкий!“ — сказал он прерывистым голосом.

Железная рука оттолкнула меня, и Пален с генералом Беннигсеном приблизились. Первый очень тихо сказал несколько слов императору, который воскликнул с горестным волнением: „Как вы посмели! Я этого никогда не желал и не приказывал!“, и он повалился на пол.

Его уговорили подняться, и Пален, встав на колени, сказал: „Ваше величество, теперь не время... 42 миллиона человек зависят от вашей твердости“. Пален повернулся и сказал мне: „Господин офицер, извольте идти в ваш караул. Император сейчас выйдет“. Действительно, по прошествии 10 минут император показался перед нами, сказав: „Батюшка скончался апоплексическим ударом, все при мне будет, как при бабушке“.

Крики „ура“ раздались со всех сторон...»

По Беннигсену, все было грубо и просто: «Император Александр предавался в своих покоях отчаянию, довольно натуральному, но неуместному. Пален, встревоженный образом действия гвардии, приходит за ним, грубо хватая за руку и говорит: „Будет ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардии“. Звучат слова о спасении отечества, матери, жены, братьев, сестер Александра; о „виновных“ пьяных офицерах-цареубийцах и невинности Палена и Беннигсена, „не желавших“ цареубийства, но „не имевших сил“ остановить стихию; наконец, новому царю дается совет — как действовать, что говорить.

„Все будет, как при бабушке..“»

Меж тем «ура!» новому императору, которое слышит Полторацкий, еще не всеобщее — это Семеновский полк. Сейчас главная проблема — как отнесутся другие солдаты. Пален отлично понимает ситуацию и объясняет новому императору, что только он один и может их успокоить.

Солдаты же с большой тревогой прислушиваются к дворцовым шумам.

Отрывочные и систематические рассказы о той ночи сохранили богатый спектр солдатских настроений и высказываний — от бурной радости до готовности переколоть убийц Павла I.

В конце концов подчинились.

Наступило утро 12 марта 1801 года. Дворцовая революция заканчивается.

Один или двое раненых караульных. Один убитый.

Радость, «всеобщая радость»... К вечеру 12 марта в петербургских лавках уж не осталось ни одной бутылки шампанского. Раздаются восклицания, что миновали «мрачные ужасы зимы». Весна, настоящая встреча XIX века! Поэт-министр Державин восклицает:

Век новый!

Царь молодой, прекрасный...

За сутки вернулись запрещенные Павлом круглые шляпы. Некий гусарский офицер на

коне гарцует прямо по тротуару — «теперь вольность!».

Большая же часть страны неграмотна, и она-то в лучшем случае равнодушна или жалеет о покойном императоре, которого так боялись дворяне.

На календаре XIX век. На русском престоле Александр, сын Павла и внук Екатерины. Во время его коронации французская шпионка госпожа Бонейль позволяет себе замечание, приведшее к ее немедленной высылке из столицы: она сказала, что Александр провожает гроб Павла, окруженный убийцами своего отца и деда (Петра III), а также, вероятно, «теми кто и его убьет». Француженка не угадала в прямом смысле, и тем не менее предсказала многое...

Наполеон был взбешен, узнав, что столь ценный союзник по борьбе с Англией, по индийскому плану выбыл из игры. В последующие годы он не раз намекнет чувствительному Александру I на то, что отец был убит «с согласия сына»; в такой полемике, разумеется, не играли роль тонкости, вроде того, что Александр на самом деле мечтал лишь о свержении отца (Герцен позже съязвит: «Александр велел убить своего отца, но не до смерти»). Когда три года спустя Наполеон велел схватить и расстрелять родственника Бурбонов герцога Энгийенского, то в ответ на протесты русского правительства он, как известно, намекнул, что не имел бы возражений, если б русский царь так же расправился с убийцами своего отца (болезненность укола усугублялась тем, что многие участники дворцового заговора постоянно жили во дворце и находились в большой милости у Александра). Еще девять лет спустя взятый в плен французский генерал Вандамм в ответ на упреки Александра в плохом обращении с русскими пленными ответил, что он по крайней мере не отцеубийца. Александр схватился за шпагу, но дал себя удержать...

Эйдельман Н. Мгновение славы настает. — Д.: Лениздат, 1989.

КАРБОНАРИИ

Происхождение карбонариев,¹⁰³ или ордена угольщиков еще не установлено. Первые следы заговора в духе карбонариев мы встречаем в 1807 году. Движение было направлено против французского владычества. Существует очень распространенное мнение, что карбонарии произошли от последователей ордена *des fendeurs* (дровосеков),¹⁰⁴ основанного в 1747 году во Франции и встречающегося еще в 1809 году, но мнение это, хотя и вполне вероятное, не подтверждено достоверными данными.

Внешним поводом к названию карбонариев могло служить то обстоятельство, что недовольные республиканские элементы и подвергавшиеся политическому преследованию спасались от своих врагов в ущельях и лесах Аппенин и там вели жизнь на манер угольщиков. Достаточно сказать, что карбонарии составляли политический тайный союз, который был обязан своим уставом и ритуалом, сильно напоминавшим церковные идеи и обряды, главным образом тому, что он насчитывал среди своих членов множество лиц, принадлежавших к высшему и низшему духовенству.

То терпимый и даже поощряемый правительством, которое видело в нем поддержку

---

¹⁰³ Цеховые легенды то приурочивают происхождение союза к царствованию короля Филиппа Македонского, то связывают его с похищением саксонского принца (1455 г.), в котором, как известно, угольщики сыграли большую роль. По другой версии, союз этот был основан англичанами, которые в царствование королевы Елизаветы спасались бегством в Шотландию и там поддерживали свое существование угольным промыслом. По следующей легенде, родиной союза следует считать Францию. Король Франциск I (умер 1547 г.), заблудившись однажды в лесу, встретил радушный прием у угольщиков, вследствие чего он сделался покровителем их промысла. Карбонарии чтили в качестве своего патрона св. Теобальда: происходя из знатной фамилии, он жил отшельником в огромном лесу и жег там угольные кучи.

¹⁰⁴ Некоторые обычаи карбонариев соответствовали ритуалу «дровосеков» и франкмасонским обрядам. При основании союза могли участвовать и прежние франкмасоны.

себе, то гонимый и преследуемый в качестве опасного для государства, союз угольщиков действовал с лихорадочной энергией заговорщиков южных 3 стран и, несмотря на всю изменчивость жизненных обстоятельств, достиг высшего расцвета. Самых пламенных последователей и неутомимых пропагандистов он находил в среде недовольного духовенства и многочисленных офицеров, получивших отставку после падения Наполеона. Избрав себе девизом: «Очищение леса от волков», он распространился в несколько лет по всей Италии. В эпоху его высшего расцвета — в двадцатых годах — он уже насчитывал в своих рядах около 700 тысяч человек. Число это, без сомнения, преувеличено, но все же оно дает понятие о том, какую популярность пользовался этот союз.

Карбонарии проповедовали борьбу с тиранами Италии то есть с Францией и Австрией, поддерживали мелких князьков и деспотов, этот вечный «источник слез» для истерзанной страны и помогали им даже против великих держав. Иногда же карбонарии энергично выступали на защиту единства своей несчастной родины и тогда становились на сторону либеральной партии, преследовавшей эту цель.

Первоначальный устав союза не остался без изменений. Очень скоро была осознана невозможность управлять так сильно разросшимся и притом таким разнородным обществом, состоявшим из совершенно противоположных элементов. Поэтому руководители составили план преобразования союза и потихоньку привели его в исполнение. При этом обстоятельстве было исключено из числа союзников множество неприятных и недостойных союза членов. Последние сейчас же примкнули к возникшему в Палермо тайному обществу *Calderari*,¹⁰⁵ (котельщики), которое хотя и преследовало ту же цель, что и угольщики, то есть освобождение Италии, но скоро оказалось в резком противоречии с ними. Впоследствии они перенесли свою деятельность во Францию и Испанию. Они проникли даже в Германию под названием «Союза мертвых». И, несмотря на все суровые гонения, которым карбонарии подвергались в Италии, союз их процветал, хотя и тайно, в продолжение целых десятилетий, и из него вышло впоследствии немало последователей радикального союза «Молодая Италия».¹⁰⁶

В пятом десятилетии прошлого столетия карбонарии понемногу прекратили свою деятельность и совершенно сошли со сцены. Эти итальянцы также, как и поляки, умели только составлять заговоры в пользу своей родины, умели страдать и бороться, но они были совершенно неспособны к трезвой и продолжительной работе для ее блага.

Место, где собирались карбонарии, называлось *bagassa* (хижина), внутренность ее носила название *vendita* (угольный-склад), а окружающая ее местность должна была обозначать лес. Все такие хижины, находившиеся в одной и той же провинции, вместе составляли «республику», которая управлялась *alta vendita* (большой хижинной). Центрального же управления в союзе, по-видимому, не существовало.

Члены одной и той же хижины называли друг друга *boni sugini* (добрые родственники),

---

¹⁰⁵ По всей вероятности, союз этот был создан князем Каноса (умер в 1838 г.), который, будучи приверженцем изгнанных из Неаполя Бурбонов, соединил в один союз всех заключенных в южно-итальянских тюрьмах и баньо, надеясь с их помощью затруднить положение французского правительства, а по возможности и свергнуть его. Получив по возвращении Фердинанда I в 1816 году должность министра полиции, Каноса обратил этот союз главным образом в орудие борьбы против карбонариев, хотя желаемая цепь и не была им достигнута. После революции 1820 года уже нет никаких сведений об его протее.

¹⁰⁶ Молодая Италия — тайное общество, основанное в 1831 году Мадзини, добивалось независимости и единства Италии путем революции. Уже через два года после своего основания оно распространилось по всему полуострову. Но австрийская полиция через шпионов, которых она содержала в рядах союза, узнала о его стремлениях и принудило сардинское правительство принять меры против союза; множество членов союза было засажено в тюрьмы и предано суду. В феврале 1834 года «Молодая Италия» задумала совершить набег в Савойю и затем провозгласить Италию свободной и единой под знаменем республики. Но это безумно смелое предприятие, как мы это видели уже, не удалось. Вслед за тем союз потерял всю свою популярность. Лучшие патриоты покинули Мадзини и его отважных товарищей и посвятили все свои силы национальному союзу.

тогда как все не принадлежавшие к ним носили название *pagani* (язычники).

Хижина представляла из себя продолговатую, грубо отделанную комнату, пол которой был вымошен кирпичом. Направо и налево от входной двери стояло два деревянных чурбана; в противоположной, более узкой части хижины таких чурбанов было три. Там сиделс двое надзирателей, а здесь — председательствующий, оратор и секретарь. Распорядитель и надзиратели, в знак своею должности, держали в руках топоры.

На чурбане мастера, прикрытом полотняным платком, стояло между двух горящих свечей распятие, а подле него — маленькие сосуды, наполненные тлеющими углями, водой, солью, землей, листьями; тут же была одна сухая и одна зеленая ветка, венки из шиповника, лестница, пучок крученых ниток и лента трех цветов: голубого, красного и черного.¹⁰⁷

На стене, как раз над головою мастера, висела картина, изображавшая святого Теобальда. Кроме того, комнату украшали 5 светящихся треугольников, на которых можно было разглядеть начальные буквы лозунга второй степени, герб *Vendita* и — священные инициалы первой степени. Были еще и другие символические картины: лес, горящий костер, дерево, перевернутое верхушкой вниз и простиравшее свои ветви к небу, топор, лопата, заступ, жердь и т. д.

Члены, достигшие высшей степени — мастера, сидели с покрытыми головами на высоких сидениях подле главного распорядителя, вдоль правой стены напротив них; у левой стены помещались на низких сиденьях и с обнаженными головами ученики. Все члены носили вокруг талии веревку.

Прием каждого нового члена обуславливался рекомендацией по крайней мере, трех «добрых родственников». Сопровождаемый мастером и провожатым, завернутый в мешок, кандидат переходил из «камеры размышлений» в круг перед дверью хижины. Здесь мастер, трижды топнув ногою, громко провозглашал: «Мастер, добрые, родственники, мне нужна помощь». Тотчас же голос из хижины отвечал: «Я слышал призыв доброго родственника: ему нужна помощь. Не принесет ли он дерева, чтобы подбросить его в костер?».

Тогда, по представлению председательствующего, провожатый получает позволение войти внутрь и после разговора, происходящего между ними обоими, кандидат вводится в помещение членов союза. Получив разъяснение относительно обязанностей карбонария, — он пил из «чаши забвения». После этого его проводили через лес — округность хижины — сквозь воду и огонь (!), после чего, приняв установленную присягу, кандидат считался окончательно вошедшим в союз. И только тогда его освобождали от мешка.

Вслед за принятием нового члена происходило объяснение символических вещей, находившихся на чурбане председателя и в других местах хижины. При этом не обходилось без намеков на лица и предметы христианской религии, особенно указывали на Спасителя мира, «Доброго брата всех людей», и делалось это, по-видимому, для того, чтобы придать более возвышенное, мистическое освещение всей этой довольно прозаической церемонии.

Но лишь тогда, когда кандидат получал высшую степень, ему открывали истинное значение тайн союза. А для того, чтобы достигнуть этого, он должен был в продолжение нескольких лет оставаться учеником и доказать свою благонадежность.

Во второй степени, степени мастера, главную роль играли страдания Христа. Кандидата, скованного по рукам, водили от одного из главных членов *Vendita* к другому. Это должно было служить подражанием странствию Христа от верховного судьи к Пилату, которого изображал председательствующий, облаченный в красную мантию, тогда как надзиратели играли роли Каиафы, Ирода и других присутствовавших из народа.

В конце концов, новичка вводили в «масличную рошу» и там клали на него крест; после вторичной присяги он получал помилование. Таким образом, посвящение носило суровый характер, рассчитанный на то, чтобы поразить и утратить неопита. Соответственно этому и символические изображения объяснялись теперь совершенно иначе

---

¹⁰⁷ Они должны были символизировать три главные добродетели карбонариев: веру, надежду и любовь.

в связи с рассказами о страданиях «добротного брата Иисуса». Но истинная тайна союза оставалась закрытой для членов, достигших второй степени. Только в классе «великих избранников» карбонарий получал полное понимание истинных целей союза.

Возведение в третью степень совершалось только над теми членами второй степени, которые дали несомненные доказательства своей мудрости, мужества, усердия безусловной преданности воле старших членов союза. Кроме этого, карбонарии, домогавшиеся попасть в «пещеру приемов», должны были, согласно их кодексу, «быть верными друзьями народной свободы и быть готовыми к борьбе с тираническим правительством, ненавистными, властителями старой прекрасной Авзонии».

Принятие в круг избранных решалось членами союза при помощи шаров. Три черных шара закрывали ищущему вход. Всякий претендент должен был иметь «33 года и три месяца, как Иисус, когда он умер».

В остальном церемония вступления совершалась без всякой связи с религиозными представлениями. Торжество происходило в каком-нибудь отдаленном месте, которое было известно только «посвященным». Пещера приема имела вид треугольника. Великий мастер избранных восседал на тронобразном возвышении. Два сторожа, получившие название «огней», благодаря особенному виду своих мечей, караулили у входа. Помощники великого мастера назывались солнцем и месяцем. Пещера освещалась тремя лампами, привешенными в углах треугольника и напоминавшими по виду солнце, месяц и звезды.

В этой обстановке кандидату открывали, что цель союза — политическая, что он добивается низвержения всех угнетателей Италии, и что время народного освобождения уже приблизилось. И тут же кандидату объясняли, как он должен действовать в случае столкновения с открытой силой. Театральная церемония завершалась тем, что все присутствующие становились на колени, направляли друг другу в грудь свои кинжалы и произносили священный обет «посвятить всю свою жизнь великому делу свободы, равенства и культурного развития составляющему душу всех тайных и явных действий карбонаризма». В том случае, если бы они нарушили присягу, они соглашались быть распятыми на кресте «добротными родственниками», которые должны были выдрать у них из тела сердце и внутренности.

Рядом с карбонариями в Италии находятся еще многие другие тайные союзы, преследующие подобные же цели. Большинство из них существовало лишь короткое время или же не успело ничем ознаменовать свою деятельность.

К таким относится между прочим союз «Патриотических реформаторов». Он был основан в 1820 году в Мессине и имел несколько отделений во Флоренции, Милане, Турине и других местах, которые сносились одно с другим посредством шифра.

Одно время возбуждал опасения союз «Итальянских литераторов», возникший в 1823 году в Палермо. Невинное с виду название прикрывало весьма широко задуманные планы — освобождение народа от гнета церкви. Уполномоченные союза набирали последователей по всем главным городам страны и соединяли их в одну ложу, которой они управляли под названием «центурионов». Но ни в одной ложе не должно было быть больше десяти «сыновей Варравы». Посвященные узнавали друг друга по кольцу странного вида и по известным буквам I.N.R.I., которые они употребляли в своей переписке. Большая часть последователей союза окончила свою деятельность в тюрьме.

В начале XIX столетия мы встречаем в южной Италии тайные общества «Европейских патриотов» или «Белых пилигримов», «Филадельфийцев», действовавших в интересах Франции и, наконец, союз Decisi (решившихся).¹⁰⁸

---

¹⁰⁸ Их символом была молния, стремительно падающая с неба и разбивающая вдребезги тиару и короны, пучок руты с топором и фригийская шапочка между двух топоров на мертвых головах. Их излюбленное изречение гласило: «Смерть, ужас и печаль»; их цветами были желтый, красный и голубой. Отличительными знаками служили черный шарф и длинный меч, на клинке которого виднелись буквы V. D. (VeroDeciso). Каждый член получал членский диплом, написанный кровью.

Эти последние составляли вооруженную организацию, члены которой собирались обыкновенно в ночное время в уединенно стоящих домах, в заброшенных монастырях, в ущельях и пещерах и там упражнялись в искусстве владеть оружием, под предводительством своего главного мастера Чиро Анничиаро (Ciro Annichiaro), хитрого и до дерзости смелого священника, приговоренного за убийство к галерам — Decisi, представлявшие из себя первоначально республиканский союз, образовали дерзкую шайку разбойников, которая в продолжение многих лет наводила страх и ужас на всю южную Италию, пока наконец военная экспедиция не положила конец этому безобразию, и 230 членов шайки вместе со своим главным вождем кончили жизнь на эшафоте.

Существовали в то время и другие тайные союзы: например, «Призраки в могиле» — союз этот, появившись в 1822 году в Неаполе, поставил своей целью изгнание Бурбонов, — «Новая реформа», союз, который «передал свои тайны только бывшим карбонариям или европейским патриотам».

В тесной связи с карбонариями был также союз, носивший название Apostolat Dantes, основанный в 1855 году и старавшийся распространить национальные идеи, особенно в средней Италии и в Папской области. Во главе этого союза стоял известный патриот Тамбурини, поплатившийся за свою дерзость десятилетним заключением в тюрьме. С тех пор никто уже больше не слышал об его замыслах.

В двадцатых годах в средней и верхней Италии сыграли известную роль «Гвельфы». Они стремились использовать всеобщее возбуждение страны против своих деспотов, превратив его в восстание, и выбирали себе предводителей преимущественно из членов высших степеней карбонаризма. Несомненно, что из него же они и ведут свое происхождение. Их логи, носившие название «собраний совета», состояли всего из 6 членов, которые притом не знали друг друга и сообщались лишь при посредстве «видимого». Собрания Советов регулировались центральным управлением, верховным советом, заседавшим в Болонье.

Шустер Г. Тайные общества, союзы и ордена: В 2 т. — М., 1905–1907.

ВЫСТРЕЛ В ТЕАТРЕ ФОРДА

В апреле 1865 года армия южан капитулировала и гражданская война в США закончилась. Но президенту этой страны Аврааму Линкольну недолго было суждено радоваться этому. 14 апреля 1865 г. Линкольн отправился на вечерний спектакль в театр Форда.

На спектакль был также приглашен главнокомандующий войсками северян Улисс Грант, но по семейным обстоятельствам Грант не смог приехать в театр. Это облегчило задачу Джону Уилксу Буту, безработному актеру, готовившему покушение на президента. Если бы в театре был генерал, то его военная свита, безусловно, явилась бы серьезным препятствием для злоумышленника. А так президентскую ложу охранял лишь один человек — полицейский Джон Паркер, да и тот в роковой момент, когда в ложу проник убийца, отсутствовал на месте: он отправился в буфет, чтобы выпить пару рюмок в компании лакея и кучера президента.

И вот в одиннадцатом часу вечера 14 апреля на представлении комедии в театре Форда, когда зрители хохотали над шутивным монологом комика Гарри Хоука, в зале грянул пушечный выстрел. Бут, проникший в ложу Линкольна, выстрелил в президента в упор, затем прыгнул через барьер президентской ложи и задел шпорой (он был в сапогах) звездно-полосатое знамя, обрамлявшее ее портал. Раздался сухой треск рвущейся ткани. Бут неловко упал на сцену, но тут же вскочил на ноги и, размахивая кинжалом, закричал: «Смерть тиранам!».

В зрительном зале не все поняли, что это означает — некоторые думали, что это часть спектакля. Несколько офицеров рванулись на сцену, и тут по театру пронесся крик: «В президента стреляли!».

При падении Бут сломал ногу. Но это не помешало ему проложить себе дорогу за кулисы.

Он знал театр Форда, как свои пять пальцев, и быстро пробрался к запасному выходу, где его ждала лошадь. Шпора, прорвавшая знамя, впилась в бок лошади. Военные караулы, охранявшие выезды из столицы, еще не знали о случившемся, и Бут беспрепятственно покинул столицу.

Разумеется, Буту помогали другие люди: в одиночку осуществить такое покушение и скрыться — почти невозможно.

Десять дней спустя Бут был настигнут в северной части штата Виргиния. Он скрывался на ферме своего сообщника Гаррета. Когда солдаты окружили сарай, где прятался актер, он отказался сдаться. Тогда сарай подожгли, и в возникшей суматохе неожиданным выстрелом Бут был смертельно ранен. Солдаты, взломав дверь, вынесли Бута, который еще некоторое время был в сознании. Потом он умер, и тело его на военном корабле доставили в Вашингтон. Такова официальная версия гибели Бута. Однако свидетельства очевидцев о его смерти и похоронах достаточно противоречивы, и это породило версии о том, что вместо актера был убит другой человек.

За участие в подготовке убийства Линкольна были казнены 5 человек.

Лаврин А. П. 1001 смерть. — М.: Ретекс, 1991.

БРАТСТВО ФЕНИЕВ¹⁰⁹

Инициаторами опасного братства были полковник Джон О'Махони и Майкл Лохени, один из самых талантливых и опасных революционеров Ирландии. Избежав преследования английских сыщиков и спасшись бегством в Америку, он в пятидесятых годах XIX в. возобновил борьбу с ненавистным Альбионом. С этой целью он принял участие в учреждении братства, которое сохраняло свои собрания и свою деятельность в строгой тайне. Фенианство быстро распространилось по всем штатам США, по Канаде и всем остальным британским владениям в Америке. Оно проникло также на Зеленый остров¹¹⁰ и завоевало себе здесь вскоре сильные симпатии.

На крупных национальных конвентах, которые происходили в 1863 и 1864 годах в Чикаго и Цинциннати по инициативе фенианской организации, и на которые явилось около 250 тысяч фениев, главной задачей братского союза было объявлено отторжение Канады и Ирландии от Англии и основание одной, охватывающей обе эти страны, Ирландской республики. Для приготовления войны с Англией усердно собирались денежные средства, которые в короткий промежуток времени составили несколько миллионов долларов.

Таинственные пароли, мистические эмблемы и ужасные клятвы связывали братьев друг с другом и с великим союзом,¹¹¹ цвета которого — зеленый и золотой — и законы которого

---

¹⁰⁹ Свое прозвище, изобретение О'Махони, фении производили от Фионна, сказочного героя, который тождествен Фиргапу Макферсена. Рассказывают, что Фионн командовал в Пейнстере, одной и четырех провинций старой Ирландии, приморской стражей, при содействии которой он защищал страну от вторжения неприятельских войск.

¹¹⁰ Зеленый остров — Ирландия.

¹¹¹ Наряду с фенианским братством существует также союз сестер, отличающийся в особенности

грозят за всякое предательство самыми тяжелыми карами. — Братство управляется гражданскими и военными должностными лицами, по поручению которых тайные агенты посредничают в смысле сношений между отдельными центрами союза.

В Америке и в Ирландии были прежде всего устроены склады оружия. Заговорщики собирались ночью, чтобы упражняться в военном искусстве для великой освободительной борьбы. Самые возбуждающие прокламации и газеты, тайно распространяемые среди братства, непрестанно проповедывали борьбу и месть, и пламенные воинственные песни доводили воодушевление до температуры кипения.

Однако, несмотря на все наказания и клятвы, по следам фенианской конспирации тихими шагами кралось предательство. Голодные авантюристы типа О'Махони, получавшего в качестве предводителя значительное содержание, и Стефенса, стоявшего во главе фенианства в Ирландии, завязали сношения с английским правительством и за хорошее вознаграждение снабжали его всеми необходимыми ему сведениями. На основании полученного таким путем материала, Англия в 1867 году стала принимать в Ирландии и Канаде решительные меры против фениев и арестовала главарей, из которых многие были за государственную измену подвергнуты смертной казни.

Тем не менее, союз втайне продолжал возбуждать умы, притом, как, может быть, не без основания утверждают, в союзе с интернациональным радикализмом. Для восстаний в стиле прошедших времен, правда, не было надлежащей почвы. Но тем ужаснее и опаснее процветали заговор и тайные сообщества. Аграрные насилия всякого рода происходили повседневно. Отделение от Англии и туземное управление (Home rule) были и остались военным кличем ирландского движения, как ни старалось английское правительство целым рядом решительных реформ, в особенности ирландским церковным биллем от 1869 года и ирландским палатным биллем от 1870 года, положить конец недовольству на Зеленом острове.

В 1880 году радикальные элементы фенианства в Ирландии соединились в «аграрную лигу», которая по временам забирала в свои руки настоящую власть, действуя с помощью террора. Ее приверженцы, прозванные «людьми лунного света», охотно посещали в ночное время и убивали тех оброчников, которые, несмотря на запрет союза, уплачивали оброк. Правительство произвело новую попытку справиться при помощи репрессий и реформ с этой анархией и восстановить между оброчниками и помещиками правильные отношения. Но все эти ухаживания были напрасны. «Аграрная лига» не желала ничего слышать о примирении и благожелательных намерениях государственной власти, и активные действия с ее стороны не прекращались. Так, в Феникс-парке в Дублине в 1882 году жертвами заговорщиков сделались два высокопоставленных английских должностных лица. Судебное производство против убийц, которые попали в мстительные руки правосудия, благодаря предательству в своих собственных рядах, повело к раскрытию другого громадного тайного заговора, имевшего своею целью убийства. Центр его составляли Ирландские непобедимые, которые в 1883 и 1884 годах предпринимали неоднократные попытки взорвать посредством динамита общественные здания в Лондоне. Анархистская организация получала руководство от N 1, псевдонима, за которым в течение продолжительного времени успешно скрывался известный революционер Тайнэн (Tynan). Неоднократно заподозревалось, но не было доказано участие в дублинском деянии Парнела и других руководителей ирландского движения.

Неоднократные проекты туземного управления со стороны лорда Гладстона, которые желали в самом широком масштабе пойти навстречу требованиям ирландцев, которые, однако, должны были также повлечь за собой полное разложение государственной связи между Ирландией и Англией и должны были нанести могущественному положению британского государства смертельный удар, — проекты эти не получили одобрения британского парламента и большинства английского народа.

Таким образом, брожение в несчастной стране продолжалось.
Шустер Г. Тайные общества, союзы и ордена: В 2 т. — М., 1905–1907.

ПИСАТЕЛЬ-УБИЙЦА

Шеф жандармов — руководитель политического сыска Российской империи генерал-адъютант В. Мезенцев имел обыкновение каждое утро после завтрака прогуливаться по Петербургу в сопровождении адъютанта подполковника Макарова..

В то утро Мезенцев и Макаров возвращались с прогулки. В 9 часов 10 минут они проходили по Михайловской площади. К ним навстречу двигался высокий худой мужчина в сером, облегающем фигуру, пальто; руки он держал в карманах.

Возле кондитерской этот молодой человек подошел вплотную к Мезенцеву, тот замедлил шаг. И вдруг мужчина неожиданно резким движением правой руки, в которой блеснуло широкое лезвие кинжала, нанес сильный удар в правую сторону живота Мезенцева. Затем мужчина с окровавленным кинжалом стал быстро убежать в направлении Большой итальянской улицы. Мезенцев, схватившись рукой за рану, из которой хлестала кровь, стал терять сознание и упал на землю.

Подполковник бросился преследовать убежавшего, но мужчина скрылся за углом кондитерской. Немногочисленные прохожие остановились и с удивлением смотрели на происходящее. Макаров уже было нагнал преступника, но вдруг, другой неизвестный выстрелил в него из револьвера, пуля сорвала с шинели погон...

Приказчик Матвеев, увидевший происходящее, стал также преследовать стрелявшего в Мезенцева человека. Однако оба преступника вскочили в поджидавшую их пролетку, которая рванула с места и быстро скрылась за Александровским театром...

Истекающего кровью Мезенцева доставили домой. Ему была оказана необходимая медицинская помощь, но того же дня он скончался, не приходя в сознание. Нанесенная кинжалом рана оказалась смертельной: была пробита печень и задета задняя стенка желудка...

На место происшествия немедленно выехала группа полицейских сыщиков из сыска отделеия и жандармские офицеры... Приказчик дал подробные показания. Отставной унтер-офицер Самойлов запомнил приметы преступников и также видел, как они скрывались в пролетке за Александровским театром. Других очевидцев происшествия выявить не удалось. Велись также поиски пули из револьвера, стрелявшего в Макарова, но безрезультатно. Внутренняя агентура политического и уголовного сыска была ориентирована на негласный поиск двух преступников, совершивших нападение на Мезенцева и Макарова. На железнодорожных и почтовых станциях дежурили и искали преступников по приметам внешние агенты. Результатов никаких. Другим направлением розыска была пролетка.

В октябре того же года жандармский ротмистр Барчевский вышел на след пролетки, запряженной вороной лошадью, похожей на ту, на которой скрылись преступники. Тайный агент сообщил Барчевскому, что эта пролетка на лежачих рессорах, запрягаемая лошадью «Варвар», находится в Новом переулке.

Барчевский с помощниками вначале произвели негласный осмотр этой коляски и обнаружили там кучерское платье. Личность кучера установили быстро, им оказался Михайлов, проживающий по фальшивому паспорту на имя Тугаринова. В ходе розыскных мероприятий было установлено, что пролетка и вороная лошадь «Варвар» принадлежат дворянину Тюринову.

Допрошенный баварский поданный Крах показал, что лошадь «Варвар» была помещена в Новом переулке самим Тюриновым при участии кучера Михайлова. Однако их причастность к убийству Мезенцева пока ничем не подтверждалась: их приметы не совпадали с приметами подозреваемых. Розыски зашли в тупик, задержанные находились под стражей, с ними предстояло еще работать...

В начале ноября того же года Барчевскому доставили нелегальную брошюру, написанную неким Степняком, в которой, в частности, говорилось, что Мезенцев казнен за «ряд преступлений, которых мог бы и не совершать... Само правительство толкнуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер». И так Степняк этой брошюрой указывал на свою причастность к убийству Мезенцева и принадлежность к партии «Народная воля».

В тот же день Барчевский делал доклад начальству о ходе розысков по убийству Мезенцева, представил данные на установленного автора брошюры. Им был Кравчинский, который использовал литературный псевдоним «Степняк».

Кравчинский родился в селе Новый Стародуб Херсонской губернии в Украине. Его отец был военным врачом и определил сына в военную гимназию с тем чтобы тот впоследствии продолжил семейную традицию службы в армии. Кравчинский закончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, но военная карьера его не привлекала. Прослужив год, он выходит в отставку и поступает в земледельческий институт. В 1872 г. Кравчинский становится членом народофильского кружка «Чайковцев» и его литературного комитета; товарищами и соратниками по кружку были С. Перовская, П. Кропоткин, сестры Корниловы, Д. Лизогуб, Л. Клемени.

Некоторые данные по делу Кравчинского.

В 1873 г. Кравчинский был арестован за незаконную пропаганду среди крестьян, но сбежал из-под стражи.

Жандармский полковник Григорьев спросил Барчевского:

— Где сейчас находится Кравчинский?

— За границей, — ответил ротмистр.

— Фотография его имеется?

— Да. Прошу Вашего разрешения на ее размножение и помещение в розыскной циркуляр.

Григорьев взял фотографию Кравчинского. На ней был изображен молодой человек с черной небольшой бородкой, усами, густыми бровями, большими широко расставленными глазами...

— Почему Вы раньше не вышли на Кравчинского? — спросил Григорьев.

— Агентура о нем не давала никаких сведений. Не было подходов.

— А как же работа по приметам?

— Только теперь стало известно, что Кравчинский после убийства Мезенцева сбрил бороду и усы, границу переехал по подложному паспорту. Эти данные поступили вместе с его брошюрой из Лондона... В Петербурге он проживал на двух конспиративных квартирах установленных народофильцев, которых сейчас держим под наружным наблюдением.

— Связи Кравчинского выявлены, кроме хозяев конспиративных квартир?

— Некие Кошурников и Баранников...

После побега из-под стражи в 1873 г. Кравчинский два года нелегально проживал в Петербурге и других городах, активно работая в революционном подполье. Но когда он почувствовал, что политический сыск начинает сжимать вокруг него невидимое кольцо, он в спешном порядке покинул Россию.

В 1875 г. Кравчинский появляется в Женеве, а потом в Лондоне. Там он опубликовал свои пропагандистские сказки: «Сказка о копейке», «Мудрица Наумовна», «Из огня да в полымя» и др., рассчитанные на крестьян и малограмотных рабочих. Однако в Брюсселе и Париже, где он жил в последнее время, долго не задерживается, и вскоре уезжает на Балканы, принимает участие в боях повстанцев в Боснии и Герцеговине против турецкого ига...

В 1876 г. Кравчинский нелегально возвращается в Петербург. Многие из его товарищей

сидят в тюрьмах или находятся в ссылке, и он принимает участие в разработке планов их побега... Но, как только Кравчинский почувствовал, что политический сыск выходит на его след, он вновь покидает Россию и выезжает в Италию. В провинции Беневенто он принимает участие в восстании и вместе с другими заговорщиками попадает в тюрьму. Ведется расследование. Но, ему повезло. Умер король Италии и была объявлена амнистия. Кравчинский оказывается на свободе. Он переезжает в Женеву и там сотрудничает в эмигрантском журнале «Община», публикует статьи о революционном движении...

После раскола партии «Народная воля» на две организации: террористическую «Народная воля» и осуждавшую террор «Черный передел», Кравчинский, жаждущий мщения и крови, примыкает к террористам, так как считает, что террор является одним из средств устрашения правительства и расшатывания основ русского самодержавия...

В то время Кравчинский задумал совершить убийство шефа жандармов Мезенцева. Дело было не в личности Мезенцева, а в должности, которую он занимал. С этой целью Кравчинский разработал детальный план (подробности которого знали еще два участника — Кошурников и Баранников, и то только перед непосредственным осуществлением террористического акта).

Кравчинский прочно основался за границей и не думал возвращаться в Россию. Своей брошюрой об убийстве Мезенцева он вывел политический сыск не только на себя, но и на соучастников преступления — Кошурникова и Баранникова, правда, пока розыск их был безрезультатным, а Кравчинский — не достигаем. Брат Мезенцева заявил так, чтобы его слышали террористы: убийца ждет расплата...

После ряда обнаруженных политическим сыском подготовленных и совершенных народовольцами террористических актов Петербург буквально был блокирован филерским наблюдением.

В 1881 г. филеры установили одну из конспиративных квартир по адресу: Казанская улица, дом 38, кв. 18. Там проживал мужчина под фамилией Ачачикулов, которого негласно задержали. В ходе дознания выяснилось, что задержанный — террорист Фриденсон, за квартирой его продолжалось наружное наблюдение.

Вскоре на эту же квартиру пришел господин. Его также задержали. При нем оказался паспорт на фамилию Алафузова. Проверили. Оказалось, что паспорт фальшивый, а когда допросили, то выяснилось, это дворянин Баранников, проходивший по розыскному циркуляру как подозреваемый в соучастии убийства Мезенцева.

Барчевский, к тому времени уже подполковник, провел негласное опознание Алафузова с помощью очевидцев Матвеева и Самойлова, которые, однако, с неуверенностью подтвердили схожесть показанного им «арестанта» с тем человеком, который стрелял из револьвера в подполковника Макарова. Но этого было достаточно, чтобы Барчевскому удалось «разговорить» террориста. После непродолжительного молчания Баранников признался в соучастии преступления. Организатором террористического акта назвал Степняк-Кравчинского и другого террориста Кошурникова, который 19 ноября 1879 г. принимал участие в покушении на царя, делая подкоп на линии Московско-Курской железной дороги.

Террористы Баранников и Кошурников прошли по процессу народовольцев 1882 г. Суд особого присутствия правительствующего Сената осудил их за государственные преступления..., а Степняк-Кравчинский пописывал в это время книжечки и мемуары в далеком и безопасном Лондоне. После 1891 г. убийца-писатель Степняк-Кравчинский занимается еще и общественной деятельностью. Его усилиями в Лондоне начинает издаваться журнал «Свободная Россия», создается «Общество друзей русской свободы».

11 декабря 1895 г. Степняк-Кравчинский погиб под колесами поезда.

Пиажаренко А. М. История и тайны уголовного и политического сыска. — Киев: Юринформ, 1994.

ЦАРЕУБИЙЦЫ

1 марта 1881 года в России произошло сенсационное событие. Народовольцам удалось наконец, после семи попыток, осуществить удачное покушение на Александра II.

Подготовка покушения, в котором приняли участие народовольцы Желябов, Перовская, Кибальчич, Гриневицкий, Михайлов, Гесья Гельфман и Рысаков, велась по двум направлениям. Из дома на Садовой улице сделали подкоп под мостовой. Там была заложена мина огромной разрушительной силы, ее предполагалось взорвать в момент проезда кареты императора. На тот случай, если императорская карета не поедет по Садовой улице, на набережной Екатерининского канала ее ожидали боевики с бомбами.

Итак, 1 марта 1881 года император в сопровождении петербургского полицмейстера Дворжицкого и казачьего конвоя возвращался из Михайловского манежа в Зимний дворец. Царская карета, не заезжая на Садовую улицу, свернула на набережную Екатерининского канала, намереваясь переехать Певческий мост. Едва карета выехала на набережную, как поджидавший ее Рысаков метнул под экипаж бомбу. Раздался оглушительный взрыв. Проехав еще несколько метров, сильно поврежденная карета остановилась. Александр II вышел из кареты и сказал подбежавшему Дворжицкому, что он, слава Богу, не ранен. Ранение получили два казака из конвоя и крестьянский мальчик, случайно оказавшийся на месте покушения. Дворжицкий попросил царя сесть в его сани и как можно скорее отъехать от опасного места. Царь почему-то медлил.

«Хорошо, — сказал он, обращаясь к полицмейстеру, — сейчас поедем, только покажите мне прежде преступника». Подойдя к Рысакову, которого держали четыре казака из царского конвоя, Александр II спросил арестованного террориста, из какого он сословия. Узнав, что из мещан, отошел. Но уезжать не торопился. На повторное предложение Дворжицкого уехать ответил: «Хорошо, только прежде покажи мне место взрыва». В это время, воспользовавшись тем, что конвойные казаки заняты Рысаковым, к царю и Дворжицкому бросился другой участник покушения — Игнатий Гриневецкий: он прятался за фонарным столбом. До царя оставалось два-три шага, на помощь Александру бежали казаки, полицмейстер пытался вытащить револьвер — не раздумывая, террорист бросил бомбу между собой и императором.

Когда упавший на мостовую набережной раненый Дворжицкий очнулся, он услышал слабый голос императора: «Помоги!». Царь полулежал на мостовой, облокотившись на правую руку; из его раздробленных ног струей била кровь. В двух шагах от царя в луже крови лежал смертельно раненный Гриневецкий.

Царя привезли во дворец и оказали ему первую медицинскую помощь. Но было поздно. Потеря крови оказалась невосполнимой. Осмотревший императора профессор Боткин констатировал: в этом случае медицина бессильна. Не приходя в сознание, Александр II умер. Ночью 1 марта 1881 года в страшных мучениях умер и народоволец Гриневецкий, так и не назвавший жандармам своего имени.

Вскоре непосредственных участников покушения на Александра II арестовали. Большинство из них на суде держалось исключительно мужественно, продемонстрировав веру в свое революционное дело. 3 апреля 1881 года Желябов, Кибальчич, Перовская, Рысаков и Михайлов были публично повешены на Семеновском плацу. Гельфман из-за беременности смертную казнь заменили пожизненными каторжными работами (она вскоре умерла в тюрьме).

При расследовании обстоятельств, связанных с покушением на царя, выяснилось: министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, самый близкий к царю человек, которому была целиком доверена охрана царской жизни, ослабил контроль за работой тайной полиции. Профилактические аресты подозрительных лиц прекратились, а у руководства тайной полиции возобладало мнение (особенно после ареста народовольцев Тригони и Желябова), что все революционные организации в стране разгромлены и не представляют серьезной угрозы. В результате охрана царя была существенно ослаблена. Пребывая в плену подобных иллюзий, Лорис-Меликов попросту не обратил внимания на многозначительный вопрос Желябова при его аресте: «Не поздно ли вы меня взяли?»

Жухрай В. М. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. — М.: Изд-во политической литературы, 1991.

ВЗРЫВ НЕ СОСТОЯЛСЯ (ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ УБИЙСТВА НИКОЛАЯ II)

В 1894 г. в Ливадии скончался после тяжелой болезни император Александр III. На престол взошел его сын, Николай II. Намечался его приезд в Москву...

Накануне помощник начальника Московского охранного отделения Зубатов получил сообщение от тайного агента «Никонова», что состоящий на учете в охранном отделении народоволец-террорист Распутин проводит агитацию среди своих о необходимости усиления террористических актов. Зубатов распорядился установить за Распутиным наружное наблюдение, а организовал и контролировал эту работу Медников. Филеры вели наблюдение за ним круглосуточно. Результаты наблюдения докладывались начальнику Московского охранного отделения Бердяеву и Зубатову. «Никонов» освещал деятельность Распутина внутри образовавшейся террористической группы.

Краткие сводки наружного наблюдения 9, 10 и 13 апреля 1895 г.: Распутин приобрел книгу «Химия», ходил с ней к установленным связям; 16.04 на Сухаревке приценивался к электрическому аппарату; 18.04 он и его связь Бахарев рассматривали общее расположение императорских покоев на вокзале Николаевской железной дороги; 19.04 Бахарев купил резиновый баллон, бутылку и флакон какой-то жидкости; 21.04 он забрал в скобяной лавке металлический лист, который ранее был изготовлен по его заказу; 23.04 террористы осматривали Воскресенскую площадь, вымеривали шагами расстояние, что-то записывали в блокнот; 24.04 Бахарев и его связь Гернгросс побывали в нескольких аптеках; 25.04 Распутин и Бахарев пришли на Ваганьковское кладбище. Вскоре филеры улышали небольшой силы взрыв в овраге кладбища, куда скрылись наблюдаемые, после чего появился дым. Когда наблюдаемые ушли, один из филеров обнаружил в этом кладбищенском овраге стеклянную колбочку с желтым порошком...

Бердяеву и Зубатову стало ясно, что готовится покушение на царя, и конечно же, кроме перечисленных розыскных мероприятий, они ввели в разработку террористической группы еще одного тайного агента, информация которого обеспечила полное внутреннее наблюдение за ними. Но об этом чуть позже.

До приезда Николая II в Москву решили начать реализацию собранных материалов на террористическую группу и ее связи. Розыскная операция началась с одновременным задержанием всех участников покушения и производства обысков на 60 квартирах.

Так, в квартире Бахарева обнаружили химические вещества, которые являлись составной частью взрывного устройства... У Егорова нашли револьвер и гектограф...

Материалы по распутинской группе были переданы для дознания в Московское губернское жандармское управление. В основу обвинения были положены вещественные доказательства и подробный отчет филерских наблюдений. В деле подготовки покушения на Николая II свидетелями являлись филеры, которых соответствующим образом допрашивали. Прежде всего, это делалось для того чтобы не «засветить» агентуру, работавшую в террористической группе, но не принимавшую активного участия в ней.

Кроме этого, была проведена экспертиза химических веществ, изъятых в квартире Бахарева. Эксперт Колли дал заключение, что обнаруженная гремучая ртуть и пикриновая кислота являются сильными разрушителями... В пробирке, найденной в овраге Ваганьковского кладбища, оказалась пикриновая кислота, испытывалась она для изготовления разрывного устройства...

Главные обвиняемые Распутин и Акимова признались в том, что химические вещества нужны были для изготовления взрывчатки с целью покушения на жизнь Николая II, приезд которого в Москву они ожидали. Исполнителем преступления являлся Бахарев. Он взялся изготовить метательный снаряд. Помощь в приобретении химических веществ ему оказывала Гернгросс, подтвердившая это, но не зная для каких целей, а сам Бахарев ей об этом не говорил. Конечно, все это не соответствовало действительности, она прекрасно знала, с какой целью покупаются химические вещества. Однако Бахарев подтвердил показания Гернгросс и ее участие в этом деле было самым незначительным...

Розыскная деятельность по делу распутинцев закончилась тем, что дело о террористической группе было рассмотрено в порядке «Высочайшего повеления» и только 4 из 21 человека понесли строгое наказание:

Распутину осудили на 5 лет тюремного заключения и на 10 лет ссылки в Якутскую область; Акимову приговорили к 3 годам тюремного заключения и на 10 лет ссылки; Павелко-Поволоцкого и Кролевца осудили к 1 году тюремного заключения и на 5 лет ссылки. Бахарев умер в Бутырской тюрьме от тифа. Остальных 7 распутинцев выслали под гласный полицейский надзор в разные города. Среди них была и Гернгросс, с 1893 г. являвшаяся тайным агентом Московского охранного отделения и имевшая псевдоним «Михеев».

За успешную ликвидацию распутинцев и предотвращение покушения на Николая II Зубатова наградили орденом св. Владимира, Гернгросс получила 1000 руб. наградных и 100 руб. месячной пенсии, а также ссылку в Кутаиси к своим родителям...

Относительно Гернгросс Зубатов просматривал перспективу дальнейшего ее использования в целях политического сыска и поэтому не выводил из группы распутинцев. Она должна была пройти по дознанию и судебному процессу, должна была быть «наказана». Это все делалось прежде всего для ее глубокого внедрения в революционную среду. Ссылка Гернгросс, во-первых, создавала ей биографию революционного борца, во-вторых, вызывала доверие к ней. Она понимала необходимость именно такой концовки для себя в этом деле и полностью разделяла планы Зубатова.

Пижаженко А. М. История и тайны уголовного и политического сыска. — Киев: Юринформ, 1994.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЯ (ЗАПИСКИ СПИРИДОВИЧА А. И.¹¹²)

15 июля 1904 года в Петербурге боевая организация партии социалистов-революционеров, во главе которой стоял тогда Азеф, убила министра внутренних дел Плеве.

Евно Азеф — здоровый мужчина с толстым скуластым лицом, типа преступника, прежде всего был крайне антипатичен по наружности и производил сразу весьма неприятное

---

¹¹² Александр Иванович Спиридович — один из опытнейших высших жандармских офицеров, ученик известного деятеля царской полиции Зубатова, возглавлял Таврическое, Киевское охранные отделения, последствии дворцовую полицию императора Николая II. После Революции эмигрировал во Францию.

и даже отталкивающее впечатление. Обладая выдающимся умом, математической аккуратностью, спокойный, рассудительный, холодный и осторожный до крайности, он был как бы рожден для крупных организаторских дел. Редкий эгоист, он преследовал прежде всего свои личные интересы, для достижения которых считал пригодными, все средства до убийства и предательства включительно.

Властный и не терпевший возражений тон, смелость, граничащая с наглостью, необычайная хитрость и лживость, развившаяся до виртуозности в его всегдашней двойной крайне опасной игре, создали из него в русском революционном мире единственный в своем роде тип — монстр.

И ко всему этому Азеф был нежным мужем и отцом, очаровательным в интимной семейной обстановке и среди близких друзей.

В нем было какое-то почти необъяснимое, страшное сочетание добра со злом, любви и ласки с ненавистью и жестокостью, товарищеской дружбы с изменой и предательством. Только варьируя этими разнообразнейшими, богатейшими свойствами своей натуры, Азеф мог, вращаясь в одно и то же время среди далеко неглупых представителей двух противоположных борющихся лагерей — правительства и социалистов-революционеров — заслужить редкое доверие как одной, так и другой стороны. И впоследствии, когда он был уже разоблачен в его двойной игре, его с жаром защищал с трибуны Государственной думы, как честного сотрудника, сам Столыпин и в то же время, за его революционную честность бились с пеной у рта такие столпы партии социалистов-революционерой, как Гершуни, Чернов, Савинков и другие.

И несмотря на всю позднейшую доказанность предательства Азефа, несмотря на всю выясненную статистику повешенных и сосланных из-за его предательства, главари партии социалистов-революционеров все-таки дали возможность Азефу безнаказанно скрыться. Таково было обаяние и такова была тонкость игры этого страшного человека!

При расследовании обстоятельств его предательства, один из виднейших представителей партии дал о нем такие показания:

«... В глазах правящих сфер партии Азеф вырос в человека незаменимого, провиденциального, который один только и может осуществить террор... отношение руководящих сфер к Азефу носило характер своего рода коллективного гипноза, выросшего на почве той идеи, что террористическая борьба должна быть не только неотъемлемой, но и господствующей отраслью в партийной деятельности».¹¹³

Один же из видных партийных работников, Е. Колосов, бывший в свое время боевиком и знавший Азефа отлично не только по его революционной работе, но и в семейной жизни, бывший другом его семьи, после полного раскрытия измены, все-таки говорил о нем лично мне: «И все-таки „Иван Николаевич“ был недурной человек».

Человек же из рядов правительства, имевший некогда сношения с Азефом по службе, человек далеко неглупый и умеющий разбираться в людях, который самого Азефа держал в руках не один год и так держал, что тот не имел возможности провоцировать, этот человек — генерал Герасимов, — говорил затем о нем: «Не понимаю, совсем не понимаю, как мог он участвовать в убийстве Плеве и других, он, бывший по своим политическим взглядам скорее кадетом».

Таков был непонятный в свое время никем: ни правительством, ни революционерами, ни единственным его другом — его женою — Евно Азеф, член центрального комитета партии социалистов-революционеров, шеф ее боевой организации, сотрудник департамента полиции и в то же время провокатор, в настоящем значении этого слова.

---

¹¹³ Заключение суд. — след. ком. по делу Азефа.

Начав свою работу на правительство, Азеф в течение первых лет этого ремесла был только осведомителем, шпионом-«сотрудником». Он только давал сведения о том, что делается в тех революционных кругах, с которыми он соприкасается. Но положение его в партии понемногу росло, и вместе с тем менялся характер его работы.

После убийства в 1902 г. министра внутренних дел Сипягина, департамент полиции вызвал Азефа из-за границы для освещения положения дела в России, и Азеф задержался в Петербурге. Не посвящая, конечно, тех лиц из департамента полиции, перед которыми он отчитывался, Азеф начал энергично работать в интересах партии. Так, он организовал Петербургский комитет, наладил транспорт литературы, начав, таким образом, уже и «провоцировать» и выдавать своему начальству в некоторых случаях результаты своей работы. В то время он сблизился с главой боевой организации партии социалистов-революционеров Гершуни настолько, что последний посвятил его в некоторые из своих предприятий, о которых Азеф департаменту, однако, не говорил. Гершуни, будучи незадолго перед своим арестом за границей, сказал Михаилу Гоцу, «что на случай своего ареста он поручил Азефу взять в свои руки *дело боевой* организации и реорганизовать путем кооптации центральный комитет»¹¹⁴

В тот же период времени Азеф вошел членом в центральный комитет партии. Надо полагать, что и это свое новое положение Азеф скрыл от своего департаментского начальства, так как совместительство ролей члена центрального комитета и сотрудника давало явную провокацию. Взгляды же тогдашнего директора департамента полиции Лопухина и начальника Московского охранного отделения Зубатова были настолько строги и щепетильны в отношении агентуры, что нам категорически воспрещалось иметь сотрудников на ролях активных деятелей вообще и в частности членами каких-либо центров. Сотрудники, как указывали нам, могли быть около них, но не в них. В то время не было еще писанных инструкций по агентуре для заведующих розыском, но руководящие указания, предостерегавшие от провокации, даже неумышленной, были неизменно строги.

Сделавшись после ареста Гершуни шефом боевой организации, Азеф в июле 1903 года приехал за границу и тою же осенью принялся за организацию порученного ему центральным комитетом убийства министра внутренних дел Плеве. В это время Зубатова уволили от службы, и Азеф в Париже имел дело с начальником заграничного отдела Департамента полиции Ратаевым.

За границей Азеф составил боевую организацию, в которую кроме его и Гоца, как высших представителей, вошло еще семь молодых людей, из которых четверо русских, два поляка и один еврей. Был выработан план убийства, и отряд направился в Россию.

18 марта 1904 года, в Петербурге, на Фонтанке, около Департамента полиции должно было состояться первое покушение боевой организации на Плеве, путь проезда которого был обставлен боевиками с бомбами. Но Азефу почему-то убийство в тот день было невыгодно, и он заблаговременно предупредил директора Лопухина, объяснив, однако, что там готовится покушение именно на Лопухина, и кстати выпросил себе прибавку жалованья. Охрана на Фонтанке была усилена, она спугнула боевиков, и покушение на Плеве не состоялось. Всей охраной и всем наблюдением там ведал исключительно состоявший при министре Скандраков, не допуская к этому району чинов департамента полиции.

25 марта часть боевиков вновь выходила с бомбами на путь проезда министра, но его не встретила. Тогда Азеф принялся более энергично за организацию покушения и установил через группу боевиков во главе с Савинковым настоящую облаву на министра, и ко второй половине июля все было готово для совершения убийства. Убедившись в этой готовности,

---

¹¹⁴ Заключение суд. — след. ком. по делу Азефа.

Азеф покинул Петербург и, дабы отвести внимание Департамента полиции от министра, написал Ратаеву письмо, что во главе боевой организации стоят проживающие в Одессе Геккер и Сухомлин, что мысль об убийстве министра пока оставлена, а что на очереди для поднятия престижа боевой организации поставлено убийство иркутского генерал-губернатора Кутайсова.

Усыпив, таким образом, через Ратаева департамент полиции, наговорив успокоительных вещей и Медникову, Азеф назначил покушение на Плеве на 8 июля, но из-за недоразумения при раздаче снарядов, оно состояться опять-таки не могло и было перенесено на 15 июля.

Резво несли в то утро кони карету с министром по Измайловскому проспекту по направлению к вокзалу. Он ехал в Петергоф с всеподданнейшим докладом государю. Сзади насилу попевала одиночка с чинами охраны. Сбоку катили велосипедисты охраны. Вытягивалась полиция, шарахались извозчики, оглядывалась публика.

А навстречу министру, один за другим, с интервалами спокойно шли с бомбами направленные Савинковым трое боевиков. Недалеко от моста через Обводный канал, на перерез карете свернул с тротуара некто в железнодорожной форме со свертком под мышкой. Он у кареты. Он видит пристальный угадывающий судьбу взгляд министра. Взмах руки — сверток летит в карету, раздается взрыв.

Министр убит. Убит и кучер, и лошади. Блиндированная карета разнесена в щепы. Бросивший бомбу Егор Сазонов сбит с ног охранником-велосипедистом и ранен взрывом.

Сазонов, которому тогда было двадцать пять лет, сын богатого купца, окончил Уфимскую гимназию и в 1901 году был исключен за беспорядки из Московского университета. В 1902 году он был привлечен к дознанию за участие в революционной организации в Уфе и сослан на пять лет в Якутскую область, откуда скрылся за границу, где и вошел в боевую организацию. За убийство министра он был сослан на каторгу, где покончил самоубийством.

Получив телеграмму об убийстве министра, я¹¹⁵ задержался с отъездом. Я повидался с сотрудниками и убедился, что Киев к убийству непричастен. Послав телеграмму о том в департамент, я уехал в отпуск. Но не прошло и недели, как меня вернули с Волги телеграммой, которая говорила о причастности к убийству Плеве именно Киева.

Оставив жену, я помчался к месту службы. Оказалось следующее. После увольнения Зубатова, в департаменте полиции вошел в большую моду прежний сотрудник-марксист, потом чиновник, Михаил Иванович Гурович, из евреев. Журнальный мир знал его по «Началу». Для конспирации он надел темные очки и из рыжего перекрасился в жгучего брюнета, что подало повод дружившему с ним ротмистру Комиссарову спросить его однажды в гостинице, где тот жил: «А что, Михаил Иванович, вы и голову свою выставляете для чистки ежедневно за дверь с сапогами?» Они поссорились и долго не разговаривали.

Гурович был болтлив, считал себя знатоком по всем социальным вопросам, но определенного мнения не имел ни по одному из них. В портфеле у него всегда было наготове несколько докладов на злободневные темы и за и против. Какого взгляда держится начальство, тот доклад и подается. Так говорили. Товарищ министра внутренних дел генерал Валь очень благоволил к нему и считал его серьезной величиной.

Вот этот-то Гурович после убийства Плеве принял какое-то участие в розыске около раненого Сазонова. Он слушал бред Сазонова, сидя около его кровати. В бреду он разобрал некое имя и решил, что то был некий господин Х. из Киева. Киевлянина того арестовали и в кандалах доставили в столицу. Но вышел конфуз. Киевлянин тот, хотя и принимал участие в

---

¹¹⁵ Автор воспоминаний в то время занимал должность начальника Киевского охранного отделения.

работе, но доказал полную невиновность в деле Плеве, и был освобожден. Таково было усердие Гуровича.

Но в то время как власти метались, разыскивая главных виновников убийства в Петербурге, главный его организатор — Азеф справлял свой триумф в Швейцарии. В день убийства он находился в Варшаве, ожидая телеграммы о результатах покушения. Узнав об убийстве, он в тот же вечер выехал в Вену, откуда и послал Ратаеву какую-то пустую телеграмму, устанавливающую, однако, его алиби.

Из Вены Азеф проехал в Швейцарию, где под Женевой происходил в то время съезд заграничной организации партии социалистов-революционеров. Азеф был встречен как триумфатор. Сама «бабушка» русской революции,¹¹⁶ ругавшая его за глаза «жидовской мордой», поклонилась ему по-русски до земли. Бывшие же на съезде эсеры справили убийство Плеве такой попойкой, что дело не обошлось без вмешательства полиции.

После убийства Плеве, в Женеве, под председательством Азефа окончательно сконструировалась боевая организация партии социалистов-революционеров. Был выработан ее устав, Азеф был назначен ее главою или членом-распорядителем, а Савинков — его помощником. Они же двое и Швейцер составили верховный орган организации или ее комитет.

На состоявшемся затем в Париже совещании этого комитета было решено организовать убийства: великого князя Сергея Александровича в Москве, великого князя Владимира Александровича в Петербурге и нашего генерал-губернатора Клейгельса. Первое дело поручили Савинкову, второе — Швейцеру, а Киевское — некоему Барышанскому.

Приехав в конце 1904 года в Киев, Барышанский и начал постепенно подготавливать порученное ему дело и так как он обратился по поводу его к некоторым из местных деятелей, то дошло это и до меня. Надо было расстроить предприятие и уберечь генерал-губернатора. Начали действовать. В комитет была брошена мысль, что убийство генерала Клейгельса явится абсурдом. Поведение генерал-губернатора в Киеве не подает никакого повода к такому выступлению против него. Приводились доказательства. Эта контрагитация была пущена и в комитет и на тех, кого Барышанский мог привлечь в качестве исполнителей.

В то же время мы приняли меры наружной охраны генерал-губернатора. Наше наблюдение установило, что с Печерска за генералом ведется проследка двумя рабочими. Проследку эту мы демонстративно спугнули, показав тем усиленную охрану генерал-губернатора.

Все это я донес департаменту полиции и сообщил ему, что если только в подготовке покушения будет участвовать местная организация, то я гарантирую его предупреждение, если же за осуществление возьмется центр и будет действовать без участия местных сил, то тогда моя агентура окажется в стороне и покушение может легко совершиться. В последнем случае мерой предупреждения может служить лишь учреждение личной охраны генерал-губернатора, на которую у отделения нет кредита.

Я просил об отпуске необходимых денег, но департамент полиции отнесся к моему докладу отрицательно, в средствах на охрану отказал и порекомендовал лишь усилить агентурное освещение, разъяснив, что в нем вся сила. Но на наше счастье Барышанский действовал очень неосторожно. Как уже было сказано, он обратился к местным силам, и наша агитация против убийства и филерство на Печерске сделали свое дело. Те, кого подговаривал Барышанский, не согласились идти на убийство, отказался от него и сам Барышанский. У нас план Азефа потерпел неудачу.

---

¹¹⁶ Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934) — одна из организаторов и лидеров партии эсеров.

Иначе сложилось дело в Москве, куда для организации покушения на великого князя был послан Савинков. Во избежание провала Савинков решил действовать самостоятельно, помимо местной организации и тем спасся от сотрудников охранного отделения. Но кое-что, благодаря первым шагам Савинкова и благодаря его переговорам с одним из представителей местного комитета партии, а также и с одним из либералов, дошло до отделения, и оно, предугадывая покушение, просило через градоначальника Трепова у департамента полиции отпустить кредит на специальную охрану великого князя. Департамент отказал. Тогда в Москве произошло то, чего мы боялись в Киеве. Работая самостоятельно, Савинков сумел подготовить покушение, и великий князь был убит при следующих обстоятельствах.

В числе боевиков, входивших в состав отряда Савинкова, был и его товарищ по гимназии, сын околоточного надзирателя, исключенный за беспорядки из Петербургского университета, И. Каляев, 28 лет. Высланный в 1899 году в Екатеринослав, Каляев вступил там в социал-демократическую организацию и после беспорядков 1901 года намеревался убить губернатора графа Келлера, но почему-то своего намерения не выполнил. В 1902 году он уехал во Львов, где, по его собственным словам, он окончательно «определился» как террорист. Летом того же года он был арестован на границе с транспортом нелегальной литературы, сидел в Варшавской крепости и был выслан в Ярославль, откуда осенью 1903 года пробрался за границу, где благодаря Савинкову и вступил в боевую организацию. В Москве он был предназначен как один из бомбометателей.

4 февраля великий князь Сергей Александрович, не желавший, несмотря на неоднократные просьбы приближенных к нему лиц менять часы и маршруты своих выездов, выехал в карете, как всегда в 2 часа 30 минут из Николаевского в Кремле дворца по направлению к Никольским воротам. Карета не доехала шагов 65 до ворот, когда ее встретил Каляев, получивший незадолго перед тем от Савинкова бомбу, которую изготовила Лора Бриллиант. Каляев был одет в поддевку, был в барашковой шапке, высоких сапогах и 2 бомбу узелком в платке.

Дав карете приблизиться, Каляев с разбегу бросил в нее бомбу. Великий князь был разорван, кучер смертельно ранен, Каляев же ранен и арестован.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, оставшаяся во дворце, услышав взрыв, воскликнула: «Это Сергей!» — и в чем была бросилась на площадь. Добежав до места взрыва, она рыдая, пала на колени и стала собирать окровавленные останки мужа...

В это время Каляева везли в тюрьму, и он кричал: «Долой царя, долой правительство!». Савинков с Дорой Бриллиант спешили в Кремль убедиться в успехе своего предприятия, душа же всего дела Азеф где-то злостно смеялся над своим начальством, составляя ему новое красноречивое донесение.¹¹⁷

Спиридович А. Записки жандарма. — М.: Худож. лит., 1991 (Репринтное воспроизведение издания, 1930 г.).

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ

В конце августа 1911 г. в Киеведолжно было состояться открытие памятника Императору Александру II в присутствии Государя и высших представителей правительства. Председатель Совета министров П. А. Столыпин придавал особое значение этим торжествам, во время которых должно было в первый раз проявиться оживление общественной жизни в юго-западном крае в связи с введением земства. О том, что на киевские торжества придут Высочайшие Особы и виднейшие сановники, было известно

---

¹¹⁷ В 1908 г. Азеф был разоблачен народовольцем Бурцевым В. Л. как агент департамента полиции, ЦК партии эсеров приговорен к смерти, но скрывался во время первой мировой войны, в 1915 г. был арестован в Германии как русский шпион. Находился в тюрьме до декабря 1917 г. Умер в Берлине в 1918 г.

заранее в самых широких кругах.

П. А. Столыпин приехал в Киев 25 августа, за четыре дня до прибытия Царской Семьи. Торжества начались с посещения Киевских святынь, Софийского собора, Печерской лавры. Государю представлялись многочисленные делегации. 31 августа состоялся большой военный смотр, а вечером — концерт в роскошно иллюминированном Купеческом саду на крутом берегу Днепра. Празднества проходили с большим подъемом. Столыпин по ряду неуловимых признаков ощущал, однако, что его отставка становится все более вероятной. «Положение мое пошатнулось, — говорил он товарищу министра внутренних дел А. Г. Курлову, — я и после отпуска, который я испросил себе до 1 сентября, едва ли вернусь в Петербург председателем Совета министров...»

1 сентября состоялся смотр «потешных», которыми Государь всегда особенно интересовался. В тот же вечер в Городском театре был торжественный спектакль, ставили «Жизнь за Царя». У киевской полиции были сведения, что какие-то террористы готовят покушение, и в первые дни торжества кордоны полиции и жандармов видны были повсюду. Они стесняли толпу, собравшуюся приветствовать Царя, и по Его настоянию были сведены к минимуму. Киевские народные массы были исполнены самого неподдельного монархического одушевления, и это радовало и трогало Государя. Спектакль в Городском театре уже близился к концу; министр финансов В. Н. Коковцов, уезжавший в Петербург, уже простился со Столыпиным, когда во время второго антракта, в 11 часов 30 минут вечера к премьеру, стоявшему перед первым рядом кресел, быстрыми шагами подошел неизвестный молодой человек во фраке и почти в упор произвел в него два выстрела. П. А. Столыпин пошатнулся, но выпрямился и, повернувшись к Царской ложе, левой рукой осенил ее широким крестным знаменем (правая была прострелена). Потом он опустился в кресло. Раздались крики ужаса; в возникшей суматохе убийца, медленно направлявшийся к выходу, едва не скрылся, но у двери его схватили. Чтобы остановить панику, оркестр заиграл народный гимн, и Государь, подойдя к барьеру царской ложи, стал у всех на виду, как бы показывая, что Он — тут, на своем посту. Так он простоял, — хотя многие опасались нового покушения, — пока не смолкли звуки гимна.

Первую помощь Столыпину подал проф. Г. Е. Рейн. Раненого перевезли в клинику д-ра Маковского. Сразу же определилось, что одна из пуль задела печень и что положение весьма серьезно. «Передайте Государю, что я рад умереть за Него и за Родину», — сказал П. А. Столыпин, когда его выносили из театра.

Первые два-три дня сильный организм премьеры боролся с ранением, и в газетах писали, что он, вероятно, выживет. Ту же надежду высказывал и Государь. Улицы, ведущие к больнице, были запружены народом. Со всех концов России поступали на имя Столыпина телеграммы с выражением скорби и ужаса и с пожеланием выздоровления. Исполнение обязанностей председателя Совета министров было возложено на В. Н. Коковцова.

Покушение на П. А. Столыпина произвело огромное впечатление, еще усилившееся толками, возникшими вокруг личности убийцы. На этом человеке, сыгравшем такую роковую роль в истории России, необходимо подробнее остановиться.

Дмитрий Богров («Мордко» его стали называть только после ареста) был сыном богатого еврейского домовладельца, состоявшего даже членом киевского Дворянского клуба. К моменту покушения ему было 24 года. Он еще с гимназического возраста исповедывал крайние революционные убеждения, но ни одна партия его не удовлетворяла, хотя он и называл себя «анархистом-коммунистом». В 1907 г. он предложил свои услуги киевскому охранному отделению и сообщил ему немало данных (по проверке оказалось, что они «носили совершенно безразличный характер»)¹¹⁸ В деньгах Богров никогда нужды не

---

¹¹⁸ Заключение сенатора М. И. Трусевича.

испытывал, — есть все основания полагать, что с охранным отделением он связался в интересах революции. Киевская полиция ему верила, но когда Богров, переехав в Петербург, попытался и там связаться с охраной, ее начальник полковник фон Коттен отнесся к нему с явным недоверием. После этого Богров на два-три года совершенно порвал с охраной и, окончив университет, поступил на частную службу.

В 1910 г. Богров явился к известному с.-р. Е. Е. Лазареву и заявил ему, что намерен убить Столыпина. «Это не шутка и не сумасшествие, а обдуманная задача, — говорил он. — В русских условиях систематическая революционная борьба с центральными лицами единственно целесообразна». Богров просил, чтобы с.-р., после его казни, объявили, что убийство совершено с ведома партии, что это — начало новой кампании революционного террора. Е. Е. Лазарев, которому все это показалось фантастичным, отказался дать какие-либо обещания.

Примерно через год после этого разговора, накануне киевских торжеств, Богров пришел к начальнику киевского охранного отделения Кулябке, который его знал четыре года перед тем, как одного из своих агентов, и подробно рассказал ему (оказавшийся полностью вымышленным) план покушения, для которого в Киев будто бы должны прибыть два террориста. Богрову удалось так правдоподобно все изложить, что Кулябко всецело ему поверил. В течение нескольких дней Богров сообщал полиции разные «сведения» о ходе «заговора»; за это время он сумел внушить к себе такое доверие, что Кулябко выдал ему билет сначала на концерт в Купеческом саду, а потом и в городской театр.

В Купеческом саду Богров имел возможность убить Государя; он этого не сделал, т. к. считал, что убийство Царя евреем могло бы вызвать массовые еврейские погромы. Совершив покушение на Столыпина, Богров не только не отрицал своей связи с охраной, но, наоборот, усиленно подчеркивал ее.

Данные о Богрове, опубликованные уже после революции (в особенности книга его брата), с большой убедительностью вскрывают истинный замысел убийцы: он не только хотел устранить Столыпина, но в то же самое время посеять смуту в рядах сторонников власти, внести между ними взаимное недоверие, заставить их начать «стрельбу по своим». Богров сознательно жертвовал своей «революционной честью», чтобы нанести более опасный удар ненавистному ему строю. И он действительно достиг обеих своих целей...

С того момента, как выяснилось, что Богров попал в театр по билету охранного отделения, начались толки, будто Столыпина убили какие-то правые «вдохновители» охраны. Чаше всего называли имя товарища министра внутренних дел Курлова. Дошло до того, что представители киевских правых организации пожелали присутствовать при казни Богрова, дабы убедиться в том, что повесили действительно его — так велико было в тот момент недоверие к власти.

С тех пор версия о Богрове, как исполнителе какой-то «вендетты» охранного отделения (для которой не было решительно никаких оснований), глубоко укоренилась в психологии общества, создавая недоверие именно к тем органам, которые боролись с революцией, легенда о Богрове стала мощным революционным фактором.

3 сентября клинику д-ра Маковского посетил Государь; 4-го утром прибыла из Ковенской губернии супруга премьера О. Б. Столыпина. К этому времени состояние раненого было уже признано безнадежным, и 5-го сентября, в 10 часов 12 минут вечера, П. А. Столыпина не стало.

В эту минуту широкие круги русского народа почувствовали, какого большого, государственного человека утратила Россия. Оппозиционная печать, ухватившаяся за версию «убийцы-охранника», конечно, писала, что Столыпин погиб «жертвой созданной им

системы». Но геройская смерть на посту примирила со Столыпиным всех, кто готов был еще весною в нем усомниться. Едва ли не самым ярким был отклик Л. Тихомирова; он писал:

«На разбитых щепках некогда великого корабля, с изломанными машинами, пробоинами по всем бортам, с течами по всему дну, при деморализованном экипаже, при непрекращающейся бомбардировке врагов государства и нации — П. А. Столыпин, страшным напряжением своих неистощимых сил, беспредельной отдачей себя долгу, редкими правительственными талантами умел плыть и везти пассажиров, во всяком случае, в относительном благополучии... Были лица более глубокие в смысле философии государства, более, конечно, твердого характера, более обширных знаний и, конечно, более определенного мирозерцания. Но правителя, соединившего такую совокупность блестящих качеств, необходимых в то время, когда одному приходится заменять десятерых, правителя такого самоотвержения, такой напряженной сердечной любви к России я не видел».

Тихомиров приводил слова самого Столыпина: «Что я такое — я не знаю. Но я верю в Бога и знаю наверно, что все мне предназначенное я совершу, несмотря ни на какие препятствия, а чего не назначено — не совершу ни при каких ухищрениях... Я верю в Россию. Если бы я не имел этой веры, я бы не в состоянии был ничего сделать».

П. Б. Струве в «Русской Мысли» писал, что в русском обществе убийство Столыпина вызвало «непреодолимое естественное отвращение». Впервые совершилось «убийство государственного деятеля, которого столь многие люди знали, как живую индивидуальность, а не как отвлеченный знак некой политической системы... Как революционный акт убийство Столыпина совершенно случайно». Отметив как заслуги, так и ошибки покойного, Струве писал, что его характерными чертами были «большая, незаурядная сила духа и достойная удивления крепость и упругость воли».

В «Киевлянине» В. Шульгин вспомнил Вторую Думу и историческую речь Столыпина с его «Не запугаете»; «Зверя укротили. Через полчаса на улицах Петербурга люди поздравляли друг друга. Россия могла потушить свой Диогенов фонарь: она нашла человека. Прошло пять лет: снова надо зажигать фонарь».

Государь, 6 сентября вернувшийся из Чернигова (куда Он ездил на поклонение мощам святителя Феодосия Углицкого, прославленного в его царствование — 1896 г.), долго молился у тела Столыпина. «Ваше Величество, — сказала ему О. Б. Столыпина, — Сусанины еще не перевелись на Руси...»

Столыпина похоронили 9 сентября в Киево-Печерской лавре. Он как-то сам сказал: «Где меня убьют, там пусть меня и похоронят». У него было уже давно чувство обреченности. «Когда я выхожу на улицу, — говорил он, — я никогда не знаю, возвращусь ли я назад или меня привезут...» Много было произнесено надгробных речей; много по всей России состоялось собраний его памяти. Была открыта подписка на сооружение памятника — их было воздвигнуто три: в Киеве, Саратове, Гродно. На киевском памятнике высечены его слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Со временем сознание великой утраты не проходило, а наоборот, возрастало. Смерть Столыпина была тяжелым ударом для русского государства. Ведь, и в случае отставки, такой крупный государственный деятель, как Столыпин, только отошел бы «в запас», и в нужную минуту мог быть снова призван к власти. Рука убийцы лишила Россию именно того человека, который наиболее подходил к сложным условиям думской монархии.

Ольденбург С. С. ¹¹⁹ *Царствование императора Николая II. — М.: Терра, 1992 (переиздание).*

Век террористов

---

¹¹⁹ Ольденбург С. С. — русский историк, белоэмигрант.

УБИЙСТВО ГРАФА МИРБАХА (ИСПОВЕДЬ ТЕРРОРИСТА¹²⁰)

Германский посланник в Советской России граф Вильгельм Мирбах был убит в Москве, в Денежном переулке, в одной из гостиных посольского здания, около 3-х часов дня 6 июля 1918 года.

Убийство было совершено при посредстве револьвера и толовой бомбы мной, бывшим членом ВЧК, членом партии левых социалистов-революционеров Яковом Блюмкиным, и фотографом подведомственного мне в ЧК отдела по борьбе с международным шпионажем, также членом названной партии Николаем Андреевым.

Политическое происхождение этого террористического акта в кратких чертах таково.

Третий Всероссийский съезд партии левых социалистов-революционеров, заседавший в Москве в первых числах июля 1918 года (почти одновременно с V съездом Советов), постановил по вопросу о внешней политике Советской власти «разорвать революционным способом гибельный для русской и мировой революции Брестский договор». Исполнение этого постановления съезд поручил ЦК партии.

Выполнить волю съезда и стоящих за ним трудящихся масс Центральный Комитет решил путем совершения акта индивидуального террора над одним из наиболее активных и хищных представителей германских империалистических вожделий в России — графом Мирбахом.

Вся организация акта над графом Мирбахом была исключительно поспешная и отняла всего 2 дня — промежуток времени между вечером 4 и полуднем 6 июля.

Еще 4 июля утром я передал т. Лацису, заведующему отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК, то самое нашумевшее дело арестованного мною в середине июня немецкого шпиона графа Роберта Мирбаха, племянника германского посла, которое 6 июля послужило мне предлогом для свидания с графом Вильгельмом Мирбахом. Таким образом, вне всякого сомнения, что за два дня до акта я не имел о нем ни малейшего реального представления. Кроме того, вся моя работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, очевидно, в силу своего значения проходила под непрерывным наблюдением председателя Комиссии т. Дзержинского и т. Лациса. О всех своих мероприятиях (как, например, внутренняя разведка в посольстве) я постоянно советовался с президиумом Комиссии, с комиссаром по иностранным делам т. Караханом, председателем Пленбежа¹²¹ т. Уншлихтом.

4 июля, перед вечерним заседанием съезда Советов, я был приглашен из Большого театра одним членом ЦК для политической беседы. Мне было тогда заявлено, что ЦК решил убить графа Мирбаха, чтобы апеллировать к солидарности германского пролетариата, чтобы совершить реальное предостережение и угрозу мировому империализму, стремящемуся задушить русскую революцию, чтобы, поставив правительство перед свершившимся фактом разрыва Брестского договора, добиться от него долгожданной объединенности и

---

¹²⁰ Показания Я. Блюмкина в 1919 г. в ЧК.

¹²¹ Центральная коллегия по делам пленных и беженцев при Наркомате по военным делам РСФСР (Центропленбеж, Пленбеж), образованная в апреле 1918 года; ведала делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках, беженцах. В марте 1920 года реорганизована в Центральное управление по эвакуации населения НКВД РСФСР (Центрэвак).

непримиримости в борьбе за международную революцию. Мне приказывалось как члену партии подчиниться всем указаниям ЦК и сообщить имеющиеся у меня сведения о графе Мирбахе.

Я был полностью солидарен с мнением партии и ЦК и поэтому предложил себя в исполнители этого действия.

Ночью того же числа я был приглашен в заседание ЦК, в котором было окончательно постановлено, что исполнение акта над Мирбахом поручается мне, Якову Блюмкину, и моему сослуживцу, другу по революции Николаю Андрееву, также полностью разделявшему настроение партии. В эту ночь было решено, что убийство произойдет завтра, 5-го числа. Его окончательная организация, по предложенному мною плану, должна была быть следующей.

Я получу обратно от тов. Лациса дело графа Роберта Мирбаха, приготовлю мандат на мое и Николая Андреева имя, удостоверяющий, что я уполномочиваюсь ВЧК, а Николай Андреев — революционным трибуналом, войти в личные переговоры с дипломатическим представителем Германии. С этим мандатом мы отправимся в посольство, добьемся с графом Мирбахом свидания, во время которого и совершим акт. Но 5 июля акт не мог состояться из-за того, что в такой короткий срок нельзя было произвести надлежащих приготовлений и не была готова бомба. Акт отложили на 6 июля. 6 июля я попросил у тов. Лациса, якобы для просмотра, дело Роберта Мирбаха. В этот день я обычно работал в комиссии. До чего неожидан и поспешен для нас был июльский акт, говорит следующее: в ночь на 6-е мы почти не спали и готовились психологически и организационно. Утром 6-го я пошел в комиссию; кажется, была суббота. У дежурной барышни в общей канцелярии я попросил бланк комиссии и в канцелярии отдела контрреволюции напечатал на нем следующее: «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией уполномочивает ее члена, Якова Блюмкина, и представителя революционного трибунала Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господином германским послом в России графом Вильгельмом Мирбахом по делу, имеющему непосредственно отношение к самому господину германскому послу.

Председатель Комиссии.

Секретарь».

Подпись секретаря (т. Ксенофонтова) подделал я, подпись председателя (Дзержинского) — один из членов ЦК.

Когда пришел, ничего не зная, товарищ ¹²² председателя ВЧК Вячеслав Александрович, я попросил его поставить на мандате печать комиссии. Кроме того, я взял у него записку в гараж на получение автомобиля. После этого я заявил ему о том, что по постановлению ЦК сегодня убьют графа Мирбаха.

Из комиссии я поехал домой, в гостиницу «Элит» ¹²³ на Неглинном проезде, ¹²⁴ переоделся и поехал в первый дом Советов. ¹²⁵ Здесь, на квартире одного члена ЦК, уже был Николай Андреев. Мы получили снаряд, последние указания и револьверы. Я спрятал револьвер в портфель, бомба находилась у Андреева также в портфеле, заваленная бумагами. Из «Националя» мы вышли около 2-х часов дня. Шофер не подозревал, куда он нас везет. Я, дав ему револьвер, обратился к нему как член комиссии тоном приказания: «Вот вам кольт и патроны, езжайте тихо, у дома, где остановимся, не прекращайте все время работы мотора, если услышите выстрел, шум, будьте спокойны».

---

¹²² Товарищ — заместитель.

¹²³ Ныне гостиница «Будапешт».

¹²⁴ Ныне улица Неглинная.

¹²⁵ Гостиница «Националь».

Был с нами еще один шофер, матрос из отряда Попова, его привез один из членов ЦК. Этот, кажется, знал, что затевается. Он был вооружен бомбой. В посольстве мы очутились в 2 часа 15 минут. На звонок отворил немец-швейцар. Я плохо и долго объяснялся с ним на ломаном немецком языке и наконец понял, что теперь обедают и надо подождать 15 минут. Мы присели на диванчике.

Через 10 минут из внутренних комнат вышел к нам неизвестный господин. Я предъявил ему мандат и объяснил, что являюсь представителем правительства и прошу довести до сведения графа о моем визите. Он поклонился и ушел. Вскоре, почти сейчас же, вслед за ним вышли 2 молодых господина. Один из них обратился к нам с вопросом: «Вы от тов. Дзержинского?» — «Да». — «Пожалуйста».

Нас провели через приемную, где отдыхали дипломаты, через зал в гостиную. Предложили сесть. Из обмена вопросами я узнал, что разговариваю только с уполномоченным меня принять тайным советником посольства доктором Рицлером, позже — заместителем Мирбаха и переводчиком. Ссылаясь на текст мандата, я стал настаивать на необходимости непосредственного, личного свидания с графом Мирбахом. После нескольких взаимных разъяснений мне удалось вынудить доктора Рицлера возвратиться к послу и, сообщив ему мои доводы, предложить принять меня.

Доктор Рицлер почти сейчас же вернулся вместе с графом Мирбахом. Селивокруг стола; Андреев сел у двери, закрыв собой выход из комнаты. После 25 минут, а может, и более, продолжительной беседы в удобное мгновение я достал из портфеля револьвер и, вскочив, выстрелил в упор последовательно в Мирбаха, Рицлера и переводчика. Они упали. Я прошел в зал.

В это время Мирбах встал и, согнувшись, направился в зал, за мной. Подойдя к нему вплотную, Андреев на пороге, соединяющем комнаты, бросил себе и ему под ноги бомбу. Она не взорвалась. Тогда Андреев толкнул Мирбаха в угол (тот упал) и стал извлекать револьвер. В комнаты никто не входил, несмотря на то, что когда нас проводили, в соседней комнате находились люди. Я поднял лежавшую бомбу и с сильным разбегом швырнул ее. Теперь она взорвалась необычайно сильно. Меня отшвырнуло к окнам, которые были вырваны взрывом. Я увидел, что Андреев бросился в окно. Механически, инстинктивно подчиняясь ему, его действию, я бросился за ним. Когда прыгнул, сломал ногу; Андреев уже был на той стороне ограды, на улице, сел в автомобиль. Едва я стал карабкаться по ограде, как из окна начали стрелять. Меня ранило в ногу, но все-таки я перелез через ограду, бросился на панель и дополз до автомобиля. На улицу никто не выходил. Часовой, стоявший у ворот, вбежал во двор. Мы отъехали, развили полную скорость. Я не знал, куда мы едем. У нас не было заготовленной квартиры, мы были уверены, что умрем. Нашим маршрутом руководил шофер из отряда Попова. Мы были взволнованы и утомлены. У меня мелькнула усталая мысль: «Надо в комиссию... заявить». Наконец, неожиданно для самих себя, очутились в Трехсвятительском переулке в штабе отряда Попова. Сделаю короткое, но нужное отступление.

Думали ли мы о побеге? По крайней мере, я — нет... ни сколько. Я знал, что наше деяние может встретить порицание и враждебность правительства, и считал необходимым и важным отдать себя, чтобы ценою своей жизни доказать нашу полную искренность, честность и жертвенную преданность интересам Революции. Перед нами стояли также вопрошающие массы рабочих и крестьян — мы должны были дать им ответ. Кроме того, наше понимание того, что называется этикой индивидуального терроризма не позволяло нам думать о бегстве. Мы даже условились, что если один из нас будет ранен и останется, то другой должен найти в себе волю застрелить его. Но напрашивается лукавый вопрос: а почему мы приказали шоферу не останавливать мотор? На тот случай, если бы нас не приняли и захотели проверить действительность наших полномочий, мы должны были

скорей поехать в ЧК, занять телефон и замести следы попытки. Если мы ушли из посольства, то в этом виноват непредвиденный, иронический случай.

Я оказался раненным в левую ногу, ниже бедра. К этому прибавились полученные при прыжке из окна надлом лодыжки и разрыв связок. Я не мог двигаться. Из автомобиля в штаб отряда¹²⁶ Попова меня перенесли на руках матросы. В штабе я был острижен, выбрит, переодет в солдатское платье и отнесен в лазарет отряда, помещавшийся на противоположной стороне улицы.

С этого момента я был предоставлен самому себе, и все, что происходило 7 июля,¹²⁷ мне стало известно только в больнице из газет и гораздо позже, в сентябре, — из разговоров с некоторыми членами ЦК.

Я пережил в лазарете и сознательно помню только один момент — приезд в отряд тов. Дзержинского с требованием выдачи меня. Узнав об этом, я настойчиво просил привести его в лазарет, чтобы предложить ему меня арестовать. Меня не покидала все время незыблемая уверенность в том, что так поступить исторически необходимо, что Советское правительство не может меня казнить за убийство германского империалиста. Но ЦК отказался выполнить мою просьбу. И даже в сентябре, когда июльские события четко скомпоновались, когда проводились репрессии правительства против левых эсеров и все это сделалось событием, знаменующим собою целую эпоху в Русской Советской Революции, даже тогда я писал к одному члену ЦК, что меня пугает легенда о восстании и мне необходимо выдать себя правительству, чтобы ее разрушить.¹²⁸

Красная книга ВЧК. — М.: Изд-во политической литературы, 1990. — Т.1.

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ (ВОСПОМИНАНИЯ БЕЛОГО КОНТРАРАЗВЕДЧИКА НИКОЛАЯ СИГИДЫ¹²⁹)

Читая записки Сигиды, необходимо учитывать, что, созданные в 1925 году в Софии, они не предназначались для публикации и не имели пропагандистского значения.

Всю революцию от начала ее мне волею судеб пришлось провести в Петербурге, сначала в качестве младшего офицера 2-й роты запасного батальона лейб-гвардии 3-го стрелкового его императорского величества полка, а затем в качестве офицера штаба резерва округа («товарищи» решили, что, исключив меня из батальона, они обрубили несколько щупалец гидре контрреволюции). Но вот пришел ноябрь месяц (1917 года. — В. Б.),¹³⁰ и дальнейшее существование становилось невозможным... становилось жутко. Когда народ был пьян от водки, была надежда, что он проспится, когда же от стал пьяным от крови братьев своих — надежда умерла.

На Дон я приехал 6 ноября и через некоторое время получил место начальника 1-го

---

¹²⁶ Отряд при ВЧК, возглавляемый левым эсером Поповым.

¹²⁷ Имеется в виду неудачное восстание левых эсеров в Москве.

¹²⁸ Дальнейшая судьба Блюмкина: после амнистии и освобождения из-под стражи вступил в РКП(б), в 1920–1921 гг. учился в военной Академии РККА. В 1925 г. поступил на службу в ОГПУ. В 1929 г. был арестован за связь с Троцким и расстрелян.

¹²⁹ Николай Федорович Сигида. бывший гвардейский подпоручик, стал вскоре после Октября агентом контрразведки Добровольческой армии и оказался в эпицентре событий на Дону первой четверти 1918 года. Он занимал видные посты и в красном Таганроге, и в оккупированном немцами Ростове, участвовал в походе белого полковника М. Г. Дроздовского.

¹³⁰ Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

участка городской милиции Таганрога. В Таганрог прибыл поручик Белов от штаба Добровольческой армии,¹³¹ начальник Таганрогского пункта контрразведки. Я, как выяснилось, был ему рекомендован.

Тем временем положение в городе осложнялось. У обывателя «шерсть поднималась дыбом» в предчувствии чего-то нехорошего. Это нехорошее не медлило своим приходом, и уже к концу декабря отряды красных под командой матроса Х (фамилию не помню) и некоего, по-видимому, офицера, Сиверса двигались сначала к Донской области, затем и на Таганрог.¹³² Вожди отряда были звери, расстрелы и самые кошмарные издевательства были спутниками их похода, имея целью своеобразное настраивание этой толпы, которая носила название войск. Ни одной минуты отдыха человеку, через кровь идущего к крови, ни одной минуты сна человеку, пьяному от крови брата своего, не давали эти люди, дабы угар не мог пройти раньше, чем будет достигнута цель. Понимание психологии масс, чисто звериное, не научное, а инстинктивное давало возможность вождям мановением пальца своего повелевать массами.

(После установления Советской власти 19 января 1918 года автор остался в Таганроге для контрреволюционной работы и по протекции своего однокашника по Коммерческому училищу Е. И. Болотина, комиссара финансов СНК Донской республики, стал членом коллегии при таганрогском военкоме и занимался «организацией отпора» войскам генерала Корнилова. — В. Б.)

Предстояла большая работа и в случае неудачи возможность попасть под расстрел. Нервы напряжены до крайности. Бессмыслица стала нормальным явлением. Сначала приходилось пить, чтобы вздернуть себя хотя бы обманным путем. Разведка левых социалистов-революционеров во главе с Калабуховым шпионила всюду и везде. Разведка Украинской Рады и разведка большевиков не отставали тоже. ЧК на Металлическом заводе в лице бывшего начальника стражи завода свирепствовали вовсю, и горе тем, кто попадал туда.

Я сделал все, чтобы забить железнодорожные линии и не допустить прохода составов, делал так, чтобы и складов годных не было. В этом приблизительно объеме и поэтому же плану шла наша работа в тылу у большевиков, парализуя их попытки к тому, чтобы уметь управлять. Управления как такового на месте не было, ибо управлять было не под силу кому бы то ни было. Все управлялось само собой.

В самый нужный момент кого-либо не отыскивали, и дело останавливалось на определенное время. Однажды даже хотели аэроплан скрасть для Корнилова, но полетевший на нем летчик благодаря неосторожности свернул себе шею и разбил аппарат. Нередко бывали и случаи, что вместо производства маневров спешно составляли поезда для гуляющих комиссаров и один за другим на полной скорости развозили пьяные компании в Ростов и другие станции. Жизнь проходила весело, время летело незаметно.

Председателем совнаркома Дона сделался знаменитый вахмистр Подтелков...

Высокого роста, широкоплечий человек, одетый в папаху, короткий темный френч, бриджи и ботфорты, он походил на мясника, только что собравшегося на бойню. Такое впечатление производила эта фигура, находящаяся в любом месте поля вашего зрения, и безразлично от того, что вы наблюдали: лицо или спину. Молчаливый, вялый в движениях, он, если вы приходили к нему по какому-либо делу, прежде всего впивался в вас

---

¹³¹ Речь идет о военной организации, основанной 2 ноября 1917 года в Новочеркасске генералом М. В. Алексеевым. В нее вступали приезжавшие на Дон со всех концов России офицеры, юнкера, учащаяся молодежь. Во второй половине ноября в ней насчитывалось более 600 человек. 27 декабря эта организация была преобразована в Добровольческую армию. В командование вступил генерал Л. Г. Корнилов, а верховным руководителем был объявлен М. В. Алексеев.

¹³² На борьбу с калёдинщиной были направлены отряды под командованием большевиков Н. А. Ховрина (1891–1972) и Р. Ф. Сиверса (1892–1918).

полиявшими от степного ветра неприятными колючими глазами и, пронизывая, впитывал и угадывал в вас контрреволюционера, годного по деяниям своим для Парамоновского подвала. И только после того, когда он находил, что рук марать о вас не стоит, он спрашивал, зачем вы пришли. Во все время разговора с вами лицо этого человека не менялось, и думали вы, глядя на него, что перед вами человек, занятый чем-то другим, ибо мысли его были где-то далеко. Бесстрастное лицо вершителя судеб все же носило на себе отпечаток какой-то бессмысленной ненависти и злобы, царившей в нем как первоисточник существования... Подтелков в военном отделе являлся очень редко и то на короткое время. Эти визиты носили характер частных и на Флорове как на подчиненном, несколько не отражались; он все же был самостоятельным и в своих действиях, и в своих решениях, и только, когда не хотел чего-либо делать и в то же время не хотел и отказаться, говорил, что это зависит от Подтелкова, что он ему во всем подчинен и, как тот скажет, так и будет. В таких случаях Подтелков всегда отказывался.

Очередным действующим лицом был Орджоникидзе — грузин по происхождению, присланный на Дон из Центра. Живой и изворотливый, с сильным акцентом инородца, плюс ко всему этому нахальный, делающий вид, что он занят работой по горло, «товарищ Серго», как его здесь звали, всюду совал свой нос, наполняя комнаты отеля резким криком акцентирующего голоса. Он имел при себе революционные надобности, несколько ящиков денег и свою охрану. Это давало ему возможность подчинить себе жадных советских служащих и командовать ими, как то ему было угодно.

Власть местная тоже имела своих более видных членов. Одним из таких был Зявкин, начальник красной гвардии Ростова — гроза городского населения, а в особенности несчастных белогвардейцев, безжалостно истребляемых в подвалах Парамонова.

Наши разведчики имели доступ всюду. Тайная организация полковника Орлова и разведка, оставленная на местах Добровольческой армией, снабдили своими членами все советские учреждения в достаточной мере. Начиная от милицеевских участков и кончая наркомом, разведка имела свои глаза и уши, и Центр наш всегда был благодаря этому в курсе событий. Наши агенты, будучи на службе у большевиков, занимали у них места от милиционера до наркома включительно.

Вдруг распространились слухи о приезде в Ростов по особо важному делу военного комиссара Кубано-Черноморской губернии некоего Автономова (говорят, бывшего офицера Балтийской морской пехоты).¹³³ Разведка сообщила, что нарком готовится к важному совещанию для выработки плана совместных действий против каких угодно белых, угрожающих Кубанской республике. Были сделаны фальшивые документы о делегировании меня на это совещание от Алексеевской волости Таганрогского уезда.

Отель охранялся тройной линией. Первая — стрелки пулеметной команды, вторая — местная полиция и третья — стрелки особого отряда, набранного из всякого сброда. Миновав эти три линии, мы вошли в отель, поднялись на второй или третий этаж, где была комната, предназначенная для заседания. Она имела четыре двери. Одна из них выходила на балкон, а три другие — в коридоры. У каждой двери стоял часовой-красноармеец, а внутри была контрразведка белых! Какая злая шутка.

Около двух часов ночи заседание подходило к концу, придя к следующему решению: хорошо укомплектованный отряд матроса Шкуры, что в Батайске, и свой особый отряд стрелков в Ростове сформировать путем слияния в одну часть под командой Шкуры и послать на Кубань как самостоятельный отряд, который во всем считался бы в своих

---

¹³³ Алексей Иванович Авторомов (1890–1919), бывший хорунжий, в январе 1918 года был избран главнокомандующим Юго-Восточной революционной армией, а с 6 апреля стал главнокомандующим вооруженными силами Кубанской советской республики.

действиях против противника с общим планом. Для этой цели Главнокомандующий войсками Автономов должен был послать в отряд свою связь. Уцелевшие же части заменить местными и наверстанными в округе, где, кстати, должна была произойти мобилизация. Все были довольны столь мудрым решением, и Автономов уже видел перед собой побежденный белый отряд.

После этого мне удалось снестись с Беловым и благодаря полученным от него инструкциям перейти к действиям, цель которых была оставить Автономова без поддержки со стороны Дона. Ростовская анархическая федерация на три четверти своего состава, если не больше, состояла из офицерства, чуждого всякой партии, а тем более федерации анархистов. Но это давало возможность не только жить, но еще и иметь оружие, бомбы, устраивать демонстрации против большевиков и вообще чувствовать себя непринужденно. Не помню хорошо, но, кажется, были даже брошены бомбы. В общем, у правителей Дона создалось паническое настроение.

В Ростове (...) атмосфера как-то сразу сгустилась. Что было этому причиной — трудно сказать: то ли вести из Украины, то ли армия добровольцев. Обыски и аресты участились, и на свет появился полоумный садист студент Полуян, уроженец Екатбринодара... По городу взад и вперед шныряли автомашины то с начальством, то с очередными арестованными. Теперь уже действовали не только подвалы дома Парамонова, действовали и подвалы отеля «Астория» также. В последнем было не хуже, чем в первых. В тюрьме же хозяйничал полупьяный Полуян. Злобу свою сатанинскую вымещал он и на старом, и на малом одинаково.

...С. Н. К. Дона предполагал, что немцы, подойдя к границе Дона, пошлют к ним делегацию с просьбой разрешить перейти ее. Конечно, революционное правительство им в этом откажет.

Когда выяснилось, что телеграф с Таганрогом не работает и причиной этому может быть приход и занятие города неприятелем, «трупы» зашевелились и начали спешно обнюхивать воздух. Скоро прибывшие беглецы успели напугать тем, что город Таганрог объявлен занятым немцами, беспощадно расправляющимися с большевиками, одних — комиссаров — расстреливали, а других — рядовых коммунистов — отсылали на работы. Разумеется, ни первое, ни второе «трупам» не улыбалось, а потому нужно было быть готовым положить «трупы»... в более сохранный место. Иными словами, нужно было приготовиться к бегству, оставив на произвол судьбы своих бесчисленных помощников и «революционный трудящийся народ». Начались сборы...

По улицам, за автомобилями с мечущейся властью, не пройти, не проехать. На вокзале готовый поезд. Чрезвычайка во главе с Полуяном заработала вовсю, стараясь использовать каждую свободную минуту. Все были начеку, чтобы пуститься к бегству. Ждали немцев и сознавали, что с ними шутки плохи, а революционная армия в бой, безусловно, не вступит. Все чего-то ждали. Обыватель притаился, как таракан у печки, и, сбитый с толку, не знал, что ему делать (...) Но вот и утро пасхального дня... (В этот день, 21 апреля 1918 года, автор в составе отряда Дроздовского, опередив немцев, вступил в Ростов; однако на следующий день под напором превосходящих советских войск дроздовцы оставили город и отошли в село Чалтырь. — В. Б.)

Когда мы подошли к немцам, уже за Чалтырем, они были готовы к наступлению. Ранцы были сняты и аккуратно расставлены на землю, причем около имущества каждой роты был оставлен часовой, солдаты же сидели, то ли отдыхая, то ли поджидая кого-то. Когда цепи с бугров, стройно и чинно, точно автоматы, спустились вниз, мы подошли к буграм, наблюдая за боем. Немцы били из пушек по отдельным большевистским пулеметам, ликвидируя их иногда со второго выстрела.

Но вот мы и на улицах Ростова. Они пусты, точно вымерли. По дороге ни одного трупа.

Зато патронов и оружия сколько хочешь. Это обстоятельство говорило за то, что «драп» был больше, чем усиленный. Налегке совсем входили в город со стороны Таганрогского проспекта. В колонне по отделениям шли немцы, за ними небольшим отрезком шли мы, одетые по-походному, запыленные благодаря долгому пути. За нами движется наш обоз, состоявший не то из одной, не то из двух телег, взятых нами в Чалтыре. Все оружие и патроны, что были по пути движения нашего, мы набирали в телеги, которые вскорости были полны.

Кроме того, каждый из нас нес по 4–5 брошенных красными винтовок.

По мере продвижения в город, то есть к его центру, наблюдалось и больше признаков присутствия в нем живых существ; сначала видны были силуэты в окнах, потом — по два и по три уже на улицах у открытых парадных подъездов и у калиток. Лица у всех испуганно-радостные. С легкой тенью недоверия к случившемуся. Но вот конец Таганрогского проспекта. Здесь нас буквально засыпали цветами. Каждый считал своим долгом остановить кого-либо из нас и приколоть к шинели букетик цветов. Поверх же винтовок в телегу клали нам куличи, пасхи и яйца. В руки, в карманы совали папиросы, иногда коробками совали папиросы, иногда коробками в целую сотню.

Комендантом города был издан приказ о сдаче оружия в трехдневный срок и о смертной казни для неповинующихся. Нам выданы были ордера для свободного производства обысков и арестов с правом на помощь, если это будет необходимо, немецких патрулей.

Арестованных к этому времени набралось довольно много. Работа между мной и поручиком Беловым распределилась так: я допрашивал и давал заключение по допросам следователю, который был к этому времени нами абонирован. Таким образом, на моей обязанности лежала присуда. На обязанности же поручика Белова лежало производство обысков и арестов и разбирательство в доносах.

О всех задержанных давались сведения мне не позже четверти часа после поступления их в комнату арестованных... Причина ареста всегда вызывалась показаниями свидетелей, или доносом, или захватом какого-либо уличающего документа. Свидетели же защиты вызывались по данным адресам в течение двух-трех часов. Все разбирательство длилось не более суток, через каковой срок арестованный, кто бы он ни был, или освобождался, снабженный соответствующим документом, или расстреливался. Другого наказания мы не имели, а в разбирательствах были крайне осторожны. Естественно, не щадили евреев, но они сами тому виной.

Работать приходилось очень много. Начало обыкновенно приходилось в 9.30–10 часов утра, а конец часам к 4–5 ночи. Усталость одолевала иногда настолько, что трудно было удержаться, чтобы не заснуть. Иногда приходилось от очередной работы уходить по каким-либо важным, не терпящим отлагательств делам. Тогда допросы производил следователь, а я получал их уже готовыми. Во всяком случае, мои отлучки на времени задержания арестованных не сказывались. Строгость и скорость присуждения вызывалась следующими соображениями: вредное никогда не может стать полезным, во-первых; взявший одно око должен заплатить за него двумя, во-вторых; и что самый лучший способ лечения — хирургический, в-третьих. Вот наши принципы работы, ибо вкусивший власть всегда будет стремиться к ее достижению, а достигнув, возобновить старое. Мертвые же пока что не воскресают, а следовательно, и не опасны. Иногда случалось, что мы освобождали лиц, арестованных по доносу, которые совершенно не имели свидетелей защиты. Были случаи, когда отпускали преступников. Так, однажды у меня на допросе весь в слезах просил о пощаде один из видных красногвардейцев штаба Зявкина, слесарь мастерских Владикавказской железной дороги. Ссылаясь на то, что у него шестеро детей мал мала меньше и что в случае, если его расстреляют, они останутся без куска хлеба.

— Я лучше умру, чем позволю себе еще когда-нибудь делать то, что я сделал. Пощадите меня, — говорил он. И я, подумав об этом обстоятельстве, выдал ему отпускное свидетельство и сказал, что он свободен. За это он сумел «отплатить». Дня через два в районе Темерника из засады был убит один из наших офицеров, бывший там в компании других. Убийцу, несмотря на то, что он отстреливался, ранили и, задержав, отправили ко мне. Угрюмо, исподлобья смотрел он и не ответил ни единого слова на мои вопросы. А когда я напомнил ему об обещании его, он только пожевал сухими губами. Конечно, через несколько часов он был расстрелян.

Большинство расстрелянных были все люди, отличавшиеся своею жестокостью во времена большевиков. Несмотря на это, они были жалки перед своей собственной смертью. Иные так и не могли стать на ноги, до такой степени теряли силы, благодаря испугу. Насколько подл человек. Насколько он может быть страшен, когда он силен, и насколько гадок и противен, когда он слаб...

Работая так, однажды я получил фотографическую карточку, сделанную в виде открытки, где была изображена довольно милостивая дама или барышня. Переправив мне эту карточку, агент мой сказал мне, что это есть знаменитая сестра Зявкина. Карточку эту он получил у нее, успев уже войти с ней в довольно интимные отношения. Сказал мне и следующее: по имеющимся у него сведениям, эта дама ищет знакомства с чинами контрразведки полковника Дроздовского с целью уничтожения их поодиночке.

— Со мной она это делать еще не пытается. По-видимому, я еще нужен. С Вами просила познакомиться, но я сказал, что, во-первых, Вы нигде не бываете, а, во-вторых, всегда очень заняты. Стороной же узнал, что она к Вам придет на прием якобы за справкой об арестованном. Она немного заgrimирована, так что сразу узнать ее трудно.

— Неужели она не боится, что будет опознана и арестована? Ведь достаточно того, что она сестра Зявкина, — спросил я его, предполагая, что с карточкой возможна ошибка.

— Ну вот, когда Вам придется иметь с ней дело, тогда узнаете, насколько она боязлива, — ответил агент, — а пока разрешите откланяться.

С тех пор прошло несколько дней. Карточка, положенная в стол, затерялась там между другими бумагами, о Зявкиной я забыл. Сразу не приказал ее арестовать только из желания арестовать ее после того, как она явится сама. Уйти из Ростова, имея здесь цель пребывания, она не могла, и я был спокоен за возможность взять, ее под арест в любой момент.

И вот однажды вечером (у меня были и вечерние приемы) мне доложили о том, что какая-то дама хочет меня видеть. Я приказал впустить.

Вошла среднего роста, довольно элегантно одетая шатенка. Я бы не сказал, что она дурно сложена и собой не привлекательна. Поднявшись ей навстречу, я предложил занять стул возле моего стола и осведомился, что ей угодно. Она ответила, что хотела бы узнать что-либо о судьбе арестованного такого-то. В этот момент я вспомнил про все сказанное мне моим агентом, не знаю почему, мои губы улыбнулись.

— Должно быть, я узнаю что-либо хорошее, если Вы смеетесь.

— Да. И даже очень хорошее, — ответил я, роясь у себя в ящике, чтобы взять оттуда карточку. Наконец последняя была найдена, и я, повернув ее к сидевшей и нажав кнопку электрического звонка, спросил:

— Скажите, эта фотография ваша ли?

— Да. Но как она попала к Вам сюда? — удивилась моя собеседница.

В это время на мой звонок вошел дежурный офицер. Остановив его знаком, я продолжал:

— Прежде всего, при малейшем движении рук я пушу в вас пулю. Поэтому благоволиите держать их спокойно как они есть, а теперь я вам отвечу на вопрос. Карточка попала ко мне потому же, почему и вы у меня. Ведь вы знаете, зачем вы пришли ко мне? Вы ведь сестра знаменитого Зявкина?

— Да, я его сестра. Что ж из этого? Если Вы знаете цель моего визита, тем хуже для

Вас, — ответила она с легким волнением, а вернее, с досадой. После этого она была уведена и отправлена в арестанскую комнату.

На другой день состоялся допрос в присутствии Бологовского. О том, что она из себя представляет, мы знали, да и сама она не отрицала. На вопрос же, почему она осталась здесь, она ответила, что мало ли что-де могло ее тут задержать. И вот это-то «мало ли что» нам и нужно было узнать.

Допрашивали наверху, потому что допрос имел быть «с пристрастием», то есть с шомполами, применяемыми для большей словоохотливости допрашиваемого. Разумеется, что Зявкина говорить ничего не хотела. Она не знала, откуда в ее комнате револьвер, почему там были патроны, чьи фотографии, главное — кто еще кроме нее состоял в террористической организации. Когда ей заявили, что принуждены будут дать ей «25», а подпрапорщику С. было сказано: «Подпрапорщик, приготовьтесь», эта «милая женщина», презрительно улыбаясь, заметила:

— Ведь вы офицеры-рыцари. Неужели вы сможете ударить женщину?

— Преступник в глазах судей — существо бесполое. Он — преступник и все. Поэтому или отвечайте, или вас будут бить, — сказал Бологовский.

Она предпочла быть битой, и не только 25 раз, а гораздо больше. И даже тогда, когда ее вешали, она все же нашла в себе мужество сказать:

— Сколько вас сейчас, а я одна, и сколько было востогда, я же была тоже одна.

После этого, подпрыгав немного ногами и руками, она осталась «также одна» (...)

Все, казалось, шло хорошо. Но вот в меньшевистском вестнике начали появляться статьи о том, что они-де, мол, меньшевики, требуют, чтобы все было решено судом, что даже самого важного большевика надо судить, а не так просто стрелять. Да и стрелять много нельзя. Этот же самый вопрос поднят был в городской думе меньшевиком Петренко, тем самым, что при большевиках гордо кормился из красных запасов.

Конечно, на разговоры членов этой партии и родственной ей с. р-в мы обращали внимание не больше, чем на пустой лай, и как делали свое дело, так и продолжали его делать. Нападки тем временем продолжались и стали принимать размеры нежелательные.

Всю жизнь свою пробыв с желтым билетом и с еженедельным санитарным осмотром, партии меньшевиков и с. р-в захотели стать порядочными женщинами и занялись пересудами по адресу «сбившихся с пути» о «достоинстве человеческом позабывших», как писали в то время левые газеты.

Петренко же пошел еще дальше и, как полагается всякой «порядочной» женщине, обладательнице упомянутого документа, пользуясь правами председателя Городской Думы, заявил немецкому коменданту, что русские власти — грабители и разбойники. Народ убивают среди бела дня и грабят его на чем свет стоит. В результате жалоб просил со стороны коменданта помощи. Делая это дело, пошлое и грязное, он позабыл о том, что его же, служившего большевикам, не только не убили, но и не арестовали, ибо за ним не значилось кровавых преступлений.

На другой день меня, Белова и Бологовского вызвал к себе комендант и попросил возвратить ему те документы, какие мы имеем от него на право обысков арестов.

— Это я должен сделать официально. Официально же я не могу вам дать право расстреливать. Такова политика. Но неофициально скажу. В ваши дела вмешиваться не буду. Делайте осторожно, и только.

Таким образом, официально мы теряли права на известное положение в городе и волей-неволей должны были продолжать свое дело исподволь, уже как бы на «законном» основании. И это благодаря людям, у которых хватало смелости называть себя русскими. Эти же лица пошли и дальше, агитируя против нас уже среди городского населения, начавшего забывать все ужасы недавнего прошлого. Вместо ласковых встреч уже появились

молчаливо-укоризненные, а иногда и просто недоброжелательные.

Странное чувство зарождалось где-то глубоко против людей, кто бы они ни были. Какая мерзость, какая гадость. Неужели мы, русские, не могли знать только русских в личных наших делах и неужели большевики недостаточно заплевали наши души для того, чтобы мы шли положительно на все для избавления их от заслуженного наказания? Но таковы партии меньшевиков и с. р-в. Нет в них ни совести, ни чести, ни вообще чего-либо, характеризующего человека с хорошей точки зрения. И что характерно, так это то, что таковы они всюду, не только в России.

Публикация, предисловие и примечания Виктора Бортневского, кандидата исторических наук. — Родина, 1990, № 10.

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ЗАГОВОРЫ (С. Е. ТРУБЕЦКОЙ¹³⁴)

Если после большевицкой революции, лишившей всех нас состояния, я принужден был служить, так сказать, «для тела» (я должен был содержать мать и сестру), то для души я принимал участие в разных тайных политических делах и организациях. Через Папа я соприкасался с работой тайной противобольшевицкой информационной организации, так называемой «Азбукой» В. В. Шульгина (лично познакомился с ним только в Берлине в 1921–1922 гг.). По поручениям Папа мне приходилось встречаться с французским генеральным консулом в Москве Гренаром. Папа и я были тогда очень неискушены в конспиративных делах, и мне до сих пор непонятно, почему ни он, ни я не были арестованы по этому делу большевиками. Правда, события происходили еще то время, когда ВЧК сама была далеко не так прекрасно организована, как позднее.

Зимой 1918 года Миша Лопухин, игравший роль тайной московской Военной Организации, связанной нами, сообщил мне о готовившемся заговоре для освобождения Государя и его Семьи, находившихся тогда под арестом в Тобольске. Дело это было задумано и велось отдельно от существовавших тогда политических и военных организаций. Лопухин познакомил меня с присяжным поверенным В. С. Полянским, душою заговора. Последний произвел на меня крайне легкомысленное впечатление. Я не подозревал его в провокации, не очень боялся, чтобы он не погубил Государя, а также участников заговора легкомысленной подготовкой. Кроме того, я как-то мало верил тому, что рассказывал Полянский о своих сношениях по этому вопросу с французским послом Нулансом и другими иностранными дипломатами.

Полянский был в Москве вообще неизвестен, но в революционные эпохи выдвигаются новые люди, и кроме того, в такие времена необходима некоторая доля политического авантюризма, вредного в нормальное время. Какие и у кого можно было наводить о нем подробные справки в такое время и по такому делу? Во всяком случае, Полянский, видимо, обладал некоторым шармом: например, он обворожил Мишу Лопухина, человека безусловно умного. Меня Полянский звал участвовать в заговоре «на первых ролях», не определяя, в чем состояла бы моя деятельность... Условием моего вхождения в организацию я поставил привлечение к делу, хотя бы только в виде советников, двух-трех крупных государственных или общественных деятелей, известных и Государю, и союзникам. К тому же, — говорил я и

---

¹³⁴ Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой, сын известного русского философа и общественного деятеля Евгения Николаевича Трубецкого (1863–1920). Родился в Москве в 1890 г. В 1918–1920 член тайных организаций — «Национального центра» и военной комиссии «Тактического центра». В январе 1920 г. арестован ЧК и после следствия на Лубянке приговорен Верховным трибуналом РСФСР к расстрелу, с заменой на 10 лет заключения. Осенью 1922 года был выслан из СССР в Германию. Скончался в Клараме (Франция) в 1949 г.

Полянскому, и Лопухину, — без известных имен мы не сможем получить достаточно денег, а если деньги — «нерв войны», то они тем более — «нерв заговоров». В, данном случае, для безопасности Государя, мы должны особенно стараться свести действие силой до возможного минимума и больше основываться на подкупе (нам говорили, что подкупность большевицкой стражи Царской Семьи была уже проверена).

Я назвал несколько имен, из которых мы сошлись с Полянским на А. В. Кривошеине и А. Д. Самарине. Я взялся переговорить с обоими, я их лично знал. Как тот, так и другой (я говорил с ними отдельно), отнеслись к заговору Полянского еще гораздо скептически меня. Кроме тех же сомнений, что и у меня, в серьезности постановки дела и в личности самого Полянского, Кривошей в самом принципе был против попытки освобождения Государя путем заговора. Он почему-то считал положение Государя не столь безнадежным и поэтому не хотел идти на риск какого бы то ни было заговора. А. Л. Самарин еще осторожнее меня отнесся к данному заговору, участвовать в котором он решительно отказался, но, в принципе, был согласен со мною, что положение Государя чрезвычайно опасно и риск для Царской Семьи будет только расти.

Так мой проект дать заговору Полянского более серьезную базу — провалился, и Полянский с Лопухиным продолжали дело тем же совершенно кустарным способом, что и раньше. Мой брат (которому, под секретом, я рассказал о своих сношениях по этому делу) и четыре двоюродных брата: Владимир Трубецкой, Николай Лермонтов и двое Соловых, в качестве рядовых исполнителей, под начальством Миши Лопухина, с группой других участников дела (почти исключительно офицеров) в январе 1918 года поехали в Сибирь. Вся эта симпатичная, но абсолютно несерьезная, рискованная затея провалилась, к счастью, без вреда для кого бы то ни было. Последнее — почти чудо. Мой брат Саша написал свои воспоминания об этом заговоре. Здесь на деле проявилась жертвенная готовность многих идти с закрытыми глазами на рискованное дело ради освобождения Государя, но раскрылась также преступно-легкомысленная организация такого ответственного дела. Полянский, зная, как все было подготовлено — вернее, не подготовлено, — не имел права рисковать жизнью участников заговора, веривших ему на слово и обманутых им, и, главное, не имел права рисковать жизнью Государя.

В. С. Полянский пропал с моего горизонта. Только приехав за границу, я услышал о нем весьма неблагоприятные отзывы: он, будто бы, сделался секретным агентом ГПУ. Никаких данных в этом отношении у меня лично нет, однако самый факт, что никто из участников заговора тогда не пострадал, говорит за то, что в то время Полянский агентом ВЧК не был. Мне приходилось слышать, что позднейший арест Миши Лопухина и его расстрел, будто бы, стоял в какой-то связи с его бывшей работой с Полянским. Насколько я знаю, это не верно: Лопухин и группа офицеров, с ним связанная, пали жертвой предательства по линии военной организации, в которой все они состояли. Произошло это, по всей вероятности, не без немецкого участия. По некоторым данным, немцы в Москве, напавшие на след военной организации «союзнической» ориентации, выдали ее на расправу большевикам.

Не припомню точно времени моего вхождения в Национальный Центр, куда меня привлекли О. П. Герасимов и Д. Н. Шипов. Последний, впрочем, в это время принимал уже очень небольшое участие в деятельности Центра, но продолжал быть его казначеем. Потом Шипов был арестован и скончался в тюрьме. Тело его было выдано на руки его семье, и я был на его похоронах. Не помню, чтобы кто-нибудь так переменялся в гробу, как Дмитрий Николаевич, которого я не видел только несколько месяцев. Я бы его не узнал.

Шилову очень повредила его закоренелая привычка к «общественной отчетности». Как мне передавали, у него при обыске нашли полную отчетность Национального Центра. Повредить эта отчетность могла только самому Шилову, так как он не мог, разумеется, объяснить, что она означает, все же статьи расхода и имена были обозначены условными словами.

Мы не раз просили Д. Н. Шилова не вести отчетности по хранившимся у него суммам,

но он никак не мог на это решиться. Говорили, что именно находка этой «шифрованной отчетности» погубила Шилова: без этого он был бы отпущен из тюрьмы, где он вскоре заболел и умер.

Когда-то Жорж Кадудаль говорил сообщникам по заговору: «Когда мы победим, нам останется только умереть, — к нормальной жизни государства мы, конспираторы, не приспособлены!». Думаю, Кадудаль, по существу, был прав, однако, лично мне пришлось наблюдать в жизни гораздо больше обратных случаев, когда люди, привыкшие к нормальной жизни государства, именно поэтому оказывались неприспособленными к роли заговорщиков или «подпольщиков». Таким был, например, прекраснейший человек изамечательный земец, Д. Н. Шипов. Мне лично, волей судеб, пришлось заниматься «конспирацией» довольно долго, я начал это делать еще будучи молодым; однако все же я чувствую себя куда более приспособленным к так называемой «нормально» государственной деятельности, чем к «подпольщине».

Группа Национального Центра в Москве в то время состояла почти поголовно из людей, только силой вещей принужденных заниматься конспирацией, но к ней совершенно неприспособленных. Это, понятно, не могло отзываться на его работе.

Деятельность Национального Центра под большевицкой властью развивалась, главным образом, в двух направлениях: мы, во-первых, держали связь с нашими политическими друзьями и с противобольшевицкими силами на окраинах России (Деникин, Колчак, Юденич), а также, спорадически, с «союзниками». Насколько мы могли, мы информировали антибольшевицкие силы по вопросам политическим, экономическим и даже военным. Во-вторых, мы держали контакт с разными противобольшевицкими организациями внутри Советской России. С остатками Правого Центра и Союза Возрождения России (в который входили антисоветские социалисты разных толков) Национальный Центр состоял в постоянном общении и для этого, ввиду обстоятельств, был даже создан так называемый Тактический Центр, в который входили по два представителя каждой из трех политических организаций. От Национального Центра туда входили Н. Н. Щепкин и О. П. Герасимов (когда Щепкин был арестован и потом расстрелян, заменил его я). В свою очередь, Тактический Центр выделил из себя Военную Комиссию из трех членов, куда входили от Правого Центра мой приятель С. М. Леонтьев, от Союза Возрождения — С. П. Мельгунов, а от Национального Центра — я. Тактический Центр и особенно Военная Комиссия постепенно сделались единственным органом всех трех политических организаций, работа которых все более замирала в условиях большевицкого террора. Последнее время, фактически, работа этой Военной Комиссии лежала на Леонтьеве и на мне. Московская Военная Организация возглавлялась тогда генерал-лейтенантом Стоговым, позднее арестованным и удачно бежавшим из тюрьмы на юг. Его начальник штаба был в то время полковник Генерального штаба Ступин (позднее расстрелян).

Военная Организация, формально, стояла вне всяких политических объединений, но работала в тесном общении с нами. В частности, она финансировалась через наше посредство. Даже когда адмирал Колчак прислал на нужды Военной Организации два миллиона рублей (аннулированными в Сибири «керенками»), дошедшие до нас деньги были внесены не непосредственно Военной Организации, а шли через нашу кассу и выдавались военным постепенно, по мере их нужд.

Военная Организация объединяла и организовывала внутренние противобольшевицкие силы, а также добывала сведения военного характера, которые сообщались нами соответствующим антисоветским вооруженным силам (главным образом, «Юга России»). Кроме того, Военная Организация получала иногда задания наступающих на большевиков армий (например, порча сообщений в тылу Красной Армии и т. п.). Военная Организация подготавливала также план вооруженного восстания в Москве, которое должно было вспыхнуть по указанию Вооруженных Сил Юга России, наступающих на Москву.

Некоторое время после взятия белыми Орла в 1919 году мы со дня на день ожидали этого приказа и так его и не дождались. При восставших в Москве военных силах должны были быть и представители гражданской власти. Согласно плану восстания я лично должен был принять в свое ведение, немедленно после их захвата и до передачи законным властям, Государственный Банк, Казначейство и другие учреждения, где могли находиться государственные ценности. Не могу, разумеется, сказать, насколько удачно могло бы быть наше московское восстание, но планы его были все же довольно разработаны. Настроение большевиков в Москве после Мамонтовского прорыва было почти паническое, что, конечно, увеличивало наши шансы. По нашему мнению, как нами и было сообщено в штаб генерала Деникина, шансы внезапного захвата Москвы были у нас в то время довольно значительные, но мы не могли рассчитывать удержать ее в своих руках, если бы Белая армия не прорвалась к нам в ближайшие дни. Самый факт восстания в Москве, по нашему мнению, немало облегчил бы задачу прорывающимся к ней белым частям.

Я думал, и продолжаю думать до сих пор, что если бы генерал Кутепов после завладения Орлом, несмотря на опасное положение на фронте, собрав кулак, двинулся на Москву, где было бы поднято восстание, судьбы всей кампании, больше того, судьбы России могли бы принять совсем другой оборот.

Многих теперь обуял какой-то исторический фатализм, и они не допускают даже возможности «белой победы» в нашей гражданской войне. Невольно вспоминаются слова Ницше: «Историк — пророк навыворот...» Я не могу встать на эту фаталистическую точку зрения. Конечно, поражение белых не было чисто случайным и имело под собою много оснований, но все же оно было прежде всего военным поражением, и военный успех мог бы все перевернуть. Мы ясно видим теперь политические ошибки белых, но ведь и красные их немало тогда делали... Политические ошибки, конечно, способствовали поражению белых, но нельзя все валить на эти ошибки. В 1943 году, незадолго до кончины П. Б. Струве, я был рад слышать из его уст точно такой же взгляд на этот вопрос. В Париже же я узнал от генерала Кутепова, что после взятия Орла у него было большое желание, наперекор директивам Ставки, нанести прямой удар по Москве; в его штабе были офицеры, увлекавшиеся этим планом (в частности, М. А. Критский). Кто знает, не были ли в этот момент в руках Кутепова ключи к победе?

Деятельность моя в то время была работой не политика, а конспиратора. В такой работе, без сомнения, имеются и привлекательные стороны, особенно для молодого человека. Однако я лично не был этим увлечен. В душе моей слишком мало авантюризма, необходимого в такие эпохи и для такой деятельности, а кроме того, как я уже говорил, я не особенно люблю само чувство риска, столь радующего сердце смельчаков. Конечно, некоторое приятное возбуждение этот ежечасный риск мне все же давал, но, думаю, я шел на него почти исключительно из чувства долга и «noblesse oblige». То, что мне не пришлось воевать на фронте, еще больше заставляло меня идти на личный риск в политической борьбе за Россию. Однако, вступив на этот путь, не могу сказать, чтобы я особенно страдал от чувства всегдашней опасности, подстерегающей отовсюду; к этому, если и не совсем, то все же как-то привыкаешь, как и ко всему на свете...

Я особенно ясно помню два случая — и они были не единственные! — где мне

особенно везло, но которые могли закончиться для меня совсем иначе.

Один раз это было в начале успехов генерала Деникина. В одну прекрасную ночь наш дом был оцеплен красными курсантами (что-то вроде красных юнкеров) и чекистами. К нам в дом вошло, помнится, 18 человек, которые под руководством чекиста и представителя Совета рабочих депутатов нашего участка принялись производить обыск.

Обыск этот не относился лично ко мне, а был «повальным»: обыскивали всех жильцов нашего дома (мы были «уплотнены»). Искали, главным образом, оружие.

В то время я был в доме единственным мужчиной «недемократического» происхождения. К тому же я был секретарем нашего «домового комитета», председателем которой была (вернее — числилась) старая горничная моей тети Соловой. Так или иначе, я привлек к себе самое пристальное внимание обыскивающих: мою комнату обыскивали тщательнее других и, кроме того, я должен был сопровождать обыскивающих всюду, давая им всяческие справки.

После вооруженного восстания (в октябре 1917 г.) мой брат и двоюродные братья Соловые спрятали в нашем доме много оружия (одних винтовок было с десяток). Часть этого оружия была скрыта под паркетом одной из комнат, а большая его часть, в том числе винтовки и револьверы, были очень поверхностно зарыты в землю, покрывавшей чердак дома (земля служила лишним изолирующим слоем от холода). В те времена за нахождение оружия кара была одна — расстрел.

И еще, как нарочно, вечером накануне обыска я получил и дешифровал сношение из разведывательного отделения штаба Леникина (полковника Хартуляри), привезенное гонцом с юга. На следующий день я должен был передать это сношение дальше, а на ночь я спрятал его в стоячих часах, находящихся на этажерке около лестницы. Я помню, как накануне, пряча это сношение, я колебался между двумя обычными прятками. Во вторую, оставшуюся на этот раз пустой, залез рукой один из обыскивающих, часы же остались необысканными, хотя один курсант и взял их при мне в руки, посмотрел и... вновь поставил на место.

Обыскивали нас всю ночь, до утра, но, на наше счастье, паркетов не подымали. Была очень опасная минута, когда чекисты привели меня на чердак и потребовали лопату, чтобы разрыть землю. При этом главный чекист испытующе посмотрел мне в лицо: «Ничего тут, гражданин, не зарыто?» — «Я ничего не зарывал», — отвечал я... К счастью, у обыскивающих не нашлось подходящих лопат, а той, которую они достали у дворника, служившей для разгребания снега, рыть на чердаке было очень неудобно; все же в двух-трех местах попробовали. Слава Богу, рыли в удачных местах и ничего не нашли.

Пока обыскивали чердак, меня сверлила мысль, что в случае нахождения оружия, которого, как я говорил, было порядочно, за него мог ответить жизнью не только я один, но также мать, сестра и тетя: подобные случаи бывали нередко...

Опасность поджидала меня, однако, там, где я ее совсем не ожидал...

Мою комнату, где я ничего компрометирующего не прятал, обыскивали особенно тщательно, даже стены простукивали, но ничего в ней, конечно, не нашли. Обыскивали ее несколько человек, в том числе оба начальника — представитель Совдепа и чекист. Обыск комнаты уже кончился и чекист перешел в следующую, как вдруг, неожиданно, из-под полки столика-этажерки, недавно поставленного в мою комнату, полетели на пол приколотые к нему снизу какие-то бумажки. По-видимому, их задели чем-то. Совдепщик как кошка бросился их поднимать и, осмотрев, предъявил мне: «Это что такое?» У меня захолонуло сердце, но наружного спокойствия я, слава Богу, не потерял. «Не знаю, — ответил я, — этот столик только недавно поставили мне в комнату, он стоял раньше в сарае, где хранится мебель. Что в него положили, я не знаю». Разумеется, я понимал всю безнадежную слабость моей отговорки.

Увидев бланки, я тотчас понял, в чем было дело. Бумажки были похищены из какой-то красноармейской части, подлинные и заранее снабженные печатью и подписью, командировочные удостоверения. На бланках не было лишь проставлено имя командированного. Мой брат и двоюродные братья, Соловые, получали эти удостоверения от

своей военной организации и снабжали ими офицеров, пробирающихся в Добровольческую армию. Только позднее я узнал, что мой брат и Соловые прятали эти бланки, припиливая их под полку столика-этажерки, стоявшего тогда в гостиной нашего дома и занятой тогда известным анархистом П. А. Кропоткиным и его семьей. Они правильно рассчитывали, что у Кропоткина обыска не будет. Уезжая из Москвы, они, никому ничего не сказав, оставили удостоверения в их прятке. Между тем, не помню точно почему, столик от Кропоткиных был вынесен и, не зная куда его деть, ему нашли место в моей комнате.

Я понимал, что нахождение, у меня бланков означало расстрел; оставалось только надеяться на непредвиденный случай. Действительно, отчаиваться никогда не стоит!

Между тем совдепщик, как мне показалось, не без иронии на меня посмотрел и, аккуратно собрав все бланки, положил их в свой портфель.

Обыск продолжался. Отдельные обыскивающие что-то присваивали себе, в частности из очень редкой тогда провизии, но, в общем, краж было мало, а в наших интересах было их не замечать.

В конце концов мне дали подписать довольно безграмотный протокол обыска, в котором — далеко не полностью — были перечислены разные найденные у нас предметы, включая офицерские седла, бинокли и т. п. Это все у нас немедленно забрали. Я, разумеется, подписал протокол, не обращая внимания на то, что тут же чекисты уносили и вещи, не внесенные в опись, очевидно, в свою личную пользу. Меня несколько обрадовало то, что найденные и отобранные у меня бланки тоже не были внесены в опись. Еще более я радовался, что меня тут же не арестовали...

Часть вещей у нас увезли сразу после обыска. Но мне сказали, что за некоторыми другими вещами, в частности за несколькими ящиками севрских и саксонских сервизов, которые у нас нашли, пришлют грузовой автомобиль. На мой вопрос, почему у нас отнимают фарфор, я получил ответ: «Нельзя держать посуду в ящиках, когда она нужна трудящимся». При этом чекист, не без наивности, производил опись содержимого ящиков: столько-то блюд, чашей, тарелок и «кукол» (фарфоровых фигурок). После отъезда чекистов мы лихорадочно поспешили заменить в ящиках старинный и очень ценный фарфор более простыми чашками, тарелками и «куклами». В то время это было очень трудно сделать, как как в магазинах ничего достать было невозможно. Все же нам удалось почти все вовремя заменить, и присланный грузовик увез «для трудящихся» более простую посуду. Но в конце концов остались в дураках все же мы: через некоторое время к нам было прислано из ВЧК несколько грузовиков и весь спасенный нами старинный фарфор вместе со старинной мебелью и разными вещами «бывших князей Трубецких» (так было сказано в ордере) был все же увезен в «дома трудящихся» и «детские столовые». Помню, как на грузовик грубо швырнули голландский шкафчик петровских времен и он развалился на куски. «Ничего, на дрова пойдет», — говорили грузчики-чекисты. Может быть (и то только «может быть»), мне удалось спасти тогда один дивный севрский сервиз «уник». Я, как бы невзначай, сказал начальнику-чекисту, забиравшему наши вещи, что сервиз этот стоил не меньше 10 000 рублей золотом. Чекист тут же приказал погрузить его вместо грузовика на свой легковой автомобиль. Я надеюсь, что чекист продал этот сервиз в свою пользу и тем способствовал сохранению этого предмета искусства от бесславного конца в «детской столовой». Но я забежал вперед и уклонился в сторону от рассказа про наш ночной обыск.

Прошел день, и я уже начал немного надеяться, что дело с отобранными у меня бланками прошло благополучно. Вдруг мне говорят, что пришел и спрашивает меня тот самый совдепщик, который был ночью на обыске. Мы жили тогда очень уплотненно, а к себе в комнату я его звать не хотел, поэтому я вышел к представителю Совдепа в коридор. Шел я к нему с беспокойным чувством, но был встречен любезной и даже какой-то робкой улыбкой. «Вы меня узнаете? Я хотел бы поговорить...» — «Пожалуйста, говорите», — сказал я. Мой собеседник забежал глазами: «Тут как-то неудобно...» Я ввел его в ванную комнату и затворил двери. «Так Вы обыском довольны?» — каким-то странным голосом спросил совдепщик. «То есть как — доволен?» — недоумевающе переспросил я. «Да так,

все по-хорошему было, а бланочки у меня остались... Я, знаете, человек семейный... жить тоже надо... Теперь вот наша сила, а потом, может статься, опять будет ваша... Так вот, я и того... На всякий случай, значит... Уж вы, пожалуйста, запомните мою фамилию. Уткин я... Может, когда и поможете мне, если ваша сила будет... Не забудьте...»

Я совершенно не ожидал такого поворота дела, но как только, с первых слов, понял, куда гнет товарищ Уткин, я принял не просто уверенный, но даже несколько покровительственный тон, который его очень успокоил. «Не беспокойтесь, запомню! — сказал я многозначительно. — А за вашу услугу — благодарю».

Как обрадовался Уткин! Можно было думать, что услугу (и еще какую!) оказал не он мне, а я — ему... Я протянул Уткину на прощание руку, и он с некоторым подобострастием пожал ее. Счастливая улыбка играла на его губах, когда он уходил из дома, — очевидно, Уткин чувствовал себя теперь застрахованным на обе стороны.

Гора спала с моих плеч, и было чему радоваться...

Человек, не знакомый с тогдашними условиями жизни, может спросить: почему я не бежал немедленно после обыска, пользуясь тем, что не был тогда же немедленно арестован?

Отвечу: если бы я тогда бежал, а история с отобранными у меня бланками так неожиданно не повернулась бы к моей выгоде, то вместо меня, почти наверное, были бы расстреляны моя мать и сестра. Я знаю ряд подобных случаев расплаты одних за других в то время, по принципу круговой поруки, в данном случае семейной. Например, так погибла жена генерала Стогова, бежавшего из концентрационного лагеря. За время моей конспиративной работы на воле, а потом в тюрьме, мне не раз приходила мысль о бегстве для избежания грозной и, казалось, неминуемой опасности. Однако всякий раз меня останавливало опасение подвести родных или связанных со мною друзей под кару на основании круговой ответственности.

Другой случай поразительного спасения произошел со мной следующим образом.

Это было, если не ошибаюсь, в самом конце лета 1919 года. Мне надо было передать зашифрованную мною депешу для отсылки по назначению. За ней должен был зайти ко мне полковник С. В условленное время он не пришел, и оказалось, что он прошлой ночью был арестован. В ту ночь были вообще массовые аресты по нашей Военной организации. Как было заранее предусмотрено, в случае ареста С. я должен был передать то, что ему предназначалось, первому его заместителю, лично известному мне по Организации офицеру, но когда я пошел к нему, то по условленному внешнему знаку на его квартире я понял, что там засада. (Потом оказалось, что и он арестован.) Мне, следовательно, нужно было обратиться ко второму заместителю полковника С., которого я лично не знал; мне было неизвестно также, имеются ли (и какие) условные знаки о неблагополучии на его квартире.

Кстати скажу, что такие условные знаки очень часто в нужную минуту не действовали по тем или иным причинам, а делавшие на квартире засаду чекисты, в свою очередь, принимали все меры к тому, чтобы после устройства в ней «мышеловки» внешне в квартире не было ни малейших изменений, например, не совсем отдернутой занавески на каком-нибудь окне, или тому подобного. Итак, мне уже очень повезло, что на квартире у первого заместителя арестованного полковника С. были явственно заметны условные знаки неблагополучия.

Признаюсь, после ареста С. и засады в квартире его первого заместителя мне было не очень приятно идти ко второму его заместителю, даже не зная условных сигналов на его квартире (пароль явки я, конечно, знал: иначе и идти не стоило бы). Однако прислушиваться к себе тут не приходилось, а надо было действовать. Я мог послать вместо себя одного офицера для связи, но сделать так в данном случае мне было бы стыдно.

Я заложил шифрованную депешу за ленту моего «канотье» и отправился по адресу второго заместителя С. Прятка депешы за ленту шляпы могла, конечно, помочь мне в случае поверхностного обыска, но по нашему опыту, попавшегося в «серьезную» мышеловку обыскивали так тщательно, что скрыть даже малообъемистую вещь было очень трудно. У одного знакомого, попавшегося в «серьезную» засаду (то есть по серьезному делу), при

обыске не только осмотрели и переломали все папиросы по одной, но и распоролли все швы на его белье и одежде. Моя прятка в шляпе была для этого случая, разумеется, недостаточной, и я это сознавал.

Депеши через фронты мы обычно посылали в виде микрофотографий. Один наш техник как-то не то утоньшал, не то вовсе снимал прозрачную подкладку под чувствительным слоем фотографической пленки, что позволяло придавать ей совершенно минимальный объем. Несколько таких микрофотографий свободно прятались в папиросе, но, как я уже говорил, прятка эта оказалась ненадежной. Один наш курьер не раз благополучно проходил через фронт с такими микрофотографиями, запрятанными в его кожаном поясе. Пояс этот был цельный — не сшитый (иначе его могли бы распороть при обыске, такие случаи были), а в толще самой кожи бритвой делался надрез, куда и вставлялась микрофотография. Разрез с наружной стороны заклеивался и немного затирался грязью: заметить его было невозможно. Прятка была идеальная и, при гибкости утонченной пленки, совершенно незаметна на ощупь. Этот способ служил нам довольно долго, но раз смущенный курьер приехал к нам без донесения: его у него отобрали красноармейцы вместе с поясом, польстившись на последний и не подозревая его «контрреволюционного» содержания...

Итак, я шел на конспиративную квартиру в одном из переулков недалеко от Арбата. Квартира была на третьем этаже. Входя в подъезд дома, я совершенно машинально заметил у двери доску, где было указано, что на четвертом этаже живет доктор «по внутренним болезням», кажется, «Чапиков». Эту доску с фамилией доктора я заметил тогда чисто случайно и без всякого обдуманного намерения ею при необходимости воспользоваться.

Я подымался по лестнице уже на третий этаж и, как сейчас помню, дверь квартиры, куда я шел, была от меня направо... я был на середине пролета, и мне оставалось подняться всего несколько ступеней, потом я должен был звонить (или стучать) в дверь. Что меня там встретит: заместитель полковника С. или чекистская засада? Не первый и не последний раз испытал я это чувство перед дверьми конспиративной «явки», но на этот раз у меня было как-то особенно смутно на душе. Что это? — предчувствие? Вообще, я к этому не особенно склонен, но именно какое-то неясное, но тоскливое предчувствие тяготило мое сердце.

Еще несколько ступеней и через четверть минуты я бы уже стучал в дверь квартиры... Вдруг дверь эта сама отворяется и из нее навстречу мне выходят несколько человек в кожаных куртках — чекисты...

Должно быть, в эту самую минуту происходила у них смена караула на засаде в квартире.

К счастью, хладнокровие мне не изменило, и я продолжал, не замедляя и не ускоряя шага, подниматься по лестнице навстречу чекистам. Однако у старшего из них, видимо, зародилось подозрение. «Куда вы идете, гражданин?» — окликнул он меня. «К доктору Чапикову», — ответил я, вдруг вспомнив провиденциально виденную мною внизу доску с фамилией доктора. «А где этот доктор проживает?» — «Этажом выше», — отвечал я. Чекисты очень поверхностно обыскали меня, ошупав карманы (вероятно, в поисках оружия), но не задержали. Я уже начал подниматься выше, на четвертый этаж, когда у старшего чекиста вновь мелькнуло какое-то подозрение. «Пройди с гражданином наверх, — сказал он одному из своих подчиненных, — посмотри, живет ли там доктор?»

Один из чекистов пошел со мною.

В голове моей роем завертелись мысли: что я буду говорить, если доктора не окажется на квартире (очень многие тогда уже годами раньше уехали из Москвы, а доски-объявления на домах остались).

Однако все обошлось как нельзя лучше. Доктор оказался не только дома, но в это время были как раз его приемные часы. Мой чекист остался за дверью, а я, дождавшись своей очереди в ожидальной, пошел к доктору. Я пожаловался на свой желудок (совершенно здоровый) и после консультации, с рецептом в кармане, вышел из его квартиры. Сопровождавший меня до двери чекист не остался ждать. Я был свободен!..

После этого пришлось мне еще дня два проносить под лентой канотье мою зашифрованную депешу. Только тогда удалось нам восстановить порванные массивными арестами связи.

Позднее я узнал, что в засаду на квартире, куда я направлялся, попало два человека нашей Организации и один посторонний, по-видимому, ни во что не замешанный господин. Все трое, как мне передавали, были расстреляны, хотя ничего у них при обыске найдено не было. Стоит ли прибавлять, что расстрелян был и сам хозяин квартиры.

В двадцатых числах января 1920 г. я был арестован. События, приведшие к моему аресту, развивались следующим образом. Значительно ранее (не помню точно — когда) по нашей линии сношений с Петербургом и Финляндией — линии, за последнее время очень заброшенной, — пришла к нам в Москву неизвестная курьерша, женщина-врач Петровская. Она, по ее словам, работала раньше по связи нашей петербургской организации с армией генерала Юденича, а теперь перешла к английскому «Интеллидженс Сервис», работавшему, как говорила Петровская, в самом тесном контакте с русскими противобольшевицкими силами в Прибалтике и Финляндии. Последние, по ее словам, передали англичанам нашу линию связи. Этой линией ведал у нас С. М. Леонтьев, а его помощником в этом деле был Н. Н. Виноградский. По нашему предварительному сговору в организации, в случае провала их обоих, связь эта должна была перейти в мои руки, причем я должен был выступать там под именем Сергея Павловича. Эти организационные подробности имели потом значение в моем аресте и в следствии по нашему делу.

Когда Леонтьев сообщил нам, что по линии нашей «юденической» связи к нам неожиданно прибыл английский агент, мы были этим очень недовольны и обеспокоены. Такая передача наших связей с их условными явками, паролями и т. п. в чьи-либо — тем более иностранные — руки, без нашего предварительного согласия, была, по меньшей мере, некорректна. Более того, она могла быть для нас очень опасна. Первое время мы весьма опасались, не с ВЧК ли имеем дело в лице неизвестной нам курьерши.

Однако, так или иначе, дело было сделано, и Леонтьев с Виноградским были под возможными ударами ВЧК. Мы решили, что, кроме них, никто другой из наших организаций военной и гражданской — в связи с «англичанами» вступать не будет, хотя познакомившийся с Леонтьевым начальник английской разведывательной организации в России Поль Льюке, по-видимому, искал расширения своих связей с нами. Скоро мы убедились, что имеем дело с настоящими англичанами, а не с ВЧК. Это, конечно, нас немало успокоило, но и с «Интели-дженс Сервис» мы совершенно не стремились углублять наши отношения. С. М. Леонтьев, которому Петровская с первого взгляда не особенно понравилась, спрашивал насчет нее Поля Льюкса, но тот дал о ней самый хороший отзыв, как в смысле ее надежности, так и осторожности и опытности.

Через некоторое время после этого последовал крупный провал нашей петербургской группы, была арестована и Петровская. Тогда же был арестован один офицер — И., которого она любила. То ли для того, чтобы спасти его (что, будто бы, было обещано ей ВЧК), то ли для собственного спасения, Петровская выдала ЧК все, что знала, и в том числе Леонтьева и Виноградского — «представителей московских организаций». Назвала она и «Сергея Павловича» (меня), которого она, однако, никогда не видала и знала только под этим конспиративным именем. Больше никого из московских контрреволюционных организаций Петровская назвать не могла. По-видимому, ЧК подозревала, что Петровская что-то скрывает, но относительно Москвы я могу сказать с уверенностью, что от своих новых господ она ничего не утаила.

Как потом выяснилось, Леонтьев и Виноградский были арестованы не сразу же после выдачи их Петровской. Очевидно, ЧК немедленно взяла их под наблюдение в надежде открыть их конспиративные связи. Но это ЧК не удалось. Я приписываю это не столько нашей осторожности, сколько тому, что в то время (конец 1919-го) наша деятельность, под влиянием решительных поражений на всех белых фронтах, почти замерла.

Ничего не открыв путем слежки за Леонтьевым и Виноградским, ВЧК решила их

арестовать. На допросах и очных ставках с привезенной в Москву Петровской их связь с английской разведкой была установлена. Несмотря на угрозы и посулы, Леонтьев, конечно, не выдал никого, Виноградский же для спасения своей жизни стал выдавать все, что он знал. Он пошел даже дальше простого предательства и, сидя в тюрьме ВЧК, сделался их секретным агентом, так называемой «наседкой». Согласно получаемым им заданиям, он выспрашивал у заключенных, к которым его подсаживали и которые считали его «своим», разные нужные ВЧК сведения и немедленно обо всем доносил, в том числе и о подслушанных в камере разговорах заключенных между собой. Меня лично Виноградский не только выдал ВЧК, но затем вел со мною в тюремной камере провокационные разговоры и доносил следователю добытые от меня сведения.

Ник. Ник. Виноградский был ярким представителем ни перед чем не останавливающимся предателей, которые, на почве морального разложения той эпохи и под устрашающим воздействием ЧК, готовы были на все, чтобы только спасти свое собственное существование. Предатели эти распадались на две основные категории. Одни постепенно и более или менее медленно погружались в затягивающее болото измены, вначале стараясь выдавать не всех и не все, а как бы упираясь перед каждой новой ступенью падения. Другие же, раз решившись на предательство, уже безо всякой задержки сразу прыгали в болото и уходили в него с головой. Виноградский принадлежал ко второй — может быть более умной, но во всяком случае худшей — категории. В прошлом он кончил Пажеский корпус, недолго был офицером в Преображенском полку, затем был Предводителем дворянства (по назначению) где-то в Западном крае, наконец, революция застала его «чиновником 5-го класса для особых поручений при Министерстве Внутренних Дел». Административную карьеру Виноградский делал довольно быстро и заслуженно. Он был обязан этим своему живому уму и большой работоспособности. Он был человек общительный и пользовался симпатиями в разнообразных кругах благодаря своему умению быть приятным, полезным и интересным. Я его знал довольно мало, но несколько близких мне людей не только ценили Виноградского, но — более того — даже любили. Мой приятель Д. М. Щепкин и Ника Ави-нов (муж моей двоюродной сестры Маши Новосильцевой), например, настолько высоко его ставили, что впоследствии, против очевидности, не хотели верить его предательству. Когда летом 1920 г. я смог из Бутырской тюрьмы секретно сообщить Нике, что Виноградский — предатель и стал агентом ВЧК, он счел, что я в тюрьме заболел «шпиономанией», и продолжал общаться с Виноградским и принимать его у себя дома. Только потом, на нашем суде, наконец убедившись в предательстве Виноградского, Ника не подал ему руки. Л. М. Щепкин, человек женственно-нежной души, чуть не заболел от разочарования, убедившись в гнусной роли Виноградского в нашем деле. Между прочим, Щепкин, который считал Виноградского своим другом, сам был им предан. При этом, как потом выяснилось, Виноградский рассчитывал, что Щепкин, я и некоторые другие преданные им люди будут без суда расстреляны в ЧК (это было ему обещано) и поэтому некому будет вскрыть его измену...

Но я забежал вперед. Возвращаюсь к своему рассказу.

Попав под арест и увидав опасность (в ЧК ему, конечно, как и другим, грозили расстрелом), Виноградский решил спасти себя, топя всех остальных. Выдать он мог первоначально не очень много, так как был лишь помощником Леонтьева в некоторых (не всех) конспиративных делах, но не состоял членом ни политической, ни военной организации. Сравнительно мало что зная точно, Виноградский, однако, о многом догадывался, так как был близок к Щепкину и Леонтьеву и знаком со многими членами «Правого» и «Национального» центров. Именно поэтому предательство Виноградского сразу осложнилось для него необходимостью играть роль секретного агента ЧК. Он предавал многих как бы на ощупь, но, благодаря своему уму и наблюдательности, он очень часто догадывался правильно. Потом ему приходилось, уже сидя в тюремной камере с преданным им человеком, путем разговоров и наводящих вопросов выуживать из него то, чего он не знал и о чем только догадывался. Кроме того, следователь ЧК, давая ему задания выведать

что-либо, помогал ему, сообщая разные данные, добытые из других источников. Таким образом, Виноградский в разговорах с заключенными мог производить впечатление, что он был гораздо более в курсе политических и конспиративных дел, чем это было в действительности.

Обо мне лично Виноградский точно даже не знал, что я состою в нашей организации и тем более — что я там делаю, но он имел правильное ощущение, что я постоянно вижусь с С. М. Леонтьевым не только в качестве знакомого, но и по каким-то конспиративным делам; более того, он правильно догадывался, что тот «Сергей Павлович», который в случае провала их с Леонтьевым по «юденичской» линии должен их заменить, был именно я. Все это он донес ВЧК и именно это привело к моему аресту, как и к одновременным арестам моих друзей и сотоварищей по работе. В частности, незадолго до меня был арестован Д. М. Щепкин и О. П. Герасимов, выданные тем же Виноградским. Про своего «друга» Щепкина Виноградский знал порядочно, про Герасимова же, как и про меня, больше догадывался, чем знал.

Трубецкой С. Е. Минувшее. — М.: ДЭМ, 1991.

МЕСТЬ СТАЛИНА

В результате борьбы за власть Сталин в 1932 г. добился высылки Троцкого из СССР. В течение ряда лет Троцкий переезжал из страны в страну. Турция, Дания, Норвегия... В конце концов, он осел в Мексике, во-первых, потому что Мексика по традиции давала убежище всем политическим эмигрантам, а во-вторых, потому, что Троцкому казалось, что здесь Сталину труднее дотянуться до изгнанного, но все-таки опасного противника. Это оказалось иллюзией. Руки у Сталина были достаточно длинны. Это доказывалось, например, тем, что 16 февраля 1938 г. в парижской клинике от рук убийц, нанятых ГПУ, погиб сын Троцкого Лев Седов, активно помогавший отцу. Петля сужалась и вокруг Троцкого.

20 мая 1940 г. на виллу Троцкого в Койокане проникли двадцать человек, вооруженных автоматами. Их возглавлял мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос. Нападавшие хотели убить Троцкого и его жену Наталью Седову, но тем удалось спастись. Троцкий и его жена спрятались в спальне под кроватью, а нападавшие не догадались туда заглянуть. Нападение кончилось только тем, что внука Троцкого Севу ранили в ногу. Сикейрос и его люди оставили после себя бомбу замедленного действия, которая из-за технических неполадок не взорвалась.

Тем временем в доверие к Троцкому вкрался некто Хайме Рамон Меркадер. Несколькоими годами раньше Меркадер участвовал в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев. Когда же республиканцы проиграли, Меркадер вместе с матерью оказался в Москве. Его мать сошлась с высокопоставленным чиновником НКВД, а сам Меркадер, вероятно, получил от НКВД конкретное задание убить Троцкого. Меркадер действовал несколькими путями, важнейшим из которых была секретарша Троцкого Сильвия Агелова, которую Меркадер сделал своей любовницей.

Когда Троцкий вполне проникся доверием и уважением к Меркадеру, тот завернул в плащ альпинистский ледоруб, перекинул плащ через руку и появился на вилле Троцкого под предлогом того, что ему надо посоветоваться с хозяином виллы относительно важной пропагандистской статьи. Было это 20 августа 1940 г., в Мексике наступил период ливневых дождей, и плащ Меркадера не вызвал ни у кого подозрения.

Троцкий провел Меркадера в свой кабинет. Пока хозяин читал его статью, Меркадер за его спиной потихоньку высвободил ледоруб и, размахнувшись, ударил Троцкого по голове. Удар был столь силен, что ледоруб вошел в череп на целых 7 сантиметров. Фантастика, но Троцкий не только не потерял сознания, но сумел броситься на Меркадера и обезоружить его! Благодаря этому, Меркадера задержали, а немного погодя Троцкого увезли в госпиталь в Мехико, где он и скончался на другой день.

После известия о смерти Троцкого Сталин вручил в Кремле матери Меркадера Золотую Звезду Героя Советского Союза — для сына, а в 1960 г., выйдя из тюрьмы и приехав в СССР, Меркадер и сам получил ее.

Яврин А. П. 1001 смерть. — М.: Ретекс, 1991.

ПОКУШЕНИЕ НА СТАЛИНА (СЕРГО БЕРИЯ¹³⁵)

Ни одного покушения на Сталина — знаю это совершенно точно — не было, вернее, не было допущено. В Тегеране немецкая разведка планировала похищение или убийство Сталина, но чем все закончилось, известно — благодаря усилиям советской разведки заговор против «Большой тройки» был раскрыт и руководители Великобритании, США и СССР не пострадали.

В конце сорок второго года дезертир Савелий Дмитриев произвел на Красной площади несколько выстрелов по машине, выехавшей из Спасских ворот Кремля. Засада была устроена на Лобном месте. Это была машина Микояна. Никто тогда не пострадал, а террориста тут же охрана забросала газовыми гранатами.

Сам Дмитриев показал на следствии, что готовил покушение на Сталина. Отец считал, что бывший красноармеец Дмитриев, возможно, считал себя пострадавшим от Советской власти, но доминировали все же иные мотивы — психические отклонения у дезертира Дмитриева безусловно были.

Допускаю, что планировались и другие покушения, но они пресекались органами безопасности или на стадии подготовки таких акций, или сами террористы отказывались от них, не доводя дело до реализации своих намерений.

Из официальных источников:

Террорист Дмитриев был задержан на Красной площади 6 ноября 1942 года. 25 августа 1950 года по приговору Военной коллегии Верховного суда Союза ССР был расстрелян.

По данным бывшего КГБ, одно из покушений на Сталина готовило и Главное управление имперской безопасности (РСХА). Террористический акт под кодовым названием «Цепелин» планировался на осень 1944 года.

Большой транспортный самолет приземлился на территории Смоленской области 6 сентября 1944 года. При заходе на посадку его якобы засекли посты ПВО и сообщили органам безопасности. Тут же по тревоге была поднята оперативная группа, перекрыты дороги и в результате непродолжительного поиска задержаны двое немецких агентов, в том числе исполнитель акции 33-летний Петр Иванович Шило, уроженец Черниговской области, сын кулака. При себе террорист имел документы на имя майора военной контрразведки «СМЕРШ» Таврина, к слову, Героя Советского Союза, и само орудие несостоявшегося преступления — «панцеркнакке». В виде стальной трубки оружие крепилось на правой руке, а кнопки и провода на левой приводили реактивный снаряд в действие. Предполагалось, что покушение удастся провести во время движения бронированного автомобиля Сталина по одной из московских улиц.

Вместе с Шило-Тавриным была задержана и его напарница в форме младшего лейтенанта.

---

¹³⁵ Сын Л. П. Берия, родился в 1924 г., в 1941 г. закончил разведшколу, выполнял ответственные задания в Иране, Курдистане, награжден медалью «За оборону Кавказа» и орденом Красной Звезды, принимал участие в создании новых образцов вооружения — ракетных систем, в 1953–1954 гг. находился под арестом, в настоящее время возглавляет НИИ «Комета».

В разные годы о том неудавшемся покушении писали и бывшие чекисты, и журналисты, причем многие детали операции «Цепелин» явно противоречили друг другу. По одной из версий, изложенной бывшим капитаном Назаровым, фамилия человека, представлявшегося майором «СМЕРШ» Тавриным, Политов. При допросе в райотделе НКГБ (в других источниках — НКВД) диверсант достал немецкие сигареты, чем и выдал себя. Не правда ли, звучит странно? Неужели трофейные сигареты могли разоблачить террориста? А куда же подевалось орудие преступления?

Словом, вся эта история наводит на некоторые размышления.

Мне не приходилось слышать о ней. Думаю, о таком громком деле многие бы знали.

И все же намерения устранить Сталина у гитлеровских спецслужб были.

Из мемуаров шефа политической разведки Германии Вальтера Шелленберга:

«Риббентроп встал и, подойдя ко мне, с очень серьезным видом потянул меня в угол.

— Одну минуточку, Шелленберг. Мне нужно поговорить с вами об одном очень важном деле. Необходима строжайшая секретность. Никто, кроме фюрера, Бормана и Гимmlера, об этом не знает. — Остановив на мне пристальный взгляд, он продолжал: — Нужно убрать Сталина. — Я кивнул головой, не зная, как реагировать на такое заявление. Риббентроп объяснил мне, что весь режим в России держится на способностях и искусстве одного человека и этим человеком является Сталин».

По словам Шелленберга, Сталина должны были убрать на одной из конференций. Вполне понятно, что речь идет о Тегеранской конференции, состоявшейся в 1943 году. Предпринималась, утверждает шеф гитлеровской политической разведки, и еще одна попытка:

«После обсуждений с Гитлером Гимmlер предложил свой план, очень напоминавший план Риббентропа. В соответствии с ним, наши специалисты изготовили мину для убийства Сталина. Мина размером с кулак имела вид кома грязи. Она должна была быть прикреплена к машине Сталина. Мина имела запал, управлявшийся с помощью коротковолнового передатчика, и была настолько мощной, что когда при испытании мы ее взорвали, то от нашей машины почти ничего не осталось. Передатчик был размером не более пачки сигарет и мог подорвать мину на расстоянии до одиннадцати километров.

Двое бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся до войны в течение долгого времени в ссылке в Сибири, взялись выполнить это задание (один из них был знаком с механиком из гаража Сталина). Ночью на большом транспортном самолете они были доставлены к тому месту, где, по сообщению, переданному нашими агентами, находилась ставка Сталина. Они спрыгнули с парашютами и, насколько мы могли установить, точно приземлились в указанном месте. Однако это было последнее, что мы о них слышали, хотя оба имели коротковолновые, передатчики. Я не уверен, что они вообще попытались выполнить задание, более вероятно, — „что очень скоро после приземления они были схвачены или же сами сдались органам НКВД и рассказали о задании“».

Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. — М.: Современник, 1994.

ДЕЛО ПОЛКОВНИКА ФОН ШТАУФФЕНБЕРГА (ЗАГОВОР ПРОТИВ ГИТЛЕРА)

В какой-то момент осенью 1938 года, казалось вполне возможным, что армейские офицеры могут поднять мятеж против Гитлера, чтобы предотвратить войну, но из-за вмешательства Чемберлена, закончившегося мюнхенским соглашением, заговор не привел ни к чему. Пока Гитлеру сопутствовала удача, вряд ли можно было ожидать еще одной серьезной попытки свергнуть его.

Среди тех, кто продолжал встречаться и обсуждать шансы выступления против режима, были двое уже пожилых людей, которых принято считать руководителями заговора — генерал Людвиг Бек, бывший начальник штаба армии, и д-р Карл Герделер, бывший обер-бургомистр Лейпцига, вместе с бывшим послом в Риме Ульрихом фон Хасселем.

Основным действующим лицом заговора с 1938 года был Ганс Остер, главный помощник загадочного адмирала Канариса в Абвере, армейской разведывательной службы. Абвер служил великолепным прикрытием для поддержания необходимых контактов, и Ганс Остер — «человек, каким Бог хотел видеть созданных им людей» — собрал узкий круг преданных людей, среди них — Ганс фон Донаньи, Клаус Бонхоффер и его брат Дитрих, молодой протестантский пастор, теолог, который в свое время был священником Лютеранской церкви в Лондоне.

Одним из способов, которым заговорщики использовали возможности Абвера, был — установление и поддержание контактов с англичанами и американцами, чтобы выяснить вероятные условия мира, на которые могут пойти союзники в случае, если гитлеровское правительство будет свергнуто. В мае 1942 года Дитрих Бонхоффер отправился в Стокгольм, чтобы встретиться с епископом Чичестерским Беллом, используя для этого изготовленные Абвером фальшивые документы. Епископ Белл передал английскому правительству всю информацию о планах заговорщиков, и в дальнейшем все остальные контакты проходили через Аллена Даллеса, директора отделения американского управления стратегических операций (OSS)¹³⁶ в Швейцарии. Тем не менее, ни одна попытка сближения не вызвала ответного отклика. Союзники скептически относились к любой антиправительственной оппозиции немцев (особенно после выставления на конференции в Касабланке в январе 1943 г. требований «безоговорочной капитуляции») и заговорщики были вынуждены действовать самостоятельно, без всякой поддержки извне.

Их в основном волновал вопрос, как будет организована и как будет управляться Германия и Европа после свержения Гитлера. Для обсуждения этой темы образовалась группа, собравшаяся в Силезии, в Крейсаусском имении Крейсау, принадлежавшим 38-летнему графу Хельмуту фон Мольтке, бывшему стипендиату Родса в Оксфорде, представителю одной из самых прославленных семей в немецкой военной истории. В крейсаусском кружке собрались представители самых разных социальных групп и ориентации Германии. Среди его членов были два иезуитских священника, два лютеранских пастора; консерваторы, либералы и социалисты; землевладельцы и бывшие деятели профсоюзного движения. В Крейсау обсуждались не планы свержения Гитлера, а экономические, социальные и духовные основы нового общества, которое будет построено после него.

Когда в 1942–43 гг. военная фортуна перестала улыбаться Гитлеру, возродились надежды у сторонников действия. Однако оставалась проблема заручиться поддержкой таких организаций, без поддержки которых любая оппозиция безнадежно обречена на положение остаться отдельными личностями, пытающимися безнадежно противостоять организованной мощи государства.

В Германии существовали два института, все еще сохранявшие какую-то самостоятельность. Во-первых, церковь. Одним из самых смелых выпадов против существующего во время войны режима были проповеди католического епископа Мюнстерского, графа фон Галена, и протестантского пастора, д-а Наймеллера. Нацистские фанатики, вроде Бормана, относились к духовенству со злобной враждебностью, католические священники, так же как и протестантские пасторы, принимали активное участие в антинацистской оппозиции. Как институты, ни католическая, ни евангелическая церкви, тем не менее, не считали возможным открыто выступить против режима.

Поэтому, вполне естественно, что те немногие немцы, кто отваживался на борьбу с Гитлером, должны были обратить свои взоры на армию, другой институт Германии, который

---

¹³⁶ Предшественник ЦРУ.

все еще обладал мерой независимой власти, если только убедить ее руководителей использовать ее, и единственным институтом, в распоряжении которого были вооруженные силы, необходимые для свержения режима.

Отношения Гитлера с армией все больше ухудшались в течение 1943–1944 годов. Снова и снова он отменял решения своих командующих, игнорировал их мнения, обвиняя в трусости, заставлял выполнять приказы, в возможность выполнить которые они не верили, и когда они их не выполняли, отстранял от командования. Гитлер критиковал офицерский корпус за консерватизм и «негативное» отношение к национал-социалистической революции. На практике, приверженность революции означала готовность выполнять приказы Гитлера без колебаний и не считаясь с ценой. Те, кому удавалось заслужить таким образом расположение Гитлера, были посредственными солдатами, такими, как заменившие фон Манштейна и фон Клейста Модель и Шернер, которые отправились на фронт и до предела вымотали там людей и не особенно заботились о стратегической ситуации. Тем не менее, генералы продолжали выполнять его приказания, несмотря на его непрерывное вмешательство, продолжали вести придуманные им сражения, принимать от него звания, награды и подарки.¹³⁷

Однако нашлась горстка немецких офицеров, ниже уровня командующих армиями, которые были преданы идее освободить Германию от господства нацистов. Среди них выделялся Хеннинг фон Трескоф, старший офицер оперативного отдела штаба (RSO-1) группы армии Центр на Восточном фронте. Он использовал свое положение, чтобы собрать вокруг себя группу единомышленников и пошел по тому же пути, как и Остер — в Абвере. Померанский помещик из старой прусской военной семьи, фон Трескоф, как и другие офицеры, объединившиеся в оппозицию, в свое время с энтузиазмом принял новый режим, увидев в нем освобождение Германии от пороков Веймарской системы и унижительного Версальского договора. Но, когда он увидел собственными глазами истинное лицо нацистского режима, то стал его убежденным противником и летом 1939 года сказал ставшему его адъютантом Фабиану фон Шлабрендорфу: «Долг чести требует от нас не щадить себя ради скорейшего падения Гитлера и национал-социализма, чтобы спасти Германию и Европу от варварства». Его дальнейшее поведение доказало, что это были не пустые слова.

После Сталинграда фон Трескоф пришел к убеждению, что государственный переворот возможен, если сначала устранить Гитлера, и что армия примет это как должное. Генерал Олбрихт, который только-только присоединился к оппозиции, согласился использовать свое положение заместителя главнокомандующего «Эрзацхер» Резервной армии,¹³⁸ чтобы провести ряд мероприятий, которые должны были последовать за убийством Гитлера. Организацию убийства взял на себя фон Трескоф.

Заговорщики предприняли попытку убить Гитлера 13 марта 1943 года, когда он посещал штаб фон Клюге в Смоленске. Фон Трескофу и фон Шлабрендорфу удалось подложить бомбу замедленного действия в самолет, который должен был доставить Гитлера назад, в Восточную Пруссию, но бомба не взорвалась. Не потеряв хладнокровия, фон Шлабрендорф сразу же вылетел в штаб-квартиру фюрера, изъясил бомбу до того, как ее успели обнаружить — она была спрятана в свертке с двумя бутылками коньяка — в виде передачи другу — и разобрал ее на части в поезде по пути в Берлин.

В течение последних месяцев 1943 года еще шесть раз планировалось покушение на Гитлера, но по той или иной причине осуществить его не удавалось. Тем временем агенты

---

¹³⁷ Так, в марте 1944 года фон Манштейн, после того, как его заменил Моделем, получил в подарок огромное поместье. Фельдмаршал фон Клюге в октябре 1942 года получил от Гитлера денежный подарок в 250 тыс. марок.

¹³⁸ Это были войска, не участвующие в боевых действиях, а организация по мобилизации и подготовке новобранцев, которых посылали как призывной контингент на разные фронты.

Гиммлера, несмотря на их невероятно грубые и примитивные действия, сумели вплотную подойти к организации. В апреле арестовали Дитриха Бонхоффера и Ганса фон Донаньи. Слишком много нитей вели в Абвер, а разведывательной службе СС не терпелось устранить конкурента от дел, и в декабре 1943 года генерал Остер, основная фигура в Абвере, был вынужден уйти в отставку.

К счастью, как только распался кружок в Абвере, к заговору примкнул новый человек, обладавший необходимыми личностными качествами, решительным характером, которых так не хватало прежним руководителям. Клаус Филип, граф фон Штауффенберг, родился в 1907 году и был выходцем из старой аристократической семьи католиков с юга Германии. Это был высокий, подтянутый человек, любитель лошадей и хороший спортсмен. Интеллектуал, тонкий ценитель не только музыки, но и романтического мистицизма поэзии Стефана Джорджа, став членом его кружка с пафосом декламировал поэму Джорджа «Анти-Христос».

Первоначально, как и фон Трескофа, фон Штауффенберга привлекла идея примирения национализма и социализма в народной общине, но оттолкнули нацистские методы претворения этой идеи в жизнь. Однако он считал себя солдатом и выполнял свой долг, даже когда убедился в необходимости устранить Гитлера от власти. Фон Штауффенберг отличился во время службы в качестве штабного офицера в Польше, во Франции и в России. Именно в России его сомнения насчет Гитлера переросли в уверенность, что пора перейти к решительным действиям. В Туннисской кампании он получил тяжелые увечья: лишился левого глаза, правой руки и двух пальцев на левой руке, это не изменило его решения. Выписавшись из госпиталя, он добился назначения в штаб Олбрихта в Берлине и со всей энергией принялся за подготовку новой попытки переворота.

Резервная армия не только заполняла брешь, образовавшуюся в действующей армии, но также отвечала за быструю мобилизацию всех призывных и учебных частей, и всех солдат, проходивших специальную подготовку, на случай чрезвычайного положения, включая возможное восстание миллионов иностранных рабочих в Германии. Приказы по проведению операции Валькирия, как она называлась, предусматривали, что командование всех двадцати одной армий на расширенных территориях Рейха и в Париже в течение шести часов сформирует боевые команды. Именно этот механизм предполагал использовать фон Штауффенберг, детально проверяя выполнение приказа-инструкции и устанавливая контакты с как можно большим числом офицеров, симпатизирующих оппозиции, чтобы обеспечить быстрое исполнение этого приказа на местах. Рассчитывая на поддержку надежных друзей в штабе фюрера в Берлине и в германской армии на западе, фон Штауффенберг надеялся после убийства Гитлера подтолкнуть к действию нерешительное командование. Нельзя говорить о «германской оппозиции», не представив себе отчетливую картину того, что в сущности, это было какое-то число маленьких, слабо связанных между собой групп, состав которых менялся, они не принадлежали к общей организации, их не связывала никакая иная общая цель, а только враждебность к существующему режиму. Мотивы этой враждебности у всех были разные: одни испытывали глубокое моральное отвращение к режиму в целом, другие — из чувства патриотизма и уверенности в том, что, если Гитлера не остановить, он погубит Германию. На различие мотивов и несходство темпераментов, осложненных напряжением, связанным с двойной жизнью, неизбежной в условиях конспирации, накладывались значительные расхождения во взглядах на то, какие шаги предпринять, чтобы противостоять Гитлеру, а также на будущее устройство Германии и Европы. Тем не менее, летом 1944 года они пришли к согласию по вопросу замены в правительстве нацистских представителей на социал-демократов (Юлиуса Лебера, как министра внутренних дел) и представителей профсоюзов (Вильгельма Лешнера, как вице-канцлера), а также консерваторов, таких, как Герделер.

Энергия фон Штауффенберга вдохнула свежую струю в заговор, но руководящая роль, которую он взял на себя, породила зависть и подозрения. Его взгляды тоже. Фон Штауффенберг по своему темпераменту был радикалом, резко критиковал устаревший консерватизм Герделера, ему были ближе взгляды социалистического крыла заговора, в центре которого стояли Лебер и Лешнёр:

Эти расхождения усугублялись пониманием того, что время работает против них. Лальнейшие аресты последовали в начале 1944 года, тогда же арестовали фон Мольтке. В феврале функции Абвера, в основном, стала выполнять объединенная разведывательная служба, подчинявшаяся Гиммлеру, и Гиммлер сказал адмиралу Кана-рису, лишившемуся должности начальника военной разведки, что, прекрасно осведомлен о том, что в военных кругах готовится мятеж и что он нанесет удар, когда придет время.

В этот момент пришло известие, что союзники высадились в Нормандии. Фон Штауффенберг не ожидал вторжения так скоро, и они с Беком и Герделером поначалу растерялись, следует ли продолжать. В условиях, когда англо-американские, а также русские армии теснили немцев, был ли еще шанс добиться компромиссного мира, даже если убрать Гитлера? Не получится ли так, что они просто вызовут к себе ненависть за второй «удар в спину» и так и не смогут изменить ход событий? Твердая позиция фон Трескофа придала силы фон Штауффенбергу и другим.

«Покушение (отвечал он на письмо фон Штауффенберга) должно быть предпринято во что бы то ни стало. Даже, если оно не удастся, нужно попытаться захватить власть в столице. Мы должны доказать миру и будущим поколениям, что германское Сопротивление отважилось на решительный шаг, рискуя для этого жизнью. По сравнению с этой целью, все остальное не имеет значения».

Совет фон Трескофа не прошел бесследно, а удачное стечение обстоятельств поставило фон Штауффенберга в положение, которое облегчало проведение его планов в жизнь: в конце июня его произвели в полковники и назначили начальником штаба главнокомандующего Резервной армией генерала Фромма. Это не только позволило ему рассылать приказы от имени своего начальника, но также давало возможность часто встречаться с Гитлером, специально интересовавшимся пополнениями для войск, несущих потери в России. Теперь он решил, что для того, чтобы существеннейший первый шаг, убийство Гитлера, был наверняка осуществлен, он должен сделать это сам, невзирая на свои увечья.

Однако время прижимало, как никогда. 4–5 июля после попытки связаться с подпольной коммунистической группой, арестовали Юлиуса Лебера. 17 июля был подписан ордер на арест Герделера. Создалась угроза, что заговор будет разрушен новыми арестами в ближайшие дни, если не часы. Фон Штауффенберг уже дважды подготавливал покушения на Гитлера, но оба раза ничего не вышло. 20 июля он вылетел в штаб Гитлера в Восточной Пруссии с решимостью, что третья попытка будет окончательной.

В этот день к Гитлеру должен был приехать Муссолини, поэтому дневное совещание перенесли на 12.30. Фон Штауффенберга ждали с докладом о создании новых войсковых формирований. В портфель с документами он положил бомбу с часовым механизмом, который должен был сработать через десять минут после включения. Совещание уже началось, когда фон Штауффенберг присоединился к группе офицеров, окруживших большой, тяжелый дубовый стол с разложенными на нем картами. Ни Гиммлера, ни Геринга не было. Фюрер стоял у середины длинной стороны стола, то и дело наклоняясь, чтобы взглянуть на карты. Фон Штауффенберг поставил портфель под стол, включив взрывное устройство перед тем, как войти в комнату, затем тихо вышел, извинившись за необходимость позвонить в Берлин. Он отсутствовал одну-две минуты, когда сильный взрыв потряс комнату и разнес стены и крышу, на людей в комнате обрушились загоревшиеся обломки.

Среди дыма и общей неразберихи, снующих туда-сюда охранников и раздававшихся изнутри криков раненых, из дверей, весь в пыли, шатаясь, вышел Гитлер с опаленными

волосами, безжизненно повисшей правой рукой, обожженной ногой, в спину ему ударила падающая балка и, как обнаружилось, от взрыва у него повредились обе барабанные перепонки. Но он был жив. Все, кто стоял на том конце стола, где фон Штауффенберг поставил портфель, были либо убиты, либо тяжело ранены. Гитлера спасла, отчасти, верхняя крышка стола, на которую он опирался в момент взрыва, и, отчасти, тяжелая деревянная опора стола, к которой фон Штауффенберг пододвинул свой портфель.

Несмотря на сильное потрясение, Гитлер выглядел удивительно спокойным, и днем появился на платформе вокзала, чтобы встретить Муссолини. Кроме неподвижно висевшей руки, ничто не говорило о происшедшем, и его рассказ Муссолини о случившемся был весьма сдержанным.

Как только они приехали в гитлеровскую штаб-квартиру, Гитлер первым делом показал Муссолини остатки совещательной комнаты. Заново переживая всю ситуацию, он все больше возбуждался.

«Сегодня, после моего чудесного спасения, я, как никогда уверен в том, что мне суждено довести наше общее дело до успешного завершения». Кивая головой, Муссолини мог лишь согласиться: «После того, что я здесь увидел, я абсолютно с вами согласен. Это знак свыше».

В состоянии экзальтации Гитлер с Муссолини направились в личные апартаменты Гитлера, где к чаю собралась взбудораженная происшедшим группа. Геринг, Риббентроп и Дениц присоединились к Кейтелю и Йодлю, и начались взаимные упреки по поводу того, кто несет большую ответственность за войну. Гитлер сидел с Муссолини посередине. Спокойно наблюдая эту сцену, пока кто-то не упомянул «заговор» Рема 1934 года. В бешенстве вскочив вдруг со своего места, Гитлер начал кричать, что он отомстит всем, что его выбрало провидение, чтобы он вершил историю, и любой, кто станет поперек пути, будет уничтожен. Так продолжалось с полчаса. Истоцив свой пыл, Гитлер снова замолчал, посасывая оказавшуюся под рукой таблетку и пропуская мимо ушей заверения в преданности и перебранку между Герингом и Риббентропом.¹³⁹

После взрыва началась такая неразбериха, что фон Штауффенбергу удалось проскочить тройное кольцо охраны и улететь в Берлин. Прошло какое-то время, пока в штабе фюрера разобрались, что произошло — сначала решили, что это сброшенная с самолета бомба — и прошло еще больше времени, пока стало известно, что покушение сопровождалось попыткой путча в Берлине.

В столице небольшая группа заговорщиков собралась в кабинете генерала Ольбрихта в здании Генерального штаба на Бендлерштрассе. Их план заключался в следующем: объявить о смерти Гитлера и сформировании в Берлине антинацистского правительства. Изданные от его имени постановления должны были объявить о введении чрезвычайного положения и о передаче всей полноты власти армии, что должно было помешать СС перехватить контроль за ситуацией. Весь государственный аппарат, сами СС, полиция и партия должны были подчиняться командующим армиями в Германии, оккупированных странах и на различных театрах военных действий. Предполагалось арестовать все высшие чины СС и полиции, а также партийную верхушку. По плану заговорщиков, в столицу должны были быть введены войска, расквартированные в казармах вне города, блокироваться здание гестапо и радиостанция, разоружиться войска СС. Можно было гадать, выполнятся ли эти приказы, но

---

¹³⁹ Эту сцену описал очевидец, один из руководителей СС Доллман, который был там в качестве сопровождающего Муссолини. Геринг, пытаясь переключить внимание с провалов военно-воздушных сил на банкротство внешней политики Риббентропа, грозился ударить министра иностранных дел своим маршальским жезлом. «Ты, грязный торговец шампанским, — орал Геринг. — заткни свой поганый рот». — «Я все еще министр иностранных дел, — кричал в ответ Риббентроп. — Я из рода фон Риббентропов».

заговорщики надеялись, что — раз Гитлера все равно уже нет — те офицеры, которые до этого отказывались присоединиться к заговору, кто из чувства страха, а кто, боясь нарушить присягу, теперь поддержат новое правительство.

Все зависело от двух условий: успеха покушения на Гитлера и быстрых, решительных действий в Берлине. Первое уже не состоялось, чего фон Штауффенберг не знал. Он покинул штаб фюрера в полной уверенности, что ни один человек в совещательной комнате не уцелел. Однако уже из первых сообщений о взрыве, поступивших на Бендлерштрассе чуть позже 13.00, было ясно, что Гитлер жив, поэтому Ольбрихт не отдал приказа начать операцию «Валькирия». Таким образом, второе условие также не удалось выполнить. А в это время фон Штауффенберг, уверенный в смерти Гитлера, после трехчасового перелета из Восточной Пруссии, связавшись по телефону с аэродрома Рангсдорф с Ольбрихтом, убеждал его отдать приказ о начале операции. Это было в 15.45, и фон Штауффенбергу потребовалось еще 45 минут, чтобы добраться до центра Берлина и наконец приступить к решительным действиям, вдохновляя своих сообщников.

Даже энергия и решительность фон Штауффенберга уже не могли компенсировать упущенного времени. Ничего еще не было сделано. Только после четырех часов генерал фон Хазе, комендант Берлина, получил указание ввести в город войска и занять правительственный квартал. Фон Хазе вызвал из Деберица охранный батальон Великая Германия, которым командовал майор Ремер. Ремер (не участвовавший в заговоре) действовал быстро, но все это вызвало подозрения у офицера по национал-социалистической ориентации из министерства пропаганды, доктора Ганса Хагена, молодого человека с большим самомнением, который выступал в батальоне с лекцией. Хаген связался с Геббельсом, который пригласил Ремера поговорить по телефону со штабом Гитлера в Восточной Пруссии. Голос, которого нельзя было не узнать, убедил Ремера, что фюрер не погиб, как ему сказали — майора тут же произвели прямо в полковники, и Гитлер лично приказал ему использовать свой батальон для подавления путча.

После возвращения фон Штауффенберга главнокомандующим срочно разослали приказы приступить к операции «Валькирия», и в Париже и Вене уже развернулась повсюду, когда в 6.30 вечера по германскому радио прошло сообщение, переданное Геббельсом по телефону, что на жизнь фюрера совершено покушение, но безуспешно. Как только это стало известно, для большого числа офицеров, которые стояли в стороне и ждали, будет ли успешным путч, прежде чем связаться с ним, главным стали страх перед местью Гитлера и желание удостовериться, что же произошло.

Переданное в начале вечера радиосообщение из Берлина уже обеспокоило осторожных. Вскоре после 8 часов вечера всем командующим были переданы по телетайпу команды, отменяющие полученные ими из Берлина инструкции. Гитлер назначил Гимmlера Главнокомандующим Резервной армией вместо генерала Фромма и поручил ему отвечать за безопасность Рейха. Через час по радио передали, что перед полуночью Гитлер выступит перед германским народом.

Положение группки заговорщиков в здании Генерального штаба на Бендлерштрассе было теперь безнадежным. В течение вечера посаженная перед этим под арест группа лояльных Гитлеру офицеров вырвалась из-под стражи, освободила генерала Фромма и разоружила заговорщиков. Поведение самого Фромма было до этого двусмысленным, и он теперь стремился показать рвение и преданность, освободившись от тех, кто мог скомпрометировать его. Когда прибыли войска, чтобы арестовать заговорщиков, Фромм приказал расстрелять фон Штауффенберга, Ольбрихта и двух других офицеров во дворе, где их казнили при свете фар броневика. Беку разрешили покончить с собой. Прикончить остальных Фромму помешал только приезд Кальтенбруннера, главного помощника Гимmlера, который был намного больше заинтересован узнать, что скажут оставшиеся в живых, нежели расстреливать их на месте, когда путч уже провалился. Прилетевший вечером из Восточной Пруссии Гимmlер расположился со своим штабом в доме Геббельса, и первые допросы были проведены той же ночью. Охота за людьми началась.

Заговорщики имели успех только в одном месте, в Париже. Там они могли рассчитывать на ряд твердых сторонников, возглавлявшихся генералом Хейнрихом фон Штюльпнагелем, военным губернатором Франции. Как только он получил кодовый сигнал из Берлина, фон Штюльпнагель выполнил приказы об аресте 1200 членов СС в Париже, и армия быстро взяла ситуацию в свои руки. Но и здесь заговорщикам не повезло так же, как это произошло буквально повсюду.

В первые месяцы 1944 года фельдмаршала Роммеля, тогда только что назначенного на свой пост на западе, ввели в контакт с группой Бека и Герделера, и существовала вероятность того, что его можно будет уговорить принять соответствующие меры, когда тому придет время. Однако 17 июля, когда он возвращался с фронта, автомобиль Роммеля был атакован английскими истребителями, и фельдмаршала тяжело ранило. Таким образом, 20 июля Роммель лежал без сознания в госпитале, и командование его группой армий Б, как и главное командование на западе, было в руках фельдмаршала фон Клюге, лошади совсем другой масти.

Фон Клюге прекрасно знал, что затевается. Но как только стало известно, что покушение на жизнь Гитлера не удалось, он отказался обсуждать самостоятельное выступление на западе. Без поддержки командования армией фон Штюльпнагель ничего не мог сделать: он создал возможность, которую некому было использовать. Так что, к рассвету 21 июля путч в Париже провалился так же, как в Берлине, и фон Штюльпнагеля вызвали домой для объяснений. Теперь пришел черед Гитлера действовать, и его месть не заставила себя ждать.

В половине первого ночи с 20-го на 21-ое июля все германские радиостанции передали дрожащий, но все еще узнаваемый голос фюрера, говоривший из Восточной Пруссии.

«Если я говорю с вами сегодня (начал он), то для того, чтобы вы слышали мой голос и знали, что я не пострадал и в здравии, и, во-вторых, чтобы вы знали о преступлении, не имеющем параллели в германской истории. Очень маленькая группка честолюбивых, безответственных и в то же время безрассудных и глупых офицеров вошли в заговор с целью ликвидировать меня и Высшее командование вооруженными силами...»

Я убежден, что с раскрытием крошечной клики предателей и саботажников наконец-то после долгого времени в тылу создана та атмосфера, в которой нуждается сражающийся фронт...

На этот раз мы рассчитаемся с ними привычными для национал-социалистов способами».

Гитлер редко угрожал впустую. Гестапо не прекращало расследования и казни вплоть до последних дней войны, и заседания Народного суда под председательством печальной памяти нацистского судьи Роланда Фрейзлера продолжались месяцами. Первое заседание состоялось 7 августа и закончилось немедленным осуждением фельдмаршала фон Вицлебена, генералов Гепнера, фон Хазе и Штиффа вместе с четырьмя другими офицерами, и их казнили с неимоверной жестокостью 8 августа, медленно затягивая на шею прикрепленную к мясному крюку петлю из струны для рояля. Говорили, что казни и суд были сняты на киноплёнку, от начала до конца, чтобы Гитлер мог увидеть их в тот же вечер у себя в канцелярии рейха.

За очень небольшим исключением, в основном только по счастливой случайности, все, кто принимал активное участие в заговоре, гражданские и военные, всего около 200 человек, были арестованы, подвергнуты пыткам и казнены. еще 5000, в том числе целиком семьи главных заговорщиков, вроде Герделера, фон Штауффенберга, фон Трескофа, Остера, а также видные фигуры, не связанные непосредственно с заговором, но имевшие что-нибудь в своем прошлом или подозревавшиеся в независимом образе мысли, были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря — среди них Шахт, Гальдер и Конрад Аденауэр.

Несомненно, среди тех, кто был казнен, имелись люди, которые присоединились к заговору — и много больше людей, которые сделали бы это, если бы Гитлер был убит — потому что поняли, что Гитлер ведет Германию к катастрофическому поражению. Но ядро

оппозиции составляли мужчины и женщины, которые разобрались в подлинной сути нацистского режима и вступили в борьбу за его свержение уже тогда, когда Гитлер еще торжествовал победы, и таких людей было отнюдь не мало.

Одним из них был Хеннинг фон Трескоф. Только то, что он получил назначение в действующую армию, помешало ему сыграть центральную роль в событиях 20 июля. Как только он услышал, что Гитлер лично выступил по радио и тем самым доказал, что заговор провалился, он тут же решил покончить с собой, а не ждать, пока пытками из него вытянут все, что он знал про оппозицию — включая имена.

Его друг фон Шлабрендорф не смог отговорить его, и на следующее утро фон Трескоф въехал на ничейную землю, и, выстрелив из двух пистолетов, чтобы подумали, будто он убит в бою, взорвал ружейную гранату и ему оторвало голову. После того, как они расстались утром 21 июля, фон Шлабрендорф записал последние слова фон Трескофа:

«Теперь они все набросятся на нас и будут поливать нас грязью. Но я убежден, сегодня, как никогда, что мы поступили правильно. Я считаю Гитлера архиврагом не только Германии, но и всего мира...

Точно так же, как бог однажды обещал Аврааму, что он пощадит Содом, если только найдется в городе десять праведных людей, я имею основание надеяться, что, благодаря нам, он не уничтожит Германию. Ни один из нас не может пожаловаться на свою смерть, потому что каждый, кто вступал в наши ряды, одевал на себя отравленную рубашку Несса. Моральная ценность человека определяется тогда, когда он показывает, что готов отдать жизнь за свои убеждения».

Эти слова могут быть эпитафией всем, кто присоединился к Хеннингу фон Трескофу в попытке избавить Германию и весь мир от Гитлера и нацистского режима.

Булл он А. Гитлер и Сталин. — Смоленск: Русич, 1994. — Т.2.

УБИТЬ ФИДЕЛЯ

Джон Кеннеди прогуливался по саду Белого дома со своим приятелем Джорджем Смазерсом, сенатором от Флориды, также известным как «сенатор от Кубы» — это прозвище он заслужил безоглядной поддержкой бывшего кубинского диктатора Батисты. Они говорили о Фиделе Кастро. Согласно показаниям Смазерса, Кеннеди затронул тему политических убийств, поскольку ранее «обсуждал кое с кем эту и другие возможности применительно к Кубе». Смазерс предложил, чтобы любое покушение на убийство было предпринято одновременно с инсценированным инцидентом на военно-морской базе США в Гуантанамо, что послужило бы предлогом для интервенции американских войск.

Вскоре после этого Кеннеди, как отмечал биограф Смазерса журналист Хэнк Мессик, «узнал о связях Смазерса с правыми кругами, что заставило его насторожиться. Он по-прежнему ценил сенатора как приятного компаньона на досуге, но приказал ему никогда более не касаться кубинской темы». Однако Смазерс, который был близок Бебе Ребозо, Карлосу Прио и другим кубинским эмигрантам, продолжал гнуть свою линию. Однажды за ужином на двоих в Белом доме застольная болтовня Смазерса о политических убийствах привела президента в такую ярость, что он швырнул вилку, разбив на кусочки свою тарелку. И только после этого Смазерс отступил.

В ту минуту гнева Кеннеди, видимо, не подозревал, что в неприлично короткое время после его вступления на пост ЦРУ узаконило политические убийства, создав группу «карательных акций». Начальник оперативного отдела ЦРУ Дик Биссел вкратце обсуждал этот страшноватый предмет с Макджорджем Банди, своим бывшим студентом в Йельском университете, ставшим специальным помощником Кеннеди по делам национальной безопасности. У Банди не возникло никаких возражений. Но он не информировал президента о беседе, поскольку предполагал, как он впоследствии показывал, что ЦРУ прежде, чем «убить конкретное лицо», запросит соответствующее разрешение.

К этому времени ЦРУ по самые свои электронные уши погрязло в приготовлениях к

политическим убийствам. У него существовало два основных плана, которые по времени были приурочены к моменту вторжения: один должен был осуществляться при помощи мафии, другой — в сотрудничестве с кубинским подпольем. Прямые попытки покушения на жизнь Кастро, по всей видимости, предпринимались и непосредственно самим управлением. Как свидетельствует писатель Рой Нортон, «группы убийц ЦРУ проходили обучение во Флориде, на болотах Эверглейдс, руководил ими выпускник террористической школы УСС. Ему помогали офицеры морской пехоты, прикомандированные к ЦРУ».

Полковник ВВС США Флетчер Праути утверждал, что ЦРУ «использовало специальный самолет „Хелио курриэр L-28“, который, приземлившись близ Гаваны, доставил на Кубу особую группу, специально подготовленную для покушения на жизнь Фиделя Кастро. Мы тщательно разработали эту операцию, и самолету удалось вернуться в целостности и сохранности. Пилот доложил, что высадил группу убийц точно в намеченном месте. Позднее мы узнали, что группа была окружена и захвачена солдатами Кастро».

План покушения руками кубинского контрреволюционного подполья ЦРУ разрабатывало в сотрудничестве с подпольной организацией «Унидад революсионариа». Эту организацию ЦРУ снабдило оружием, снаряжением и деньгами. Доставлены они были на борту морского охотника «Техана-3», переоборудованного после второй мировой войны в прогулочный катер богатым тexasским нефтепромышленником. Затем «Техану-3» перекупил у него еще более богатый кубинский эмигрант Альберто Фернандес. Фернандес, бывший сахарный король, являлся координатором «Унидад» в Майами. Он зарегистрировал «Техану» в подставной фирме «Интер-Ки транспортэйшн компани», после чего ЦРУ переоборудовало судно по-своему в доке на острове Сток-Айленд. Оснащенная двигателями германского производства «Техана» даже в штормовую погоду могла развивать скорость свыше тридцати узлов. На палубе, заполненной в целях маскировки котлами для хранения крабов, были оборудованы турели для мгновенного монтажа и демонтажа пулеметов 50-го и 30-го калибров. Экипаж «Теханы» состоял только из кубинцев. По ночам судно доставляло людей и технику из Ки-Уэста в укромные уголки на северном побережье Кубы. «Обычно того, что нам привозили, хватало на два грузовика, — говорил один из членов „Унидад“. — „Техана“ доставляла пулеметы 30-го и 50-го калибров, винтовки М-1, пластиковую взрывчатку С-3 и С-4, горючую смесь. Часть оружия распределялась между группами. Остальное прятали в тайниках про запас».

В руководство «Унидад» входили Умберто Сори Марин и Альдо Вера. Хотя они и знали о существовании эмигрантского лагеря в Гватемале, ЦРУ по своим соображениям не информировало их о предстоящем вторжении. Но тем не менее рассчитывало на то, что Сори Марин и К° устраняет Кастро до дня «Д».

Сори Марин планировал путч. Мятежные офицеры ВВС Кубы должны будут захватить военно-воздушную базу Сан-Антонио-де-лос-Баньос близ Гаваны, а корабли ВМС, подняв флаг восстания, выйдут из портов стоянки. «Директорат» — отчаянные ребята из студентов, которые поддерживали кубинского политического деятеля Карлоса Прио в недолгой послереволюционной борьбе с Фиделем Кастро, — атакует Гаванский университет. Альдо Вера отвечал за захват средств связи и коммунальных служб.

План предусматривал еще одну деталь, о которой знали лишь немногие вожаки заговора. Фидель и, возможно, его брат будут убиты, что вызовет хаос в оставшемся без руководства правительстве и войсках. Сори Марин, ведавший военными вопросами в «Унидад», знал, как это сделать. Что может быть проще, объяснял он своим друзьям из ЦРУ, чем подложить одну из «петакас» (пластиковых бомб, доставляемых «Теханой») под трибуну и взорвать все ядро режима разом?

18 марта в пригородном районе Мирамар, в доме, окрашенном в пастельные желтые тона, состоялось последнее решающее совещание. Умберто Сори Марин, Рафаэль Хэнском, Роджер Гонсалес и еще пятеро его участников склонились над обеденным столом. Все они были воодушевлены недавними успехами: «петакас», сея панику, взорвались в театрах и других общественных местах столицы, зажигательные устройства спалили два крупных

универсальных магазина Гаваны — «Эпока» и «Энканто». Куря одну за одной любимые сигареты «Кэмэл», Сори Марин водил костлявым пальцем по расстеленной на столе карте Гаваны.

В нескольких кварталах от них милицейский патруль, совершавший обычный обход, остановился у одного из домов. Постучали в парадную дверь. Перепуганная женщина выскочила-черным ходом и бросилась бежать к желтому дому. Патруль заметил ее и ворвался следом за ней в комнату, где находились заговорщики. Сори Марин выхватил было пистолет, но был тяжело ранен автоматной очередью. Остальные покорно подняли руки.

Хребет «Унидад» был сломан, и ЦРУ пришлось отказаться от своих надежд на участие кубинского подполья в предстоящем вторжении.

При администрации Никсона возобновились попытки покушений на жизнь Кастро, организованные ЦРУ. Эмигрантская группировка Джерри Патрика Хемминга была привлечена к осуществлению плана убийства Кастро во время его визита в Чили по приглашению Сальвадора Альенде в октябре 1971 года. Кастро предполагалось застрелить из пистолета особой конструкции, спрятанного в телевизионной камере, во время его торжественной встречи по прибытии в Сантьяго. Существование такого замысла подтвердил Тони Весьяна, заявивший, что его непосредственный шеф в ЦРУ Морис Бишоп приказал ему организовать покушение. «Все это было очень похоже на убийство Кеннеди, — рассказывал Весьяна. — Назначенному Бишопом убийце Кастро должны были подсунуть бумаги, уличающие его как вставшего на путь предательства агента Москвы и Гаваны. После покушения намечалось убить и самого стрелявшего». Подложные документы изготовил бывший агент батистовской службы безопасности по имени Луис Посада Каррилес, который участвовал во вторжении в Заливе свиней,¹⁴⁰ а затем прошел шпионскую подготовку в Форт-Джеконе. К 1971 году Посада стал высокопоставленным сотрудником венесуэльской службы безопасности.

Покушение сорвалось по чистой случайности. «У нас были телевизионные камеры со спрятанным в них оружием, чтобы убить Кастро в то время, когда он будет произносить речь, — вспоминал Весьяна. — Но у одного из агентов случился приступ аппендицита, и нам пришлось срочно отправить его в больницу. Напарник действовать в одиночку отказался». Однако заговорщики предусмотрели запасной вариант убийства Кастро во время его поездки на горный медный рудник близ Антофагасты на севере Чили. Но и на этот раз ничего не вышло. К руднику Кастро ехал по узкой извилистой дороге. Проехав полпути, машина Кастро остановилась — поперек дороги стоял выведенный из строя автомобиль. Он был начинен 400 футами динамита с электрическим детонатором, управляемым по проводам. Убийцы включили ток, но взрыва не произошло.

Тогда вступил в действовитретий вариант плана, предусматривавший покушение на Кастро во время остановки в Перу на обратном пути из Чили. Его должны были совершить в тот момент, когда Кастро появится в двери самолета сразу после приземления в аэропорту Лимы, где намечался официальный обед от имени президента Хуана Веласко Альварадо. Самолет «Бичкрафт», вооруженный 20-миллиметровой пушкой, расположился на летном поле в такой позиции, откуда он мог бы расстрелять Кастро чуть ли не в упор и, тут же подняться в воздух. Однако самолет, в котором находился Кастро, совершенно неожиданно отрулил на специально отведенную и усиленно охраняемую площадку, находившуюся вне досягаемости огня из «Бичкрафта». Вполне понятно, что пилот последнего отказался переместить свой самолет на другую позицию, с которой взлет, а значит, и спасение бегством были невозможны.

Хинкл У., Тернер У. Рыба красного цвета. — М.: Прогресс, 1983.

ВЫСТРЕЛЫ В ДАЛЛАСЕ

---

¹⁴⁰ Попытка кубинских эмигрантов при поддержке ЦРУ свергнуть режим Кастро в 1961 г.

22 ноября 1963 г. президент США Кеннеди совершал поездку на автомобиле в Далласе (штат Техас). Автомобиль президента, сделанный по особому заказу в 1961 г., был открытой машиной марки «линкольн» с двумя дополнительными откидывающимися сиденьями. Он был снабжен прозрачным пластмассовым верхом, который не был пуленепробиваемым; к тому же, небо прояснилось, и Уинстон Г. Лоусон, специальный агент Секретной службы распорядился не устанавливать верха.

Во время поездки за рулем лимузина был агент Секретной службы Уильям Р. Грир, справа от него сидел другой агент. Президент помешался справа на заднем сиденье рядом с Жаклин Кеннеди, своей женой. На правом откидном сиденье помещался губернатор Коннэ-ли, на левом — жена губернатора. Автомобиль двигался со средней скоростью 11,2 мили в час.

В 12 часов 30 минут, когда автомобиль президента двигался по Элм-стрит к Тройному виадукту, раздался сухой винтовочный выстрел. Жаклин Кеннеди, которая смотрела влево на приветствовавшую президента толпу, он показался похожим на выхлоп мотоцикла. Затем она услышала возглас губернатора Коннэли. Повернувшись, Жаклин увидела странное выражение лица президента, поднимавшего левую руку к горлу. Затем раздались следующие выстрелы, и в голове президента образовалась зияющая рана. Обнимая своего мужа, Жаклин воскликнула: «О, Боже мой, они ранили моего мужа. Я люблю тебя, Джек!» Одна пуля прошла через шею президента; другая, оказавшаяся смертельной, раздробила его череп с правой стороны.

Еще до второй пули, попавшей в Кеннеди, губернатор Коннэли был ранен в спину, в правую сторону груди, в кисть правой руки и левое бедро. Услышав второй выстрел, жена Коннэли потянула мужа вниз к себе на колени. Увидев в тот момент свою окровавленную грудь, губернатор подумал, что он сам смертельно ранен. Он воскликнул: «О, нет, нет, нет! Господи, они перебьют всех нас!». Вначале жена губернатора решила, что ее муж убит, но затем заметила, что он слегка шевельнулся. Сохраняя присутствие духа, она проговорила: «Ничего, лежи спокойно». Губернатор лежал головой на коленях жены, когда услышал второй выстрел, попавший в президента. И в ту же минуту Коннэли и его жена увидели, что поверхность автомобиля покрыли частицы мозга.

Один из агентов Секретной службы по радиации сообщил переднему автомобилю о нападении и велел ехать в больницу. Там к приезду президентского кортежа персонал был поднят на ноги и приготовлены две палаты.

После прибытия в больницу агент Лоусон выскочил из первого автомобиля и подбежал ко входу в отдел скорой помощи, где его встретили служащие, катившие носилки к автомобилю. Агент Хилл снял с себя пиджак и покрыл им голову и верхнюю часть груди президента, чтобы предотвратить фотографирование.

Пока группа врачей отчаянно пыталась спасти жизнь президента, Жаклин Кеннеди то наблюдала за их работой, то выходила из палаты. После того, как было объявлено, что президент мертв, она сказала, что хотела бы остаться со своим мужем. Срочно был доставлен гроб, и тело президента подготовили для перевозки. В этот момент появились представители городских властей Далласа и стали протестовать против увоза тела Кеннеди без предварительного вскрытия. Но, несмотря на их протесты, гроб вынесли из больницы, поместили в машину скорой помощи и перевезли на аэродром. Через 1 час 45 минут после роковых выстрелов гроб с Кеннеди был поставлен в кормовую часть президентского самолета.

Смерть президента повлекла за собою целую цепочку смертей. Ли Харви Освальд (по официальной версии убийца Кеннеди) через 2 дня был застрелен Джеком Руби. Джек Хантер, побывавший сразу после убийства Освальда у него на квартире, был застрелен в полицейском участке — у полицейского якобы самопроизвольно выстрелил пистолет. Другой журналист, который вместе с Хантером осматривал квартиру Освальда, Джим Косер был застрелен у себя дома. Таксист, который вез в день убийства Кеннеди Освальда, вскоре

погиб в автомобильной катастрофе. Таинственно умерла журналистка Дороти Калголлен, которой удалось больше часа беседовать с глазу на глаз с Джеком Руби. Были убиты или погибли подозрительным образом и многие другие свидетели или участники расследования убийства Кеннеди.

В августе 1990 г. на пресс-конференции в Далласе 29-летний Рики Уайт заявил, что его отец Уайт-старший был одним из трех человек, стрелявший в Кеннеди. По словам Уайта, Освальду заранее отводилась роль «козла отпущения», а по президенту вели огонь его отец, ранивший Кеннеди в горло и смертельно — в голову, и третий, неизвестный до сих пор участник покушения.

Лаврин А. П. 1001 смерть. — М.: Ретекс, 1991.

МИССИЯ В ОМАНЕ

Оман был оккупирован англичанами в 1871 году, с тем чтобы укрепить свое влияние в зоне Индийского океана. Вдоль побережья страны проходят морские пути, по которым танкеры вывозят нефть в страны Запада. Страна фактически разделена на две части: большая часть, где находятся все нефтяные месторождения, расположена в юго-восточной части Аравийского полуострова и гораздо меньшая часть территории, площадью около 600 квадратных миль, выходит в Ормузский пролив. Разделяет две части узкая полоска земли длиной около 30 миль, принадлежащая дружественным Объединенным Арабским Эмиратам. Ормузский пролив, как правило, называют «нефтяной артерией», «шейной веной» или другими аналогичными наименованиями, пытаясь этим оправдать британский контроль над Оманом, якобы необходимый для существования Великобритании и даже всего западного мира.

Англичанам пришлось столкнуться с большими неприятностями, когда они подавляли действия партизан в горной западной провинции Лофар. Ставшие известными жестокие действия режима султана Омана Сайда бен Теймура вкупе с абсурдным запрещением использовать такие предметы, как солнечные очки, сигареты и радио, особенно отрицательно сказались в Дофаре, поскольку Сайд большую часть года проводил в своем дворце в Салале.

Народный фронт освобождения Дофара был создан в 1962 году эмигрантами, работавшими в развивающихся странах Персидского залива.

В первый год действия Фронта не привлекали к себе особого внимания, но после неудачного покушения на султана Сайда в апреле 1966 года в Дофар было направлено тысячное войско султана, перерезавшее линии снабжения. Однако победа Национального фронта в Южном Йемене позволила Фронту Дофара получить необходимое вооружение и снаряжение, в то время как действия вооруженных сил султана и англичан все больше отталкивали от себя население Дофара.

В 1968–1969 годах нефтяные залежи Омана, открытые еще в 1964 году, дали очень много нефти. Деньги, полученные от продажи нефти, Сайд использовал на свои личные нужды. Большая часть денег переводилась на счета султана в американских и швейцарских банках. Он даже отказался осуществить перевооружение своей армии. В марте 1970 года Фронт контролировал уже всю провинцию Дофар, кроме города Салала. Расположенная поблизости от него база ВВС англичан нередко подвергалась артиллерийскому обстрелу. Старый султан отвергал все попытки убедить его изменить свою политику. Уайтхолл принял решение о смещении султана. «Нам нужен Омани Заид вместо Шахбута», — заявил официальный представитель министерства иностранных дел Великобритании, имея в виду организованный англичанами в 1967 году переворот в Абу-Даби, когда шейх Шахбут, похожий на Сайда правитель, но только с большими странностями, был смещен его братом Заидом.

В качестве преемника Сайда был выбран его сын Кабус. Он получил образование на Западе, но по возвращении в 1966 году в Оман был под домашним арестом, так как Сайд опасался его. Посещавшие Кабуса лица тщательно проверялись, однако, один неудобный

султану человек все же посетил его сына.

Тимоти Ландэн занимал пост старшего офицера по разведке султанской армии в провинции Дофар. Ландэн прибыл в Оман в 1965 году в самом начале войны против Фронта в качестве специалиста по рекогносцировке, прикомандированного из британской армии. После двухлетней службы он был направлен в Англию на разведывательные курсы, по окончании которых возвратился в Оман. Ландэн хорошо знал Кабуса по учебе в академии Санджерст, где они жили в одной комнате.

Ландэн рассказал Кабусу о заговоре, в подготовке которого он участвовал вместе с другими лицами. В их число входили: шейх Брейк бен-Хамуд, сын губернатора Дофара; британский чиновник из местной нефтяной компании «Петролеум Дивелопмент Оман»; прикомандированный из числа англичан командующий армией султана; британский генеральный консул Дэвид Крофорд; Джеффри Артур, британский политический резидент в зоне Персидского залива; а также новый министр обороны Омана полковник Хью Олдхэм. Осуществление плана было отложено на несколько месяцев, вероятно, из-за приближавшихся выборов в Великобритании. Правительство лейбористов, очевидно, проявляло нежелание давать санкцию на переворот во время избирательной кампании. В конце июня к власти пришли консерваторы, и уже на 23 июля было назначено свержение Сайда. В этот день подразделению из солдат и офицеров султанской армии было приказано окружить дворец Сайда в городе Салала. Они выполнили приказ, полагая, что идут какие-то учения. Шейх Брейк, Дандэн и группа солдат, включая нескольких военнослужащих САС, прошли через охрану к воротам дворца. Охранник, стоявший в воротах, был подкуплен. Он провел группу через двор. Старый султан был готов к этому. Он давно подозревал, что предпринимаются попытки свергнуть его, поэтому около каждого окна своего дворца держал наготове винтовки и легкие пулеметы. Когда участники заговора оказались в поле видимости, султан и преданная ему охрана открыли огонь. Группа бросилась в укрытие, а Дандэн немедленно по радио запросил поддержку с воздуха. Вскоре появился самолет ВВС султана, управляемый английским летчиком, который сбросил несколько бомб с газом. В завязавшейся борьбе заговорщики победили. Султан был дважды ранен. Его вынудили отречься от престола и по окончании лечения на самолете вывезли в Великобританию. Правительство поселило султана в отеле «Дорчестер», где он и оставался до своей смерти, последовавшей через два года. Взяв контроль в свои руки, Кабус объявил о запоздалых программах развития, которые должны были осуществляться под наблюдением временного комитета по планированию, во главе которого, по известным причинам, поставили министра обороны Омана Хью Олдхэма. Кабус также объявил об амнистии повстанцам из Фронта.

Заговор был представлен англичанами в качестве национального восстания. Великобритания сразу же приняла меры к расширению своего военного присутствия в этой стране.

Блоч Д., Фитцджеральд П. Тайные операции английской разведки. — М.: Изд-во политической литературы, 1987.

МИ-6 ПРОТИВ ИРА

В 70-е годы британскому разведывательному подразделению МИ-6 отводилась важная роль в борьбе с ИРА (Ирландской республиканской армией). Получили известность три операции этого периода.

Наиболее известной, очевидно, является трагикомическая история братьев Литтлджонов — Кеннета и Кейта. Обвинения в некомпетентности, выдвигавшиеся МИ-6 в адрес военной разведки, в данном случае удивительным рикошетом отозвались на самой разведслужбе. В 1970 году Кеннет Литтлджон скрывался в Ирландии от британской полиции, которая считала, что он может оказать помощь в расследовании дела о краже 38 тысяч фунтов стерлингов, за которое его двоюродный брат Брайэн Перке получил шесть лет тюрьмы. Литтлджон имел криминальное прошлое, связанное с грабежом. Это случилось еще

во время его службы в полку парашютистов, из которого в 1959 году он был с позором уволен за кражу денег из полковой кассы. Он жил в Ирландии в графстве Керри, средства к существованию получал от фирмы по продаже одежды, созданной им в Дублине под псевдонимом Кеннет Остен. Фирма Литтлджона довольно быстро попала в затруднительное положение. Переехав в графство Лаут, поближе к границе с Северной Ирландией, Кеннет установил контакты с ИРА. Он узнал, откуда ИРА получает необходимое оружие. Обремененный долгами и поставленный перед угрозой вызова в Верховный суд Дублина, Литтлджон решил использовать имевшуюся у него информацию. В ноябре 1971 года апелляционный суд отменил приговор его двоюродному брату Брайэну Перксу на основании того, что, судья не обеспечил полного разбирательства дела. Уголовного дела против Литтлджона больше не существовало, и 21 ноября он вылетел в Лондон.

Младший брат Кеннета Кейт большую часть 1967 года провел в тюрьме Борстал также за участие в грабеже. Там он познакомился с леди Памелой Онслоу, навещавшей тюрьму с благотворительными целями. После своего освобождения Кейт не терял с ней связь, и в этом Кеннет увидел хорошую возможность для вступления в контакт с британским правительством. Кейт рассказал леди Онслоу о наличии у его брата информации об ИРА, которую тот хотел бы передать правительству. Леди Онслоу связалась со своим личным другом-министром обороны Великобритании лордом Каррингтоном, который разрешил министру Джеффри Джонсон-Смиту встретиться с Литтлджонами на квартире леди Онслоу в Кенсингтоне. Встреча состоялась 21 ноября. В течение трехчасовой беседы Кеннет Литтлджон рассказал министру, что «официальная» ИРА получила партию автоматов АК-49 и планирует осуществить убийство Джона Тейлора, министра внутренних дел Ольстера, который придерживался бескомпромиссной линии.

Литтлджон произвел хорошее впечатление на Джонсона-Смита, который предложил ему связаться со специальным управлением полиции. Литтлджон отказался, заявив, что не «горит желанием возобновить знакомство с полицией». Министр согласился сам поднять этот вопрос перед «соответствующими властями». На следующий день Литтлджон явился на квартиру по Кейвелл-стрит, где встретился с офицером МИ-6, представившимся как Дуглас Смайт (известен также под именем Джона Уаймена). Литтлджон повторил то, что ранее рассказал Джонсону-Смиту. Уаймен заявил Литтлджону, что при необходимости свяжется с ним.

К информации Литтлджона вернулись в феврале 1972 года, когда была предпринята попытка совершить покушение на Джона Тейлора при его выходе из офиса в Армаге. Один из тех, кого Литтлджон причислял к покушавшимся, командир республиканского батальона в Белфасте Джо Маконн, через несколько дней был убит армейским патрулем. Литтлджону дали задание проникнуть в ряды «официального» крыла ИРА и передавать о нем информацию, в частности о лицах, скрывавшихся в соседней Ирландии. Литтлджон должен был действовать и как агент-provokator, организуя и осуществляя в Ирландии ограбления банков, взрывы бомб, ответственность за которые возлагалась бы на «официальное» крыло ИРА. МИ-6 надеялась, что такие действия заставят ирландское правительство принять более строгие меры законодательного порядка против ИРА, многие члены которой в период интернирования бежали в Ирландскую Республику. Кроме того, взрывы подорвали бы политическую поддержку, которой пользовалось в стране «официальное» крыло ИРА.

Как шпион Литтлджон был в основном бесполезен. Большая часть информации, которую он на регулярных встречах передавал Уаймену, носила общий характер. Ирландская полиция с удивлением наблюдала, как Литтлджон разъезжает по стране. Позднее некоторые офицеры заявили, что им было дано указание не трогать братьев. По словам Литтлджона, в период с февраля по октябрь 1972 года он совершил 12 банковских ограблений. Добыча от одного из них, осуществленного в июне 1972 года в торговом центре города Ньюри на севере страны, составила 70 тысяч фунтов стерлингов. Детективы полиции допрашивали Литтлджонов по поводу этого ограбления, когда получили наводку от местного судебного чиновника, у которого возникли подозрения после получения им от Литтлджонов крупного

здатка за дом в Лауте десятифунтовыми купюрами. Но никакого обвинения им не было предъявлено. Кеннет Литтлджон заявляет, что он знал, по крайней мере, о четырех других ограблениях, которые санкционировала британская разведка и в которых он не принимал участия. Он также утверждал, что ему было поручено убрать некоторых лидеров ИРА из обеих фракций. Одним из них был Симэс Костелло, входивший в «официальное» крыло ИРА и ставший впоследствии одним из основателей Ирландской республиканской социалистической партии; другим был Син Гарлэнд, который, как было сказано Литтлджону, также относится к «официальному» крылу ИРА; а третьим — Син Макстиофейн, руководитель разведки «временной» ИРА. Макстиофейн входил в то время в состав делегации ИРА, руководимой Дайти О'Конеиллом, которая вела секретные переговоры с британскими официальными лицами. На этих переговорах обсуждался состоящий из 15 пунктов план объединения Ирландии. Список лиц, подлежащих устранению, был передан Литтлджону его руководителем Уайменом. Два нападения на полицейские участки в Лауте и Кастелбеллингеме (Ирландия) приписываются также Литтлджонам.

Карьера Литтлджонов как британских агентов закончилась после нападения на банк «Эллайд айриш бэнк» на Грэфтон-стрит в Дублине. Утром 12 октября 1972 года группа лиц, в которую входили Литтлджоны и некоторые отколовшиеся члены «официального» крыла ИРА, прибыли на квартиру управляющего банком Ноэля Куррена. Его семью держали под дулом пистолета, а самого Куррена заставили везти Литтлджонов на Грэфтон-стрит и открыть сейфы. Прибывающих на работу сотрудников банка связывали и запирали в сейфы, из которых было изъято 67 тысяч фунтов стерлингов. Кеннет Литтлджон повсюду в помещении оставил отпечатки своих пальцев. Позднее все они были опознаны сотрудниками банка.

Сразу после ограбления Кейт отвел машину Кеннета в дублинский аэропорт, уничтожил в ней все отпечатки пальцев, но оставил в машине счет Кеннета за электричество, в котором был указан его домашний адрес. Через Белфаст и Шотландию братья прибыли в Лондон, где встретились с женой Кеннета и его бывшим партнером по бизнесу Робертом Стокменом. На деньги, полученные в результате дублинского ограбления, они планировали купить ресторан в Торквейе, однако их мечты приказали «долго жить». Утром 19 октября Литтлджон в последний раз встретился с Уайменом на Трафальгарской площади. Вскоре после этого вооруженная полиция ворвалась в дом Стокмена, арестовала его и Кеннета вместе с женой. Рейдом руководил инспектор Джон Паркер, который вылетел в Лондон сразу же после того, как ирландская полиция собрала данные о причастности Литтлджонов к ограблению. В группу, осуществившую арест, входили офицеры Скотланд Ярда из «летучего отряда». МИ-6 ничего не знала о происшедшем, пока Кеннет Литтлджон не попросил Паркера позвонить инспектору Синклеру из специального управления полиции. Ранее Уаймен сказал Литтлджону, что в случае каких-либо трудностей с полицией звонок Синклеру, руководившему ирландской секцией специальной полиции, будет достаточен для урегулирования дела. Паркер позвонил Синклеру и проинформировал его об аресте Кеннета Литтлджона (в тот же день Кейт также был арестован в своем доме в Торквейе).

В МИ-6 понимали, что почти ничего нельзя сделать для предотвращения судебного разбирательства по делу Литтлджонов, не вызвав отрицательной реакции средств массовой информации. Изменение отношения полиции Ирландии к Литтлджону произошло потому, что одну из ее секций постоянно упрекали в неспособности обуздать активность ИРА, в то время как ей было хорошо известно, что этой деятельностью занимались агенты английской разведки. Таким образом, МИ-6 была поймана на месте преступления. Вмешательство в ход процесса о выдаче Ирландии преступников Литтлджонов вызвало бы гнев со стороны ирландской полиции и уменьшило бы шансы на будущее сотрудничество в области безопасности, в то время как отказ помогать Литтлджонам во время процесса привлек бы нежелательное внимание к самой МИ-6. Был принят чреватый риском второй вариант в надежде на то, что разоблачительные сведения из уст Литтлджонов не будут звучать достаточно убедительно. К тому же имелись определенные шансы не допустить, чтобы они

вообще заговорили.

21 декабря адвокат Литтлджонов Питер Хьюмэн написал министру обороны письмо, в котором изложил, заявление своих клиентов о том, что они работали на МИ-6. 3 января существо дела обсуждалось на встрече чиновников Великобритании и Ирландии. Англичане без обиняков признали, что Литтлджоны были их агентами. На следующий день Хьюмэн получил ответ из министерства обороны с подтверждением факта, что встреча с Джонсон-Смитом действительно имела место. 10 января в суде возобновилось рассмотрение вопроса о выдаче Ирландии преступников. «Представитель обвинения внес предложение продолжить рассмотрение дела на закрытом заседании, с чем председатель суда согласился. Слушание дела закончилось через две недели выдачей ордеров на передачу обоих братьев и Стокмена ирландцам. Апелляция в Верховный суд была отклонена лордом Уиджери, и в марте 1973 года всех троих передали Дублину. В столице Ирландии обвинения со Стокмена были сняты, а Литтлджоны были преданы суду за ограбление банка „Эллайд айриш“». Дело разбиралось в специальном криминальном суде в отсутствие присяжных. Не было разрешено давать показания тем лицам, которые могли подтвердить, что хотя братья участвовали в ограблении, они делали это по указанию британских властей. Литтлджонов признали виновными и вынесли им суровые наказания. Кеннет был приговорен к 20 годам тюрьмы, Кейт — к 25.

В 1974 году Кеннет некоторое время наслаждался свободой — он сбежал из дублинской тюрьмы Маунт-джой. Из своего укрытия в Амстердаме он дал интервью программе Би-би-си «Панорама» и лондонскому журналу «Тайм аут», в которых без изменений изложил свои прежние показания о выполнении заданий английской разведки. В сентябре 1981 года оба брата по гуманным соображениям были досрочно освобождены.

В то время как Литтлджоны боролись в лондонском суде против их выдачи Ирландии, их первый руководитель Джон Уаймен попал в Дублине в беду. 19 декабря 1972 года его арестовали вместе с Пэтриком Криннионом, сержантом секции С-3 специального управления ирландской полиции, занимавшейся вопросами терроризма и подрывных акций. Через два дня обоим было предъявлено обвинение на основе закона 1963 года «Об официальных секретах Ирландии»: Кринниону — за передачу служебной информации в период с 1 августа по 19 декабря 1972 года; Уаймену — за получение. Был объявлен в розыск, но не найден еще один офицер британской разведки — Эндрю Джеймс Джонстоун. Англичане якобы завербовали еще одного сотрудника ирландской полиции. Кринниона арестовали в дублинской гостинице «Бурлингтон», а под ковром его машины нашли 30 документов. Все они касались деятельности ИРА и были взяты из дел ирландской полиции. О том, что такая информация поступала в Лондон, стало ясно на встрече между Эдвардом Хитом и Джеком Линчем в 1972 году, когда, как сообщают, Линч был «удивлен» глубиной и точностью знаний Хита о деятельности ИРА в Ирландской Республике.

Уаймен и Криннион содержались под стражей до 12 января. Уаймену угрожало обвинение по двум пунктам, Кринниону — по четырём. На очередном слушании дела адвокат заявил, что изучается возможность предъявления Уаймену дополнительных обвинений, и попросил еще раз отложить разбирательство. Однако во время следующей сессии суда, большая часть которой проводилась в закрытом порядке, в прессе появилось несколько статей о Уаймене. Сообщалось, что в качестве своего домашнего адреса он указал 3 Свон Уорк, район частных квартир в лондонском районе Челси. Фактически по этому адресу он не проживал, но был знаком с жившими там двумя сестрами. В качестве рода занятия указывалось — частный следователь; работодатель — «Бейтман Инвестигэшн оф Лонг Ханборо», Оксфордшир. Это была фирма, руководимая Брайэном Бейтманом, бывшим полицейским детективом, который ушел в отставку с поста начальника отдела криминальных расследований Оксфорда. «Бейтман Инвестигэшн» оплатила Уаймену расходы по защите, наняла известного юриста и сочинителя боевиков Майкла Джилберта, который выехал в Дублин для оказания Уаймену юридической помощи. Газета «Санди таймс» так обобщила все указанные выше загадочные факты: «Мы не обнаружили

каких-либо данных, объясняющих, почему „Бейтман Инвестигэшн“ послала на работу в Дублин Уаймена, человека, о котором ничего не известно, кроме его челсинского адреса. Равным образом непонятно, почему адвокат с такой доходной практикой должен был поехать для оказания ему помощи». 13 февраля возобновился суд над Уайменом и Криннионом. Обнаруженные в машине Кринниона документы, представлявшие основную часть доказательств, на которых основывались выдвигавшиеся против подсудимых обвинения, не были предъявлены суду якобы по причинам их слишком щепетильного характера, хотя процесс шел в закрытом заседании с принятием самых строгих мер безопасности. В результате первоначальные обвинения по шести пунктам были сняты. Против Уаймена и его агента осталось только дополнительное обвинение по четырем пунктам. Их вновь оставили под стражей. 27 февраля обоих признали виновными в попытке получения и передачи официальных документов, что влечет за собой максимальное наказание в размере шести месяцев тюрьмы. За две недели до этого было снято обвинение в нарушении национальной безопасности. Уаймен и Криннион были приговорены к трем месяцам тюрьмы каждый, но поскольку по два месяца они уже отбыли, находясь под следствием, их вскоре освободили.

Сразу же пошли слухи о том, что правительства Великобритании и Ирландии организовали обмен Литтлджонов на Уаймена и Кринниона. В августе следующего года бывший министр юстиции кабинета Д. Линча Колм Конден в ярости заявил, что это является «беспардонной ложью». Он утверждал, что Линч был проинформирован лишь о юридических аспектах дела Литтлджонов, а не о его щекотливом политическом характере. Это было нечестное заявление, и, к несчастью для Линча, оно противоречило материалам пресс-релиза, выпущенного в тот же день информационной службой правительства. В пресс-релизе говорилось, что вскоре после встречи 3 января между британскими и ирландскими чиновниками Линч был проинформирован о шпионской деятельности Литтлджонов. Память, так сказать, отказала Линчу, как это случается иногда с государственными деятелями.

Несмотря на затруднения, в которые попала британская специальная служба, правительство Великобритании добилось своей главной цели: парламент Ирландии принял суровый закон против терроризма. Два удачно организованных взрыва бомб с часовым механизмом, заложенных в машинах, происшедших в Дублине в ночь накануне голосования в парламенте, к утру изменили позиции оппозиционных партий Фине гал и лейбористской, которые проголосовали за принятие строгих мер.

Блоч Д., Фитцджеральд П. Тайные операции английской разведки. — М.: Изд-во политической литературы, 1987.

МИССИЯ В КАБУЛЕ

Народно-демократическая партия Афганистана (партия коммунистов), в которой одним из лидеров был Хафизулла Амин, с самого начала была расколота на две фракции — «большевиков» («Хальк») и «меньшевиков» («Парчам»). «Хальк» возглавляли Мухаммед Тараки и Амин, а «Парчам» Бабрак Кармаль. Москве удалось примирить соперников, но время показало, что примирение было не более, чем камуфляжем.

Советское руководство делало ставку на Кармаля. Вскоре Бабрак Кармаль заключил тайный союз, с Тараки, и Амин оказался изолированным. Однако, когда в апреле 1978 г. в Кабуле начались беспорядки, и тогдашний президент Мухаммед Дауд арестовал всех коммунистов, Амин сумел остаться на свободе. Благодаря этому, Амину удалось создать впечатление, что именно он возглавил успешное восстание против Дауда.

Амин восстановил свое влияние в НДПА, и при режиме Тараки (который стал президентом) занял посты премьер-министра и министра обороны. Но брежневское руководство по-прежнему относилось к нему с большим недоверием. В отличие от Тараки и Кармаля Амин был коммунистом с небольшим стажем, да и свою теоретическую подготовку

он получил не в СССР, как Бабрак Кармаль, а в США.

Как пишут осведомленные источники, решено было Амина убрать. Задача была поручена четырем афганским офицерам, подготовленным в СССР и Чехословакии. Все четверо, а также Тараки и Кармаль поддерживали тесные связи с советскими офицерами, находившимися в Афганистане. Заговорщики должны были выступить 11 сентября 1978 г. в то время, когда Тараки возвращался домой с конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване.

Тараки сделал остановку в Москве, где провел совещание с Кармалем о распределении министерских портфелей после свержения Амина. На его беду, Амин узнал о заговоре и выступил первым. Через три дня ему удалось схватить Тараки, который по его приказу был задушен в тюрьме. Хафизулла Амин объявил себя президентом страны и председателем НДПА.

Советское руководство как-будто примирилось с реальностью. Брежнев и Косыгин прислали новому президенту «самые теплые поздравления» и одновременно был отдан приказ о подготовке к свержению Амина — «продажного агента ЦРУ», как называл своего соперника Бабрак Кармаль.

В середине сентября 1979 г. планы военной оккупации Афганистана были готовы. Вскоре Кармаля тайно привезли в Кабул и укрыли на военно-воздушной базе Байрам, охранявшейся советскими войсками.

В конце ноября в Афганистан прибыл первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал Виктор Папутин. Он посетил Амина, а спустя некоторое время советские газеты сообщили о смерти генерала. Западные разведывательные источники сообщили, что Папутин был смертельно ранен в перестрелке с главой тайной полиции Афганистана, племянником Амина.

А 30.12.1979 г. газета «Правда» сообщила, что «в результате поднявшейся волны народного гнева Амин вместе со своими приспешниками предстал перед справедливым революционным судом народа и был казнен».

В годы перестройки, в одном из новых советских еженедельников появились воспоминания участника событий свержения Амина майора КГБ М. К. (он не захотел раскрывать своего имени). Вот что он рассказал о смерти Амина:

«В Афганистан мы прилетели недели за две до событий. В нашей группе было 22 человека, возглавлял ее полковник КГБ. Нас поселили на вилле под Кабулом. Выходить из помещения и пить что-либо, кроме спиртного, было запрещено.

О нашем задании мы знали только, что при наступлении времени „Ч“ нам будет зачитан приказ, в соответствии с которым мы и будем действовать. Хотя в принципе то, что нас послали в Афганистан, никого не удивляло. еще когда по просьбе Тараки в эту страну были направлены военные советники, под их видом туда поехали наши сотрудники.

Наконец время „Ч“ наступило, и нам был зачитан приказ, составленный вполне в духе последующих статей в „Правде“: Амин — агент ЦРУ, пособник империализма, враг афганского народа. Мы должны были очистить дворец Амина, подавив сопротивление.

К дворцу Амина выдвинулись на десяти боевых десантных машинах с опознавательными знаками афганской армии. Сотрудники КГБ приняли командование экипажем и десантом. Все были одеты в форму афганской армии, а чтобы в темноте не перепутать своих с солдатами охраны, каждый на рукав и на фуражку нацепил белую ленту.

Дорога к дворцу Амина — горная и устроена так, чтобы на открытую площадку перед дворцом могла выехать только одна машина. Если ее подбить, то она не даст пройти колонне. Что и произошло. Едва мы подошли к дворцу на машинах, охрана открыла огонь, первая машина встала. По нам били из дворца из крупнокалиберных пулеметов. Мы залегли. Руководитель операции полковник КГБ Бояринов кричал и ругался.

На штурм шли только сотрудники КГБ. Орала мы со страху ужасно, все больше матом, что, в сущности, помогло нам не только психологически. Пока перебежали под огнем пулеметов дворцовую площадь, убили двоих, в том числе полковника Бояринова. Когда

ворвались во дворец, поведение афганцев изменилось.

Многие выходили с поднятыми руками и приветствовали нас по-русски. Солдаты из охраны Амина приняли нас поначалу за мятежную часть афганской армии. Многие из них, как потом выяснилось, обучались в десантной школе в Рязани. И услышав, что наступающие ругаются по-русски, сдались как высшей и справедливой силе. Иначе наши потери были бы больше.

Действия свои внутри дворца я помню смутно. Все было как в кошмаре, двигался я механически. Если из комнат не выходили с поднятыми руками, открывал дверь, бросал гранату и бил, не глядя, очередями по комнате и бежал дальше. Помню, какой-то человек метнулся к лифту. Пока закрывались двери, я успел бросить туда гранату.

Когда штурм был окончен, стали искать Амина. Его тело обнаружили в подвале. Голову ему оторвало разрывом гранаты. Он был в халате. В момент нападения, судя по всему, Амин после ванны пил коктейль. Мы так и не смогли выяснить, кто именно убил Амина. Скорее всего, все шло по той же схеме — кинули в дверь гранату, пустили очередь из автомата и убежали». ¹⁴¹

Свою интерпретацию гибели правителя Афганистана предлагают журналисты Д. Гай и В. Снегирев, которые провели самостоятельное расследование. Вот что они пишут:

«Обед проходил в легкой, непринужденной обстановке, тон задавал радушный хозяин. Когда Панджшери, сославшись на предписание врачей, отказался от супа, Амин пошутил: „Наверно, в Москве тебя избаловали кремлевской кухней“. Панджшери принял шутку и еще раз повторил для всех то, что уже рассказывал Амину: советское руководство удовлетворено изложенной им версией смерти Тараки и смены руководства страной. Его визит еще больше укрепил отношения с Москвой, там подтвердили, что СССР окажет Афганистану широкую военную помощь.

Амин торжествующе обвел глазами присутствующих: „Советские дивизии уже на пути сюда. Я вам всегда говорил, что великий сосед не оставит нас в беде. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос: как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи“.

После вторых блюд гости перешли в соседний зал, где был накрыт чайный стол. И тут случилось необъяснимое. Почти одновременно все почувствовали себя худо: их одолевала чудовищная сонливость. Люди падали в кресла и буквально отключались. Напуганная прислуга бросилась вызывать докторов — из советского посольства и центрального военного госпиталя.

Странная болезнь в одночасье поразила всех, кроме Панджшери. Амин не был исключением. Когда приехавшие из советского посольства врачи промыли ему желудок и привели в чувство, он, едва открыв глаза, удивленно спросил: „Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал?“.

Амин еще не знал, что главное ждет его впереди. Почти все гости, пришедшие в себя, разъехались. В 19 часов 30 минут — стало уже темно — несколько страшных взрывов потрясли здание. На дворец был обрушен такой шквал огня, что нечего было и думать о каких-то отдельных террористах. Но что это? Бунт? Измена?

Амин оторвал от подушки тяжелую голову: „Дайте мне автомат“. „В кого ты хочешь стрелять? — спросила его жена. — В советских?“.

Осколки гранаты настигли Амина за стойкой бара, который он с гордостью показывал своим гостям. Через несколько минут к уже бездыханному телу подошел вооруженный человек в военной форме, но без знаков различия, перевернул Амина на спину, достал из своего кармана фотографию. Убедившись в том, что не ошибся, человек без знаков различия

выстрелил в упор...»¹⁴²

При различии в деталях, все сходится в том, что гибель Амина и последовавший за тем государственный переворот были подготовлены при участии Советского Союза.

Лаврин А. П. 1001 смерть. — М.: Ретекс, 1991.

«КРАСНЫЕ БРИГАДЫ» В ДЕЙСТВИИ: ПОХИЩЕНИЕ АЛЬДО МОРО

16 марта 1978 г. на «Фиат-128», в котором ехал председатель национального совета христианско-демократической партии Италии Альдо Моро, было совершено нападение террористов из «Красных бригад». Шофер и охранники премьера были убиты автоматными и пистолетными выстрелами, а сам он похищен. 55 дней Альдо Моро находился в положении заложника.

«5 мая жена Моро получила от мужа прощальное письмо, а в „коммюнике № 9“ террористы сообщили о приведении приговора в исполнение. Теперь известно, как это произошло. Лидер был убит не 5, а 9 мая.

В этот день рано утром в тесный чулан на виа Монтальчино, где тюремщики прятали Моро, вошли двое: „бригадисты“ Просперо Галлилари и Анна Лаура Брагетти. Женщина держала в руках отглаженный костюм, который был на лидере ХДП в момент похищения. Моро оторвался от прощального письма жене и детям, которое ему разрешили написать. Неожиданно Галлилари торжественно объявил, что „по гуманным соображениям“ Моро решили сохранить жизнь. Пленнику предлагают переодеться и даже выдают несколько монет, чтобы он смог, когда его выпустят, позвонить родственникам по телефону. Видимо, это было сказано для того, чтобы Моро и в самом деле поверил в скорое освобождение.

Затем все трое спускаются в подземный гараж. Там их ждал Марио Моретти — один из организаторов похищения. Лидеру ХДП предлагают залезть в открытый багажник красного „рено“. В городе полно полиции, и это необходимая предосторожность, объясняют тюремщики. Моро согласно кивает и послушно лезет в багажник. Его накрывают пледом, а мгновение спустя в грудь пленника впиваются острые жала пуль. Под сводами гаража гулко грохочут выстрелы. Террорист Антонио Саваста — еще один член банды похитителей — садится за руль, и через несколько минут машина с трупом Моро брошена на узкой виа Гаэтани, на равном расстоянии от двух зданий — ЦК итальянской компартии и руководства ХДП».

Лаврин А. П. 1001 смерть. — М.: Ретекс, 1991.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД САДАТА

Мухаммед Анвар Садат был высшим руководителем Египта ровно 11 лет. Его имя, помимо прочего, связано с процессом примирения между Египтом и Израилем, что навлекло на него гнев части арабского мира. Нашлись фанатики-мусульмане, посчитавшие, что должны физически уничтожить Садата.

Ежегодно 6 октября, в день начала октябрьской войны 1973 г, которая закончилась благоприятно для Египта, в Каире готовился военный парад. 1981 год не стал исключением.

Парад начался в 11 часов утра. На центральной трибуне стоял Анвар Садат. Он был одет в высокие коричневые сапоги, голубой с золотым шитьем мундир, через плечо протянута зеленая шелковая лента, на груди красовался орден Звезды Синая. Президент явно выделялся среди своих соратников.

Едва Садат появился на трибуне, как мулла произнес суру из Корана. После этого с речью выступил министр обороны генерал Абу Газаль. Затем Садат собственноручно

---

¹⁴² «Аргументы и факты», 1990, № 44.

возложил венок на могилу Неизвестного солдата и вернулся на трибуну.

Мимо президента ехала военная техника, под треск барабанов и музыку военных оркестров маршировали войска, в небе выписывали фигуры истребители. Садат с удовлетворением курил трубку, вымоченную в лучших сортах коньяка, поглядывая на демонстрацию мощи египетской армии. Он имел основания быть довольным. Парад шел по строго разработанному сценарию. Но тут в замысел режиссеров вмешалась импровизация исполнителей.

Парад близился к завершению, когда у проезжавшего мимо президентской трибуны тягача, видимо, забарахлил двигатель. Тягач несколько раз дернулся и остановился. На него мало кто обратил внимание, потому что в это время над трибунами на высоте 60 метров с оглушающим ревом пронеслась пятерка истребителей «мираж». Из тягача выпрыгнул человек с автоматом. В считанные секунды он подскочил к трибуне и почти в упор выпустил очередь в Садата. еще несколько человек, также выскочившие из тягача, бросили на трибуну гранаты.

Садат упал. После всеобщего замешательства был вызван вертолет и президента увезли в военный госпиталь «Маади». Но спасти президента уже не удалось. От полученных ран он скончался.

Лаврин А. П. 1001 смерть. — М.: Ретекс, 1991.

УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ СВЕАВЭГЕН

До 28 февраля 1986 г. Швеция почти 200 лет не знала покушений на национальных политических деятелей. Последнее убийство такого рода произошло в 1792 году; тогда офицер Анкарстрем убил короля Густава III. Единственное громкое покушение, которое могли вспомнить шведы до убийства председателя социал-демократической рабочей партии, бывшего премьер-министра Швеции Пальме, — это смерть югославского посла в Швеции, которого застрелили хорватские эмигранты в 70-х гг. Вот почему Улоф Пальме, как, впрочем, и другие руководители страны, никогда не пользовался охраной, хотя получал немало писем с угрозами в свой адрес. Но он с традиционным северным хладнокровием игнорировал их, то ли считая эти письма пустым бахвальством, плодом сумасшедшего разума, то ли действительно не боясь смерти. Мало того, что премьер не имел охраны — он частенько ездил на общественном транспорте, доступный не только любому террористу-профессионалу, но и сопливному юнцу, закомплексованному сумасшедшему, пьяному хулигану и тому подобной публике.

В эту несчастливую пятницу 28 февраля 1986 года Улоф Пальме вместе с женой Лисбет отправился в кинотеатр «Гранд», расположенный на центральной улице Стокгольма Свеавэген. Посмотрев фильм, супруги вышли из кинотеатра, обмениваясь впечатлениями, пересекли улицу и направились к метро.

Судя по всему, убийца следил за ними еще до того, как они приехали сюда и ждал их выхода из кинотеатра. Он шел поодаль за ними, сжимая в кармане крупнокалиберный револьвер «Смит-Вессон».

Вечерело. Прохожих на улице было уже мало. Зрители, вышедшие из кинотеатра вместе с четой Пальме, разошлись по сторонам. Убийца выждал, пока супруги дойдут до места, где Свеавэген пересекает Туннельгатан, ускорил шаг и, приблизившись почти вплотную, выхватил револьвер. Один за другим прозвучали несколько выстрелов, направленные в спину премьеру. Одна из пуль пробила аорту, и Пальме рухнул. Кровь хлынула из ран. Потрясенная Лисбет наклонилась над мужем, а убийца бросился бежать по Туннельгатан к крутой лестнице. Там ждала его спасительная тьма лабиринта верхних кварталов.

За пять лет следственные органы так и не смогли установить убийцу. Арестованный по обвинению в убийстве премьер-министра 43-летний Кристофер Петтерссон, за спиной которого длинный список преступлений, был осужден судом первой инстанции, но в

следующем суде оправдан — за недостатком улик. Козырем обвинения было опознание Петтерссона вдовой премьера. Однако этой карты оказалось недостаточно.

В феврале 1991 г. корреспондент газеты «Известия» М. Зубко взял интервью у руководителя следственной группы по делу об убийстве Улофа Пальме полицейского комиссара Ханса Эльвебру. Вот несколько вопросов и ответов из этой беседы.

— Вы возглавляете группу с марта 1988 года, то есть уже три года. Какое впечатление у вас лично складывается — это заговор каких-то темных сил или действия маньяка?

— Мне не хотелось бы связывать себя с какой-либо одной версией, пока не разработаны до конца многие другие. Продолжаем трудиться над всеми.

— А не возникали ли в последнее время новые «горячие следы»?

— Мы стараемся избегать термина «горячий след», потому что он подразумевает, что разгадка рядом, а это, к сожалению, пока не так. Если же говорить о том, получили ли мы новые интересные факты, то тут я могу сказать, что да, получили. И мы над ними работаем.

— В разное время печать Швеции и других государств сообщала как о сенсациях новости о возникновении версий, связанных с зарубежными организациями, например, с охранкой Пиночета, спецслужбами ЮАР, курдскими объединениями, итальянской масонской ложей «П-2»...

— Я мог бы добавить к этому перечню ЦРУ, КГБ и еще кое-кого. Все эти организации фигурировали, но до сих пор нам не удалось найти ни одного человека, которого можно было бы связать с ними. Это касается всех перечисленных организаций.

— Следователи группы много сил потратили на то, чтобы найти револьвер «Смит-Вессон», из которого был застрелен Улоф Пальме. Удалось ли вам его обнаружить?

— Нет, не удалось, хотя мы исследовали десятки вариантов.

Подобный ход следствия привел к тому, что большинство шведов склоняется к мысли, что самое громкое политическое убийство XX века в их стране так и остается не раскрытым.

Лаврин А. П. 1001 смерть. — М.: Ретекс, 1991.

90-е ГОДЫ. ТЕРРОРИЗМ В ЕВРОПЕ

Как сообщает журнал «International Security Review», за последние 20 лет в террористических актах, ответственность за которые взяла на себя Ирландская республиканская армия, погибло в общей сложности более тысячи человек. Тот же показатель, касающийся баскской сепаратистской группировки ЕТА, превышает 500 тысяч. В соответствии с прогнозами специалистов риск погибнуть в террористическом акте для обычного человека, проживающего, в частности, в Западной Европе, все более возрастает.

Термин «терроризм» характеризует, как правило, деятельность подпольных полувоенных организаций, вовлеченных в социальные конфликты средней или низкой интенсивности. Терроризм как метод применяется по отношению к небольшому числу людей, но в то же время он используется и для того, чтобы постоянно держать все общество в состоянии страха.

Располагая соответствующими сведениями, можно количественно через вероятностные показатели охарактеризовать опасность гибели жителя той или иной страны в террористическом акте. По оценкам специалистов, в настоящее время ежегодно в террористических актах гибнет около 5 тысяч человек.

Наибольшее распространение приобрел терроризм в Азии. Ближний Восток, вопреки существующему мнению, не столь сильно подвержен терроризму. Здесь по причине террористических актов гибнет только 7 % человек от общего количества смертных случаев. В Европе из-за террористических актов гибнет 5 %.

Наиболее распространенная тактика, которую используют террористы, — это взрыв бомб. Это связано с тем, что такая тактика позволяет террористам оставаться неуязвимыми. Например, радиоуправляемая бомба может быть взорвана на расстоянии нескольких километров от места нахождения террориста, приводящего ее в действие. Только в 1990 году

из всех совершенных в мире террористических актов 41 % был совершен с помощью тайного подрыва бомбы.

Некоторые террористические акты такого типа имеют поистине чудовищные последствия. Например, в результате взрыва бомбы на борту самолета авиакомпании Pan American, летевшего над Шотландией и упавшего на город Локерби, погибло в общей сложности 269 человек. В связи с этим возникла острейшая проблема разработки эффективных приборов для обнаружения пластиковой взрывчатки, которых до сих пор пока нет.

Взрывы бомб, обстрелы, неожиданные нападения составляют 90 % всех террористических актов. Остальные 10 % приходятся на похищения людей, захват заложников, захват самолетов и вредительство. В 1990 году зарегистрировано только 52 случая похищения людей. Большинство этих актов произошло в Латинской Америке. На Ближнем Востоке зарегистрировано за этот же период пять похищений людей. Наименьшее число жертв террористических актов составляют работники карательных органов государства; это опровергает распространяемые террористами слухи о том, что они якобы являются борцами за свободу.

Терроризм в Ирландии. Ирландская республиканская армия (ИРА) считается наиболее опасной террористической группировкой в Европе. За последние 20 лет было убито свыше 2800 человек в результате конфликта в Северной Ирландии. ИРА ответственна более чем за 60 % из этих смертей. При этом две трети из погибших — гражданские лица, случайно оказавшиеся на месте совершения террористического акта, который был осуществлен способом, опасным для жизни многих людей. Хотя большая часть акций ИРА совершается лишь в нескольких районах Северной Ирландии — Белфасте, Лондондерри и в приграничной полосе с Ирландской Республикой, около десятка терактов было совершено на острове Британия в 1990 году, а большая их часть в Лондоне.

Ряд акций ИРА против англичан был проведен в Европе. Причем некоторые из них оказались так называемыми ошибками, например, в случае с двумя австралийскими туристами, которые были застрелены в Голландии в городе Роермонд в 1990 году.

Другие участники конфликта в Северной Ирландии, такие как Ирландская национальная освободительная армия, Ирландская народная освободительная организация и лоялистские полувоенные формирования типа Борцы за свободу Ольстера и Добровольческие силы Ольстера не представляют такой опасности, как ИРА, и их деятельность ограничивается в основном политическими рамками.

В Англии появилось новое экстремистское движение, которое доставляет неприятности для исследовательских фирм и лабораторий, проводящих опыты над животными, в основном в био-медицинских гражданских или военно-прикладных направлениях. Это экстремистское движение представлено организацией Фронт освобождения животных и ее филиалами, такими как, например, Милиция прав животных. Целью своих террористических акций эти организации избирают специалистов, которые проводят опыты над животными, что, по мнению членов организаций, можно расценить как жестокое обращение с животными. Правда, бомбы, подкладываемые членами этих организаций в автомобили, письма, бандероли и посылки, не обладали большой мощностью и не причиняли серьезного вреда адресатам. Возможно, именно поэтому английское правительство не рассматривает эти организации как террористические и не распространяет на них закон о борьбе с терроризмом.

Организация ЕТА в Испании. Единственной террористической организацией, сравнимой с ИРА по уровню активности, является баскская террористическая организация ЕТА. Ее членами только в Испании было убито более 500 человек, половина из которых гражданские лица. Сейчас ЕТА расширила сферу своей деятельности как в Испании, так и за границей. Кроме баскских провинций и Мадрида, обычных мест действий ЕТА, отмечено растущее число терактов этой организации в Каталонии и Галиции, возможно, при содействии других террористических организаций, таких, как Красная армия освобождения

Каталонии и Партизанская армия свободных галицийских людей — воинственных националистических групп, действующих в других беспокойных провинциях Испании.

6 июля 1990 года ЕТА взяла на себя ответственность за взрыв бомбы перед представительством испанского банка в Амстердаме.

28 мая 1991 года три мощные бомбы взорвались перед испанскими учреждениями в Риме. Представитель ЕТА сообщил, что эти бомбы были взорваны при содействии крайне правой организации Вооруженная фаланга.

Эти акции свидетельствуют о растущей «европеизации» деятельности ЕТА и возникновении и укреплении связей ЕТА с другими террористическими организациями, которые еще несколько лет назад были бы невозможны. Это вызывает растущую озабоченность общественности, особенно в связи с ликвидацией пограничного контроля между странами Европейского сообщества с 1992 года.

Терроризм в Италии. Красные бригады, которые терроризировали Италию в 70-х и 80-х годах, совершая ежегодно до 2 тысяч терактов, в том числе до 40 убийств, в настоящее время уже не существуют в своем первоначальном виде. Последней большой акцией Красных бригад было убийство в апреле 1988 года R. Ruffilli, профессора университета Болоньи и сенатора от христианско-демократической партии.

Бывшие Красные бригады распались на две группировки — Сражающаяся коммунистическая партия и Союз сражающихся коммунистов. Эти две группировки являются наследниками так называемых «милитаристов» и «движенцев» соответственно. Обе эти организации понесли значительные потери вследствие обрушившихся на них многочисленных арестов после убийства R. Ruffilli. Многие из оставшихся активистов этих организаций сейчас живут в Швейцарии и Испании, а большая часть во Франции.

Кроме террористических организаций в настоящее время в течение большей части послевоенных лет наибольшую опасность для бизнесменов и политических деятелей Италии представляют преступные синдикаты. Базирующаяся в Сицилии так называемая мафия представляет собой нечто уникальное. Большая часть этих преступных группировок базируется на юге страны и имеет глубокие корни в местных общинах.

Мафия ответственна за 307 убийств и 4271 вооруженное ограбление за первые шесть месяцев 1990 года.

Так называемая Каморра, базирующаяся в Неаполе, но действующая по всей стране, ответственна за 237 убийств в течение того же периода.

В Калабрии действует Дрангетта, боевики которой совершили 240 убийств за первую половину 1990 года.

Новая преступная группировка NSCU, базирующаяся в Пуглия, совершила за тот же период 95 убийств.

Бизнесмены, которые отказываются регулярно выплачивать мафии определенные суммы денег, честные политические деятели, участвующие в мероприятиях правительства по борьбе с коррупцией, полицейские, не берущие взяток, стали главными объектами террористических актов этих преступных группировок. Многие из них были убиты. Кроме того, похищения людей с различными целями превратились в настоящую эпидемию в некоторых районах Италии.

Терроризм во Франции. По этой стране также прокатилась волна терроризма в 70-х и 80-х годах. Основной террористической группировкой была так называемая организация Прямое действие, некоторые члены которой имели связи с Ирландской национальной освободительной армией, Красными бригадами, Бельгийскими сражающимися коммунистическими ячейками и немецкими фракциями Красной армии. Все эти группы составляли так называемый Антиимпериалистический фронт Западной Европы.

В действительности связи между всеми этими организациями были гораздо слабее, чем тот их уровень, на который претендовали в своих высказываниях их члены или некоторые журналисты. Тем не менее, они снабжали друг друга разведывательной информацией об объектах терактов, оружием и взрывчаткой. В этом смысле, конечно, существовало нечто

такое, что можно было назвать «международный террористический заговор».

Терроризм в Германии. Из всех этих группировок сейчас большую опасность представляет только RAF, хотя в настоящее время она менее активна.

Уже в течение нескольких лет промышленники и банкиры являются объектом пристального интереса RAF. Согласно последнему докладу германской федеральной полиции в особенно опасном положении в этом отношении находится 25 крупных финансистов.

Вскоре после объединения Германии вскрылись связи между RAF и министерством государственной безопасности бывшей ГДР «Штази». Полагают, что сейчас много бывших оперативных работников «Штази» находятся на нелегальном положении в разных частях Германии, располагая достаточным количеством оружия и взрывчатки. По некоторым сведениям, эти люди объединяются в группы. Так, стало известно о создании новой террористической организации «Красный Кулак», которая, как полагают, состоит из бывших оперативных работников «Штази». Есть основание считать, что эта организация намерена провести серию террористических актов с целью сорвать расследование деятельности «Штази» и дестабилизировать новое объединенное германское государство.

После объединения Германии гораздо более активными стали и ультраправые организации. За последние несколько лет значительно возросло их количество. В настоящее время оно сравнялось с числом членов левых экстремистских группировок и составляет примерно 40 тысяч человек. Численность неонацистских группировок сохранялась примерно на одном уровне в течение нескольких последних лет и достигала 1,5–2 тысячи человек.

Обычно в течение года крайне правыми организациями совершается от 75 до 80 серьезных террористических акций. Большинство из них имеют характер хулиганских выходов типа поножовщины (иногда со смертельным исходом) или избиения битами для игры в городки. Нередко такие хулиганствующие группы нападают на иностранцев.

По данным экспертов США, которые были изложены в докладе государственного департамента, изданного в апреле 1991 года, число террористических актов во всем мире продолжает постепенно уменьшаться с 856 случаев в 1988 году до 455 — в 1990 году. Однако авторы статьи считают, что доклад создает обманчивое впечатление и неоправданно успокаивает читателя. К сожалению, в действительности терроризм остается серьезной проблемой для многих стран мира, и вероятность случайной гибели человека в террористическом акте, совершенном как способом, опасным для жизни многих людей, так и другими способами, увеличивается.

International Security Review, 1991, № 71, June, с. 33, 35–37, 39.